

Юрий Нестеренко

Комбинат

© Юрий Нестеренко, 2014

На обложке картина Васи́лия Шульже́нко «Сквер», 1991. Изображение взято с сайта www.anti-glamour.ru

Все в этом романе – правда. Буквальная или символическая. Впрочем, одно с другим переплетено так тесно, что различить их нет ни возможности, ни нужды.

Василию Шульженко – художнику, лучше всех выразившему суть России

– В общем, зря вы полезли в это дело, Николай, – резюмировал главный.

– То есть как это зря?! – Николай Селиванов, не без оснований считавшийся одной из самых ярких звезд московской журналистики, пылал праведным гневом. – Вы же сами дали мне «добро» на Пыхтина и его офшоры!

– Именно так, – устало кивнул главред. – Журналистское расследование: депутат Пыхтин имеет бизнес за рубежом, на который по закону о статусе депутата не имеет права. Да еще и не платит с него налогов. Нам рейтинг, вам премия, ток-шоу на НТВ, в Думе скандал, Пыхтина выгоняют из фракции и намекают ему, чтобы он сдал мандат добровольно. Проводятся довыборы по тридцать второму избирательному округу, на них побеждает понятно кто, и все на этом заканчивается. А вы? Зачем вы полезли копать дальше?

– Да потому что Пыхтин – марионетка! К его рукам и прилипали-то сушие гроши, ну, по их меркам, конечно же. А на самом деле через этот офшор прокачиваются куда большие средства, и занимаются этим структуры, непосредственно связанные с...

– Вы все равно не сможете это доказать, – перебил главред.

– Смогу! Вы же видели ксерокопии документов!

– Ксерокопии, да. И показания анонимных источников. До оригиналов вам все равно не добраться. И ваше счастье, что не добраться.

– В каком это смысле – счастье? – запальчиво воскликнул Селиванов.

– В прямом. Николай, – вздохнул главный, – поймите наконец, сейчас уже не девяностые годы. Это тогда можно было безнаказанно собирать шесть чемоданов компромата на Ельцина... хотя, замечу, сколь безнаказанно, столь же и бесполезно. Да и то – Холодов вон метил куда ниже, а...

– То есть вы предлагаете мне праздновать труса? И нам всем? Сложить лапки из опасения, как бы чего не вышло? Знаете, как у Искандера: на самом деле нет никакого их гипноза – есть только наш страх...

– Николай, – главный перегнулся через стол, понижая голос. – Говорят, что *он* не пожалел даже собственного учителя и друга, который, собственно, и привел его в политику. Я уж не говорю про эту мутную историю со взрывами домов. Вы думаете, он пожалеет вас? У нас и так уже неприятности из-за этой вашей статьи. Мой ловец стрекоз, слишком далеко ты нынче забежал.

Главный всегда обращался к подчиненным на «вы» – что Селиванов, который терпеть не мог начальственного «тыканья», особенно ценил – так что последняя фраза, по всей видимости, была цитатой. Наверняка откуда-то из японской поэзии. Главред был японофилом, причем японофилом-снобом – из тех, для кого не отличающий Басё от Иссы не вправе претендовать на звание цивилизованного человека. Посему первоисточники он обычно не указывал – «каждый культурный человек должен знать...» – но на сей раз снизошел, подчеркивая значение фразы:

– Это Тиё из Кага написала на смерть своего сына.

– Все настолько серьезно? – Николай все-таки сбавил напор.

– Ну а я вам о чем говорю? Значит, так. Вторую часть мы, естественно, опубликовать не

будем. Более того – и по поводу первой дадим опровержение с извинениями. «Наш автор воспользовался непроверенными источниками.»

– Но...

– Я все понимаю. Никаких репрессий с моей стороны не будет, хотя кое-кто там пусть думает, что они последовали.

– Репрессий?! – Николай вновь задохнулся от возмущения. – За то, что я делаю свою работу, и делаю ее хорошо?

– Работу, да. И некоторое время вам лучше делать ее вдаль от Москвы. У меня как раз есть для вас редакционное задание.

– Какое еще задание? – буркнул Селиванов, не предвидя ничего хорошего.

– Поедете в город Красноленинск...

– Господи, ну и название! Это где ж такое?

– Самый центр российской глубинки. Где-то между Волгой и Уралом, кажется... посмотрите потом в интернете. Там загибается некий комбинат... Градообразующее предприятие. Поедете, посмотрите, пообщаетесь с жителями, с работниками комбината... обстоятельно, знаете ли, без спешки... и сделаете об этом репортаж.

– Что еще за комбинат? Что он производит-то хоть?

– Черт его знает, какой-то «ящик». Да это, в общем-то, и неважно...

– Прелесть какая! Почему бы сразу не отправить меня писать гороскопы или репортажи с выставки котят? Или про Пугачеву и Галкина? Что там у нас еще для домохозяек за сорок?

– Николай, – главред терпеливо вздохнул. Селиванов действительно был его звездой, и это оправдывало терпеливость. – Я не могу обеспечить вам охрану или выдать табельное оружие. И уволить тоже не могу. Точнее, могу, но не хочу, и надеюсь, это взаимно... Я предлагаю приемлемый компромисс. Надо бросить им кость, неужели вы не понимаете? Сделать вид, что вы наказаны и понижены до заданий, какие обычно дают стажерам или вообще внештатникам. И заодно убрать вас подальше с их глаз. На самом деле в денежном плане вы ничего не потеряете. И к своим серьезным расследованиям тоже вернетесь... но попозже. Когда уляжется пыль.

– И что я должен написать? – криво усмехнулся Николай. – Статью о том, как проклятые либералы в девяностые развалили ВПК?

– Нет, нет, я не прошу от вас ничего подобного... мы все-таки либеральное издание... Напишите правду, только и всего. О проблемах людей... у них ведь там реальные проблемы, другой работы в городе практически нет, а это все уже не первый год... конечно, и об ошибках реформ тоже можно порассуждать, ведь были же реальные ошибки... но, в общем, на ваше усмотрение. Я верю, что такой блестящий журналист, как вы, сможет сделать хорошую статью даже на таком – да, я не спорю – скучном материале. Конечно, это будет не статья для первой полосы, но...

– Меня там за шпиона не примут? – мрачно осведомился Селиванов. – Вынюхивающего тайны секретного предприятия? Главный секрет которого в том, что оно давно не работает...

– Вообще говоря, с этим сейчас тоже нужно осторожно, – серьезно ответил главный. – Действуйте только открытыми методами, показывайте редакционное удостоверение, в Штирлица играть не нужно... особенно, знаете ли, лазить в дырки в заборах и все такое. Если на комбинате разруха с начала девяностых, такие дырки там наверняка есть...

– Думаю, они там и в восьмидесятых были, – усмехнулся Николай.

– ... но не хотелось бы потом по телефону вызволять вас от местных ФСБшников, – закончил главный. – Не говоря о том, что какой-нибудь озверевший от водки и безделья вохровец может и пальнуть, не разбираясь.

– Ладно, не маленький, – огрызнулся Селиванов. – Напишу я вам про ваш обломок империи. Красноленинский, надо же... небось, еще и краснознаменный...

– Да, он действительно ордена Красного Знамени, если я правильно помню, – невозмутимо подтвердил главред. – Ну вот и хорошо. Зайдите к Тамаре, командировочные получите, как обычно.

Поезд подползал к станции, словно советский школьник – к кабинету стоматолога: петляя из стороны в сторону и всячески оттягивая неизбежное. Моросил безнадежный осенний дождь; когда Селиванов выезжал из Москвы, там, несмотря на третью декаду сентября, еще вовсю сияло и припекало лето, которое даже не хотелось называть «бабьим», однако в этих краях практически на той же широте погода и общий пейзаж скорее напоминали ноябрь. За окнами бесконечно тянулись чахлые рощицы, заросли борщевика и чертополоха, мутные лужи и болотца, утопающие в осенней грязи деревеньки с покосившимися избами – полумертвые или вовсе обезлюдевшие, бурые раскисшие поля (кое-где можно было заметить грузовик или трактор, похоже, давно уже ржавеющий без движения), длинные ряды облупившихся сараев, деревянные и бетонные заборы, исписанные и изрисованные непристойностями (Николай отметил с усмешкой проникновение цивилизации в провинцию – помимо традиционных русских выражений, пару раз ему попало на глаза слово «fuck», правда, написанное с ошибкой, через «а») – и вот, наконец, показался пригорок, увенчанный церковью с обшарпанными стенами, но с явно недавно отреставрированным куполом, и тут же мимо окон нехотя проплыли громоздкие бетонные буквы «КРАСНОЛЕНИНСК». Потянулись ржавые гаражи и первые пятиэтажки. Рельсы разветвились, затем еще и еще раз – скромный райцентр неожиданно оказался довольно-таки крупным железнодорожным узлом. Поезд, однако, еще замедлил ход, словно всех этих рельсов ему было мало, и долго полз вдоль бесконечного товарняка, закрывшего от Николая город. Селиванов подумал, что в эпоху расцвета комбината таких товарняков, привозивших сырье и увозивших тщательно упрятанную готовую продукцию, здесь, наверное, было много. Вероятно, этим и объясняется обилие рельсовых путей. Ныне некоторые из них уже зарастали травой.

Наконец состав миновал голову товарняка и, прогромыхав еще немного вдоль высокого бетонного забора с колючей проволокой поверху, вполз на станцию. Простуженный репродуктор с перрона сообщил, что стоянка поезда – три минуты. Николай взвалил сумку на плечо и, следом за какой-то бабкой в платочке, тащившей одной рукой набитую кошелку, а другой – плаксивую внучку, вышел из осточертевшего вагона под дождь. Перрон был практически пуст – не считая его и бабки с внучкой, в Красноленинске сошло еще, кажется, три или четыре человека со всего поезда.

Пройдя насквозь через обшарпанное, навсегда провонявшее куревом здание вокзала, Николай толкнул массивную дверь с треснутым стеклом и задержался под козырьком, оглядывая из укрытия узкую и длинную привокзальную площадь. Откуда-то отсюда должны ходить автобусы... Ни одного автобуса он, однако, не увидел – равно как и чего-либо похожего на остановку – а увидел лишь пожарную каланчу на противоположной стороне площади, заколоченный магазин слева от нее, длинные торговые ряды справа (несколько особо упорных торговцев маячили под дощатыми навесами, откуда бахромой стекал дождь, но в целом рынок был пуст) да мокнувший на асфальте мусор. Посреди площади торчал памятник понятно кому, указующий в сторону вокзала. «Типа, чего приперлись, садитесь в поезд и катите отсюда», – усмехнулся про себя Селиванов. Если же интерпретировать жест вождя пролетариата согласно сторонам света, то (насколько Николай мог судить в отсутствии солнца) верный путь для товарищей лежал на северо-восток. Перед постаментом догнивал под дождем тощий букетик –

вероятно, дар от местного отделения КПРФ.

Ну да – депрессивная российская провинция. А что он рассчитывал увидеть – Нью-Йорк? (Ему вспомнилась кондиционированная свежесть уютных нью-йоркских автобусов, мягко приседающих на остановках для удобства пассажиров-инвалидов. Сейчас, небось, придется трястись на каком-нибудь воняющем бензином чудовище с изрезанными сиденьями...)

– Такси, командир?

Николай повернул голову. К нему обращался неопределенного возраста мужик в короткой потрепанной кожаной куртке и тренировочных штанах с тремя полосками (в последний раз Селиванов видел такие в каком-то фильме о временах перестройки). Зубы у водителя были редкие и кривые, почти коричневые от табака; спереди не хватало двух, одного сверху и одного снизу. Брился он в последний раз, вероятно, дня два назад. В целом, доверия этот тип не внушал.

– Автобуса ты тут можешь до утра ждать, – сообщил он, по-своему интерпретировав колебания потенциального клиента. – На Ворошилова канаву разрыли, там трубу прорвало. Тебе куда ехать-то?

– Гостиница «Маяк», – сдержанно ответил Николай, не очень понимая, как связаны автобусы и труба (даже если где-то дорога перекрыта из-за ремонта, неужели нельзя пустить транспорт в объезд?)

– «Маяк»? Поехали. Давай сумку, – водила решительно протянул руку к багажу Селиванова.

– Не надо, я сам! – решительно отстранился Николай. – Сколько до «Маяка»?

– Двести рублей, – заломил водитель, нагло глядя на хорошо одетого московского гостя. Вероятно, в его представлении это была запредельная цена.

– Хорошо, – Николай мысленно возблагодарил провинциальную наивность, представляя, сколько пришлось бы отдать водителю где-нибудь на площади Трех вокзалов в Москве. Впрочем, Красноренск и по размерам тоже не Москва, тут, небось, и ехать-то всего ничего... (Никаких карт города в интернете ему найти так и не удалось – вездесущий «Гугл» сюда еще не добрался, не говоря уже о «Яндексе».)

Водитель вышел под дождь и зашагал влево по тротуару. Николай последовал за ним, тщетно высматривая такси.

– Где машина-то? – спросил он наконец, чувствуя, как поутихшая было тревога вновь поднимается холодной волной в животе.

– Ща будет... нам на площади нельзя парковаться, менты гоняют.

– Почему? – удивился Николай. – Разве не логично сделать стоянку рядом с вокзалом?

– Как это почему? Денег хотят. Вон моя машина, пришли почти.

Они подошли к серой «Волге», выглядевшей таким же анахронизмом восьмидесятых, как и адидасовские «треники». Никаких шашечек или, тем паче, логотипов компании на ней не было. Ну да, подумал Николай, классика жанра – «тебе шашечки или ехать?»

Водитель открыл ключом багажник, куда Селиванов сгрузил свою сумку, затем пошел отпирать двери. Забравшись внутрь, Николай поморщился от резкого табачного запаха. Ну да, разумеется – пепельница была тут, полная окурков.

Зато таксометра, само собой, не было.

– Хлопай сильнее, – напутствовал его водитель, – а то замок не закроется... Не, не так, ты со всей дури лупи!

Николай хлопнул дверцей со всей силы, опасаясь, не разобьется ли стекло. Но, похоже, машина была привычна к такому обращению.

– Во, – одобрил водила, – теперь поехали. Да не пристегивайся, – брезгливо добавил он,

глядя, как его пассажир натягивает драный брезентовый ремень, – за это у нас не шмонают. Это даже ментам впадлу.

– Я, собственно, не ради ментов, – пряжка ремня никак не хотела входить в замок, но Николай не оставлял попыток. – Ремни, вообще-то, придуманы для безопасности.

– Да какие опасности, нах, – водила повернул ключ; стартер сипло дергался секунд шесть, но наконец все-таки сделал свое дело. Селиванов обратил внимание на целый иконостас из трех небольших иконок, прилепленный в углу лобового стекла; как видно, заботу о безопасности водила понимал именно таким образом. Ожила магнитола, и стекла завибрировали от «русского шансона»: хриплый голос с блатным надрывом выводил про «окурочек со следами помады». Николай болезненно поморщился:

– Можно потише?

– Чо, не любишь музыку? – водила отъехал от бровки, затем, быстро оглядевшись по сторонам, нахально развернулся через двойную сплошную и покотил в другую сторону.

– Такую – нет, – Селиванов наконец совладал с ремнем.

– А чо, нормальный музон... – не согласился водитель, но громкость все же прибрал. – Вы там чо, в своей Москве – сплошь по консерваториям ходите?

– Ну, не сплошь... лично я классический рок предпочитаю. Led Zeppelin, Queen... А как вы... – Николай сделал над собой усилие, – ты узнал, что я из Москвы? В поезде ж не только москвичи ехали.

– Тоже мне фокус, – хохотнул водитель. – Да вас, московских, за версту видать. А рот раскроете, так и вообще.

– А что – рот? – недоуменно переспросил Николай, думая, что состояние его зубов, конечно, никак не сравнить со стоматологическим кошмаром во рту водителя.

– Да говорите вы прикольно. «Пааталстела паатамушта», – произнес тонким голосом красноленинец, явно пытаясь изобразить московский говор, и тут же сам заржал. Впереди загорелся желтый, и водила выжал газ, надеясь проскочить. Под капотом стрельнуло, но «Волга» все же стала разгоняться, чтобы, как обреченно понял Николай, на максимальной скорости вылететь на перекресток как раз в тот момент, когда загорится красный. Но водитель внезапно передумал и резко дал по тормозам. Шины взвизгнули по мокрому асфальту; Николая мотнуло вперед, и он возблагодарил собственное здравомыслие за то, что пристегнулся.

– Аа, чтоб вас, – проворчал водила, провожая взглядом милицейские «жигули», проследовавшие перпендикулярным курсом. Как видно, это была единственная причина, заставившая его прервать свой маневр. Пока «Волга» стояла на светофоре, он вытащил из кармана мятую пачку и вытянул из нее зубами папиросу. Щелкнула зажигалка – прикуриватель в самой машине, видимо, не работал.

– Можно не курить, пока мы едем? – возмутился Николай.

– Слушай, ты чо как не родной? – рассердился и водитель. – Музон не слушай, курить не кури... это моя машина ваще-то!

– Зато деньги мои, – твердо возразил Селиванов. – На автобусе меня бы, небось, за пятерку довели.

– «Будишь харашо учитца, Гоги, куплю я тебе автобус», – на сей раз красноленинец пародировал грузинский акцент, явно вспомнив какой-то анекдот. – Ладно нах, клиент всегда прав, – он затушил папиросу в пепельнице. – Тебя зовут-то как, москвич? Меня Сашка.

– Николай, – сдержанно произнес Селиванов, думая, до какой степени должен не уважать себя мужчина за сорок, чтобы представляться чуть ли не дворовой кличкой. Впрочем, когда-то на Руси и князья, обращаясь к царю, именовали себя Сашками и Ваньками. Страна рабов, да.

– И как же тебя, Колян, из твоей Москвы в нашу дыру занесло? – поинтересовался

водитель, снова трогаясь с места на зеленый. – В гости, али по делу?

– По делу, – ответил Селиванов и вдруг подумал, что, раз уж он приехал сюда общаться с народом, так не стоит упускать шанс. Так что, проглотив хамского «Коляна», он продолжил уже почти с задумчивой интонацией: – Вообще-то я журналист. Приехал, чтобы помочь вам, написать о ваших проблемах... у вас ведь тут комбинат загибается? И весь город вслед за ним?

– А! Комбинат, – произнес Сашка с непонятной интонацией. – Я там, если хошь знать, сам восемь лет отыщачил. Сразу после путяги туда устроился. Ничо, работа хоть и ночная больше, а платили нормально, пока Ельцин, сука, все не развалил. Ну то есть началось-то при Горбаче еще, но тогда, хоть и работы стало мало совсем, а платили, три четверти жалования выплачивали... а потом совсем труба началась. Начальство уговаривало, мол, потерпите, скоро руководство поменяется, опять все по-прежнему будет... да шас, жди, – он зло махнул рукой. – Мы тоже уже ученые. Плюнул на все, в таксёры ушел. Здесь, конечно, оплата сдельная, как потопаешь, так и полопаешь, но хоть чего-то. Хотя приезжих мало, а местные тоже без зарплаты сидят... Сейчас вот опять всё надеются, на этого нового, как его, Путин?

– Путин, – подтвердил Селиванов. – И не такой уж он и новый, скоро на второй срок пойдет.

– Во-во, – кивнул Сашка, – все они только языком трепать по телевизору... просрали страну, так что уж теперь дергаться... Не, я лучше таксёром.

– Так ты настоящий таксист? Я думал – так, частный извоз на своей машине...

– Не, у нас фирма, – возразил водитель почти что с гордостью. – Машина, правда, и в самом деле своя. Бензин, ремонт – это тоже все за свой счет...

– И клиентов ты сам ищешь, – подхватил Селиванов. – Ну а смысл тогда в этой фирме? Не проще одному работать и с начальством не делиться?

– Одному жизни не дадут, – решительно покачал головой Сашка. – Ни менты, ни конкуренты.

– Крыша, стало быть, – кивнул Николай. – Оформленная в виде легального бизнеса. И почему меня это не удивляет... А на комбинате ты кем работал? Тоже водителем?

– Ну да, грузовик водил. На станцию и обратно.

– Ночью?

– Чаще да.

– Интересно... что там вообще производят-то, на этом комбинате?

– А вот этого я не знаю и знать не хочу, – насупился Сашка. – Меня, если хочешь знать, вообще дальше ворот не пускали. На станции загрузили, довел, поставил машину под разгрузку, сам в курилке тусуюсь, пока не позовут. Позвали, путевой лист закрыли, все – катись, не задерживайся, по сторонам не оглядывайся. А уж что там внутри делают – не моего ума забота. За секретность еще особая надбавка шла. А за разглашение, в случае чего...

– И что, – усмехнулся Николай, – никогда даже соблазна не возникало подглядеть, чем именно тебя загружают?

– Любопытной Варваре знаешь чо оторвали? Сказано же, не мое это дело. Мое дело – в ведомости расписаться и денежку получить. Слушай, – он вдруг бросил на пассажира прищуренный взгляд, – а ты чо меня про это расспрашиваешь, а?

Николай запоздало вспомнил предупреждение главреда и приготовился доказывать, что он не американский шпион. Но мысль краснolenинца развивалась в прямо противоположном направлении:

– Все никак не угомонитесь, да? Уже сколько лет, как я на вас не работаю, а все проверяете, в покое не оставите?

– Да нет же, – оторопел Селиванов, – я на самом деле журналист...

– Ага, журналист... знаем мы, какие вы журналисты... и в журналах ваших расписывались...

– Да я правду тебе говорю! – обиделся Николай. – Я, вообще-то, достаточно известный автор, Николай Селиванов. Купи нашу газету и почитай. У меня, если хочешь знать, у самого с ФСБшниками из-за моих статей проблемы были...

– Ну, может, и так, – не стал спорить Сашка, – а только все равно я ничего лишнего не знаю, а и знал бы – не сказал. Вон твой «Маяк», приехали.

Машина остановилась у подъезда втиснутого между соседними домами серого пятиэтажного здания с большими окнами-витринами на первом этаже. Сквозь затемненные стекла просматривалась кадка с фикусом и несколько пластмассовых кресел вроде тех, что используют в летних уличных кафе, а над двустворчатой дверью красовалась словно вырезанная из пенопласта и стилизованная под небрежную рукопись надпись «Маяк», дополненная плоским изображением самого маяка с облупившейся красной звездой вместо фонаря.

Водитель и пассажир вновь выбрались под морозящий дождь. На улице уже начинало темнеть. Пока Сашка доставал из багажника сумку, Николай, прикрывая кошелек полой куртки, отыскал там две сторублевые бумажки.

– Добавить бы, земляк, – просительно произнес водила, не спеша протянуть руку за деньгами.

– Договаривались на двести, – твердо ответил Селиванов, усмехаясь про себя, как быстро «прикольный москвич» превратился в «земляка», едва речь зашла о финансах.

– Да ты смотри как я тебя вез! Все как твоей душе угодно – ни музыки, ни курева, да еще почитай и интервью тебе дал!

– За интервью, вообще-то, гонораров обычно не платят, – просветил его Николай. – Даже королям.

– Ну правильно, чо им платить, у них и так денег куры не клюют! А рабочему человеку...

– Имей совесть, рабочий человек, – Николай решительно забрал у него сумку и практически впихнул купюры ему в руку. – Думаешь, я не знаю, что ты и так взял с меня больше, чем с местных? Все, спасибо и пока, – он направился к дверям, сопровождаемый неразборчивым бурчанием про московских жлобов.

Пройдя через пустующий холл, где были беспорядочно расставлены те самые кресла и лежали на низких круглых столиках явно не новые журналы, Николай подошел к стойке портье, озаренной несколькими неяркими лампочками на задней деревянной панели. Черноволосая девушка в белой блузке с приколотым бейджиком посмотрела на него выжидательно. Одета, причесана и покрашена она была вполне в стиле своих западных коллег, но улыбаться ее явно не научили.

– Добрый день, – «скорее, вечер», мысленно поправился Николай и полез во внутренний карман за паспортом. – У меня забронирован номер.

Пальцы девушки с невероятно длинными покрашенными ногтями затюкали по клавишам. Николай видел такое не в первый раз и все равно всегда поражался, как с такими ногтями можно работать за компьютером – да и вообще жить, если уж на то пошло.

– Вас нет в базе, – сообщила она наконец.

– То есть как это нет?! – возмутился Николай. – Я бронировал через интернет три дня назад!

– Нет, и все. Может, вы последний «окей» не нажали. Или дату перепутали.

– Девушка, не учите меня работать за компьютером, – закипал Селиванов. – Ничего я не перепутал, и подтверждение от вашего сайта получил! («Надо было его распечатать, блин! Привык к цивилизованному сервису...»)

– Не кричите, мужчина. Что я сделаю, если нету вас? Я за работу сайта не отвечаю, это к сисадмину претензии, а он вообще не здесь сидит...

– Хорошо, – Николай заставил себя успокоиться. – Без брони вы поселить вы меня можете? Прямо сейчас.

– Могу, но это будет на 30% дороже, чем по предварительному бронированию, – сообщила смотрительница «Маяка».

Селиванов выдохнул. Ладно, все равно эти расходы оплачивает бухгалтерия.

– Давайте.

– Вам какой номер?

– Одноместный.

– С ванной?

– А что, у вас тут есть номера без ванны?!

– Только стоячий душ, зато у них окна на улицу. Или с ванной, но окна на задний двор.

«Вот почему обязательно или-или? – подумал Николай. – В России как будто специально кто-то следит за тем, чтобы любой вариант имел свой недостаток!»

– Ладно, я сюда не пейзажами любоваться приехал, – сказал он вслух. К тому же он уже видел «Маяк» со стороны фасада, и никаких роскошных видов оттуда не открывалось – вряд ли задний двор, даже если там нет ничего, кроме глухой стены и мусорных ящиков, мог быть намного хуже. – Давайте с ванной.

Снова защелкали клавиши.

– С ванной нет, – проинформировала его девушка.

– Ну что поделайте, давайте с душем, – «провались оно все», добавил Николай мысленно.

После целого дня в грязном поезде и этого мерзкого промозглого дождя на улице полежать в теплой ванне было бы самое то.

Клик-клик-клик.

– С душем тоже нет.

– Да вы издеваетесь, что ли? Что у вас вообще есть?!

– Одноместных свободных вообще нет. Точнее, остался двенадцатый, но там унитаз не работает. Вызвали сантехника, третий день ждем. Может, завтра уже починят. А пока в туалет в коридоре ходить можно...

– Нет уж, спасибо!

– Ну тогда только двухместные. Но это будет в четыре с половиной раза дороже.

– Почему в четыре...?

– Потому что люксы.

– Мне не нужен люкс! Дайте мне обычный двухместный номер!

– Двухместные остались только люксы.

– Слушайте, девушка, – вздохнул Николай, – не морочьте мне голову. Кого вы пытаетесь развести на бабки? Ваш город явно не задыхается от притока туристов. Не может быть, чтобы в пятиэтажной гостинице не было свободных номеров!

– Я вам говорю то, что есть! К тому же выше третьего отопление не работает, там стояк забился...

– ... а слесаря вы уже три дня ждете, – ядовито закончил Селиванов. – Ладно, мне этот цирк надоел. Позовите администратора.

– Если она еще домой не ушла.

– В ваших же интересах, чтобы не ушла, – осклабился Николай.

Девушка нехотя поднялась и, одарив его взглядом оскорбленной добродетели, удалилась в полутемный проход за стойкой налево.

Николай ждал, понимая, что пока что не добился никакой победы. Арон Михалыч, зубр журналистики, служивший в газете еще с брежневской поры, рассказывал, что в те времена «корочки» столичного журналиста были изрядной силой. Само собой, ни о какой системной и идеологически невыдержанной критике в те годы не могло быть и речи, писать о недостатках дозволялось только в стиле «кто-то кое-где у нас порой», и партийная элита была строго неприкасаемой – но все же корреспондентов московских газет побаивались даже иные провинциальные секретари райкомов, а уж всевозможные директора магазинов и ресторанов, начальники жилконтор и администраторы гостиниц и вовсе были основной добычей «акул пера» – добычей, охота на которую не только позволялась, но и поощрялась – и при виде редакционного удостоверения с известным всей стране логотипом чуть ли не вставляли навытяжку. Теперь же разгромным фельетоном о гостинице в провинциальном городе N не то что никого не напугаешь – такую ерунду и печатать-то в столичном издании никто не станет. «Рекламодателям это неинтересно.»

И вот что теперь делать, если администраторша окажется ничем не лучше своей подчиненной? Искать на ночь глядя другую гостиницу? Сашка уже, конечно, давно уехал. Ловить под дождем другую машину? Хотя уж такси из этой чертовой гостиницы, наверное, можно вызвать... На грабительский люкс Николай, уверенный, что его «разводят», не желал соглашаться из принципа.

Заокали каблук, и из прохода слева вышла новая женщина. Явно за тридцать, густые русые волосы, кажется, даже заплетенные в косу, никакой косметики – во всяком случае, заметной глазу постороннего. У Николая мелькнула невольная мысль, что это и есть то, что называют неброской русской красотой. Черты лица правильные, но без всякой «ослепительности» и «сексапильности» – и, тем не менее, это лицо располагало к себе куда больше, чем целлулоидные маски всяких мисс-чего-то-там и кукольные личики офисных работниц и сотрудниц PR-отделов. Женщина выглядела усталой, но без того непереносимого оттенка раздражения «вас-много-а-я-одна», что отличает российских служащих в любую эпоху.

При взгляде на нее копившееся раздражение Николая тоже несколько улеглось – тем не менее, отступаться от своей правоты и «входить в положение» он тоже не собирался. Спокойно, но твердо он изложил ситуацию.

– Мне очень жаль, – сказала администратор (голос у нее тоже был довольно приятный, хотя и чуть низковатый, на вкус Селиванова), – недавно поставили эту компьютерную систему, действительно, бывают сбои... да еще как раз три дня назад у нас тут перебои со светом были, не только в гостинице, во всем районе. Оборудование на подстанции такое же изношенное, как и наша сантехника, – она виновата улыбнулась, – а денег на ремонт не выделяют... Но если ваша бронь действительно потерялась, то, боюсь, подходящих вам номеров и в самом деле может не быть – разве что на пару дней, а дальше там все плотно забронировано... Вам на сколько нужно?

– Пока точно не знаю. На неделю или больше, – Николай не думал, что дурацкая статья про комбинат потребует столько времени, но помнил настоятельный совет главного не торопиться с возвращением в Москву. Фактически это скорее оплачиваемый отпуск, чем реальная журналистская командировка, хотя, конечно, по своей воле он не стал бы проводить отпуск в такой дыре.

– Это сложно, – покачала головой женщина. – Я понимаю, насколько для вас это неудобно, но... я, конечно, посмотрю еще раз, что можно сделать... – она взяла его паспорт и присела к компьютеру. Ее пальцы – без всяких кровавых когтей, как с удовлетворением отметил Николай – побежали по клавишам. – Селиванов Николай Анатольевич... Ой, – она снова подняла на него глаза, – вы же журналист, верно? Из... – она назвала газету.

– Да, – кивнул Николай, не то чтобы польщенный, но довольный.

– То-то я смотрю, откуда мне ваше лицо знакомо! – оживилась администратор. Персональная колонка Селиванова в газете всегда предварялась маленькой фотографией, правда, незнакомые люди узнавали его редко. – А я вас регулярно читаю, можно сказать, ваша поклонница! Здорово вы пишете, хлестко, и смело так, я бы так ни за что не решилась.. и язык у вас хороший, сейчас это редкость...

– Так что там насчет номера? – поторопил Николай.

Женщина еще раз взглянула на экран и сокрушенно покачала головой: – Увы. На два дня могу поселить в одноместный, а дальше... только если кто-нибудь бронь отменит. Но за два дня вы себе что-нибудь найдете...

– И что тут у вас можно найти? Я вообще не хочу прыгать с места на место. Уж если мне нужна другая гостиница, то лучше я туда поеду прямо сейчас.

– Да в общем-то вариантов немного, – признала администратор, задумчиво покусывая нижнюю губу. – Есть гостиница «Октябрьская», но это совершеннейшая дыра, бывшее общежитие комбината... там даже туалетов в номерах нет, только общие в коридоре... (Николай сделал было мысленную стойку на слово «комбинат», но тут же решил, что даже близость к объекту исследования не стоит таких жертв.) Была «Комсомольская», но уже два года как закрылась. Еще бывший пионерлагерь, сейчас турбаза, там в несезон можно очень дешево, но это за городом, вам без машины неудобно... А знаете что? – она вновь оживилась. – У моей бабушки свой дом деревянный, пустой почти, она там одна живет, так она вам охотно сдаст задешево совсем. Еще и готовить вам будет! Ну и вы, может, когда чем поможете старому человеку...

– Дров нарубить, воды натаскать? – усмехнулся Николай. Деревенские идиллии его не прельщали.

– Нет, водопровод там есть, как положено. В восьмидесятом еще провели, как соседние дома построили. И газ есть, из баллона, правда, но только-только новый поставили.

– Но это же за городом? А мне, как вы верно заметили...

– Нет-нет, это улица Ударников, 37! Ближе к окраине, конечно, но у нас ведь тут не Москва. Город маленький, все рядом.

– Но интернета у бабушки точно нет.

– Увы, – покачала головой женщина, – с этим у нас в городе вообще плохо. Вот даже здесь в гостинице служебный только есть, а в номерах нет, даже в люксах... Но сотовый у бабушки хорошо берет, «Билайн» по крайней мере. У вас какой оператор?

– Он самый, – кивнул Николай. – Ну допустим, а добраться туда как?

– Автобус ходит, но отсюда надо с пересадкой... А знаете что? У меня через полчаса смена кончается, так если вы не очень торопитесь, подождите, я вас отвезу. Да, на самом деле, даже и быстрее наверное выйдет, чем автобусов ждать. А пока тут посидите, журналы полистайте.

Николай окинул ее оценивающим взглядом. Так старается загладить вину за глюки своего компьютера? Или «одинокая женщина желает познакомиться»? Обручального кольца, кстати, нет... Для провинциальной Золушки не первой уже молодости модный столичный журналист и в самом деле должен выглядеть принцем в сияющих доспехах. Или нет, в доспехах – рыцарь, а принц – на белом коне... Ну да какая разница. Даже если она всего лишь хочет, чтобы деньги постояльца ушли не владельцу гостиницы, а ее собственной бабке – почему бы и не принять помощь, которая пойдет ему только на пользу. Раз уж он приехал общаться с народом...

– Хорошо, – кивнул Николай, забрал свой паспорт и направился к ближайшему пластмассовому стулу, столь очевидно неуместному в гостиничном холле. Здесь должны стоять мягкие кожаные кресла с пухлыми валиками подлокотников, а не этот садовый инвентарь...

неужели у нее не хватает вкуса это понять? Или и впрямь финансовые дела гостиницы так плохи? Несмотря на отсутствие свободных номеров, в этокое-то время и в этой дыре... странно все это...

Журналы и в самом деле оказались старьем – некоторые еще прошлого тысячелетия. По большей части это был гламурный «глянец», который Николай сразу же брезгливо откладывал в сторону. Местных изданий не было, даже областных – только столичные. Наконец Селиванов отыскал потрепанный номер «Вокруг света» и принялся неторопливо листать его. Его заинтересовала большая статья о древнем городе кхмеров в джунглях; Николай не раз летал в Европу и Америку, а вот в Юго-восточной Азии не бывал ни в командировке, ни в отпуске, и порою думал, что надо бы ликвидировать этот пробел. Он уже дочитывал, когда у него над ухом раздалось: «Ну, поехали?»

Он поднял голову и отложил журнал. Администратор («надо уже, наверное, узнать, как ее зовут») стояла над ним, уже одетая в простое темно-красное пальто и вязаную шапочку, из-под которой и в самом деле выбивалась коса. Станным образом этот наряд, который явно не произвел бы впечатления на московских модниц, делал ее моложе – издали или при плохом зрении ее, пожалуй, можно было принять за совсем юную девушку.

Николай поднялся, застегивая куртку, подхватил сумку, и они вышли на улицу, где было уже совсем темно.

Именно это «совсем» вновь вызвало у него прилив дискомфорта. То есть окна в домах светились (правда, более редкие, чем можно было ожидать в этот еще не слишком поздний час), но ни один фонарь на улице не горел. Николай спросил об этом свою спутницу.

– А, это у нас все время так. Воруют и на металлолом сдают.

– Что воруют? – не понял Селиванов.

– А все, что можно сдать, воруют. Провода, трансформаторы... иногда даже светофоры и дорожные знаки.

– И что, неужели их током не убивает?

– Как не убивать, убивает. Вот на прошлой неделе только случай был... А куда деваться?

Работы нет, денег нет. Жить на что-то надо.

– Вы что же – их оправдываете? – возмутился Николай.

– Не оправдываю, конечно... но понимаю. Вот моя машина.

Они подошли к старенькому «жигуленку», припаркованному аккуратно под знаком «Стоянка запрещена». Вообще, как успел заметить Селиванов, машин на улицах Красноленинска было не так уж мало, но среди них практически не было иномарок – все больше классические изделия советско-российского автопрома, что вновь заставляло Николая чувствовать себя провалившимся куда-то в восьмидесятые годы.

– Не штрафуют? – с усмешкой кивнул он на знак. Впрочем, такое он постоянно видел и в Москве.

– Все равно больше встать некуда.

– Почему у гостиницы нет парковки?

– Так тут же все в советские времена строили. Тогда машин почти ни у кого не было. Автобусной остановки хватало. А сейчас, чтобы парковку сделать, надо пол-улицы сносить.

Прежде, чем сесть в машину, Николай не удержался и оглянулся на «Маяк». На фасаде гостиницы светилось лишь два окна. «Мест нет», гм...

– Меня, кстати, Светланой зовут, – сообщила женщина, заводя мотор. Николай мысленно кивнул: в его представлении Светланы и Елены должны были быть блондинками, а Натальи и Ольги – брюнетками, хотя никакой рациональной базы он под это не подводил и во всякие глупости типа «влияние имени на судьбу» тем более не верил. Он автоматически открыл было

рот, чтобы представиться в ответ, но тут же вспомнил, что она уже знает его имя. Произносить пошлое «очень приятно» он тоже не захотел. Пока что никакой особой приятности он не испытывал – как, впрочем, и с самого начала всей этой дурацкой командировки в тоскливую российскую глушь. Пусть Светлана выглядит во всех отношениях симпатичнее его предыдущего водителя, но пока что она лишь везет его вместо нормального гостиничного номера – если предположить, что здесь такие вообще есть – в какую-то сомнительную хибару в частном секторе. Радоваться преждевременно, и расслабляться тоже.

– А к нам вы по газетным делам? – спросила Светлана, не дождавшись от него никакой реплики, и тут же перебила себя: – Ой, что ж я спрашиваю. Ясное дело, не в гости и не в отпуск. Вы отпуск, небось, на Канарах проводите...

– Да нет... был я там, правда, один раз, разнюхивал про недвижимость одного типа – но сами острова ничего, в общем-то, особенного. Это здесь из них какой-то фетиш сделали – Канары, Канары... Я, как это ни пошло, предпочитаю банальный Шарм-аль-Шейх. Там дайвинг классный. Лучшие места в плане дайвинга – это Красное море и Большой барьерный риф... но в Австралию я пока не добрался. Вот, думаю, может, этой зимой – там как раз лето будет... А к вам да, по заданию. О комбинате вашем писать.

– А чего о нем писать, – Светлана словно даже нахихлилась за рулем, невольно втянув голову в плечи.

– Ну как? У вас же чуть ли не весь город на нем работал?

– Работал, да. Мать моя работала. Умерла в пятьдесят четыре года.

– Вредное производство?

– Вредное. Лучше от него подальше держаться.

– Интересно, – Николай и в самом деле впервые почувствовал что-то, похожее на интерес. – Выбросы? Химия? Радиация?

– Говорила, мол, я-то уж все равно жизнь свою положу, а ты только учишь, чтобы и тебе не пришлось на комбинат идти, – сказала Светлана вместо ответа на его вопрос, очевидно, имея в виду свою мать. – Ну вот выучилась я... в области... на инженера-гидролога, там конкурс маленький был. Хотя мечтала о театральном, но даже пробовать не решилась. Мать бы меня со свету сжила. «Ты что, они же там все проститутки, только через постель роли и получают...» А кому сейчас нужны инженеры-гидрологи, да еще и женщины? Мужика бы, может, еще и взяли. Вот хорошо хоть в гостиницу удалось устроиться... бывший мамин начальник помог... Радоваться надо, – радости в ее голосе, однако, не чувствовалось, и после короткой паузы Светлана добавила, словно убеждая себя: – Да и наверняка бы я в театральный не поступила. А если бы и поступила, что бы меня – во МХАТ взяли? В лучшем случае – в областной ТЮЗ, зайчиков и белочек играть...

– Откуда вы знаете? – произнес Николай резче, чем хотел; эта вечно-бабья русская покорность судьбе, готовность сдаваться без борьбы, всегда его раздражала. – Вы ведь даже не пытались воплотить свою мечту.

– Вам легко говорить, – вздохнула Светлана, – вы москвич.

– Это ничего не значит. Все зависит от самого человека.

– Вот пожил бы вы в таком месте, как это, узнали бы, значит или нет.

– Слушайте, – Николай припомнил царапнувшую его внимание деталь, – а эта ваша гостиница – она что, ведомственная? При комбинате?

– С чего вы взяли?

– Ну как, вам же помог туда устроиться комбинатский начальник.

– Да у нас в городе все так или иначе с комбинатом связано...

– И все, конечно, хотят, чтобы он вновь заработал на полную мощность. Несмотря на

вредность.

– Хотя.

– И вы хотите?

Светлана долго молчала.

– Кому есть дело до того, что я хочу, – сказала она наконец.

– Допустим, мне есть дело.

Она бросила на него быстрый взгляд, который, вероятно, был бы долгим, если бы не необходимость следить за дорогой.

– Правда?

– Ну я же говорю – я статью пишу, – он предпочел не заметить подтекст. – Мне интересно мнение жителей города. Если хотите, могу не называть вашего имени. Обозначить вас, скажем, «Татьяна С.»

– Ужель та самая Татьяна, – улыбнулась Светлана. – А почему не Ольга?

– Нет, Ольга должна быть брюнеткой, – серьезно возразил Николай.

На сей раз она рассмеялась.

– У меня была школьная подруга Ольга, – поведала она. – Представьте себе, брюнетка. Выросла, стала краситься. Так вот ей совершенно не идет.

– Угу – «зачем блондинки красят корни волос в черный цвет», – усмехнулся Селиванов. – Так вы не ответили на мой вопрос. Что вы думаете о комбинате?

– Ничего я о нем не думаю, – произнесла она уже с раздражением. – Хотите, вас с Аркадием Семенычем познакомлю, он у нас местный краевед-любитель. Вот его и расспрашивайте.

– Отчего ж нет, познакомьте. Краевед мне нужен. А то я про ваш город даже в интернете ничего толком найти не смог. Как будто его вообще нет...

Светлана что-то буркнула под нос. Селиванов не был уверен, действительно ли он услышал «лучше бы не было».

– Что вы сказали?

– Говорю, завтра позвоню ему, или даже сегодня вечером. А потом вам перезвоню. У вас какой телефон?

Николай слезил в карман за визиткой и протянул ей карточку. Светлана остановила машину, внимательно посмотрела на визитку, затем опустила ее в карман пальто.

– Приехали, – сообщила она.

Николай с удивлением посмотрел в окно. Во время разговора он не особо обращал внимание на окружающий пейзаж – тем более что сквозь усеянные каплями дождя боковые стекла трудно было что-то разглядеть в темноте – но все же по мельканию городских огней у него не сложилось впечатления, что они въехали в район малоэтажной застройки. Действительно, впереди справа маячил восьмиэтажный панельный дом явно советской постройки, позади, как увидел Селиванов, оглянувшись – еще один такой же. А посередине между ними – чуть впереди от того места, где остановилась машина – как ни в чем не бывало, располагалась совершенно классическая деревенская изба, разве что без сада-огорода. На углу сруба красовался номер – ржавый полукруг, по периметру которого изгибалось уже с трудом различимое «ул. Ударников», а в центре более отчетливо чернели крупные цифры «37». В первый момент выбравшемуся из машины Николаю здание показалось совершенно темным, но затем он понял, что в паре окон сквозь плотные занавески все же сочится слабый свет.

Он подождал, втягивая голову в воротник куртки под дождем, пока Светлана закроет машину, и следом за ней поднялся на крыльцо. На стук в дверь (звонок здесь, похоже, отсутствовал) им открыли почти сразу – очевидно, Светлана успела предупредить бабушку по

телефону, и та ждала гостей.

Старушка выглядела так, как Селиванов и ожидал – явно не моложе восьмидесяти, невысокая, сухонькая, слегка сгорбленная, с собранным в сеточку мелких морщин лицом, словом, типичная бабка, доживающая свой век в какой-нибудь вымирающей русской деревне. Только в данном случае деревня, а точнее, каким-то образом уцелевшая от нее изба, располагалась прямо посреди города (хотя, если бы Николаю прежде доводилось чаще бывать в российской провинции, он не нашел бы в этом ничего удивительного). Воображение, правда, упорно подсказывало Селиванову еще белый платок на голове, но платка не было; вместо него старуха кутала свое иссохшее тельце в большую серую шаль. Двигалась она, впрочем, все еще довольно бойко для своего возраста, и Селиванов мысленно вздохнул с облегчением – ему совсем не хотелось оказаться в положении санитаря дома престарелых. Он поздоровался.

– Здравствуйте, – откликнулась старуха, пришепывая из-за некачественного зубного протеза. – Я Алевтина Федоровна. А вы, значит, Николай Алексеевич?

– Анатолевич, – поправил Селиванов, – но можно просто Николай, – впрочем, это обстоятельное обращение по имени-отчеству, пусть и неправильному, но грамотно произнесенному, а не перекореженному в «Ляксеича», ему понравилось: он вообще опасался, что его с первой же минуты будут звать «милок» и на «ты».

– Вы проходите, проходите, что в такую погоду на улице стоять. И ты, Светочка, заходи. У меня как раз ужин готов, а вы, небось, оба голодные.

– Ужин – это хорошо, но прежде я бы хотел посмотреть комнату и оговорить хозяйственные вопросы, – твердо возразил Николай.

– Вон там комната, – она пошла по коридору. Николай покосился на чистые, крашенные темно-малиновой краской доски пола, явно холодные в такую пору, затем на свои ботинки – разуваться не хотелось, но и топтать по этому полу, оставляя мокрые и грязные следы, было бы свинством – и, стянув все-таки обувь, но оставшись в куртке, поспешил следом. Светлана тем временем снимала в передней свое пальто.

Комната тоже, в общем, вполне соответствовала ожиданиям Николая. Древняя железная кровать с шишечками, аккуратно забранная лоскутным одеялом с пирамидальной горкой подушек («вот зачем?!» – всегда с раздражением думал Селиванов, если ему доводилось видеть подобную подушечную конструкцию), выцветшие обои в цветочек, на стене над кроватью – плохая репродукция картины «Дети, бегущие от грозы», какие-то полочки (на одной – овальное зеркальце, на другой – ваза с искусственными цветами, хорошо хоть не фарфоровые кошечки, хотя таковые, вполне возможно, стояли здесь раньше), доисторический платяной шкаф (Николаю сразу представилось, как должны скрипеть его дверцы), между шкафом и дверью – деревянный стул с круглым жестким сиденьем и выгнутой спинкой, через которую переброшено было сложенное покрывало, в изголовье кровати – нечто среднее между маленьким столиком и большой тумбочкой с выдвижными ящиками (на это сооружение была водружена громоздко-уродливая черная настольная лампа, основание которой обматывал почему-то выдернутый из розетки провод), в углу напротив – пузатый советский телевизор без дистанционного пульта, зачем-то накрытый вышитой салфеткой с бахромой. Не гостиничный номер, конечно, даже и средней паршивости (во всяком случае, если исходить из того представления о паршивости, которое имел Николай), но в целом могло быть и хуже.

– И сколько вы за это хотите? – осведомился Селиванов.

– Сто рублей в день не много будет? – заискивающе улыбнулась старушка и поспешно добавила: – Это вместе с кормежкой.

Николай смотрел на нее, не веря своим ушам. Чуть больше трех долларов в день, да еще и с полным пансионом?! Эта бабка хоть бы у внучки спросила, сколько стоит даже самый

плохой гостиничный номер! Если бы он нуждался в экономии средств, то, конечно, согласился бы не раздумывая. Но, поскольку он мог позволить себе куда большие траты, даже если бы их не оплачивала редакция, то именно что задумался, нет ли здесь какого-то подвоха? Что, если эта милая старушенция потом обвинит его, скажем, в краже? Или хотя бы в неумышленном нанесении имущественного вреда путем разбития любимой фарфоровой кошечки 1927 года выпуска, производства артели «Красный нэпман», всего три сохранившихся экземпляра, два во Всемирном Музее Пошлости и Кича, один здесь...

– Я бы так много не просила, – заторопилась бабка, по-своему истолковав его молчание, – но ведь хозяйство денег требует, а цены растут, раньше хоть огородик свой был, а теперь бесполезно – все воруют подчистую, и забор ломают, приходится в магазине покупать...

– Ладно, ладно, – прервал этот поток слов Николай. – Вы мне только скажите, туалет у вас тут где? Надеюсь, не на улице?

– Нет-нет, все в доме! Я вам покажу...

Санузел, помимо унитаза с расположенным чуть ли не под потолком бачком, содержал еще древнюю чугунную ванну на гнутых ножках, с душевой головкой на гибком резиновом шланге без возможности повесить на стену (впрочем, если бы такая возможность была, вода залила бы весь пол – никаких занавесок вокруг ванны не было) – но с последним обстоятельством Николай решил примириться. В конце концов, это лишь на несколько дней... Порывшись в кошельке и не найдя больше мелких купюр, он протянул старухе сразу пятьсот рублей, чем, похоже, сделал ее совершенно счастливой – на плату вперед она явно не надеялась.

– Только, пожалуйста, напишите мне расписку в получении, – попросил Николай, несколько сбив ее восторг, и прежде, чем морщины старухи окончательно сложились в гримасу обиженной добродетели, добавил: – Мне это нужно для бухгалтерии.

Буркнув «конечно, сейчас», Алевтина Федоровна вышла и вскоре вернулась с половиной тетрадного листка в клеточку, на котором было написано требуемое. Пробежав глазами расписку, Николай обратил внимание на неожиданно ровный и красивый почерк старухи, с длинными затейливыми хвостиками в и у, похожими на завитки скрипичного ключа; он-то ожидал увидеть каракули, нацарапанные, словно курица лапой. Попутно он узнал фамилию хозяйки – Безрукова. Селиванов кивнул и спрятал расписку в карман; старуха вручила ему ключ от входной двери, попросив при уходе «проверить, что закрылось», и снова вышла, напомнив, что ждет его с ужином на кухне. Николай отыскал-таки в недрах сумки синие резиновые шлепанцы, вымыл руки в умывальнике, подобный которому видел лишь в детстве на иллюстрациях к «Мойдодыру», и, оставив вещи в «своей» комнате (предположение насчет скрипучести шкафа полностью оправдалось), наконец проследовал на кухню, где уже всю хозяйничала Светлана, нарезаая толстый пучок зеленого лука на влажной разделочной доске.

Ужин не отличался особой изысканностью – вареная картошка с курицей, соленые огурцы из банки, квашеная капуста, толстые ломти ноздреватого черного хлеба – но Николай почувствовал, что и впрямь изрядно проголодался, и не привередничал. Старуха, видя его здоровый аппетит, умильно приговаривала «кушайте-кушайте» – словно он был стеснительным нищим родственником, приехавшим из какой-то голодной дыры в богатый дом. Светлана ела не то чтобы вовсе без аппетита, но этак... вежливо, аккуратно отправляя в рот маленькие кусочки, и отказалась от предложенной добавки, по поводу чего старуха не преминула заметить: «Светочка у нас сама прекрасно готовит, что ей бабкина стряпня!»

– Да ладно тебе, бабушка, не прибедняйся! – шутливо отмахнулась Светлана. – Просто надо же и фигуру беречь.

– А и то верно, – охотно подхватила Алевтина Федоровна, – такую фигурку грех не беречь! – и бросила лукавый взгляд на гостя.

Николай, обгладывая куриную ножку, усмехнулся про себя этим нехитрым уловкам. Если его и впрямь сюда заманили, то, похоже, скорее с матримониальной целью, чем с коммерческой... Впрочем, так наивна, наверное, только бабка. Светлана, пусть и провинциалка, должна лучше понимать современную жизнь, где максимум, что ей может светить от столичного гостя – это разовый перепах без обязательств и продолжений. И здесь она не живет, это совершенно точно. В доме, как успел заметить Николай, имелась еще пара свободных комнат, но старуха определенно жила тут одна, как ему и сказали. В ванной комнате – ни лишней зубной щетки, ни других деталей, указывающих на присутствие молодой женщины...

– Ну ладно, спасибо, бабушка, а мне домой пора, – Светлана, словно почуяв его мысли, поднялась из-за стола.

– Да, вот еще что, – вспомнил Николай, повернувшись к ней, – у вас в гостинице я не заметил стенда с буклетами для туристов...

– У нас не туристический город, – развела руками женщина.

– Но хоть телефонный справочник-то есть? Я привык все находить в интернете, но здесь, похоже... Может, у вас, Алевтина Федоровна?

– Есть, как не быть, – ответила старуха, – телефона вот нет, так и не провели за все годы, а теперь уж, как видно, и не будет... раньше в будку за полквартила ходить приходилось, а теперь вот Светочка мобильный подарила, а будку разбили всю, там теперь только провод оборванный болтается... а справочник есть, старый правда, ну да у нас в городе редко что меняется...

– Только номеров комбината вы там не найдете, – вмешалась Светлана.

– М-да? Признаться, они-то мне в первую очередь и нужны. Хочу договориться об интервью с директором, или, на худой конец, кто там у них по связям с общественностью...

– Никого. Общественности про комбинат знать вообще не надо.

– Это как же, интересно? – усмехнулся Николай. – Ходить вокруг забора и делать вид, что его здесь нет? Когда на нем весь город держится?

Светлана пожала плечами с видом «а что вы от них хотели – неужели здравого смысла?»

– Но ведь работники комбината эти телефоны знают? – Селиванову уже представилось, как он идет к вокзалу с бутылкой водки и отыскивает там того же Сашку, чтобы совершить взаимовыгодный обмен. Хотя, наверное, даже не надо идти так далеко – достаточно зайти в любую местную рюмочную, и какой-нибудь комбинатский там отыщется. «Куда еще податься рабочему человеку после смены», а особенно – вместо таковой...

– Не выше положенного им уровня, – оборвала его надежды Светлана. – Ну, дозвонитесь вы в какую-нибудь котельную, или даже в бухгалтерию – что дальше? Да и там с вами разговаривать не будут, раз у вас нет допуска...

– А начальник вашей матери, о котором вы говорили? Через него можно выйти на связь с вышестоящим начальством? Я ведь не собираюсь выпрашивать и тем более публиковать никакие военные тайны. Просто поговорить о социально-бытовых аспектах... как сложное положение комбината влияет на жизнь города...

– Славест Владимирович давно на пенсии, – с сомнение произнесла Светлана, – но я попробую...

– Как вы сказали? – переспросил Николай. – Словес?

– Славест. Так уж его назвали. «Слава великому Сталину.»

– Аа, ну ясно... Нет, ну что родители идиоты – понятно, но вот чего я никогда не мог понять, так это людей, которые потом с таким именем всю жизнь живут!

– Напрасно вы людей обижаете, Николай, – поджала вдруг губы Алевтина Федоровна. – Тем более, чужих родителей. Вы тогда не жили и не знаете, на что приходилось идти, чтобы себя и своих близких спасти.

– И что – помогло? – ядовито осведомился Селиванов.

– Нет, – вздохнула старуха, – его отца в тридцать восьмом расстреляли, а через год забрали мать, как жену изменника Родины, она тоже так там и сгинула... Славест в детдоме вырос.

– И всю жизнь носит имя, прославляющее убийцу его родителей! – возмущению Николая не было предела.

– А что было делать? Идти в ЗАГС и говорить «не хочу носить имя великого Сталина»?

– Ну ладно, допустим, до пятьдесят шестого он боялся менять – но после-то?!

– А что пятьдесят шестой? Нешто за пятьдесят шестым опять тридцать восьмой прийти не может? Кто через этот страх прошел, тот потом всю жизнь...

– Угу, – Николай знал, что журналист должен контролировать эмоции, но не мог и не хотел сдерживаться. – И тогда тряслись, и всю жизнь трясутся. Каждый день тупо ждали, когда их погонят на бойню. Унижались, пресмыкались, называли детей ублюдочными кличками, аплодировали до упаду в буквальном смысле, зная, что первого, кто остановится, арестуют, выступали на собраниях, требуя еще больше расстрелов. Строчили друг на друга доносы, боясь, что другой успеет раньше, предавали друзей, отрекались от детей и родителей. Миллионами. Постоянно. По всей стране. Да если бы каждый из этих миллионов взял нож, топор, лопату, хотя бы даже камень или палку с гвоздем и грохнул хоть одного коммуняку, хоть одного чекиста! Не сумели бы они всю страну перестрелять, патронов бы не хватило! Если бы хотя бы те, кому уже в дверь постучали, кто уж точно знал, что терять нечего, хоть одного забирали с собой! Убить даже вилкой можно, а ведь сколько забрали и военных, у кого было настоящее оружие! Нет – ждали и шли, как бараны!

– Так ведь надеялись, – вздохнула старушка, – до последнего надеялись, что разберутся и отпустят... мол, всех остальных за дело, а меня – по ошибке... и за семью боялись, опять-таки...

– Так ведь и семью это не спасало!

– Как сказать, не всех одинаково гребли... да и из лагеря была еще надежда живым вернуться...

– Надежда! Вместо того, чтобы надеяться на свободу, на победу массового восстания! Против которого у коммуняк не было бы шансов...

– Вы только Славесту... Владимировичу таких слов не говорите, – строго произнесла Алевтина Федоровна. – Он, между прочим, сам член компартии.

– До сих пор? И почему меня это не удивляет... Ладно, мне от него, собственно, только телефон нужен. Директора или хоть кого из руководства комбината.

– Они тоже все партийные, – заметила Светлана.

– А вы что, их всех знаете?

– Никого не знаю. Но других на такие должности не брали.

– А, ну это да. Но сейчас они, думаю, уже члены другой партии, – усмехнулся Николай. – И, кстати, руководство города... хоть их-то телефоны в справочнике есть?

– Их – есть, – подтвердила Светлана. – Ох, все-таки идти мне надо. Николай, вот еще что – вы ведь сегодня никуда уже не собираетесь?

– Куда уж? Поздно уже. А для прогулок по городу погода не подходящая, да и смотреть тут у вас, как я понимаю, особо нечего... кроме все того же комбината.

– Вот-вот, и не надо, и не только из-за погоды. У нас, как стемнеет, опасно. А в районе комбината и днем лучше особо не появляться.

– В каком смысле?

– В прямом. У нас же половина мужского населения сидела, не в свой район зайти и то страшно, а уж по вам сразу видно, что вы не отсюда. Москвичей тут знаете как не любят...

– Погодите, – смекнул Селиванов, – вы хотите сказать, что на комбинате ээки работали? А после освобождения так тут и оседали?

– В том числе. Но та молодежь, что здесь выросла, еще хуже, совсем отмороженные... Ну ладно, до свиданья. Я вам завтра позвоню.

С этими словами она с какой-то чрезмерной поспешностью выпорхнула из кухни, и спустя считанные секунды Николай услышал, как хлопнула дверь. Под влиянием услышанного у него мелькнула мысль выйти и посмотреть, как она уедет, но он тут же сказал себе, что до машины два шага, и ничего с ней не случится.

– Чайку? – предложила старуха, словно желая разрядить атмосферу.

– Попозже. Сразу после еды пить вредно... я ведь могу вскипятить здесь чай, когда понадобится?

– Конечно. Только, уж пожалуйста, свет гасить не забывайте. И газ у баллона заворачивать. Проверяйте, чтоб хорошо закручен был.

– Само собой, – ему вдруг захотелось подразнить старуху: – Интересно, а куда это Светлана так заторопилась? Она разве не одна живет?

– Одна! – заверила его старуха, но тут же смутилась, поняв, что врёт неубедительно. – Ну то есть... не совсем одна... Она, вообще-то, в разводе...

– Так и что же? С новым, гм, кавалером, что ли, живет? – осведомился Селиванов с журналистской бесцеремонностью.

– Да нет, со старым... с бывшим мужем, в смысле. Понимаете какое дело, они разъехаться никак не могут. Он ей квартиру оставлять не хочет, самому, говорит, тогда деваться некуда. А она не хочет делить, и правильно! С какой это стати ей теперь квартиру, от матери доставшуюся, из-за какого-то хмыря разменивать и невесть куда съезжать? Да и не съедешь еще... новое-то жилье в городе давно не строится, а старое разваливается... хоть населения все меньше, а все равно не хватает...

– И, стало быть, из-за того, что она не хочет делить с ним квартиру, она таки делит с ним квартиру, – констатировал Николай и, встретив недоуменный взгляд старухи, пояснил: – Это я так, играю смыслами. Это профессиональное.

– Вот вы бы, может, помогли-то ей, – заговорщицким тоном предложила Алевтина Федоровна. – Изобразили бы ее кавалера перед бывшим-то ее, может, у него совесть проснется, и он съедет наконец...

– А в драку не ползет? – усмехнулся Селиванов. – Он у нее тоже из бывших уголовников?

– Нет-нет, он не из этих, он образованный. Даже и не пьет почти. В девяностые бизнес свой делать пытался (Николай подумал, что это выражение довольно забавно звучит в устах старухи), колбасой торговал. Да только у него этот бизнес отняли. Сначала все проверками мучили, а потом сказали – или сам отдашь, или найдем, за что тебя посадить...

– И чем же этот честный непьющий бизнесмен так провинился перед супругой?

– А бабник он, – просто пояснила старуха. – Поначалу, когда он хоть деньги в дом носил, Светочка его, скрепя сердце, терпела, тем паче что сама без работы сидела тогда... он не внаглую, конечно – маскировался, ну да от умной женщины такое ведь не спрячешь... он каялся даже, говорил, что больше не будет... ну а потом, когда и бизнес его кончился, и он себе новую шалаву завел, тут уж Света не выдержала.

– И что ж он к любовнице жить не уйдет? – Николай продолжал усмехаться.

– Да вот, видать, не хочет она его к себе селить, – мстительно ответила бабка. – Или это он так врёт, потому что еще надеется квартиру оттяпать... Девка-то, между прочим, в два раза его моложе, да только толку-то в том – страшна, как смертный грех, ни кожи, ни рожи. Света мне ее

фото показывала – конопатая вся, рот как у жабы, волосы – мочалка... Да и он-то, по правде, не красавец – ростом вам по плечо, плешь во всю голову, да еще и сутулится, руки чуть не до колен свисают. Ну чистый обезьян. Чем он только этих девок берет, ума не приложу...

– Известно чем, – хмыкнул Николай. – Высокий уровень половых гормонов как раз такую внешность и формирует. Превращает в обезьяну во всех смыслах, это точно.

– А только вот, кроме как за этим делом, низачем он своим шалавам не нужен! Все равно опять в светину квартиру приползает. Ну, конечно, спит-то он там давно в другой комнате...

– Да уж, воображаю себе эту семейную идиллию. А чего вы Светлану к себе жить не позовете, раз у вас полдома пустует, а квартиранты, наверное, редкость?

– И этому ироду квартиру оставить? – возмутилась старуха. – А он там что хошь творить будет, новые замки врежет, и вообще потом не войдешь?

– А, – сообразил Николай. – так она так торопится, чтобы надолго его одного в квартире не оставлять? А сама почему замки не поменяет, когда он уходит к любовнице?

– Да вот все надеется, что по-хорошему уладить удастся... суда не хочет. Она в юридической консультации была, ей сказали, если он на раздел имущества подаст, то своего добьется...

– Погодите, если они уже развелись, то какой суд?

– Да то-то и оно, что официально еще не развелись, все не придумают, как им это все делить, хотя я уж ей говорю, тебе... – бабка вдруг оборвала себя и вернулась к прежней теме: – Но как муж и жена они давно уж не живут, это точно!

– Да верю, верю, – ответил Николай не без брезгливости, – мне-то какое дело...

Действительно, чего ради он полез в это чужое грязное белье? Чистая душой Светочка жила со своим распутным мужем *de facto* как проститутка, пуская его в постель за деньги, которые он зарабатывал... как, впрочем, поступают и миллионы других образцово порядочных женщин... потом мавр сделал свое дело... а распутник, выходит, благородно не пытается отсудить то, что ему положено по закону... он-то почему, интересно? Не из благородства же, в самом деле – тогда бы он просто съехал и оставил квартиру бывшей жене. Боится, что и впрямь при размене или продаже не сможет получить даже такое жилье? Но объяснение, что Светлана спешит домой, потому что боится оставлять мужа одного в квартире, в любом случае звучит неубедительно. В конце концов, на ту же замену замков нужны считанные минуты, уж наверное их можно найти, пока жена на работе... А, да какая разница. Надо думать о комбинате и редакционном задании, а не об этой чепухе.

– А давайте я вам фотографии покажу, какая Светочка в детстве была, – старуха поспешила прервать затянувшуюся паузу. – Она и сейчас красавица, но тогда была просто прелесть!

Николай хотел вежливо отказаться, но затем подумал, что делать ему сейчас все равно нечего, и выдержать традиционную – к счастью, уходящую в прошлое вместе с доцифровой эпохой – пытку гостя семейным фотоальбомом он в состоянии. Все-таки эти люди еще могут быть полезны в его расследовании... (он поймал себя на мысли, что уже думает об этом отсутствующем в справочниках комбинате как о теме расследования, а не просто скучной рутинной статье).

– Я сейчас принесу, – поднялась с места Алевтина Федоровна. Николай отметил про себя, что в свою комнату, или где там хранится альбом, она его не пригласила. Это такое проявление чопорности, или она не хочет, чтобы он что-то там увидел? Хотя – что он там такое может увидеть... разве что икону в углу в сочетании с какой-нибудь почетной грамотной со сталинским профилем на стене...

Некоторое время спустя старуха вернулась, неся монументальный альбом в кожаном

переплете, куда, должно быть, помещались фотографии нескольких поколений. Взяв его под мышку, она смахнула тряпкой крошки со стола, а затем примостилась на стул, который прежде занимала Светлана, и с торжественным видом перевернула обложку.

Николай и в самом деле увидел фотографию хорошенькой девочки лет шести, с косичкой и куклой на коленях, сидевшей, в свою очередь, на коленях у женщины в косынке, несколько напряженно смотревшей в объектив – но это никак не могла быть маленькая Светлана. Судя и по желтизне карточки, и по одежде запечатленных, снимок был сделан где-нибудь на полвека раньше.

– Это я с мамой, – подтвердила догадку Николая Алевтина Федоровна, касаясь желтоватым ногтем изображения девочки. – Вот увидите сейчас, как Светочка в детстве была на меня похожа. Сейчас и не подумаешь, а? Что с нами время делает...

«Да, да. А еще Волга впадает в Каспийское море», – неприязненно подумал Селиванов, не терпевший трюизмов.

Старуха продемонстрировала еще несколько собственных фото, на которых постепенно превращалась из симпатичной девчушки в довольно-таки нескладного угловатого подростка и затем вновь в милостивую девушку, тыкая в каждое пальцем и комментируя: «это мы отдыхали в Евпатории... а это меня принимали в пионеры... а это лыжный поход с классом...» «Надеюсь, я не усну, пока она дойдет до внучки», – подумал Николай, и это был даже не сарказм – после сытного ужина его и в самом деле потянуло в сон. Вероятно, из-за этого он не сразу обратил внимание на некоторую странность – фотографии в альбоме шли не подряд, а с пропусками, словно часть фото вынули с их мест. Но в какой-то миг он сопоставил это обстоятельство с другим – на снимках, помимо самой Алевтины, мелькали ее мать (редко – похоже, она не любила сниматься и вообще не фотографировалась одна), подруги, даже школьные учителя, но нигде – отец.

– А почему нет фото вашего отца? – спросил Николай, уже догадываясь, что услышит в ответ.

Старуха заколебалась, словно собираясь выдать версию типа «он нас бросил, и мама уничтожила все его фотографии», но затем все же решилась и произнесла, инстинктивно понизив голос:

– Он был офицер, герой Первой мировой войны. Участник Брусиловского прорыва. Был награжден Георгиевским крестом и именованием оружием. Потом оказался на юге России, в Крыму с Врангелем. Но в двадцатом году перешел на сторону красных. Стал их агентом и оказал большие услуги советской разведке при подготовке штурма Перекопа...

– Переметнулся на сторону победителя, стало быть, – констатировал Николай, даже не пытаясь скрыть неприязнь. – И помог Фрунзе тысячами расстреливать и топить в баржах своих однополчан.

– Мама говорила, что отец очень переживал, когда узнал об этих казнях, – возразила старуха. – Он тоже верил, что Фрунзе сдержит обещание помиловать сдавшихся. Но... время было такое. Ведь и сам Брусилов призвал служить новой власти. Служить России независимо от того, кто ею правит... Отец не мыслил себя без Родины.

– Угу. Так не мыслил, что пошел служить отморожкам, принесшим этой родине больше зла, чем любые внешние враги.

– Время было такое, – повторила Алевтина Федоровна. – Сейчас-то вам легко судить... И потом, он спасал не только себя, но и маму. Она была у белых сестрой милосердия, из дворянской семьи Рябининых... но отец выправил ей документы, что она из крестьян. Он у большевиков быстро в гору пошел, ему сам Фрунзе покровительствовал, не забывший его услуг. Но свои царские награды и старые фотографии он, конечно, все равно уничтожил на всякий

случай. Только не помогло. В тридцать седьмом его взяли по доносу, что он белый офицер. Хотя ведь наверняка это в чекистских архивах и так было... Больше мы отца не видели. Только записку от него получили, где он каялся в своих преступлениях перед советской властью и просил нас от него отречься. Ну и намекнуть сумел, кто на него показал. Владислав Кириллов, его друг и сослуживец... дядя Влад и тетя Люда, хорошо их помню... Но его-то самого еще раньше, чем отца, арестовали. А там на кого только не покажешь...

– И что же – вы отреклись? – это был практически и не вопрос – пустые страницы альбома служили красноречивым ответом.

– Мама отрекалась, и все его вещи уничтожила, фото, уже советские, тоже. Сказала, что ради меня это делает, мне жить. А потом... покончила с собой.

Старуха достала платочек и промокнула уголок глаза. Николай сочувственно промолчал.

– А я молодая была, глупая, – продолжила Алевтина Федоровна. – Только-только шестнадцать исполнилось. Ходила к следователю хлопотать за отца. Он обещал помочь, а... – она со злостью махнула рукой и поспешно перевернула страницу. – Вот это Маша, дочка моя. Здесь ей три годика, за месяц до войны снимок. Светочка не в нее пошла, она, как видите, темненькая была...

Следующие несколько страниц занимали фотографии взрослеющей Маши и постепенно стареющей Алевтины. Николай обратил внимание, что эти мать и дочь, напротив, почти не фотографировались вместе. Кроме того, об отце Маши не было произнесено ни слова, причем на сей раз никаких пустых мест в альбоме не было. На тех фото, где Алевтине было где-то от тридцати до сорока, и впрямь можно было заметить ее сходство с нынешней Светланой, хотя в глаза оно не бросалось. После последнего снимка тридцать седьмого года, сделанного еще до гибели родителей, миловидная девушка с косой исчезла без следа – на следующей фотографии, снятой уже после войны, Алевтина носила короткую, почти мужскую стрижку, а черты лица утратили мягкую округлость, сделавшись резкими, отчасти даже грубыми. И вряд ли виной тому было лишь плохое питание военной и послевоенной поры. Это был облик женщины, словно преднамеренно отрицавшей свою женственность – и ее послевоенная манера одеваться, кстати, тоже наводила на такую мысль. Подобного стиля Алевтина придерживалась до конца шестидесятых, когда, наконец, начала оттаивать – а может, просто вовсе перестала следить за внешностью, отдавшись естественному течению времени.

Наконец появилось каноническое фото голого младенца, лежащего на пузе (Николай особенно ненавидел такие карточки и в свое время уничтожил свою, запечатлевшую его в таком виде) – первое изображение Светочки. Опять-таки без какого-либо визуального или словесного упоминания об отце. Старуха принялась с торжествующим видом демонстрировать детские фотографии внуки, которых оказалось больше, чем снимков ее родной дочери, сделанных за всю жизнь. Впрочем, Маша на страницах альбома тоже еще изредка мелькала, дурнея с каждой фотографией – и, по всей видимости, не только в силу естественных возрастных причин. Николай помнил, что говорила Светлана о вредности работы на комбинате, и все же, глядя на фотографии ее матери, не мог отделаться от ощущения, что эта женщина пила, и пила крепко.

Наконец старуха добралась до «а это Светочка после защиты диплома» (это фото, в отличие от большинства предыдущих, было цветным, но вид у новоиспеченного инженера-гидролога был скорее замученный, чем радостный) и начала было переворачивать следующую страницу, но вдруг передумала и закрыла альбом.

– Что, и все? – осведомился Николай не без иронии. – Более поздних фото нет?

– В моем альбоме нет, – неубедительно соврала старуха. – Это уж вы у самой Светочки спросите, если в гостях у нее будете... А я, пожалуй, пойду прилягу, устала я что-то. Вы чай-то пейте, если хотите.

Селиванов решил, что на сей раз воспользуется последним предложением. Его сонливость уже прошла. К тому же в доме, как он уже успел почувствовать, было отнюдь не жарко – недаром старуха куталась в теплый плед поверх кофты – и горячий чай был бы кстати.

Чайник оказался доисторическим – никаким не электрическим, а металлическим, пузатым, коричневым (какой дурак придумал красить чайники в такой цвет? чтобы дольше хранить тепло, чайник должен быть белым!), с длинным выгнутым носиком. А греть его надо было на плите, зажигая газ с помощью спички – Николай в последний раз делал это так давно, что добился успеха лишь с третьей попытки. На столе стояли сахарница и заварочный чайник, из-под крышки которого свисали на нитках бумажные хвостики чайных пакетиков, но ничего кроме; не без некоторого колебания – но все же решив, что «полный пансион» дает ему на это право – Николай обследовал кухонные шкафчики и извлек оттуда пакет с крошащимся печеньем; ничего лучше к чаю все равно не было.

Несколькими минутами позже, попивая чай с печеньем (оказавшимся на удивление безвкусным), Селиванов подумал, что знает, что находится на страницах, которые не захотела показывать ему старуха. Свадебные фотографии Светланы, разумеется. Почему-то бабка очень не хочет, чтобы он увидел единственного за три поколения мужчину в этой семье. Только из-за своей неприязни к «ироду»? Тогда зачем она вообще хранит эти фото? Если ей так дороги изображения ее ненаглядной Светочки, то могла бы просто отрезать ее жениха. А может, она так и сделала и теперь стесняется продемонстрировать разрезанные карточки постороннему человеку? С которым, впрочем, и так уже пустилась в изрядные откровения... Да нет, скорее тут какая-то более осмысленная причина. Скажем, на самом деле муж Светланы вовсе не похож на описанного «обезьяна»... А на кого? Все-таки на громилу-уголовника? Может, его «колбасный бизнес» на самом деле заключался в рэжете, но в итоге не выдержал конкуренции с более крутой ментовской или ФСБшной крышей? А бабка не хочет, чтобы потенциальный столичный жених – а она, кажется, и в самом деле всерьез надеется на такую перспективу – испугался соперника и сбежал раньше времени?

Еще. Алевтина души не чаёт в своей внучке, а вот дочку явно недолюбливала. Такое бывает, когда женщина рождает от нелюбимого мужчины. Сильно нелюбимого. И Николай догадывался, кем мог быть этот мужчина. Перед войной – очевидно, той, что началась в 41, а не в 39 – Маше было три года, значит, она родилась не позже весны тридцать восьмого, а зачата, соответственно, в тридцать седьмом. Сразу после ареста своего деда, когда Алевтине явно было не до любовных шашней, тем паче что тогда нравы были строже. Значит, юная невинная девушка приходит к следователю НКВД умолять спасти ее отца... звучит почти как начало порнорассказа для любителей садомазо. Да, понятно, что он с нее потребовал. И вполне вероятно, что это действительно было в духе тех самых рассказов. Вкусы у этих озверевших от крови и всепобед – но и от страха стать следующими! – палачей могли быть весьма своеобразными... Алевтине еще повезло, что ее все-таки отпустили живой и не посадили. Но аборт при Сталине были запрещены. Как же – России, как обычно, не хватало пушечного мяса...

А сама Алевтина, выходит, вовсе не крестьянка, оказавшаяся в городе только потому, что город сам пришел в ее деревню – как Николай счел поначалу – а, напротив, дворянского рода, дочь белогвардейцев. Впрочем, воспитание – и от отца, ставшего красным командиром, наверное, даже более рьяным, чем те, кому не пришлось для этого предавать своих, и от матери, всю жизнь прожившей в страхе по подложным документам и избегавшей лишней раз сфотографироваться – она, очевидно, получила вполне советское.

Ну да ладно. Все это уже дела давно минувших дней. Хотя муж Светланы – это день сегодняшний, но блестящему московскому журналисту Селиванову и его читателям совершенно

не интересный. Николай прикинул план на завтра: с утра дозвониться в городминистрацию и договориться об интервью, затем при свете дня осмотреть комбинат хотя бы снаружи, что бы там ни говорила Светлана про орды местной шпаны. Все-таки днем вряд ли там полный беспредел. Можно, конечно, объехать его на машине, но Николай не чурался ходить пешком, зная, что так можно заприметить интересные детали, которые на скорости не различишь. Хорошо бы только чертов дождь, наконец, кончился... кстати, а безопасно ли здесь вообще ходить под дождем? Если комбинат и впрямь выбрасывает в воздух какую-то дрянь... сейчас он, правда, вроде как практически не работает, но все же какая-то жизнь – или смерть? – там еще теплится... Лучше, пожалуй, натягивать капюшон поглубже (зонтов Селиванов терпеть не мог). А еще завтра должна позвонить Светлана, и если ей удастся договориться, с кем надо, в планах могут потребоваться коррективы...

Николай допил чай и, решив, что утро вечера мудренее, пошел в свою комнату. Не забыв завернуть вентиль баллона и погасить свет, как его и просили.

Утром, когда он уже проснулся, но еще валялся в постели, в его дверь постучали.

«Николай, – услышал он голос хозяйки, – вы будете завтракать?»

– Иду! – откликнулся Селиванов, подумав про себя, что полнопансионный сервис несколько навязчив, и от души понадеявшись, что завтрак не будет состоять все из того же печенья.

Действительно, Алевтина Федоровна испекла оладьи и выставила к ним крохотную вазочку с засахарившимся вареньем. Николай поспешно проглотил предложенное, обойдясь на сей раз без застольной беседы, и лишь спросил у старухи обещанный справочник, а заодно карту города, если таковая имеется. Хозяйка принесла ему тощую белую книжицу в потрепанной бумажной обложке, а насчет карты ответила, что таковой не имеется, но она может объяснить ему, как и куда добираться.

– И машину с GPS у вас тут, небось, тоже негде арендовать, – недовольно пробормотал Николай.

– С джипом «С»?

– Спутниковый навигатор... если по такой глухомани вообще базы данных существуют...

– рассеянно пояснил Селиванов, листая справочник и не особо задумываясь, понимает ли его старуха. Телефоны местных властей отыскались, конечно, на первой же странице, а вот в разделе «Прокат» фигурировал только прокат бытовой техники, прокат велосипедов и, неожиданно, прокат свадебных платьев. О прокате автомобилей не было ни слова. Правда, справочник был напечатан чуть не десять лет назад, но учитывая, что с тех пор экономическая ситуация в привязанном к комбинату городе только ухудшалась...

– У нас, у кого машин нет, на автобусах ездят, – подтвердила его подозрения старуха. – Только они ходят редко и ломаются часто. Ну или на такси, кто богатый. Или пешком, когда недалеко, город-то маленький.

– А до комбината далеко?

– Да нет, недалече. Если напрямик по Коммунистической, то почти совсем рядом, но это через свалку идти, лучше не надо. Там бомжи живут, опасно. Только большой компанией если.

– У вас тут такие страшные бомжи? – усмехнулся Николай, привыкший к тому, что бомж – это жалкая, провонявшая мочой развалина, служащая безропотной жертвой для всех желающих – хоть шпаны, хоть милиции – но сама по себе представляющая опасность только в санитарно-гигиеническом плане.

– А бездомные собаки что, не страшные, особенно когда стаей? А человек – он пострашнее собаки будет. Вы знаете, чем эти бомжи питаются?

– Неужели московскими корреспондентами?

– Вы напрасно шутите, – поджала губы старуха. – Люди разное говорят. Трупы расчлененные и объединенные находили, это точно. А сколько еще тех, которых не нашли! У нас тут вообще люди часто пропадают.

– Да вы прикиньте, сколько их должно пропадать, чтобы прокормить хоть одного людоеда!

– Никто ж не говорит, что они только людей едят. На свалку со всего города отбросы свозят.

– Откуда у вас тут вообще бомжи? Я думал, это бедствие больших городов.

– Раньше многие из них на комбинате работали. Как работы не стало, квартиры свои продали или пропили, и куда им теперь деваться?

– Как это куда? В округе полно брошенных деревень. Заселяйся и живи, все лучше, чем на свалке.

– Нет, они работать на земле уже не могут. Это же комбинатские, они уже, почитай, и не люди...

– Мутанты, что ли? – хмыкнул Николай. А что, если это производство и впрямь такое вредное, может, не такой это и бред. Конечно, люди в первом поколении ни от какой отравы мутировать не могут, это бывает только в безграмотной фантастике, но сколько поколений уже живут и работают здесь?

– Никуда они со свалки не уйдут, пока там хоть какая-то еда есть, – подытожила старуха, проигнорировав его реплику.

– Ну ладно, уговорили, к бомжам-людоедам не пойду. («Хотя, возможно, и пригодилось бы для статьи, – подумал Николай про себя. – Наглядные, так сказать, последствия фактического закрытия комбината... Но к подобной публике действительно подход нужен, а я с быдлом на его языке общаться не умею.») А более приятные пути на комбинат есть?

– Это, как отсюда выйдете, пройдете полквартала до перекрестка в сторону центра...

– Центр – это куда?

– Вон туда, – показала старуха. – То есть сам центр левее, но улица так идет.

– А комбинат где?

– Там, – она махнула рукой под тупым углом к предыдущему направлению. – Его даже отсюда видно, вон видите труба торчит?

Николай подошел к окну и действительно различил вдали над плоскими крышами одинокую трубу, упиравшуюся в низкое, безнадежно-серое небо. Дождя, впрочем, не было, хотя он, похоже, мог пойти в любой момент.

– Так зачем же мне идти в другую сторону?

– Так вы дослушайте, что ж вы такой нетерпеливый! Там остановка второго автобуса. Он идет прямо на комбинат. Но только он большой крюк делает – по Маршала Жукова, по Свердлова, по Юровского, потом опять по Жукова...

– И зачем же так петлять?

– Специально так маршрут проложили, чтобы со всех кварталов рабочих на комбинат собирать. Сейчас эти автобусы почти пустыми ходят.

– А срезать как-нибудь можно?

– Ну, если перед первым поворотом на Жукова сойти, это где железнодорожный мост, и вот под этим мостом пройти и за ним второй поворот налево, то там дальше будет улица Дзержинского, и вот она прямо в комбинат упирается. Вашим шагом, наверное, минут десять всего идти. Но это вы не к главной проходной выйдете, это к забору только, а вдоль забора там еще направо, довольно далеко. И под мост тоже лучше не ходить, там не раз уже прохожих

грабили...

– Ладно, я не столь уж беспомощен. У меня электрошокер есть.

– Ну, как знаете. А только на вашем месте я бы вообще от комбината подальше держалась. Нехорошее это место.

– Так ведь это ж мое задание – о нем написать!

– И что? Разве мало у нас людей об Америке писало, ни разу дальше Белоруссии не побывав?

– Я, кстати, в Америке как раз был, – заметил Николай. – Даже в Гарлеме, который на самом деле Харлем. Далеко не такое страшное место, как здесь принято считать. Так что, полагаю, и тут слухи преувеличены.

– Вы, конечно, человек известный, из Москвы, и не нам вас учить, – обиделась старуха, – а только я здесь всю жизнь прожила, а вы только вчера приехали.

С этими словами она вышла из кухни. Николай хмыкнул, вновь открыл справочник на первой странице и вытащил мобильник.

Полчаса спустя он все еще тщетно нажимал кнопку повтора. Ничего похожего на пресс-службу в справочнике не обнаружилось, был только телефон приемной мэрии, и вот по этому-то телефону он названивал все это время, по большей части натываясь на «занято», но иногда – на длинные гудки, которые, однако, в итоге тоже сменялись короткими: трубку никто не брал, хотя рабочий день начался уже почти два часа назад. Наконец с очередной попытки в трубке щелкнуло, и недовольный женский голос сказал «Алё».

– Здравствуйте, – сказал Николай, мгновенно убрав из голоса раздражение. – Я Николай Селиванов, журналист из Москвы, – он назвал свою газету, известную всей стране. – Специально приехал в ваш город, чтобы написать о... трудностях («администраторы не любят слова »проблемы», вспомнил он, ибо считают, что оно возлагает ответственность на них лично – »у тебя какие-то проблемы?» – а »трудности» – это явление внешнее и объективное»), которые испытывает Красноленинск в связи с... текущей социально-экономической ситуацией (интуиция внезапно подсказала ему, что напрямую комбинат пока лучше не упоминать). А также о том, какую помощь мог бы оказать городу федеральный центр, – добавил он со значением.

– И? – откликнулась трубка без энтузиазма.

– В связи с этим я хотел бы встретиться с главой городской администрации и взять у него короткое интервью.

– И? – повторил голос.

– Так я могу договориться о встрече?

– Я почему знаю? – ответили из трубки, и Николай, наконец, понял, что говорившая пьяна.

– Это мэрия? – растерянно переспросил он.

– Херия, – ответила его абонентка и повесила трубку.

«Тьфу, дура пьяная, – подумал со злостью Селиванов. – Не могла сразу сказать, что не туда попал!» Он снова нажал «redial», и на сей раз его желание исполнилось: не успел он открыть рот, как тот же голос сразу послал его по наиболее популярному в России адресу.

«У них тут, небось, древняя шаговая АТС, – подумал Николай. – Контакт какой-нибудь залип... надо попозже перезвонить. А может, и номер поменялся, надо все-таки купить новый справочник... да и карту города заодно.»

– Алевтина Федоровна! – позвал он, выходя в коридор. – Где тут у вас поблизости книжный магазин?

– Был на улице Чекистов, но уж много лет как закрылся, – отозвалась из своей комнаты старуха.

– Хмм... ну тогда газетный киоск?

– Напротив химчистки. На автобусе через одну остановку, только налево через дорогу надо перейти.

Николай поблагодарил и пошел одеваться. Несколько телефонов из справочника он все же переписал на бумажку и сунул ее в карман (опыт подсказывал ему, что это надежнее, чем сразу забить их в память мобильного). Сообщив хозяйке, что уходит и, вероятно, до вечера, он вышел на улицу.

На тротуаре стояли мутные серые лужи, но пройти было, в принципе, можно. Состояние проезжей части улицы Ударников было куда хуже: Николай с содроганием увидел буквально в метре перед тем местом, где вчера припарковалась Светлана, натуральную яму с провалившимся асфальтом, в которую с двух сторон с туалетным журчанием стекали ручьи. А он тогда еще удивился, почему она не подъехала к дому вплотную... Да, похоже, без хорошего знания местности езда по этим улицам – особенно в темное время суток – превращается в русскую рулетку. И никакие навигаторы и карты о таком не предупредят.

Николай перешел пустынную в обе стороны улицу и зашагал в указанном старухой направлении, все еще раздумывая, ждать ли автобуса или все-таки позвонить и вызвать такси. Сомнения разрешились естественным образом – он услышал позади шелест шин, натужное гудение мотора и дребезжание, и едва успел отпрыгнуть в сторону, чтобы не быть окаченным с ног до головы водой из-под колес раздолбанного автобуса – это был типичный советский «ЛиАЗ» со снятой крышкой моторного отсека спереди и большой цифрой 2 на картонке под стеклом возле задней двери. Цифра была нарисована ручкой от руки.

Несколько капель грязной воды все же попали на брюки и туфли Николая, но он не обратил на это внимания и пропустил за автобусом, помня, что следующего придется ждать долго. Автобус подкатил к остановке (представлявшей собой прикрученную к фонарному столбу табличку без всякой будки с крышей и скамейкой) и с шипением открыл двери; никто не вошел – остановка была пуста – и не вышел, так что двери почти сразу же начали закрываться, и Николай едва успел вскочить на заднюю подножку.

В салоне, как он и предвидел накануне, воняло бензином и выхлопными газами. На заднем сиденье восседал здоровый бритоголовый амбал самого свирепого вида, похожий на вышибалу в портовом кабаке низшего разряда. Николай покосился на него не без опасения и, лишь разглядев рулон билетов у него на пузе, понял, что это кондуктор. «Это называется разрыв шаблона», – подумал Селиванов. Доселе, когда ему доводилось ездить в общественном транспорте с кондукторами, это неизменно оказывались женщины, хотя чаще тоже внушительных габаритов.

– Сколько? – спросил Селиванов, одной рукой хватаясь за поручень, а другой доставая кошелек.

– Десять, – процедил бритоголовый. Николай с опозданием вспомнил, что у него нет мелких купюр, а пятисотенную этот тип, конечно, не разменяет. С трудом удерживая равновесие – автобус качало из стороны в сторону, словно корабль на хорошей волне – он кое-как наскреб нужную сумму монетами; кондуктор презрительно наблюдал за этими манипуляциями. Николай не особенно удивился, увидев татуировку на руке, протянувшей ему билет. Что ж – похоже, в таком месте, как это, кондуктору и впрямь приходилось исполнять функции вышибалы и охранника, особенно в вечернее время, и предыдущий опыт работы тут требовался специфический.

Автобус был почти пуст – спереди, рядом с кабиной водителя, сидела какая-то старушка, а ближе к хвосту – две девочки лет, наверное, двенадцати, о чем-то оживленно щебетавшие между собой. Должно быть, подружки-одноклассницы, подумал Николай, опускаясь на сиденье позади них. Вот только почему они не в школе?

-... и тут он, типа, начинает меня лечить, что, бля, курить вредно. Ну я ему, бля: «Мужик! Иди на х...!» А он типа: ой бля, а ты его хоть видела? А я бля: мужик, если все х..., которые я видела, тебе на спину повесить, на ежа будешь похож!

Вторая девчонка довольно заржала в голос.

Николай оторопело уставился на них, думая, что, должно быть, со спины неверно оценил возраст. Затем встал и прошел вперед по проходу, чтобы взглянуть на них (в любом случае ему надо было выходить на следующей остановке). Нет, двенадцать, ну тринадцать самое большее. Они еще даже «Евгения Онегина» не проходили. Письмо Татьяны считается для них слишком взрослым...

Как они вообще читают стихи, которые им задают учить в школе? Как пишут сочинения, если не могут связать двух слов без мата? А, впрочем, известно, как теперь пишутся сочинения и рефераты. Скачиваются из интернета. Хотя – с интернетом в Красноленинске сложно. Ну все равно, списывают откуда-нибудь. Если, конечно, вообще ходят в школу хоть изредка. В школу, где в туалетах торгуют наркотой, где тех, на кого укажет вожак, избивают до полусмерти (причем независимо от пола), а учителей открыто посылают на все те же буквы – исключая тех, что зарекомендовали себя как отможенные садисты и тем заслужили ненавидящее уважение...

– Мужик, чо уставился? – это была вторая. – Снять хочешь?

Николай поспешно отвернулся и пошел дальше по проходу к передней двери. Автобус остановился, и он вышел.

Ага, вон и здание химчистки на другой стороне улицы. Только там, похоже, все закрыто, на окнах опущены щиты. Но это неважно, химчистка ему не нужна. А рядом, за остановкой автобуса в противоположную сторону (эта таки имела будку с крашеной в синий цвет металлической задней стенкой и крышей) – киоск. Николай, оглядевшись по сторонам, торопливо перешел улицу... и понял, что торопился зря, и сходил с автобуса тоже.

Газетный киоск был сожжен. Кто-то выбил сбоку стекло и бросил нечто горящее внутрь. Судя по всему, произошло это уже довольно давно – дожди успели смыть копоть со стен, и лишь внутри все оставалось черным, хотя неубранные осколки по-прежнему блестели на асфальте.

Николай мысленно выругался. Склероз, что ли, у старухи? Или она и впрямь не знала? Ей-то, небось, этот киоск без надобности, когда там она в последний раз в этом месте была... Вот жди теперь следующего автобуса невесть сколько... и еще он надеялся деньги в киоске разменять. Можно бы и в химчистке, но и она не работает. Что вообще работает в этом чертовом Красноленинске... В нормальном месте он бы просто снял несколько купюр через банкомат, но что-то подсказывало ему, что в этом городе банкомат придется искать долго.

Николай сел на изрезанную скамейку на остановке (попутно заметив, что задняя стенка пробита в нескольких местах – это чем же так постарались, не так-то просто пробить железный лист?) и вытащил телефон, чтобы попробовать еще раз дозвониться в мэрию. Как ни странно, на сей раз ему это удалось со второй же попытки. Голос в трубке, правда, подозрительно напоминал тот, что он уже слышал, но на сей ему отвечали трезво и по делу, и Селиванов решил, что это случайное сходство или игра воображения. «Оставьте ваш телефон, вам перезвонят, когда Игнат Игнатович сможет вас принять», – пообещала трубка. «Когда» вместо «если» звучало обнадеживающе, но с другой стороны, как известно всем, кроме младенцев, в хит-параде человеческой лжи фраза «мы сами вам перезвоним» занимает почетное третье место после «все хорошо» и «все будет хорошо». Николай, тем не менее, продиктовал свой номер и еще раз напомнил, что не отнимет у мэра много времени – уверенный, впрочем, что все равно придется перезванивать самому.

Игнат Игнатович, хм... Редкое имя в наши дни, а в сочетании с таким же отчеством тем более. Вообще Селиванов категорически не понимал людей, которые называют детей своим

собственным именем – это же ужасно неудобно! Вот зовет жена такого папы «Игнат!» – и как понять, обращается она к мужу или к сыну? То ли это патологическое отсутствие воображения, когда никакое имя, кроме собственного, не приходит в голову, то ли патологический же нарциссизм... Хотя это, конечно, претензии к отцу нынешнего мэра, а не к нему самому.

Ладно, хоть какое-то продвижение. Николай пересчитал мелочь в кошельке – так и есть, на еще один автобусный билет не хватит. Вызвать все-таки такси, тем более что автобуса ждать неизвестно сколько? Но вон впереди еще какой-то магазин, и, кажется, работающий. Селиванов направился туда.

Магазин оказался овощным. Николай вошел и сразу же поморщился от запаха (и вида) гнилой капусты и сырой, облепленной землей картошки, лежавшей в грязных ящиках. Помимо обоняния и зрения, удар был нанесен и по его слуху: из невидимого динамика заливалась какая-то невыносимо пошлая попса. Николаю снова вспомнился Нью-Йорк, его продуктовые магазинчики с чистым, красиво разложенным по лоткам товаром. Впрочем, в московских супермаркетах в последние годы научились раскладывать не хуже. Но отличие Нью-Йорка в том, что там эти лотки летом по большей части располагаются не внутри магазина, а снаружи. Без всякой охраны. Подходи кто хочет, бери что хочет. А чтобы заплатить – надо зайти внутрь. И все заходят и платят. И сумки там не сдают, не заклеивают и не проверяют. Покупатель платит лишь за то, что предъявил на кассе сам. Расскажи о таком в Красноленинске – или не поверят, или будут ржать с чувством глубокого превосходства, повторяя, какие америкосы идиоты. Воры есть во всех странах, но, наверное, только в России вор убежден в своем моральном превосходстве над честными людьми...

Магазин был пуст, если не считать лежавшей на окне черно-белой беременной кошки и скукавшей за прилавком толстой продавщицы в несвежем халате, очевидно, исполнявшей также и функции кассира. Николай направился к последней.

– Пятьсот рублей не разменяете?

– Нет, – отрезала та, глядя на него, как на врага.

– Нет? – переспросил Николай, шокированный не столько отказом, сколько тоном. –

Почему?

– По кочану. Здесь не банк.

– А где банк?

– И не справочное бюро.

– Вас никогда не учили не хамить покупателям? – разозлился Селиванов.

– Вы не покупатель, – нагло заявила бабища.

Это было, в принципе, верно – ничего покупать в этом гадючнике Николай точно не собирался. Тем не менее, кондово-советская атмосфера заведения вызвала у него в памяти советскую же фразу:

– Дайте жалобную книгу!

– Не держим, – парировала продавщица

– Вы обязаны!

– Ничего мы не обязаны. Это частный магазин, действующий согласно устава ЗАО «Василек».

Возможно, это был и блеф – Николай не был уверен, что говорит на сей счет Закон о защите прав потребителей – но препираться дальше он не стал.

– В таком случае, счастливого вам разорения и приятной безработицы, – произнес он, повернулся и вышел. Вслед ему донеслось что-то на тему «умный выискался».

Частный бизнес по-русски, м-да. Надежда и опора демократии. Здесь так встречают каждого, у кого в кармане самая мелкая купюра – пятьсот рублей? Или только москвичей?

Вспомнилось предостережение Светланы...

Выйдя из магазина, он вдруг услышал резкий гудок поезда, донесшийся откуда-то спереди, а затем различил и отдаленный перестук колес. Ага, значит, железная дорога уже рядом, а поворот на улицу, ведущую к комбинату, как раз под железнодорожным мостом. Точнее, нет, это второй поворот налево после моста... но суть в том, что отсюда он уже, пожалуй, скорее дойдет пешком.

Действительно, прошагав около километра, Селиванов вышел к развилке. Направо уходили серые обшарпанные пятиэтажки улицы Жукова (по крайней мере, скорее всего это была она, ибо таблички на ближайших домах отсутствовали), а прямо и слегка налево дорога уходила вниз и ныряла под мост. Причем это был не просто проезд под мостом, как ожидал Николай, а туннель, выход из которого не просматривался от входа. Проезжая часть и узкие полосы тротуаров скрывались в едва разгоняемом редкими лампами полумраке, и Селиванов понял, что это место и впрямь может быть опасным даже днем.

Но делать было нечего – раз уж он сюда пришел... Он расстегнул карман, в котором лежал шокер, и сунул руку внутрь, а затем двинулся в туннель.

В туннеле пахло затхлой сыростью, и с потолка капала вода; Николай брезгливо надвинул капюшон. Стоило ему углубиться на несколько метров, куда уже практически не проникал свет пасмурного дня, и над головой оглушительно загрохотало. Еще один поезд, теперь в другом направлении. Асфальт ощутимо завибрировал под ногами, а с потолка посыпался мелкий мусор – вероятно, бетонная крошка вперемешку с засохшей грязью. Когда здесь, интересно, в последний раз делали ремонт? Краем глаза Николай заметил в полутьме длинную извилистую трещину на стене справа. В самое широкое ее место можно было просунуть палец. Николай болезненно поморщился – грохот был такой, словно акустику туннеля специально рассчитывали, чтобы максимально оглушать прохожих – и ускорил шаг, желая выбраться из этого места как можно скорее. В тот же миг лампа на потолке впереди, должно быть, не выдержав вибрации, погасла прямо у него на глазах, погрузив секцию туннеля уже практически в полную тьму.

Поэтому тело он заметил лишь тогда, когда уже почти наступил на него.

Человек лежал на тротуаре, упираясь головой в стену туннеля, но его ноги свешивались на проезжую часть. Судя по одежде, это был мужчина – большего при таком освещении Николай разглядеть не мог. Селиванов сделал по инерции еще один шаг и остановился, глядя на неподвижное тело, не подававшее никаких признаков жизни.

– Эй, – окликнул он. В голову лезло идиотское «С вами все в порядке?» из американских фильмов, всегда адресуемое тем, с кем совершенно точно не все в порядке. Но Николай сделал над собой усилие и задал более осмысленный вопрос: – Вы меня слышите?

Лежавший никак не прореагировал. Николай сделал еще шаг и почувствовал, как его ботинок отлипает от асфальта. Он посмотрел вниз, а затем поспешно вытащил мобильник и осветил.

Ну да – он стоял в какой-то луже. Во мраке казавшейся черной, но на самом деле бывшей темно-красной. Луже, натекшей из-под бока лежавшего.

«Черт...» – пробормотал Николай. Картина в его воображении нарисовалась предельно ясно: встреча на узком тротуаре в середине туннеля, где некуда деваться и бесполезно даже кричать (особенно если сверху вот так грохочет поезд), быстрый, без единого слова, удар ножом, затем грабители (ему почему-то казалось, что их было двое) обшаривают карманы жертвы, забирают бумажник и мобильник и спокойно уходят. Возможно, мимо в это время по другой стороне дороги проезжает машина, но водитель не обращает никакого внимания на возню на противоположном тротуаре и уж точно не останавливается.

Проклятье. Не хватало ему только впутаться в дело об убийстве, пусть даже и свидетелем... зря он не послушал старуху! Самое простое, конечно, просто взять и уйти, но кровь уже на подошвах его ботинок, они оставляют следы и сюда, под мост, дождь если и пойдет, но не проникнет. Шансов, что его найдут, конечно, совсем мало, но вот тогда уже простой потерей времени неприятности не ограничатся. А главное – пострадавший может быть еще жив.

Николай присел рядом с ним, светя мобильником... и тут же выпрямился, кривясь от отвращения физического и морального. Ему в носшибанул смешанный запах дешевого алкоголя и мочи. А на асфальте под боком упавшего сверкнули осколки бутылок внутри классической советской сетки-авоськи. Вот вам и «кровь».

Селиванов брезгливо переступил через пьяницу, убрал телефон и зашагал дальше. Впереди показался выход из туннеля. Поезд над головой, наконец, прошел. Но, едва его грохот стих, Николай различил другой шум – разносившийся по туннелю звук догонявшей его машины, скорее всего, автобуса или грузовика.

Ему тут же вспомнилось, как лежит алкаш. Если водитель не вывернет, то непременно переедет его чуть ниже пояса. Хотя – до сих пор же никто не переехал... Да, но тогда над пьяницей горела лампа. А теперь, в темноте, заметить его вовремя из машины почти невозможно. Особенно если водитель поленился включить фары, проезжая короткий по автомобильным меркам туннель.

«Ну и хрен с ним, так пьяному быдлу и надо!» – подумал Николай, делая еще один шаг вперед. А затем все-таки развернулся и бросился назад.

Он увидел пьяного и автомобиль одновременно. Большой самосвал с включенными габаритными огнями – но не фарами – стремительно надвигался из темноты. Времени оставалось, наверное, не больше секунды. Николай нырнул вперед и вниз, хватая алкаша за ноги, и резко дернул их назад; при этом он сам шлепнулся задницей на сырой асфальт тротуара. Самосвал промчался в считанных сантиметрах от него, обдав теплом и дизельной вонью. Шофер даже не сделал попытки отвернуть или затормозить – а впрочем, он все равно бы не успел это сделать.

Николай проводил грузовик взглядом. Когда тот проезжал под следующей лампой, стало ясно, что его кузов заполнен мусором. Не иначе, машина направлялась на свалку. Какая-то картонка, сорванная потоком встречного воздуха, выскочила из кузова и шлепнулась на мостовую.

Спасенный что-то неразборчиво промычал. Николай понял, что до сих пор держится за его мокрые грязные брюки, и с отвращением поспешно разжал пальцы.

«Еще бы полсекунды – и я бы лишился рук, а то и головы, – подумал Селиванов, поднимаясь. – И все ради чего? Ради вот этой пьяной грязной свиньи, которая даже не вспомнит, что ее кто-то спас? Идиотские интеллигентские комплексы... Вот ведь, никогда не причислял себя к этой породе велеречивых неудачников, а туда же...»

Он брезгливо держал на весу собственные руки – очень хотелось немедленно вымыть их с мылом, и непременно горячей водой. Равно как и переодеть собственные брюки и трусы, промокшие сзади. Ни то, ни другое, очевидно, в ближайшее время было невозможно. Хорошо еще хоть, что он не приземлился в винную лужу или, тем более, на осколки...

Николай с ненавистью посмотрел на алкаша – теперь уже целиком лежавшего на тротуаре – и резко пнул его ногой под ребра. Тот снова замычал.

– С-скотина! Пьяная мразь! – Николай пнул его снова, еще сильнее. – Вставай, ублюдок! – еще удар. – Вставай, выродок! – удар. – Ты же (удар), гнида (удар), был человеком! Докажи, что еще можешь стоять на двух ногах! Хотя бы сопротивляйся, когда тебя бьют! – Селиванов

бил снова и снова, все больше распаяясь. Алкаш только мычал и даже не пытался прикрыться. – Быдло! Грязная тварь! Всю жизнь в дерьме живете и других туда же тащите! – Николай нанес последний удар и, наконец, остановился, переводя дух. Затем отвел взгляд от пьяного – и увидел, что на тротуаре с противоположной стороны кто-то стоит.

Какой-то долговязый тип в кожаной куртке и кепке. Его лицо при таком освещении различить было невозможно. Он ничего не говорил, никак не выражал своей реакции на происходящее – просто стоял и смотрел.

– Что уставился?! – рявкнул на него Николай, злостью заглушая стыд. – Иди на х...!

Долговязый так же молча повернулся и пошел дальше по туннелю в сторону улицы Жукова. Селиванов простоял еще несколько секунд, а потом торопливо зашагал в другую сторону.

Он чувствовал себя отвратительно. Ему было стыдно и за благородный порыв, чуть не стоивший ему жизни, и за последовавшую вспышку ярости, и за то, что его застали за этим. И даже за то, как он послал непрошеного наблюдателя. Вообще-то Селиванов крайне не любил мат, считая его атрибутом того самого быдла, и в обычной жизни не употреблял таких слов почти никогда, исключая соответствующие анекдоты в мужской компании. Даже для того, чтобы обратиться к постороннему человеку на «ты», ему требовалось сделать над собой усилие.»Что на меня нашло? – недоумевал Николай. – Я в этом городе меньше суток, а уже словно становлюсь... красноленинцем. Может, это и впрямь вредное влияние комбината? Какое-нибудь психотронное излучение? Да ну, бред, разумеется. Безграмотная фантастика для домохозяек за сорок.»

Выбравшись, наконец, из туннеля, Николай завертел головой в поисках какого-нибудь газончика с травой, о которую можно хоть как-то обтереть руки. Но никакой травы в пределах видимости не было – только асфальт и бетон. Справа тянулся бесконечный бетонный забор, слева – какие-то сараи или склады. Место выглядело абсолютно безжизненным, и Николай понял, что безнаказанно грабить и убивать можно не только в самом туннеле, но и на всем протяжении выходящей из него улицы. Единственным признаком, что люди сюда все же забредают, служила размашистая неряшливая надпись «СМЕРТЬ ХАЧАМ И ЖИДАМ! СЛАВА РОССИИ! ZIG NAIL 14/88!» на заборе справа. Николай с усмешкой оценил уровень грамотности; слово «Россия», кстати, было изначально написано с одной «с», но потом не то сам писавший, не то его более просвещенный товарищ исхитрился кое-как втиснуть вторую. Снять, что ли, этот апофеоз русского патриотизма на мобильный? Нет, главный все равно не поставит к статье такую фотографию. Эти дуболомы в погонах ведь не видят разницы между цитирующим и автором цитаты, уже были прецеденты, когда журналистов привлекали за экстремизм за то, что они цитировали экстремистов, причем независимо от осуждающего контекста...

За неимением лучшего он на ходу вытащил двумя пальцами из кармана платок и, как мог тщательно, обтер руки. Некоторое время он нес испачканный платок в руке, надеясь увидеть если не урну, то хотя бы решетку водостока, но, так и не дождавшись ничего подобного, сунул платок в щель между каменными сараями.

Вскоре он дошел до прохода слева, но тот, судя по всему, просто вел на территорию складов или гаражей. Но Николай помнил, что ему нужен второй левый поворот; тот обнаружился еще через несколько десятков метров и действительно куда больше походил на нормальную улицу (если не считать ужасного состояния асфальта, местами вспучившегося, а местами провалившегося; посередине одной такой ямы торчал, венчая бетонный колодец, канализационный люк, не огороженный никакими предупредительными знаками.). Эта улица – или, скорее, переулок – тоже оказался нежилым (все те же сараи-склады-гаражи слева и какой-то захлащенный пустырь справа), но, изогнувшись коленом направо, вывел Николая на улицу

Дзержинского.

Селиванову показалось, что теперь он провалился даже не в семидесятые-восемидесятые, а напрямик в сороковые – в город, где еще недавно шли бои (хотя, само собой, никакой фронт так далеко на восток не доходил со времен Колчака, если не Золотой Орды). Если пятиэтажки на улице Жукова выглядели просто уныло и обшарпано, то здешние, более старой постройки, похоже, буквально все находились в аварийном состоянии. Облупившаяся штукатурка обнажала выщербленные кирпичи и трещины в стенах; некоторые окна были заклеены газетами или вовсе забиты фанерой, а кое-где и просто зияли черными дырами выбитых стекол; на ржавых кронштейнах висели одинокие фрагменты водосточных труб без начал и концов, с длинными бурными потоками под ними... От некоторых домов, стоявших встык с еще обитаемыми, остались одни лишь остовы без крыш, и хмурое красное небо проглядывало в провалы окон. Попадались и заваленные обломками пустыри на месте снесенных (а может, и рухнувших) зданий; груды обломков и мусора уже поросли травой, и расчищать их, похоже, никто не собирался. Мусор – пластиковые бутылки, рваные пакеты, обертки, окурки, осколки – в изобилии валялся не только среди развалин, но и повсюду: на тротуарах, на проезжей части, особенно много – прямо под окнами, на вытоптаных газончиках. Похоже, жители выкидывали его из окон, как в средние века, а не убирались здесь вообще никогда. Особенно поразил Селиванова один дом – его крайний левый подъезд был полностью снесен и превращен в руины, но в остальных, судя по занавескам на окнах и хламу на балконах, продолжали жить люди.

Этих людей он видел и на улице. Старухи на скамейке, при его приближении прекратившие разговор и злобно зыркавшие на него, пока он не прошел мимо; молодая (наверное) женщина с испитым лицом, катившая детскую коляску (младенец в коляске орал, но ей было все равно – ее уши были заткнуты наушниками плеера); трое мальчишек лет десяти-одиннадцати, открыто, не таясь, курившие перед подъездом (у Николая мелькнула было мысль высказать им, что он об этом думает, но он вспомнил девчонку в автобусе и предпочел не связываться); толстый коротко стриженный мужик, весь в черном и с таким же черным и толстым бульдогом на поводке, самозабвенно гадившим посреди тротуара (когда пес закончил свое дело, хозяин неспешно повел его дальше, не выказав, разумеется, ни малейшего намерения убрать за своим питомцем); трое подростков самого гопнического вида, лениво фланировавших прямо по проезжей части, где, впрочем, похоже, редко кто-нибудь ездил (Николай постарался не встречаться с ними взглядом); девка лет двадцати пяти, запросто присевшая справить малую нужду под стену трансформаторной будки (ошарашенный взгляд Селиванова она встретила без малейшего смущения – мол, ну да, а что?)... Затем впереди справа показалось двухэтажное здание с выбитыми стеклами – в прошлом, видимо, какой-то магазин – а перед ним притулился ларек, все еще функционировавший; к ларьку тянулась по тротуару длинная очередь, состоявшая преимущественно из мужчин.

Ларек, разумеется, оказался пивным – впрочем, там, кажется, продавали и более крепкие напитки. Осчастливленные краснolenицы отходили от него кто с полной (относительно) стеклянной кружкой, чтобы осушить ее тут же, кто с бутылками в сумке или сетке. Один зачехлил попросил, чтобы ему налили пива прямо в пластиковый пакет; он использовал два таких пакета, вложенные один в другой, в надежде, что так они не будут протекать. Надежда, однако, не оправдалась; мужик обреченно посмотрел на тонкую струйку, бегущую из угла пакета, матюгнулся и побежал по улице, пока возделенная жидкость не вытекла полностью. Еще какой-то мужичонка, едва державшийся на ногах, пытался влезть в очередь; его отпихивали и материли. «Витек, я ж отдам, ты меня знаешь... – Да уж знаю, бля! Отъе...сь нах!» – услышал Николай, проходя мимо, и понял, что пьянчуга не просто хочет влезть без очереди, а клянчит у соседей деньги на выпивку. Селиванову пришлось сойти на проезжую часть, чтобы обойти всю

эту угрюмо шевелившуюся, дурно пахнущую толпу. Но тут Витек или кто-то еще оттолкнул попрошайку особенно сильно и грубо, и тот вылетел на мостовую прямо перед носом Николая и попытался схватиться за него, чтобы сохранить равновесие. Селиванов еле успел отпрыгнуть.

– Муж-жик... – пробормотал, глядя на него, пьянчужка, каким-то чудом все же устояв на ногах. Из его разбитой ноздри текла кровь, а дефицит зубов во рту был куда серьезней, чем у Сашки. Николай брезгливо шагнул в сторону, пытаясь обойти алкаша, но тот вновь заступил ему дорогу.

– Нет, ты скажи, муж-жик..., – кровь закапала на видневшуюся в распахнутом воротае грязную тельняшку, – вот можно так жить?!

Селиванов вынужден был оттолкнуть его, чтобы пройти, и, хотя он сделал это не в полную силу, на сей раз мужичонка все же запнулся ногой об асфальт и повалился навзничь на мостовую. Николай поспешно обошел его и быстро зашагал дальше, буквально спиной чувствуя враждебные взгляды очереди. Враждебные не из-за попрошайки, которого они сами же шпыняли, а просто потому, что он был здесь со всей очевидностью чужим.

Чужим, которому категорически не стоит привлекать к себе внимания. Как не стоит привлекать внимание стаи хищников, даже имея в кармане электрошокер. Впрочем, он был уверен, что стая не бросится на него – не покидать же из-за этого место в очереди. И все же он вновь пожалел, что не послушал предостережений старухи и ее внучки. В Харлеме, к примеру, было не так. Там тоже хватало мусора на улицах и попадались подозрительные подростки, но большинство негров – как и прочие нью-йоркцы – просто спешили по своим делам, а те, с кем Селиванов встречался взглядом, улыбались и говорили «Howdy!» незнакомому белому...

«Да, – сказал он себе, – не привлекать внимание и ни во что не вмешиваться. Пусть малолетние курильщики, проститутки, что угодно. Не относиться к ним, как к людям. Это уже не люди. Это стая. Джунгли. Тайга. Пустыня. Нам же не приходится в голову подходить ко льву в пустыне с увещеваниями: как вам не стыдно, вы такой большой и сильный, а целыми днями лежите и ничего не делаете, и вместо того, чтобы добывать пропитание самому, живете за счет супруги, отнимая у нее еду. И, кстати, убивать детей ее предыдущего мужа тоже нехорошо... Лев просто снесет увещавателю голову, а больше ничего не изменится. С его точки зрения он ведет себя не то что правильным, а единственно возможным образом... Вообще, конечно, забавно, что именно ко львам, ведущим себя столь отвратительно с точки зрения человеческой морали, люди относятся с таким пиететом. Считают их чуть ли не символами благородства и помещают на гордые гербы – чаще всего, впрочем, в тех странах, где львы отродясь не водились. Да и вообще примечательна человеческая симпатия к кошачьим. Люди и кошки – единственные живые существа на Земле, которые не просто убивают своих жертв, а делают это медленно, получая от этого удовольствие... Да. Однако львы живут у себя в саванне и никак на нас не влияют. Мы не мешаем львам пожирать детенышей себе подобных, но и не даем им право голоса. Львы не избирают нам президента и парламент...»

То есть эти, конечно, тоже не то чтобы сами избирают. Они продают свой голос за бутылку водки или просто голосуют так, как прикажет начальство. То самое начальство, которое потом выводит через кипрские офшоры наворованные миллиарды отнюдь не рублей... Вот только не было бы *этих* – и это начальство сидело бы не в Кремле, а на нарах. И их это устраивает, вот что самое главное. Если бы они хотели, они могли бы все изменить – начиная с местного уровня и далее вверх. Не надо говорить, что у них нет ни денег, ни работы, ни доступа в интернет. Что все это им кто-то должен прийти и дать, пока они будут сидеть на заднице в рушащихся бараках, жрать паленую водку и насиловать собственных дочерей. В конце концов, американские пионеры, осваивавшие совершенно дикий континент, населенный враждебными племенами, находились в куда худших стартовых условиях...

Хотя, подумал он с усмешкой несколько мгновений спустя, тот мужичонка все же понимал, что так жить нельзя, и даже пытался эту мысль пропагандировать. А получил за это сперва по морде от своих, потом брезгливый тычок от столичного гостя... Но нет, это опять антропоморфизм, приписывание этим деградантам человеческих мотивов. На самом деле никаких таких социально-философских обобщений алкаш в виду не имел, а просто выражал свое возмущение тем фактом, что ему не дают опохмелиться за чужой счет. Не верят в долг те, у кого он уже наверняка много раз «стрелял» без отдачи.

В кармане у Николая запел мобильник. Он машинально протянул руку, чтобы достать его, и тут заметил, что за ним наблюдают четверо парней с противоположной стороны улицы. Интуиция моментально подсказала Николаю две вещи. Во-первых, что доставать дорогую японскую модель на глазах у этих типов не стоит. «Отжать мобилу» – кажется, так это у них называется... А во-вторых, что ни дневное время суток, ни обилие народу вокруг ничего не значит – если его будут бить, грабить и даже убивать прямо посреди улицы, никто из местных не почешется не то что вмешаться самому, но хотя бы вызвать милицию. Даже из безопасной глубины квартиры. Как у Венедикта Ерофеева, где героя зарезали на Красной площади прямо на глазах у почетного караула...

Поэтому он попытался наощупь нажать отбой – попал или нет, но мелодия оборвалась, возможно, просто по времени – и перенес руку из внутреннего кармана, где лежал телефон, в правый боковой, где был шокер. Краем глаза он заметил, что четверо двинулись через улицу за ним следом. Значит, услышали, заметили и все поняли. Поняли, что он их боится. Зверям никогда нельзя показывать, что ты их боишься...

Он и так шел быстро, но попытался еще ускорить шаг.

– Мужик! – услышал он за спиной. – Эй, мужик!

Плюнуть на собственное достоинство и побежать? Он в неплохой физической форме, но ведь и они, наверное, тоже... при этом вдвое его моложе. Или спокойно повернуться и пойти к ним навстречу со словами «Ребята, я журналист, пишу статью о вашем городе. Можно вам задать несколько вопросов? А ваши ответы потом в газете напечатают!» Арон Михалыч, наверное, так бы и сделал. Устроить этой публике разрыв шаблона. Если только они сами ему в ответ что-нибудь не разорвут... Нырнуть в какой-нибудь подъезд? В таких домах они часто проходные, но гарантии нет...

Тут Николай заметил впереди телефонную будку. На то, чтобы запереться внутри (как?) и вызвать милицию, она явно не годилась – стекла были выбиты, трубка срезана – но она вплотную примыкала к стене дома, создавая, таким образом, угол, позволяющий хоть как-то обезопасить тыл и часть фланга. Но, правда, и закрывая путь к бегству в случае принятого в этом углу боя. Тем не менее, Николай устремился туда и резко развернулся, слышал приближающийся топот за спиной.

– Пошли вон, щенки, – презрительно процедил он сквозь зубы, демонстративно оттопыривая карман, но не извлекая шокер. Пусть думают, что у него там ствол. Голос не подвел, прозвучал так, как надо – «авторитетно», хотя на самом деле Николаю было очень страшно. Однако на парней это не произвело впечатления – они знали, что «авторитет» не стал бы убегать от уличной шпаны.

– Дядя, ты чо такой гру-убый? – протянул один из них, похоже, самый младший. Лет пятнадцати самое большее, бритый костистый череп, сломанный в драке нос. И пронзительно-синие мальчишеские глаза, которые в другом антураже могли бы украсить картину «Юность» какого-нибудь художника-романтика. Сейчас, однако, блатной прищур этих глаз не сулил ничего романтического.

– Не знаешь, что бог велел делиться? – поддержал товарища парень постарше – этот уже,

вероятно, прошел армию, а скорее всего, и зону.

– Щас я с тобой поделюсь, – посулил Николай; они приближались, и он все же выхватил свое оружие. – Первый разряд – в яйца. На всю жизнь импотентом останешься.

– Это еще чо за х...ня? – не впечатлился глашатай божьей воли. – Бритва, что ль?

– Ты ею жопу бреешь? – подхватил щекастый третий. – Педик, что ли?

Черт, эти троглодиты даже не знают, что такое электрошокер, понял Николай. Придется все-таки демонстрировать им на практике... чего ему не хотелось. Само собой, не из гуманизма – просто ему никогда еще не приходилось делать это прежде, и, хотя он внимательно изучил инструкцию, в глубине души он не был уверен, что все получится, как надо. К тому же их четверо, и если участь первого не образумит остальных...

Он бросил быстрый взгляд вправо, на все-таки пытавшегося обойти его сбоку четвертого, и увидел валяющуюся на полу будки пустую бутылку. Идея созрела мгновенно: Николай резко нагнулся, перекладывая шокер в левую руку, а правой подхватил бутылку и что есть силы хватил ею о железный каркас будки. Брызнули осколки, а в руке у Селиванова осталась «розочка» – ощетинившееся острыми зубцами горлышко. С этим оружием в одной руке и шокером в другой он медленно двинулся на врага.

– Шо, не поняли?! – крикнул он, старательно имитируя блатную истерику из кино... а может, просто давая выход собственному страху. – Ща порежу, суки, на британский флаг!

– Да ты чо, псих? – отшатнулся четвертый, когда «розочка» сверкнула перед его лицом. – Да ну его, пацаны, видите, он совсем п...данутый!

– Да ладно, ладно, – откликнулся старший, также отступая, – уж и поприкалываться нельзя...

Несколько шагов они пятились, затем, убедившись, что противник их не преследует, развернулись и вихляющей походкой пошли прочь.

Николай почувствовал, как горячая волна прилила к коже, а ноги вдруг стали совсем ватными, и ему пришлось прислониться к грязной стене дома. Так страшно ему еще никогда не было. Ему не раз доводилось получать угрозы в связи с его статьями, и он знал, что переходит дорогу серьезным людям, в принципе способным на убийство... но тогда опасность была теоретической и лишь еще больше его раззадоривала. А теперь... это было так близко и реально... и так глупо. Никакое не сенсационное расследование, просто кучка тупых гопников... К черту, надо убираться отсюда как можно скорее!

И все же они трусы, с мстительным удовлетворением подумал Николай, когда его пульс немного успокоился. Вчетвером сбежали от одного, вооруженного, прямо скажем, очень хреновым оружием (если не принимать в расчет шокер, действия которого они не знали). Притом, что у самих, вполне возможно, имелись ножи. Достаточно было лишь продемонстрировать им свою решимость... Впрочем, не так ли ведут себя и многие хищники, нападающие исключительно на больных и слабых? Но все равно, лучше здесь не задерживаться.

До конца улицы Дзержинского Николай добрался без дальнейших приключений. Улица уперлась в перпендикулярное шоссе, за которым высилась бесконечная бетонная стена с рядами колючей проволоки поверху. Судя по фарфоровым бляшкам изоляторов, проволока была под током.

Комбинат.

Николай обратил внимание, что вдоль забора нет тротуара. Проектировщики определенно не хотели, чтобы люди ходили – или стояли – возле самого комбината. Тому способствовали и знаки «Остановка запрещена» по обе стороны улицы. Тротуар имелся лишь на противоположной забору стороне – там, куда вышел Николай. Помня слова старухи, он повернул направо.

Дома, шедшие по правой стороне дороги, не подходили к ней вплотную, а прятались в глубине дворов за деревьями; это были первые зеленые насаждения (впрочем, сейчас уже почти лишившиеся листы), которые Селиванов увидел в Красноленинске. Он подумал, что здесь проявилась вовсе не забота городских властей о благоустройстве, а желание затруднить обзор комбината из окон. Хотя, как прикинул Николай, с верхних этажей и тем более с крыш территория за забором все же должна просматриваться, пусть и под большим углом и в отдалении. Эти дома тоже не превышали пяти этажей, но выглядели заметно добротнее предыдущих. Застройка сталинских, а то и дореволюционных времен, причем поддерживаемая в приличном состоянии. По крайней мере, поддерживавшаяся до сравнительно недавнего времени. Кто здесь живет, интересно? Если тоже работники комбината, то, видимо, не простые работяги, а персонал рангом повыше.

Николай подошел к одному из этих домов, пройдя по бурой гниющей листве между деревьями. Здесь даже обнаружилась детская площадка, зажатая между гаражами-ракушками; правда, качели были сломаны, а песочница загажена собаками. Селиванов надеялся подняться по лестнице и посмотреть на комбинат с верхнего этажа, а если повезет и замок окажется открыт, то и с крыши. Но из этой затеи ничего не вышло – во всех подъездах оказались кодовые замки, причем не сломанные. Окна первого этажа повсюду были забраны прочными железными решетками. Ну да, подумал Николай, в нормальном мире за решеткой сидят бандиты, у нас – честные граждане, прячущиеся от бандитов... За одной из таких решеток он увидел старуху, сидевшую у окна и смотревшую на улицу. Смотреть там, впрочем, было совершенно не на что, если не считать мусорных ящиков и мокрых голых деревьев за ними. Николай попытался улыбнуться старухе, но тут же понял, что это бессмысленно: ее взгляд был абсолютно безумен.

Селиванов решил попытаться счастья в следующем доме, но тот оказался чертовски похож на предыдущий. Во дворе тощая старуха с сиреневыми волосами и ярко окрашенными морщинистыми губами – этакая престарелая Мальвина – выгуливала на поводке жирного кота. Двое совсем мелких мальчишек – вероятно, еще дошкольников, хотя за ними никто не присматривал – запустили в большую мутную лужу несколько бумажных корабликов и теперь кидались по ним камнями. Они и не подумали прервать свое занятие, когда Николай проходил мимо, и ему пришлось уворачиваться от брызг. Возле мусорных баков громоздились раскуроченные останки пианино. Видно было, что инструмент громили с особым остервенением.

У последнего подъезда Николаю вроде бы улыбнулась удача: едва он подергал дверь и убедился, что она тоже заперта, как изнутри послышались шаги, замок щелкнул, и дверь открылась. Николай мило улыбнулся выходящей во двор бабке в ужасном малиновом пальто и не менее ужасной кастрюлеобразной шляпке и попытался просочиться в дом за ее спиной, но бдительная бабка шагнула назад, грудью закрывая ему дорогу:

– Вы к кому?

– К Ивановым, – нагло сымпровизировал Николай, надеясь, что в подъезде отыщутся представители этой самой распространенной фамилии.

– Нет здесь никаких Ивановых, – отрезала бабка. На лице ее так и читалось членство в Совете ветеранов и еще полудюжине подобных организаций.

– Как нет? Это какой номер дома? – вопрос был вполне уместным, ибо и на этом, и на соседнем доме таблички тоже отсутствовали.

– Это какой надо номер дома, – непреклонно ответила старуха. – Документики ваши покажите, а потом спрашивайте.

– Что? – Николай даже рассмеялся от такой наглости. – А вы, собственно, кто, чтобы я показывал вам свои документы?

– Кто надо! – бабка захлопнула дверь у себя за спиной. – Шляются тут всякие в заграничных куртках возле режимного объекта... – как видно, ее представления о тактике и снаряжении шпионов восходили прямиком к выученной в детстве песенке про коричневую пуговку с нерусскими буквами. – Щас вот позвоню кому надо!

– Это сколько угодно, – разрешил Николай. Но вынужден был, тем не менее, отправиться прочь, не солоно хлебавши.

Упоминание о звонке, однако, заставило его вспомнить то, о чем он напрочь забыл из-за стычки с гопниками: кто-то звонил ему на мобильный! Неужели из мэрии все же откликнулись так быстро? И хорош же он, что не перезвонил сразу... Он вытащил на ходу телефон – на сей раз никаких подозрительных типов поблизости не было – и вывел на экран данные пропущенного звонка. Номер был незнакомый – не тот, по которому он сам звонил в мэрию. Хотя кто сказал, что они используют один на все случаи жизни... Но скорее это все же Светлана.

Он нажал кнопку звонка и поднес телефон к уху, но ничего не услышал. Ну так и есть – нет сигнала! На улице Ударников (и даже Дзержинского), значит, ловится, а здесь... В надежде, что связь станет лучше на открытом пространстве (хотя – не деревья же ей мешают?), он вновь вышел на внешний тротуар к дороге, за которой лежал комбинат. Действительно, на какой-то миг на экранчике появилась одна полоска, но, едва он нажал на кнопку, снова исчезла.

А может, это вовсе не плохое покрытие, подумал Николай. Может, там, за забором, работает специальная глушилка сотовой связи?

А что, с них вполне станется. Сам комбинат уже практически не работает, а глушилка таки да. И в этих домах, возможно, живут вовсе не инженеры, а какие-нибудь местные вертухаи. Или те и другие вперемешку, для облегчения присмотра вторых за первыми...

Так или иначе, сейчас Николай не мог даже вызвать такси, и ему ничего не оставалось, кроме как идти дальше вдоль забора. Довольно скоро он дошел до места, где забор заворачивал влево под тупым углом, но больше ничего не переменялось – серая бетонная стена слева оставалась совершенно одинаковой на всем своем протяжении, и даже никакие матерные надписи ее не разнообразили. Пресловутых дырок в заборе тоже не просматривалось. Николай был вынужден признать, что вряд ли его идея пройтись вокруг комбината принесет какие-нибудь интересные результаты. Жилые дома справа закончились, там тоже потянулась какая-то промзона, затем – полуразрушенные бараки, зиявшие выбитыми окнами. Селиванов вновь почувствовал себя неуютно; к счастью, в этом районе пока что никто не попадался ему навстречу. Вдобавок ко всему начал накрапывать мелкий дождь.

Николай миновал второй поворот забора, чертовски напоминавший первый. Справа показался остов недостроенного многоэтажного здания – похоже, скорее казенного, чем жилого – возвышавшийся над огромной заброшенной стройплощадкой. От некогда ограждавшего его деревянного забора уже почти ничего не осталось, и Николай хорошо видел груды заросшей бурьяном земли, какие-то вросшие в грязь бетонные кольца и катушки из-под кабеля (сам кабель, видимо, давно растащили), стопки сгруженных на землю плит, уже поросших кустиками, сожженные останки «КАМАЗа», утонувшего в грязи по ступицы, и даже, кажется, ржавый скелет рухнувшего на землю крана вдалеке. Внезапно раздался злобный лай, и из-за ближайшей груды мусора выбежала тощая облезлая дворняга грязно-рыжей масти; Николай посмотрел на нее с опаской, но решил, что она не отважится напасть. Однако, стоило ему сделать еще несколько торопливых шагов по тротуару, как за первой псиной последовали другие. Поначалу они лишь гавкали с территории стройки, но, едва вся стая собралась вместе, устремились, подбадривая себя лаем, к одинокому прохожему.

Николай понял, что обойтись игнорированием не получится, и резко повернулся к ним, вновь запуская руку в карман за шокером. Псы шаркнулись назад, словно отброшенные его

взглядом, но не более чем на пару шагов. А затем все же выбежали на тротуар, окружая его полукольцом.

Николай понял, что стоит повернуться к ним спиной, и они набросятся – поэтому ему пришлось развернуться и двигаться спиной вперед. Те собаки, на которых он смотрел прямо, отступали, приседая на задние лапы и захлебываясь яростным лаем, но при этом оказавшиеся на периферии его зрения периодически делали попытки прорыва, так что приходилось резко поворачивать голову из стороны в сторону. Мимо проехала машина (кажется, это была «Нива»); водитель протяжно просигналил, отгоняя собак со своего пути, но не замедлил ход. Николай на миг отвлекся на автомобиль, иррационально надеясь на помощь – и пропустил атаку слева.

Он все же заметил движение – а скорее даже услышал стук когтей по асфальту – и успел развернуться в тот момент, когда оскаленная пасть была уже в считанных сантиметрах от его ноги. Он буквально сунул шокер в эту пасть и нажал на кнопку. Раздался треск разряда. Псына, взвизгнув, изогнулась и рухнула на тротуар, где и осталась лежать, тонко скуля. Остальные попятились почти синхронно, видимо, усвоив урок. Еще несколько метров они все же преследовали Николая, продолжая злобно брехать, но удерживая более трусливую дистанцию, однако затем остановились и, когда он сделал еще пару шагов, двинулись обратно к бывшей стройке. Последнее, что он увидел перед тем, как повернуться, чтобы продолжить путь обычным образом – это как черный пес с оборванным ухом и лишаем на весь бок внезапно вцепляется в горло своему поверженному электрошоком собрату.

Селиванов уже ругал себя последними словами за эту пешую экскурсию. Все-таки, действительно, слушать надо тех, кто здесь всю жизнь живет! И выбираться отсюда как можно скорее.

Он огляделся по сторонам. Впереди в сплошной стене бетонного забора наконец обнаружилось нечто новое – а именно, бурые стальные ворота, разумеется, закрытые. Но это определенно не была главная проходная. Просто ворота в стене, даже без какой-нибудь будки или калитки рядом с ними. Над воротами торчала видекамера какой-то древней громоздкой модели. Николай подавил желание показать ей неприличный жест.

Зато на противоположной воротам стороне наконец обнаружилась улица, уводившая прочь от комбината и отделявшая заброшенную стройку от длинных двух- и трехэтажных домов учрежденческого типа. Когда Селиванов, наконец, добрался до ближайшего из них, то даже разглядел, наконец, на углу табличку с номером и названием улицы. По краям табличка была изъедена ржавчиной, и все же он смог прочитать: «УЧЕНИКОВ» и ниже «3/1»

Улица Учеников? После всех кондово-советских названий Красноленинска это звучало несколько странно. Да и вообще, за его богатую на поездки биографию Селиванову доводилось бывать (и даже жить) на улицах Школьных, Студенческих, Институтских, Университетских – но вот улица Учеников доселе как-то не попадалась ему ни в одном городе. Впрочем, возможно, и это название следовало трактовать в каком-нибудь советском смысле. Типа, Ленин – ученик Маркса, Сталин – ученик Ленина... Хотя все, названное в честь Сталина, переименовали при Хрущеве. Но это названное в явном виде, а вот такое замаскированное под невинную улицу Учеников могло и остаться... А может быть, никаких не учеников, а Ученикова. Какой-нибудь местный большевик. Учитывая состояние таблички, буква с краю вполне могла затеряться.

Николай вновь выгасил и проверил мобильный. О чудо – сигнал наконец-то был. Плохонький, одна-две полоски, но был. Селиванов достал бумажку со списанными из справочника телефонами и набрал номер такси. Наконец он уедет отсюда, как белый человек...

«Набранный номер не существует», – сообщила ему трубка.

Он еще раз проверил правильность набора. Нет, все верно. Ну да – надо пользоваться свежими справочниками. Особенно когда звонишь в бизнесы депрессивного города.

Что ж, эта компания такси была здесь не единственной. Он набрал следующий номер. Трубку долго не брали, и он уже решил, что и эта фирма закрылась, но тут мужской голос сказал «Алё?»

– Здравствуйте, это такси? – предпочел уточнить Николай.

– Ну, такси, – откликнулся неизвестный тоном человека, которого оторвали из-за пустяка от важного дела.

– Мне нужна машина на улицу Учеников...

– Куда?

– Улица Учеников, три дробь один. Рядом с комбинатом.

– Нет такой улицы.

– Ну, значит, Ученикова. Я в вашем городе недавно и не знаю, как она точно называется.

– А я здесь всю жизнь и знаю, что такой улицы в городе нет.

– То есть как это нет?! – возмутился Николай. – Я на ней стою! Тут еще стройка забро...

– Я не знаю, на чем вы стоите, – оборвал голос, и в трубке зазвучали гудки.

«Черт знает что», – пробормотал Николай. Затем, еще раз оглядевшись по сторонам и бросив еще один взгляд на злополучную табличку – нет, точно написано «учеников», ему не мерещится – он направился к ближайшему входу в здание. Неважно, что тут за учреждение, он пойдет и спросит – на проходной или, если таковой не имеется, в первом же кабинете – какой это адрес.

Поднявшись по выщербленному до ржавых прутьев железобетонному крыльцу, он подошел к массивной непрозрачной двери, рядом с которой висела черная табличка «ГЛАВЗАГОТКОНТОРА № 3» Ничего больше – ни ведомственной принадлежности, ни часов работы. «Если главная, то почему номер 3? – подумал Селиванов. – Сколько их тут, главных?» Впрочем, бюрократическая логика слишком часто оказывалась за пределами его разумения. Он потянул дверную ручку – на себя, потом от себя. Дверь была заперта. Никаких звонков или переговорных устройств при этом не просматривалось.

Николай растерянно потоптался на крыльце (только теперь обратив внимание, что стекла первого этажа повсюду забелены) и спустился обратно на «несуществующую» улицу. Идти к следующему подъезду (до которого было добрых метров тридцать) и пытаться счастье там он не стал. Вместо этого он вновь вытащил телефон и опять вызвал из памяти номер пропущенного звонка. Если повезет, сейчас он разберется заодно и с местной топонимикой.

Трубку взяли со второго гудка. Мужской голос сказал «Алло». Выходит, все-таки не Светлана... но ведь и не мэр же собственной персоной!

– Здравствуйте, это Николай Селиванов, журналист. Вы мне сегодня звонили; к сожалению, я не мог в тот момент взять трубку...

– А, Николай Анатольевич! Здравствуйте, здравствуйте, – голос явно принадлежал человеку немолодому, но при этом не утратившему бодрости, обстоятельному и, похоже, добродушному. – Это Васильчиков Аркадий Семенович. Меня Светлана Алексеевна просила с вами связаться, говорит, вы пишете статью о нашем городе...

– А, да-да, конечно, – Селиванов вспомнил мельком упомянутого «краеведа». Ему тут же представился образ этого человека: скучающий на пенсии одинокий старичок, направивший всю свою нерастраченную энергию на новое хобби – создание летописи родного Красноленинска, никому, кроме него самого, не интересной. И вот теперь он будет просто счастлив заполучить заинтересованного слушателя. – Большое спасибо, что позвонили. Давайте встретимся, когда вам будет удобно, и вы расскажете мне о городе...

– Да вот хоть сейчас, – охотно откликнулся Аркадий Семенович. – Это, знаете ли, считается, что старики тяжелы на подъем, не чета молодым, а на самом деле сейчас все

наоборот. С молодыми за месяц стовариваться надо, все-то у них дела, дела... а у нас, стариков, какие дела, мы всегда готовы, как юные пионеры, – он довольно хихикнул.

– Да, очень хорошо. Я мог бы к вам подъехать... только сначала мне надо разобраться, где я нахожусь, – Николай тоже коротко хохотнул. – И как отсюда выбираться. Видите ли, я тут забрел на какую-то улицу Учеников, где не только не ходит общественный транспорт, но куда даже таксисты ехать отказываются. Говорят – нет такой улицы!

– Правильно говорят, такой улицы у нас нет...

– То есть как это нет? – «Сговорились они, что ли?!» – со злостью подумал Николай, но тут же ему пришло в голову более рациональное объяснение: – Недавно переименовали, что ли? Она выходит прямо к комбинату...

– Вы, верно, имеете в виду улицу Мучеников?

– К-как? – чуть не поперхнулся Селиванов. – Мучникова?

– Мучеников, Николай Анатольевич. Вы там, верно, букву ЭМ не доглядели.

– Да... – пробормотал Николай, – тут табличка ржавая... Но что же это за название такое?!

Я уже привык, что у вас в городе все советское...

– Оно и советское, и досоветское, – пояснил Васильчиков. – Очень старое название. Просто его каждая власть своим смыслом наполняла. До революции это была улица Мучеников и страстотерпцев. Потом стала улица Мучеников за дело мирового пролетариата. Но так длинно на табличках никогда не писали, да и вообще нигде практически не писали. Сейчас она и официально просто улица Мучеников, а там уж каждый волен свой смысл вкладывать. Вот такой у нас тут плюрализм, хе, хе.

– Да уж, плюрализм... зато все остальные улицы так и носят имена чекистов и цареубийц, – сердито произнес Николай, но решил не развивать эту тему, не зная политических взглядов собеседника.

– Ну что ж, это ведь наша история, – произнес Васильчиков умиротворяюще, и Николай едва сдержался, чтобы не возмутиться вслух этой навязшей в зубах демагогией. Названия и памятники – это не просто «история», это *прославление* соответствующих исторических деятелей и идей! Не говоря уже о том, что все эти улицы имели куда более исторические досоветские названия... Вместо этого он возмутился другим обстоятельством:

– Вот интересно – в этой фирме такси что, не могли догадаться, где я на самом деле нахожусь? Я ведь все ориентиры расписал...

– Знаете ли, таксисты не любят туда ездить, – пояснил Васильчиков почти извиняющимся тоном.

– Почему?

– Плохой район... К местному жителю, может, еще и поедут, которого адрес известен и которого, если что, найти можно, а к постороннему, который куда-то на улицу такси вызывает, вряд ли... Знаете что? Вы лучше до автобусной остановки дойдите, там недалеко уже, тем более молодыми ногами... Если идти вдоль комбината так, чтобы он был по левую руку, то выйдете к главной проходной. Там конечная остановка второго автобуса. Он как раз недалеко от моего дома ходит, четвертая остановка, улица Бермана, 8. От остановки чуть назад и налево, мимо помойки, мимо школы, за ней мой дом, семиэтажка, на домофоне наберете решетка двенадцать. Ну, если вдруг заблудитесь, еще перезвоните. Впрочем, виноват, если у вас другие планы на вечер...

– Нет-нет, охотно вас навещу. До встречи.

Николай вернулся на шоссе – или чем там была эта дорога, шедшая вокруг комбината – и буквально через несколько шагов столкнулся со зрелищем столь сюрреалистическим и зловещим, что в первый миг не поверил своим глазам. Навстречу ему ехал самосвал, доверху

нагруженный... костями. Там были, насколько можно было разглядеть с земли, и практически целые костяки с двумя рядами выгнутых ребер, и отдельные кости. Грязно-желтовато-серые, с розовыми и бурыми пятнами ошметков мяса и сухожилий. На вершине этой отвратительной груды спокойно восседал черный ворон; встречный поток воздуха ерошил его перья, но его это не смущало. Когда машина проехала мимо, Николай почувствовал идущий от нее тяжелый дух.

Кости были, разумеется, коровьи – видимо, где-то в городе имелся свой мясокомбинат – и все же эта встреча произвела на Селиванова весьма неприятное впечатление. Впрочем, что вообще в Красноленинске произвело на него приятное впечатление?

Селиванов миновал очередной угол забора комбината, вновь завернувшего влево. Справа при этом тоже показалась некая каменная ограда, но на сей раз невысокая. На миг Николаю показалось, что он видит за ней парк... и даже со скульптурами... и тут же он понял, что это такое.

Кладбище. Неожиданно большое для маленького провинциального города и, должно быть, очень старое.

Николай не испытывал суеверного страха перед кладбищами, но и к любителям прогуливаться между могилами, читая надписи и размышляя о бренности всего сущего, тоже не принадлежал. Тем более сейчас он уже торопился на встречу. Тем не менее, шагая вдоль длинной оштукатуренной ограды, доходившей ему примерно до плеча, он все же не удержался от взглядов на то, что находилось с другой стороны.

Он действительно различил и солидные мраморные надгробья, и конструкции попроче вроде сваренных из железных прутьев крестов, выкрашенных в зеленую или синюю краску, и даже советские обелиски со звездочками, которые, как он считал прежде, ставят лишь на братских могилах – но все это просматривалось лишь в отдалении. Ту же часть кладбища, что подходила ближе всего к комбинату, заполняли совсем иные захоронения. Здесь рядами вертикально торчали железные пруты (многие уже основательно ржавые) с прикрученными к ним табличками. На табличках не было никаких имен – только номера.

Насколько Николай знал, так хоронят на зонах. Ну или неустановленные трупы. Однако не много ли неустановленных трупов для такого маленького городка?

Кстати, и дальние «нормальные» могилы, насколько мог разглядеть отсюда Николай, по большей части имели заброшенный вид. У него вдруг мелькнула совершенно иррациональная мысль, что грузовик с костями выехал отсюда. На старых кладбищах время от времени уничтожают старые могилы, чтобы освободить место под новые... Нет, полная чушь, разумеется – кости в машине совершенно точно принадлежали животным, слишком крупным по сравнению с человеком, да и были при этом достаточно свежие. Но общее неприятное чувство все равно усилилось.

Кладбище, наконец, закончилось, оперевшись в очередную перпендикулярную комбинату улочку, и, вновь посмотрев налево, Николай с облегчением увидел, что добрался до цели – во всяком случае, промежуточной. Бетонный забор комбината, столь монотонно тянувшийся от поворота к повороту, здесь, наконец, отступал назад, образуя глубокую нишу, в которой находились двери главной проходной. Двери были непрозрачными, и никаких вывесок на проходной не было, что Селиванова уже не удивило. Асфальт перед проходной образовывал полукруглый пятачок, на котором и размещалась будка автобусной остановки. На остановке, как с неудовольствием отметил Николай, толпился народ, что обещало всю прелесть поездки в переполненном автобусе. И это несмотря на то, что до конца рабочего дня еще далеко – и на то, что сам комбинат фактически простаивает... А может, в этом все и дело – потому их и распускают пораньше, что работы нет? И не так уж их много – и трех десятков не наберется... можно представить, что за Ходынка тут творилась, когда комбинат работал в полную силу...

Оглядевшись по сторонам, Селиванов перешел дорогу и направился к остановке. И, лишь подойдя почти вплотную, заметил, что на тротуаре кто-то лежит.

Мужчина не моложе пятидесяти (Николай видел его седеющие волосы), в старой забрызганной грязью куртке и заношенных мятых брюках, лежал вниз лицом возле самой остановки. Ожидавшие автобуса стояли рядом, не уделяя ему никакого внимания. «Еще один алкаш», – брезгливо подумал Селиванов.

Однако затем у него возникли сомнения в этой версии. Слишком уж неподвижной и неудобной – лицом в холодный шершавый асфальт – была поза лежавшего, слишком уж неестественно-бледной – кожа его шеи и рук. Винного запаха – а Николай подошел вплотную – тоже не чувствовалось.

– Что с ним? – спросил Селиванов.

Вслух никто не ответил. Кто-то покосился на лежавшего, словно впервые его заметив, пара человек равнодушно пожали плечами.

– Он вообще живой?

Вновь никакого ответа. Кто-то бросил на Селиванова откровенно неприязненный взгляд.

– Хрен знает, – произнес, наконец, один из рабочих, – он тут давно лежит.

– Кто-нибудь вызвал «скорую»? – допытывался Николай.

– Мужик, – озвучил общее мнение здоровый амбал в плаще с одутловатым лицом, – тебе чего, больше всех надо?

Николай достал мобильник, надеясь, что сигнал будет. Надежда не оправдалась. Он сделал несколько шагов от остановки, вертя телефон так и этак, поднимая его вверх... Есть! Появилась одна полоска. Он поспешно набрал 03 и поднес аппарат к уху.

– Вторая, – откликнулась трубка.

– Тут на остановке второго автобуса, конечная, у проходной комбината, лежит мужчина...

– Пьяный, что ли?

– На пьяного не похож. Судя по всему, он без сознания... как минимум.

– Он живой вообще? – равнодушно осведомилась «вторая».

– Я не знаю, я не врач, – ответил Николай, сдерживаясь.

– Ну так проверьте. Мы на трупы не выезжаем.

– Как я проверю?! Я же говорю, я не специалист!

– Ну как, пульс пощупайте.

– Во-первых, даже если я не нащупаю пульс, это еще ничего не доказывает, во-вторых, если он в самом деле мертвый, его нельзя трогать, пока милиция не осмотрит! Вы хотите, чтобы на трупе мои отпечатки нашли?

– Ну так в милицию и звоните, а мы на трупы не выезжаем.

– Подождите! – крикнул Николай («господи, как же можно быть настолько тупой?!») – Я не сказал, что он труп! Я сказал – если! – и тут его осенила простая до гениальности мысль: а почему, собственно, он не может соврать? Что его – привлекут за ложный вызов? Пусть только попробуют. Человек лежит, значит... – Есть у него пульс, но очень-очень слабый!

– А лет ему сколько? – продолжала допытываться трубка.

– Почему я знаю, я в его паспорт не смотрел! Какое это имеет значение?

– Мы к тем, которые старше семидесяти, не выезжаем.

– Вы не имеете права! – взвился Николай. – Вы обязаны...

– А у нас бензина нет, – спокойно ответила «вторая». – Так уж мы его лучше потратим не на тех, кому все равно завтра помирать. И машины почти все аварийные.

– Нет, он намного моложе, – поспешно сказал Селиванов. – Не старше пятидесяти.

И тут у него возникло сомнение: а правильно ли поступает он сам? Вызывая «скорую»,

весьма вероятно, к мертвецу и тем самым, возможно, лишая шанса кого-то, кому еще можно помочь... Но как вообще может такое быть, чтобы у «скорой» не было бензина?! В нефтедобывающей стране!

Дежурная молчала, словно уловив его сомнения.

– Алло! – крикнул он. – Так вы пришлете машину?

Ответа по-прежнему не было. Николай посмотрел на экранчик и увидел, что связь прервалась.

Тем временем народ на остановке оживился – приближался автобус. Селиванов поспешил назад к остановке. Автобус с шипением открыл двери и выпустил четырех пассажиров. Едва дождавшись, пока они выйдут, толпа ломанулась на штурм (хотя ясно было, что мест в пустом автобусе хватит всем). Лежавшего не топтали, но перешагивали через него спокойно, словно через бревно.

Это был не тот автобус, на котором Николай уже ехал, хотя выглядел очень похоже – такой же замызганный, с оголенным от вечного перегрева двигателем (при взгляде на его вибрирующий при вращении шкив Селиванову вдруг представилась ассоциация: заросший седой щетиной старик с мешком за спиной, тяжело бегущий со вскрытой грудной клеткой, и между ребрами видно, как колотится нездоровое, в шрамах от предыдущих инфарктов сердце), и пахло в салоне не лучше. Кондуктор, само собой, тоже был другой, но тоже здоровый мужик вполне уголовного вида. Николай подошел к нему последним, рассчитывая, что у того скопилось уже достаточно мелких купюр для сдачи. Тем не менее, кондуктор недовольно проворчал, глядя на протянутую пятисотку: «Чо, крупнее не было?»

– Могу дать тысячу, – демонстративно серьезно ответил Николай.

– Ладно, умный выискался... – буркнул кондуктор и принялся столь же демонстративно отсчитывать сдачу десятками. Да, думал Николай, наблюдая за этим процессом, два самых страшных в России греха – быть умным и быть тем, кому больше всех надо. Удивительно, как страна с такими ценностными установками вообще сумела вылезти из каменного века...

Процесс отсчитывания сдачи занял целую остановку; автобус остановился, принял новых пассажиров и, лязгая изношенным карданом, пополз дальше, а амбал все перекладывал купюры. Вновь вошедшие принялись возмущаться, какого хрена он возится. «А вот тут у умника столичного нормальных денег нет», – довольно кивнул на Селиванова кондуктор, мигом переводя народный гнев в задуманное русло. «Он меньше тысячи с собой не носит.»

Николай хотел автоматически возразить, что дал ему пятьсот, но тут же решил, что оправдываться ниже его достоинства. Под громкие реплики про «зажравшихся» и «понаехавших» последние бумажки были, наконец, отсчитаны, и амбал торжественно вручил Селиванову истрепанную и разломаченную стопку, которую, конечно, решительно невозможно было запихать в бумажник.

– А билет? – поторопил его Николай, пихая пачку во внутренний карман.

– А зачем тебе билет? Ты за проезд уже оплатил.

Ну ясно – они на пару с водителем еще и прикарманивают половину выручки. А потом, конечно, возмущаются, что автобусы поломанные, а у финансируемой из того же муниципального бюджета «скорой» нет бензина...

Но втолковывать это кондуктору было, конечно, бессмысленно, и Николай избрал самый простой ответ:

– Для отчетности перед бухгалтерией. И кстати, мы на брудершафт не пили.

– Чо? – непонимающе уставился на него амбал, а затем все же нехотя протянул билет со словами «вот же жмотье московское...»

Николай отошел от него и пошел по проходу к передней двери, а в спину ему все неслись

злобные реплики про «московских жлобов», причем уже не от кондуктора и даже не только от тех пассажиров, которых он невольно задержал – хотя, можно подумать, у них были какие-то другие дела в автобусе – а и от тех, что вошли у комбината раньше него.

Опустившись на еще оставшееся свободное одиночное сиденье в левом ряду, Селиванов подумал, что знает, что ответил бы ему кондуктор на его невысказанный аргумент. Не сейчас, конечно, когда он раздражен и желал публично «поставить на место» «понаехавшего» (Николай много раз слышал, как москвичи презрительно называют этим словом приезжих из провинции, но ему как-то не приходило в голову, что возможна и обратная ситуация), а если бы после работы не торопясь распил с ним на двоих бутылку, желательно еще и самим Николаем поставленную. Он сказал бы, что все, что прикарманивают он с водителем – это копейки. Начальство ворует во много раз больше. И это действительно так. Но на том-то и держится этот безвыходный пакт: «мы не мешаем вам воровать копейки, а вы не мешайте нам воровать миллионы». Однако такие материи для этого субъекта уже слишком сложны. Он сам не хотел бы, чтобы пришла честная власть, которая не позволит подворовывать и ему. В его представлении это прямой убыток. Этот воображаемый диалог представлялся Николаю столь живо, словно происходил в реальности: «Ну как ты не понимаешь, если никто не будет воровать, то ты честным путем будешь зарабатывать больше, чем сейчас ворует! – Да ты чо, дурной? Где это видано, чтобы в России никто не воровал?» А если он и впрямь прошел зону, то, небось, еще и гордится тем, что сумел завязать и теперь «честно» работает...

Автобус отъехал от третьей остановки, начал, одышливо пыхтя, набирать скорость – и вдруг остановился. Двигатель замолчал. Водитель открыл двери и сообщил в микрофон (воспользовавшись им впервые за всю поездку – объявлять остановки он даже и не думал), что автобус дальше не пойдет «по техническим причинам». Мысленно чертыхаясь, Николай вместе с другими выбрался наружу через переднюю дверь и увидел эти причины: из открытого моторного отсека клубился пар, а внизу под ним, на и без того мокром асфальте, расплывалась темная лужа – не то масло, не то охлаждающая жидкость. Как назло, еще и дождь, доселе не выходящий за рамки мелкой мороси, вновь стал усиливаться. Николай опять натянул капюшон и, обойдя от греха автобус сзади, перешел на левую сторону улицы. Значит, теперь топтать неизвестно сколько до помойки со школой... хотя тут таких помоек может быть...

Он миновал мертвое здание Дворца культуры, по своей архитектуре куда больше напоминавшее не дворец, а поставленную на попа сигаретную пачку (мокрый клочок афиши со стенда перед входом все еще приглашал на состоявшийся неведомо когда вечер танцев «Для тех, кому за тридцать», и Николай с усмешкой подумал, что подходит под эту категорию), затем – вполне живой ресторан «Казбек» (в советском девичестве – кафе «Росинка», как можно было понять по еще различимым на фасаде силуэтам букв), где, несмотря на довольно ранний еще час, всю шла гулянка (надрывавшуюся внутри архаичную попсу слышно было даже на улице, и Николай, напрягши память, с удивлением опознал песню «Бухгалтер» группы «Комбинация» – уж не корпоратив ли по-красноленински выглядит таким образом?), а затем действительно увидел огромную помойку, где вдоль бетонной стенки выстроился в два ряда добрый десяток мусорных ящиков. Какой-то облезлый старикашка деловито исследовал содержимое крайнего справа, складывая добычу в пакет с потертой картинкой, изображавшей американскую молодежь в золотых лучах солнца, и слоганом «The Sunny Side Of Life». У Селиванова мелькнула дикая мысль, что это и есть тот, кто назначил ему встречу.

Но это была, конечно, чепуха. Позади помойки и в самом деле виднелось типично советское здание школы, обнесенное низеньким бетонным заборчиком (Николай с детства не понимал смысла этих заборчиков, перелезть через которые может любой первоклассник, да и с юридической точки зрения никакую запретную зону не обозначающих). Селиванов двинулся

тем путем, что был ему указан, и действительно вышел к семиэтажному панельному дому грязно-синего цвета, на углу которого даже обнаружилась табличка «ул. Бермана, 8». Он набрал на домофоне «#12», и уже знакомый ему жизнерадостный голос пригласил его подниматься на третий этаж.

Васильчиков, встретивший гостя прямо на лестничной площадке, оказался невысоким расторопным старичком в очках с роговой оправой, с остреньким носом и тщательно прилизанной сивой шевелюрой; он был облачен в теплый домашний халат, подпоясанный золотистым поясом с тяжелыми кистями, и черные тапки с меховой опушкой.

– Николай Анатольевич? А что ж вы не на лифте? Неужто опять не работает?

– Так третий этаж же.

– Ну, тоже правильно. Молодыми ногами оно конечно... Вы проходите, проходите. Курточку сюда вешайте. Как добрались, нормально? Не заблудились?

– Преодолевая трудности, – усмехнулся Селиванов. – Автобус сломался, да еще дождь опять...

– Это да, это у нас бывает... Тапочки вот обувайте, специально для гостей их держу.

– Спасибо, я так, – отказался Николай, снимая ботинки. Идея гостевых тапок, через которые можно запросто подхватить грибок, его отнюдь не прельщала.

– Ну ладно, тогда проходите в ту комнату, там ковер на полу. Садитесь за стол, я чай принесу. Чай будете?

– Не откажусь, – охотно откликнулся Николай, желавший согреться после сырой уличной мерзости. – А где у вас можно руки вымыть?

– Сюда, пожалуйста. Первая дверь справа ванная, за ней туалет.

Хозяин ушел хлопотать на кухню, а гость долго и тщательно мыл руки душистым оранжевым мылом и наконец, пригладив перед овальным зеркалом волосы, проследовал по мягкому ковру в небольшую, но уютно обставленную комнату. Мягкий диван с замшевыми подушками, на стене над ним – еще один ковер, глубокие кресла по углам, старинный сервант, сверкающий хрусталем и фарфором на полках, большие напольные часы с гириями (они показывали без четверти пять, и Николай, сверившись с собственным запястьем, сделал вывод, что они спешат), книжный шкаф – мечта букиниста (ни единого современного глянцевого переплета), люстра с висюльками, стилизованная под старину (а может, и впрямь старинная), квадратный, со скругленными углами, полированный столик у окна, задернутого кисейным тюлем. Николай придвинул ближайшее к столику кресло и сел. Кресло оказалось, пожалуй, слишком мягким – колени задрались, возникло навязчивое желание откинуться назад. Дремать или даже читать в такой позе, может, и неплохо, а вот пить чай не очень удобно – разве что если держать чашку не над столом, а над коленями, рискуя пролить себе на ноги, или же сидеть на самом краешке... ну да ладно.

Вошел хозяин с подносом, на котором стояли фарфоровая сахарница, блюдечко со свеженарезанным лимоном (от одного взгляда на который выделялась слюна, как у собаки Павлова), вазочка с цукатами и большая плоская тарелка с веером разложенным печеньем нескольких сортов, судя по виду – куда более дорогих и вкусных, чем в шкафу у Алевтины. Сгрузив все это на столик, Васильчиков сделал вторую ходку и принес два чайника – для воды и заварки, причем первый, вопреки ожиданию Николая, оказался все-таки электрическим. Водрузив их на круглые подставки с жостовской росписью, хозяин сходил на кухню в третий раз и вернулся с двумя тонкостенными, почти прозрачными чашками, в которых позвякивали серебряные ложечки, и целой стопкой из четырех блюдечек. Но и это было еще не все: старичок вышел снова и на этот раз принес бело-коричневый торт с кремовой розочкой сверху.

– Ох, – смутился Селиванов, – у вас что, сегодня праздник какой-то?

– Ну, не каждый день к нам гости из Москвы приезжают... угощайтесь, не обижайте старика. Я не спрашиваю, покрепче вам чай или послабее и сколько сахара – вы уж сами себе сделайте, как вы любите...

– Да какой уж сахар, когда столько сладостей... спасибо, Аркадий Семенович, – Николай налил себе чай с лимоном, положил на блюдце кусок торта, подул на исходившую паром чашку, потом сделал осторожный глоток. – Уфф... хоть что-то хорошее за сегодняшний день.

– Вам не понравился наш город?

– Нуу... – протянул Селиванов, не желая ни ранить его чувства, ни говорить неправду (тем более – очевидную неправду), – в общем оно, конечно... погода вот, в частности, второй день подряд... Я понимаю, что осень, с календарной точки зрения... но все же...

– Погода – это да, – согласился Васильчиков с неожиданным оттенком гордости. – Тринадцать солнечных дней в году, в среднем, конечно. Самое низкое значение для материковой суши в мире! Абсолютный минимум, кстати, тоже находится у нас в России – на островах архипелага Северная Земля. Двенадцать дней в году.

– Надо же! – заинтересовался Николай. – Ну северный архипелаг – это понятно, а здесь-то почему? Вроде, должен быть умеренно-континентальный климат...

– Вот такая у нас здесь метеорологическая аномалия, – развел руками Васильчиков, а затем тоже аккуратно отрезал себе небольшой кусок торта. – Постоянный, в некотором роде, циклон... область пониженного давления прямо над городом

– Прямо как Красное пятно на Юпитере, – усмехнулся Селиванов. – Кстати... почему такое, гм, странное название? Даже с точки зрения советской логики... Как будто где-то есть Белоленинск! Почему не просто Ленинск?

– Просто Ленинск в нашей области уже есть. Не очень далеко отсюда. Наш, в некотором роде, побратим.

– Ну хорошо, а как город раньше назывался?

– Сталинск. Как раз мы и были города-побратимы: Ленинск и Сталинск. А после XX съезда...

– Понятно, – хмыкнул Николай. – Ну а до Сталинска как он назывался?

– Троцк.

– Да уж! – фыркнул Селиванов. – Ну а исходное-то у него название какое? До эпохи диалектического материализма?

– Старороссийск.

– Ну понятно, почему совки это название не вернули, – протянул Николай. – Слишком старорежимное. Хотя при Ельцине могли бы...

– Был городской референдум, – охотно пояснил Васильчиков. – Народ высказался против переименования.

– Да уж... народ ваш... – пробормотал Селиванов. – Видел я этот народ... Старороссийск, значит, – предпочел он вернуться к более нейтральной теме. – Он действительно такой старый? Пока что я тут ни одного по-настоящему старого строения не видел.

– Фактически такой же старый, как и Россия, – возразил Васильчиков. – В точном значении термина, ибо древнерусские княжества, как известно, так не назывались... Наш город основан Иваном Грозным, а он, как вы знаете, был первый русский царь.

– Не совсем так. Первыми русскими царями были ханы Золотой Орды. Именно так их здесь совершенно официально титуловали, вознося за них, кстати, молитвы в православных церквях... Шапка Мономаха, кстати, идет оттуда же. А Иван Грозный, приняв этот титул, лишь обозначил преемственность. Но так далеко на востоке он не бывал, так что, полагаю, насчет основания города все же легенда.

– Нет, не легенда, – решительно не согласился старик. – Он действительно никогда не бывал здесь, но город заложен по его приказу в предписанном им месте. Согласно преданию, это место открыл ему некто, явившийся ему во сне.

– Некто? – с усмешкой переспросил Николай. – Обычно такое приписывают какому-нибудь святому. И называют город в честь него.

Васильчиков пожал плечами, словно говоря, что за текст древнего предания он не отвечает.

– Что касается памятников архитектуры, – продолжил он, – то их в нашем городе действительно, к сожалению, практически нет. В условиях нашего климата – сами понимаете, постоянные дожди, метели, морозы, перемежающиеся краткими оттепелями – объекты материальной культуры вообще плохо сохраняются... в особенности деревянные здания – а каменных здесь всегда было мало... Ну и, конечно, многое было снесено при советской власти. Не обязательно по идеологическим мотивам, как вы, наверное, подумали. Просто избавлялись от старого, ветхого жилья ради новыхстроек... тут действительно были жуткие бараки, трущобы... тем более, шло расширение комбината, и надо было куда-то селить новых работников...

– Из старых царских бараков – в новые советские?

– Вы напрасно, Николай Анатольевич, иронизируете. Да, эта застройка не очень походила на дворцы, которые представлялись романтикам двадцатых, золотых унитазов там не было – но знаете ли вы, как жили рабочие во времена того же Николая II? Вашего, в некотором роде, тезки, хе-хе. По две-три семьи в одной комнате, никакого электричества, никакой, вы меня извините, канализации... это не советская пропаганда, это исторические документы, я вам могу фотокопии дореволюционных статей показать... Так что для них переезд в советскую коммуналку, где на семью приходилась целая комната, а на большую так даже и две, светлые, с высокими потолками – это все-таки был прогресс. Я не хочу сказать, что при советской власти все было замечательно, я сам, в некотором роде, сын репрессированного, но если мы признаём недостатки, надо же признавать и достоинства...

– Угу. А еще при царе не было холодильников и телевизоров, а при большевиках появились – значит, лучше всего народ жил при большевиках, – усмехнулся Николай. – Сравнивать-то надо не с прошлым, не с пресловутым 1913... или, еще лучше, с 1613 – а с настоящим, с тем, как жили современники этих рабочих в нормальных странах! И кстати, высококвалифицированные рабочие и при царе жили вполне неплохо. У меня прадед по материнской линии из таких. До переворота его семья жила в отдельной квартире, после в нее вселили каких-то безграмотных пьяниц... и больше уже до отдельной квартиры он не дожил. Дожил только его сын, мой дед, на старости лет в шестьдесят девятом. И это в Москве.

– Но в Москве ведь и ситуация с жильем была особенно напряженной. Туда со всей страны люди ехали.

– Угу – потому что по всей остальной стране жрать было нечего. В Вашингтон вот почему-то не едут, так и остается далеко не самым крупным в Америке городом – как, кстати, и большинство столиц американских штатов... И потом, в Москве и домов было больше, и ресурсов для строительства.

– Вот-вот, – подхватил Васильчиков, – а у нас тут, как ни крути, глухая провинция. Если бы не комбинат, вообще никакой жизни бы не было. Так что его нуждам, конечно, всегда был главный приоритет, и из старой архитектуры тут мало что сохранилось. Бывшее здание городской управы, это середина девятнадцатого века, конец николаевской эпохи, там потом горком был, потом еще дворянское собрание, это вообще начало двадцатого, стиль «а ля рюс», было передано управлению НКВД – последнего, кстати, предводителя дворянства там же и расстреляли, в собственном, можно сказать, подвале... ну и, конечно, старая тюрьма. Вот это

наша главная достопримечательность – первая половина восемнадцатого века, при Петре еще заложено! Потом, правда, неоднократно перестраивалось и расширялось, в последний раз в начале тридцатых, достроили два новых корпуса...

– И, конечно, до сих пор используется по назначению.

– Ну, а как же иначе. Народ у нас сами можете видеть какой... Так что, к сожалению, тюрьму можно осмотреть только снаружи из-за забора. Хотя там внутри очень любопытный музей, но он ведомственный. Может, и можно было бы договориться в виде исключения, чтобы вас туда пустили, но с вас потребуют подписку, а какой вам тогда смысл...

– Да нет, в тюрьму я как-то не рвусь, – осклабился Николай и налил себе еще чаю. – И старых церквей у вас тут тоже не осталось? Большевики повзрывали? Хотя одну я, кажется, видел на въезде в город...

– Не все, но многие действительно были снесены, – кивнул старик. – Хотя, по большому счету, художественной ценности они не представляли. Практически все были выстроены по одному простому одноглавому канону, хотя и в разное время... более характерному для сельской местности... примерно то же, что вы видели у железной дороги. Но вот самый старый городской храм как раз сохранился. Храм Жертвоприношения Авраама.

– Звучит как-то не очень православно, – заметил Николай.

– Разве вы не знаете, что православие включает в себя Ветхий Завет?

– Да, разумеется. Но таких названий мне как-то прежде не попадалось – все больше успения да вознесения... хотя, если вдуматься, это тоже все посвящения смерти. Удивительно все же некрофильский культ... если еще и поклонение мощам вспомнить... впрочем, я не особо интересуюсь этим вопросом. Я, вообще-то, атеист. Для меня церкви – объект чисто эстетический. Так и что же, этот ваш храм моложе тюрьмы?

– Значительно старше. Собственно, первая церковь на этом месте была заложена еще при основании города, но она была деревянной и, конечно, не сохранилась. Каменный храм был заложен в 1612, малые главы достроены при Петре, но свой нынешний вид храм обрел после почти полной перестройки еще столетие спустя. Точнее, в 1913 была проведена масштабная реставрация, но общий облик она не затронула...

– Почему ж вы сказали, что главная достопримечательность здесь – это тюрьма? Храм, наверное, все же поинтересней будет.

– Я имел в виду достопримечательность, которую можно увидеть, хотя бы и через забор. А храм ныне находится на территории комбината.

– Вот как? – Николай задержал ложку с куском торта возле рта. – Это что же, неужели у советской власти рука не поднялась на памятник архитектуры? Как-то для нее нехарактерно. Или храм просто приспособили под производственные нужды?

– Ну вообще-то да, приспособили.

– Так он не действующий? Или, в связи с новыми веяниями, там теперь окормляют опиумом работников комбината?

– Да в последние годы и сам комбинат практически не действующий... Хотя вроде бы теперь политика меняется. Есть надежда на возрождение.

– Да, это я уже слышал... Многие надеются?

– Да почитай весь город...

– А вот на этот счет я слышал и другие мнения, – усмехнулся Николай. – А что, на этот ваш комбинат никак нельзя пройти? – перешел он, наконец, к более интересовавшей его теме. – Скажем, чтобы на храм посмотреть?

– Боюсь, что нет, – твердо произнес Васильчиков. – Вы попробуйте это печенье, очень вкусное.

– Вот же, не умеют у нас деньги зарабатывать! Все ждут, пока правительство даст. Нет чтобы, раз производство простаивает, хотя бы экскурсии в храм организовать. Все-таки памятник... Семнадцатый век... Да, я понимаю, это копейки, но лучше, чем ничего.

– Простаивает или нет, а нормы допуска никто не отменял.

– То есть в тюрьму договориться в виде исключения можно, а на комбинат нельзя? (Старик развел руками с видом «не я это решаю!») Такой секретный?

– Уж какой есть.

– Прямо удивляюсь, что меня вообще в город пустили! Или это сейчас такое послабление, а раньше закрытый город был?

– Да нет, в общем-то, не был. Проверки паспортного режима и все такое были строже, но в общем-то въехать сюда и раньше мог любой желающий.

– Почему так?

– Ну как вам сказать... От закрытости тоже может быть больше вреда, чем пользы. Вот про Арзамас-16, к примеру, все слышали, и у нас, и за рубежом. А кто когда слышал про Красноленинск?

– Честно говоря, я вообще не понимаю, как возможно сохранение подобных тайн. Ведь на комбинате работает – или работало в лучшие его времена – наверное, полгорода...

– Ну, как считать. Ведь комбинат – это не только, в некотором роде, конечный процесс. Это сложное, комплексное хозяйство, которое его обеспечивает – и которое обеспечивает тех, кто его обеспечивает, и так далее. То есть, так или иначе, на комбинат работает весь город, только на разных уровнях...

Николай вспомнил, что то же самое говорила Светлана.

– Вот именно, – подхватил он вслух, – причем, мягко говоря, далеко не все из них – истинные арийцы с нордическим характером... или как там писали в советских анкетах – идейно выдержанные и морально устойчивые. Ну, подписки, конечно, страх наказания, но все равно многие по пьяни способны разболтать что угодно...

– Так я ж вам говорю – разные уровни. Работники какой-нибудь авторемонтной мастерской, повара в рабочей столовой, сантехники, да хоть киномеханик в клубе – они все заняты своим конкретным делом и за все прочее не ответственны. То есть, конечно, в общем плане, пропагандистском так сказать, конечно, да – «мы все делаем важное для Родины дело». Но в плане интересующих вас – или, скажем, не вас, а, в некотором роде, агента противника – частностей...

– Ну, теоретически, наверное, так, – согласился Николай, вспомнив Сашку. – Но все равно, мне кажется, такое жесткое разграничение возможно только при германском орднунге. А в России в конечном счете все равно всё всем станет известно. Ну, кроме тех, кто принципиально не хочет знать. Затыкает уши, когда в его присутствии заходит соответствующий разговор.

– Ну, в какой-то мере вы правы, – кивнул старик, – но и тех, кто знать не хочет, не стоит недооценивать. Вам, как журналисту, это, может быть, дико звучит... у вас главная цель – узнать и донести правду... ну или не правду, а то, что вам редактор скажет...

– Я всегда пишу только то, что считаю истиной, – резко перебил Николай. – Да, мне не всегда дают сказать все, что я хочу. Но я никогда не говорю того, что я не хочу.

– Ну хорошо, хорошо... такой, в некотором роде, благородный идеализм внушает уважение. Вам кажется, что главное – это сорвать покровы и донести истину. А для большинства людей главное – это спокойно жить. А эта ваша истина им только мешает.

– Почему обязательно мешает?

– Потому что скрывают только такие истины, которые мешают комфортно жить. Иначе

зачем?

– Ну да, – желчно усмехнулся Николай, – вопрос только в том, кому мешают. Преступнику, скрывающему свои преступления?

– А если даже и преступнику – вы уверены, что его во всех случаях надлежит разоблачать?

– Ну, знаете ли! – Николай даже отставил от себя чашку от возмущения.

– Нет, вы не горячитесь, Николай Анатольевич. Возьмем, например, такую теоретическую ситуацию. Мужчина изнасиловал женщину, пока она находилась в бессознательном состоянии. При этом никакого физического вреда, включая беременность, он ей не причинил и принял для этого все соответствующие меры, а девственницей она уже не была, и он это знал. Когда она пришла в себя, то так и не узнала, что с ней случилось. Никто, кроме самого насильника, о случившемся не знает. Но, допустим, каким-то случайным образом узнали вы. Вы считаете, что насильника надо привлечь к ответственности?

– Разумеется!

– А за что? Рассуждая не с юридической, а с фактической точки зрения – кому он причинил вред? Физического ущерба женщина не понесла, причем он об этом позаботился, морального – тоже, раз ни о чем не знает. И жила бы себе дальше спокойно и счастливо. Но вам для того, чтобы разоблачить преступника, придется открыть ей глаза. И заставить ее жить дальше с осознанием пережитого поругания – если она вообще сможет с этим жить... Получается, что вред ей нанес не насильник, а вы, его разоблачивший!

– Это демагогия, – брезгливо поморщился Николай. – Покарать насильника необходимо хотя бы потому, что он социально опасен. Он может изнасиловать и других женщин...

– Но если это будет происходить по той же схеме, то и для них будет верно то же самое рассуждение, не так ли? Или даже, допустим, вы точно знаете, что новых изнасилований он не совершит. Неважно, откуда – это же теоретический пример. Все равно будете настаивать на разоблачении?

– Преступник должен понести наказание, – упрямо повторил Николай.

– Даже в ущерб жертве?

– Ущерб был нанесен, когда он сделал то, что сделал, а не когда об этом стало известно. А по вашей логике, и вора не надо наказывать, если обворованный не заметил пропажи!

– Тут уж, извините, у вас некорректная аналогия. Пропажа материальной ценности – вещь вполне объективная, знает о ней хозяин или нет. Рано или поздно все равно хватится, не он, так наследники. И такую пропажу, опять-таки, можно вернуть. А как вы вернете женскую честь и гордость? Которые будут утрачены лишь в том случае, если жертва узнает, что она – жертва.

– Я не понимаю, вы хотите сказать, что насильник в своем праве, что ли? Что он вообще не сделал ничего плохого?

– Нет, Николай Анатольевич, я только хочу сказать, как все непросто с этой истиной. Насильник поступил плохо, но разоблачать его – значит сделать еще хуже. Вы берите еще торт, не стесняйтесь.

– Это порочная логика, – непреклонно возразил Селиванов, проигнорировав предложение. – Из нее следует, что надо не препятствовать злу, а убеждать жертв в том, что оно не существует или что оно не зло вовсе. Причем, чем эффективнее методы убеждения, тем большее зло можно себе позволить. Чем, собственно, большевики, да и любые тоталитарные режимы с их промыванием мозгов, и занимались.

– Проблема еще в том, что есть зло, – заметив Васильчиков. – Вы ведь, как атеист, не будете утверждать, что это объективная категория, существующая независимо от нашего

сознания? Злом является лишь то, что человек воспринимает, как зло, не так ли? Причем не человек вообще в некоем платоновском смысле, а каждый конкретный человек...

– Ну разумеется, добро и зло относительны и субъективны, но это не значит, что нельзя сформулировать никакие объективные критерии. Например, если нечто ведет к разрушению человека, физическому или психическому, то это зло вне зависимости от того, осознает он это или нет. Или ограничение его свободы, то есть сужение пространства его возможностей, а также и насилие над ним, то есть совершение с ним действий, на которые он не давал своего согласия – под это как раз попадает описанный вами пример... да, да, я знаю, что вы хотите сказать: что и подобные вещи – не изнасилования, конечно же – бывают необходимы. Но даже необходимое зло все равно остается злом. Однако давайте все же вернемся из горных высей философии к более конкретным вопросам. Вы хотите сказать, что на комбинате творится что-то незаконное?

– Я? Помилуйте, Николай Анатольевич, да ведь это вы завели разговор о преступниках. Я говорил лишь о сохранении государственных тайн.

– Ну ладно. Гостайны я, сами понимаете, публиковать не собираюсь, а если бы даже и хотел, редактор бы не позволил. Но все-таки мне надо иметь какое-то представление о предмете моей статьи. То есть о комбинате. Ну пусть даже в общих чертах. Вот вы, Аркадий Семенович, говорите, что так или иначе к нему имеет отношение весь город. А вы тоже там работали?

– Ну, в общем, по роду службы имел некоторое касательство. Но, замечу, даже я никогда не был на внутренней территории.

– А мне показалось, вы описывали храм так, словно его видели.

– По фотографиям, только по фотографиям.

– А можно мне взглянуть на эти фотографии?

– Боюсь, что они для служебного пользования, Николай Анатольевич. И уж, само собой, дома я их никогда не хранил, а уж после выхода на пенсию и подавно.

– Господи, да что ж в храме-то может быть секретного? Я так понимаю, там сейчас какой-нибудь склад или котельная... нет? Лаборатория? Ну все равно, это же внутри, а не снаружи... Или там что-то настолько специфическое, что его и снаружи видно? Какие-нибудь хитрые антенны торчат? Купола в излучатели переделаны?

– Заметьте, Николай Анатольевич, я вам ничего не говорю. Вы сами строите предположения и сами делаете из них выводы. А я просто пью чай, – в подтверждение своих слов старик сделал маленький глоток.

– Но вы-то знаете, что производит комбинат? Ну то есть сейчас он, как я понимаю, ничего не производит, или почти ничего – но в принципе?

Васильчиков молча улыбнулся и взял с тарелки печенье.

– Кое-что, между прочим, я и сам уже знаю, – заметил Селиванов. – Например, что это производство вредное. И что для него привлекались бывшие ээки... и не бывшие тоже. И эта ваша атмосферная аномалия... она ведь связана с комбинатом, так? Уж не... климатическое ли оружие?

– Прежде, чем вы совсем ударитесь в научную фантастику, Николай Анатольевич, хочу вам сказать, что эта аномалия была здесь всегда. Во всяком случае, столько, сколько существует город.

– Но связь все-таки есть, полагаю. Только обратная. Если не пасмурная погода порождена комбинатом, значит, это комбинат построили в таком месте, где всегда пасмурно. Удобно в плане защиты от спутников и самолетов-шпионов... хотя, вы ж сказали, комбинат в первые годы советской власти строили, – перебил сам себя Николай, поняв, что гипотеза не выстраивается.

– Не строили, а расширяли. А так он, под разными именами, и до революции существовал, хотя и в более скромном виде.

- Вот как? Как частное предприятие?
- Нет, всегда как казенное.
- Преемственность, стало быть, – кивнул Николай.
- А то как же. Почитай, четыреста лет без сбоев отработал, пока перестройка не началась... при Ельцине ждали, что вообще закроют, но бог, как говорится, миловал. Говорят, в кабинете директора висят портреты всех его предшественников, включая и тех, кто был репрессирован... но сам я не видел, не знаю. Скорее все-таки легенда. Вряд ли портреты всех сохранились, самых ранних особенно.
- И много директоров было репрессировано?
- А то как же. В конце тридцатых так вообще чуть не каждую неделю менялись, и в начале войны тоже. Но не только. При Петре, например, двоих казнили.
- Даже так? Впрочем, Петр это дело любил. При нем население России, помнится, сократилось чуть ли не на четверть. В том числе и лично практиковался – тут он, надо сказать, даже Сталина переплюнул. Сталин, конечно, тоже убивал своими руками, когда добывал деньги для большевиков вооруженными грабежами – но это было, так сказать, утилитарно, а не из любви к искусству...
- Зато, как ни крути, и державу поднял.
- Сталин или Петр?
- И тот, и другой. Вы несогласны, Николай Анатольевич? Если оставить в стороне средства и смотреть только на результат.
- Какой результат? Обескровленная страна, уничтожение генофонда, нищета и рабство?
- Ну, не только это. Сравните страну в начале и в конце их правления.
- А, вы опять про телевизоры и холодильники? Или там Петербург с демидовскими заводами и Комсомольск-на-Амуре с Днепрогэсом? Атомная бомба, у американцев украденная? Так я опять повторю – сравнивать надо не с первым годом правления, а с тем, чего добились за то же время другие страны. И какую при этом заплатили цену.
- Ну так давайте сравним. У какой еще страны в мире такая территория?
- Три четверти которой непригодны для жизни, – фыркнул Николай. – Тоже мне достоинство.
- А по-вашему, не достоинство? Какая страна не ценит свою территорию? Может, Америка не ценит? Так она за нее воевала. И с Мексикой, и с Испанией, а пуще всего – со своими же американцами. Шестьсот тысяч в гражданской войне положили, шутка ли. Они во всех мировых войнах меньше потеряли. Или Англия не ценит? За Фолкленды несчастные, где всего народу человек триста, воевавшая, про Ирландию с Шотландией уж и не говорю...
- Однако свою колониальную империю Британия распустила. Как и другие европейские страны. А Чехословакия, к примеру, и вовсе мирно разделилась.
- Ну, да, – вынужден был согласиться Васильчиков. – Но кто доминирует в мире – Чехия со Словакией или США?
- А кто доминирует в мире – США или Россия? – в тон ему ответил Селиванов.
- А вот при Сталине ответ на этот вопрос не был таким однозначным... Я понимаю, Сталина вы не любите, хотя почему-то многие либералы, не любящие Сталина, любят Петра...
- Лично я не люблю ни того, ни другого. Жертвы были непомерными и не могут быть оправданы. Но Петр хотя бы стремился в Европу...
- И Сталин стремился. Еще как стремился – аж до Берлина дошел, а хотел и дальше.
- Ну вы же понимаете, что я не это имею в виду, – неприязненно скривился Николай. – Этак у вас Чингисхан главным европейцем выйдет!
- Шучу, шучу, Николай Анатольевич, уж простите старика. Ну а серьезно – в чем это

стремление-то состояло? Иностранцев сюда выписывал производство налаживать? Так и Сталин выписывал. Был, например, такой Альберт Канн, американец, проектировщик заводов Форда. Создатель чуть ли не всей советской промышленности, военной в первую очередь. Что еще? Курить всех заставлял? Сталин демократичней был: сам курил, но других не заставлял. Аналогично с бородами. В немецкое платье всех одел, в камзолы с панталонами? Вы в самом деле думаете, что это такой большой прогресс? Что стоит немецкие короткие штаны надеть, так сразу и немцем станешь?

– Ну что вы все к какому-то балагану сводите. Петр изменил на европейский манер многие куда более важные вещи. Реформа управления, академия... дворянских детей в Европу учиться посылал – при Сталине хрен бы кто вырвался, ни дворянские, ни пролетарские... за попытку самовольно покинуть СССР – расстрел...

– Тех, кто самовольно, Петр тоже не жаловал. Собственного сына-невозвращенца целой спецоперацией обратно заманил и убил...А знаете, как Петра охарактеризовал русский поэт Николай Щербина? «Реформой своей стяжал он много славы: ведь он европеизм настолько нам привил, что сущий искони батог наш величавый спицрутеноем немецким заменил.» Вот в этом, собственно, и суть. Все эти европейские заимствования были для Петра не целью, но средством. Британский парламент он почему-то заимствовать не стал, не говоря уж о голландской республике... Петр хотел не Россию сделать Европой, а воспользоваться европейскими инструментами, дабы Европу подчинить России.

– Ну вот видите, – усмехнулся Николай, – за что же его любить?

– Европейцам, пожалуй что, не за что. А русским?

– А русским от их попыток кого-то себе подчинить всегда становилось только хуже. Причем в случае успеха еще хуже, чем в случае неудачи. Потому что подчиненных надо потом всю дорогу кормить и стеречь, а они на всю эту заботу будут отвечать ненавистью. И правильно, собственно. Что это вообще за дурацкая идея – кого-то подчинять, над кем-то доминировать? Садомазо какое-то. Будем мучиться сами, лишь бы и соседям жизни не дать. Зачем это надо? Вот просто – зачем? Только не говорите мне, что, мол, не ешь ты – съедят тебя. Мне доводилось бывать в маленьких странах, которые никого не едят. И их тоже никто не ест. И живут куда лучше нашего. Без всех этих тухлых мессианских комплексов.

– Не хотите вы величия России, Николай Анатольевич, – улыбнулся старик.

– Не хочу, – отрезал Селиванов. – Вот именно потому, что сам в ней живу – не хочу.

– Но цель-то должна какая-то быть? У народа, у государства? А?

– Цель? Да просто спокойно и достойно жить. А не гробить свои и чужие жизни за совершенно бессмысленные фетиши.

– Вот видите, и вы о спокойной жизни заговорили. А только что осуждали обывателей, которые ее правде предпочитают.

– Но это же разные вещи! Я не имел в виду спокойствие скотины в стойле. Финальная участь которой, кстати, хорошо известна. Я имел в виду спокойствие свободного человека, который уверен в том, что ничто не помешает ему заниматься своим делом и самому определять свою судьбу. Что его не сделают бесправным винтиком очередного мегаломаньяческого эксперимента.

– Но ведь и винтику может быть лестно быть частью большого и могучего механизма. Особенно если вне этого механизма он ничего из себя не представляет – а ведь таких, согласитесь, большинство. И когда этот механизм ломают, даже из самых прекрасодушных представлений о свободе... – Васильчиков сделал жест рукой, словно обводя пространство за окнами.

– То мы получаем Красноленинск, – закончил за него Николай.

– Именно так. В его нынешнем виде, – старик отправил в рот маленький кусочек торта и тщательно его прожевал. – Людей не просто лишили работы и денег. Их лишили цели.

– По-моему, вы переоцениваете местных алкоголиков. Никогда у них не было никакой цели, кроме как набухаться. Ну и чтоб сосед жил еще хуже, чем они.

– Вечно-то у нас интеллигенция презирает свой народ, – добродушно усмехнулся Васильчиков и отпил еще чаю.

– Строго наоборот, – резко возразил Селиванов. – Это народ вечно презирает интеллигенцию. А интеллигенция весь XIX век на него чуть ли не молилась. Чем кончилось, известно.

– Тогда какую же свободу вы хотите дать такому народу?

– Лично я уже ничего не хочу, – сердито пробормотал Николай. – Я хочу написать свою статью и уехать отсюда. Вы можете что-нибудь посоветовать мне для моего материала? Есть тут у вас что-нибудь примечательное, кроме комбината, свалки и тюрьмы?

– Ну, что примечательное... что у всех, в общем-то, то и у нас. Городской парк есть, в тридцатые там парашютную вышку построили, потом она еще долго стояла, когда уже никаких прыжков давно не было. Мальчишки туда забираться любили, это у них в некотором роде вид спорта стал, ну или обряд посвящения во всякие уличные компании – залезть и повисеть на руках над бездной, или даже на одной руке. Ну и разбивались, конечно... Еще самоубийцы оттуда прыгали, тоже вроде как традиция. Родители много раз писали в горисполком, чтобы эту вышку снесли, им всё обещали, но так она до самой перестройки и достояла. А потом какие-то ушлые люди наняли за бутылку водителей, подогнали технику и буквально за ночь вышку на металлолом разобрали, незаконно, конечно... Тир там еще был, комната смеха и зал игровых автоматов, но этого всего тоже давно уже нет, одни пустые павильоны, где наркоманы, в некотором роде, тусуются, как это у них теперь называется... Эстрада была, там когда-то по выходным музыканты выступали и праздничные концерты проводили, потом несколько раз рок-фестивали устраивали, ну, местные, конечно, где уж нам заезжих звезд приглашать... но потом ее сожгли, шпана какая-то сожгла. Пруд был, там в свое время даже лебеди жили, черный и белый, но их бомжи еще в начале девяностых съели. Сейчас там даже уток нет, один мусор среди ряски плавает. Вообще, в парк в одиночку лучше не ходить, опасно.

– Да я и не рвусь, – усмехнулся Николай. – И так ясно, что более унылого места не сыщешь. И у входа, конечно, девушка с веслом и пионер с горном. Причем у пионера отбита рука, а у девушки – кусок ноги.

– Почти угадали, – невозмутимо подтвердил старик. – Только не у входа и не с горном. Девушка возле пруда стояла, а пионер – не просто пионер, а памятник Павлику Морозову. В советские времена к нему школьники регулярно ходили цветы возлагать и в почетном карауле стоять.

– В белых рубашечках и галстуках под холодным дождем?

– Ну, да... простужались, конечно. Но никто не возмущался, сами понимаете. Был даже трагический случай, когда мальчик заболел воспалением легких, а его еще и не диагностировали вовремя... думали – ОРЗ... в итоге умер он. Но скандал, конечно, все равно замяли... Не знаю, в каком они нынче состоянии... статуи, в смысле. Давно уже в парке не был.

– Ладно, с парком ясно. Еще что тут есть?

– Стадион «Трудовые резервы», он открыт, но официальных соревнований там давно не проводится. Дворовые команды в футбол играют да школьники бегают, которых туда на физкультуру гоняют. Потом ДК комбината, но он уже десять лет как закрыт... вы мимо него проезжали.

– Точнее, проходил, – кивнул Николай. – Мне эти советские дворцы культуры

напоминают присказку про морскую свинку – которая на самом деле и не свинка, и не морская.

– Ну, напрасно вы так, Николай Анатольевич... кое-какая культура там была, кружки всякие, выставки... детского рисунка там, народных промыслов... хор ветеранов... кино опять же показывали... ну, конечно, не филармония, но все лучше, чем по подъездам водку пить и на стенах гадости писать?

– Гадости на стенах в этой стране всегда писали, – возразил Селиванов. – Задолго до всякой перестройки и упадка вашего комбината.

– Скажите еще, что в Америке на стенах не пишут.

– Пишут, – согласился Николай. – Сам видел не раз. Но, во-первых, тамошние граффити, – он произнес это слово правильно, с ударением на втором слоге, – выглядят куда более художественно. Не скажу, конечно, что это высокое искусство, но видно, что рисовавший хотел не просто намалевать несколько букв, а сделать это красиво. А во-вторых, это, собственно, не гадости. Непристойностей я там почти не видел. Почти единственное исключение видел в Бруклине, и угадайте что это было? Русский мат. В точности по Высоцкому – «в общественном парижском туалете...» Ну ладно, что еще примечательного?

– Кинотеатр «Родина», там сейчас автосалон, если еще не разорился... ну, конечно, музей Ленина...

– Который здесь даже никогда не был.

– Ну да, но, сами понимаете, название обязывает... Хотя, вообще-то, Ленин принимал участие в судьбе нашего города. Телеграмму присылал, чтобы «архисрочно» возобновили работу комбината, прервавшуюся при Временном правительстве. И первому красному директору комбината тоже лично мандат выписал. Только этих документов в экспозиции нет, даже копий.

– Почему?

– Секретные.

– Что – до сих пор?

– А то как же. Так что там всякие фотографии в основном и бюсты. И копия броневика из папье-маше в натуральную величину.

– И этот музей все еще открыт? – усмехнулся Селиванов.

– Да, он финансируется отдельной строкой городского бюджета. Вход бесплатный, кстати.

– Как будто туда кто-то пойдет за деньги, тем более сейчас.

– Ну и еще есть краеведческий музей, сейчас он работает только по выходным с двенадцати до трех, но там тоже в основном советский период. Из дореволюционного только некоторые предметы быта – лапти, прялка, керосиновая лампа... медвежья шкура, подаренная музею предводителем дворянства... виселица, на которой был казнен эсэр-народоволец Савва Горюнов, убивший почтмейстера...

– Почтмейстера-то за что?!

– Как прислужника царского режима. На следствии он заявил, что хотел градоначальника, но не смог подобраться. И еще там есть диорама «Расстрел первомайской демонстрации рабочих 9 мая 1919 года».

– Почему девятого? – опешил Николай. – И кто их в девятнадцатом году расстреливал?

– Белогвардейцы. Ну то есть, конечно, на самом деле демонстрация состоялась первого мая. Но город тогда еще находился в руках красных, а рабочие вышли под лозунгом «За советскую власть без коммунистов». Так что, сами понимаете, в официальной версии пришлось кое-что подкорректировать.

– Ничего себе «кое-что»! Впрочем, стандартная коммунистическая практика, одна Катынь чего стоит... И, стало быть, эта диорама так до сих пор и стоит в прежнем виде?

– Ну а кто ее будет переделывать? Это же, в некотором роде, произведение искусства. Вы же не предлагаете переснять, к примеру, «Броненосец Потемкин»? Там тоже есть сцена расстрела демонстрации, ставшая классикой... детская коляска по ступенькам... хотя тоже, в некотором роде, исторически недостоверно. А крестовые походы? Сколько книг и фильмов рисуют образы благородных рыцарей – а как они вели себя на самом деле? А король Артур? Там же вообще ничего общего с реальностью!

– Вы еще «Илиаду» и «Гильгамеша» вспомните, – дернул щекой Николай. – Одно дело, когда художественное произведение находится в художественном музее, и совсем другое – когда в историческом.

– Но ведь и сама диорама уже тоже, в некотором роде, экспонат истории города.

– Да – если рядом с ней есть табличка, поясняющая, кто расстреливал рабочих на самом деле. Есть?

– Кажется, нет, – признал Васильчиков. – Эх, чаёк-то у нас закончился. Вскипятить еще?

– Спасибо, мне хватит. Мне еще домой ехать, – несколько принужденно улыбнулся Николай.

– Да, понимаю. Я-то люблю чаёк погонять, что еще старику по вечерам делать... да и для здоровья полезно, в день не меньше трех литров выпивать надо, иначе отложение солей и все такое – вы вот пока еще молодой человек, а тоже имейте в виду. Не дай вам бог остеохондроза... Вы ведь у Светланы остановились?

– У ее бабушки.

– Да, конечно. Алевтина Федоровна – чудесная женщина, хотя меня, по правде говоря, недолго любит. Несмотря на то, что я в свое время помог ей с реабилитацией ее отца... нашел в архивах кое-какие документы... Ну да ладно, это все дела прошлые и вам неинтересные, – в этом Николай не был уверен, но старик уже решительно поднялся и протянул ему руку: – Приятно было побеседовать, Николай Анатольевич.

Селиванов тоже встал и без энтузиазма ответил на пожатие.

– Если хотите зайти куда на дорожку, так не стесняйтесь, – напутствовал его Васильчиков. – Автобуса можно долго ждать.

– Не сомневаюсь, – буркнул Николай. У него снова мелькнула мысль вызвать такси, но поддерживать своими деньгами фирму, которая так хамски повела себя во время его звонка с улицы Мучеников, он не хотел принципиально, а других актуальных телефонов не знал.

Выходя из комнаты, он снова бросил взгляд на напольные часы и с удивлением обнаружил, что на них все еще нет пяти. Более того – теперь они показывали без двадцати пять. При этом часы тикали, и тяжелый латунный маятник исправно раскачивался из стороны в сторону в своем застекленном узилище.

– Что это у вас с часами? – спросил Селиванов. – Они что, идут назад?

– А, не обращайтесь внимания, – ответил хозяин. – У них не работает часовая стрелка. Минутная идет, как положено, а часовая всегда на одном месте.

– Почему вы их не почините?

– Сложно, – покачал головой Васильчиков. – Антикварная вещь, нужен очень хороший часовщик, а где ж его возьмешь в наших-то краях. Был в нашем городе один замечательный мастер, Моисей Соломонович Финкельштейн, но его расстреляли еще в пятьдесят третьем, уже после смерти Сталина – можно сказать, по инерции... А из нынешних я никому не решаюсь доверить такой ремонт. Как бы еще хуже не сделали. Сейчас хоть минутная стрелка идет.

– Мне кажется, там всего-то надо заменить одну стершуюся шестеренку.

– Ох, Николай Анатольевич, скольким уже в истории казалось, что сложные проблемы решаются одной простой заменой... шестеренки там, винтика или человека... а что в итоге? Нет

уж, лучше ничего не трогать, пока хоть как-то работает. Уж простите мне этот стариковский консерватизм, но он, в некотором роде, основан на опыте.

– Дело ваше, – пожал плечами Николай. – Ну, еще раз спасибо за угощение.

– На здоровье, Николай Анатольевич. Захотите еще на чаёк заглянуть – звоните, я почти всегда дома.

– Непременно, – буркнул Селиванов.

Он и впрямь воспользовался туалетом, а затем оделся и спустился вниз. Дождь по-прежнему шел; выходя из подъезда, Николай торопливо надвинул капюшон. Через несколько минут он добрался до остановки, до которой так и не доехал в прошлый раз. Остановка представляла собой железный каркас – крыша и стены предполагались, но отсутствовали. Самое то для города вечных дождей, ага. И народу никого – значит, автобус ушел недавно...

Николай встал, нахохлившись и сунув руки в карманы, а затем подумал, не словить ли какого-нибудь частника. Учитывая экономическую ситуацию в городе, наверное, многие будут рады подзаработать... Он уже шагнул к бровке, но еще прежде, чем он поднял руку (как же это делают в России? в Америке – кулак и большой палец вверх, а в России, кажется, просто открытой ладонью?), возле остановки затормозила замызганная серая «Волга».

– Привет, Москва! – услышал он голос Сашки и увидел его довольную улыбающуюся физиономию; похоже, обиды водилы на «жадность» столичного гостя остались в прошлом. – Мокнешь? Долго еще тут мокнуть будешь. Садись, поехали. Я тя всего за столик отвезу, как другана.

– Ты ж еще не знаешь, куда мне ехать, – усмехнулся Николай, еще не уверенный, рад ли он этой встрече.

– Ну, не до самой же Москвы, – хохотнул Сашка. – Тогда, конечно, дороже.

– А мог бы и до Москвы? Машина-то не развалится?

– Да хоть до Москвы, хоть до Казани. Чо уставился? – довольно осклабился водила. – Думал, я совсем деревня, в школе не учился? Проходил я твоего Тургенева!

– Вообще-то, Гоголя, – заметил Николай. – «Мертвые души».

– А, ну да. Тургенев – это который «Му-му». Ну ладно, ехать-то куда? Опять в «Маяк»?

– Нет. Ударников, 37.

– Ну так залезай, чего стоишь.

Николай забрался в прокуренный салон, не забыв со всей силы хлопнуть дверцей. Сашка приспустил левое стекло и выкинул бычок на мостовую.

– А на улицу Мучеников повез бы? – осведомился Николай.

– Отчего ж нет. Желание клиента – типа закон.

– Твои коллеги сегодня туда ехать не захотели.

– А чо мне бояться, я на комбинат сколько раз ездил, – сообщил Сашка таким тоном, словно поездка на комбинат была чем-то вроде путешествия по джунглям с людоедами. Впрочем, людоеды здесь, если верить городским легендам, живут не на комбинате, а на свалке...

– А они чего боятся?

– Да салаги ссыкливые, – презрительно бросил Сашка, не ответив по существу, но затем все же снизошел: – Примета, типа, плохая.

– Я думал, причина более материальная, – хмыкнул Николай. – Хотя, конечно, название улицы не вдохновляет... Ну а вокруг комбината можешь проехать?

– Могу, конечно, только чо там делать?

– Посмотреть.

– А на чо там смотреть, забор и забор.

– Без дыр?

– Не, комбинат – это серьезно, – ответил Сашка тоном неожиданной гордости. – Оттуда так просто не вылезешь.

– Оттуда? А, ну да, там же зэки работали, логично... – Николаю вспомнилась глухая стена, изламывающаяся под необычным тупым углом, и, хотя он и не завершил полный круг вокруг комбината, его вдруг осенило: – Слушай, а комбинат в плане... в смысле, если сверху смотреть – это ведь правильный пятиугольник?

– Ага, – подтвердил водила. – Как знак качества, ёпт.

– Да уж, советский дизайн чувствуется...

– Так куда едем-то? Если к комбинату, то нам на светофоре на разворот.

– Нет, – решил Николай; аргумент про зэков окончательно убедил его, что снаружи забора он не увидит ничего интересного. – Давай на Ударников. Кстати, тут по дороге банкомат где-нибудь есть?

– А вон ща за углом сберкасса будет.

Банкомат на входе в сберкасса действительно был, но не работал. Впрочем, в окошке Николай, наконец, поменял на сотенные как одну из своих пятисоток, так и большую часть всученных кондуктором десяток.

– Быстро ты, – приветствовал вернувшегося пассажира Сашка, трогаясь с места.

– А что там долго делать?

– В очереди стоять, чо. Это тебе повезло, что не утро сейчас. Утром там сегодня песок был.

– В каком смысле?

– Бабки за пенсией ломались.

– Так им же на дом должны приносить? – удивился Селиванов.

– Ну да, а им пох... Прутся получать сами, причем все в одно время. Хер их знает, почему. Небось, им если не поскандальить, не повыяснить, кто где не стоял – считай, день пропал.

«А из мэрии мне, кстати, так и не перезвонили», – подумал Николай. «И почему меня это не удивляет.» Сейчас, конечно, перезванивать уже поздно, надо будет с утра теревить их снова...

– А ты чо такой хмурый, москвич? – Сашку явно тянуло поговорить. – Наш город не нравится?

В другой обстановке такой вопрос из уст подобного типа звучал бы, как преамбула к драке, но уж, наверное, в машине этого можно было не опасаться. Николай лишь усмехнулся уголком рта:

– А тебе он что, нравится?

– Я здесь живу.

– Это не ответ на вопрос. Сам же говорил – можешь доехать куда угодно. Вот погрузил бы вещи и поехал. Что мешает?

– В Москву твою, что ли? И чо там потом делать – лапу сосать?

– Можно подумать, ты здесь в золоте купаешься. Сам говоришь – весь город без зарплаты, приезжих нет, пашешь на взятки ментам и «крышу», перспектив никаких. А водитель, думаю, везде бы работу себе нашел – тем более, ты и грузовик водил... И не обязательно в Москву. На Москве свет клином не сошелся.

– Да нее... Здесь у меня какая-никакая хата и работа. На хер мне у черта на рогах все с нуля начинать? Знаешь, как говорят – там хорошо, где нас нет, а где родился, там и пригодился. Тут все ж-таки родина, хули.

«Да уж, воистину – там хорошо, где вас нет», – подумал про себя Николай, вспоминая чистенькие улочки Европы и аккуратные домики Америки.

– Оно и заметно, как ты тут пригодился, – сказал он вслух.

- А чо – нет? Тебя вот везу. Чо бы ты без меня делал?
- Взял бы машину напрокат. В нормальном городе, разумеется.
- Ой, вот не надо этих ваших понтов – в нормальном, в ненормальном! Ты еще, бля, «цивилизованный мир» скажи. Типа они цивилизованные, а мы только с пальмы слезли. Чай, не глупее всяких пиндосов.
- «Да если бы слезли!» – подумал Николай, а вслух сказал:
- Пиндосы, между прочим – это одна из греческих народностей, а вовсе не то, что ты имеешь в виду. А если не глупее, то что ж так живете?
- Как – так? Хуже, чем они? Так они ж, суки, весь мир грабят, и нас в первую очередь, добротой нашей пользуясь. Ресурсы наши сосут.
- Кто мешает использовать эти ресурсы у себя, а не продавать их на Запад?
- И вообще они фашисты, – не слушая, продолжал Сашка. – Свободы у них нет.
- У них? – изумился Николай. – На Западе нет свободы?
- А то! Ты скажешь, там чисто, да? А это почему? Потому что плюнешь на улице – сразу штраф сто баксов. А пьяным попадешься – вообще сразу тюрьма. Разве можно так жить?
- Ну, вообще-то пьяных, если только те не за рулем и не хулиганят, западные полицейские обычно просто отвозят домой.
- Да ладно п...дить-то.
- Это правда. Своими глазами видел.
- Хочешь сказать, и не обшмонают при этом? Бабло-мобилу не отожмут?
- Нет, конечно.
- Реакция Сашки была парадоксальной:
- Вот же козлы, – произнес он с отвращением.
- Ну да, подумал Николай. Уж ты бы на их месте...
- Хочешь сказать, ваши менты лучше? – усмехнулся он.
- Суки позорные, – убежденно ответил краснolenинец, явно не заботясь о последовательности. – Беспредельщики.
- А про мэра вашего что можешь сказать?
- М...дак! – яростно крикнул Сашка, и Николай даже подивился такой экспрессии, но тут же понял, что она относилась не к краснolenинскому градоначальнику, а к подрезавшему их «жигуленку». Движение в этот вечерний час и впрямь стало гораздо оживленнее, чем утром. – Не, ты глянь, что этот у...бок творит! Тормознуть бы да настучать по репе!
- Да черт с ним, – поспешно произнес Селиванов, опасаясь, что его водитель и впрямь попытается устроить дорожную разборку. – Ты мне лучше про мэра расскажи.
- А чо про него говорить. Его вообще никто не видит никогда.
- Так уж и никто.
- Никто, – повторил Сашка, и у Селиванова возникло подозрение, что это не такая уж и гипербола.
- Он что, даже с речами не выступает? По праздникам там и все такое.
- А на хера ему.
- Ну как... для рейтинга. Вы ж его тут все-таки выбираете...
- А чо там выбирать? Кого из Москвы назначат, тот и будет.
- Вообще-то, не обязательно. Ты-то, как я понимаю, на выборы не ходил...
- Как это не ходил? – обиделся Сашка. – Там же буфет. Пиво и бутерброды.
- А голосовал как?
- Как все, так и я. Чо мне, больше всех надо?
- За московского назначенца, о котором ничего не знаешь?

– А за кого еще?

– Это уж вам тут лучше знать.

– Вот мы и знаем. Голосуй не голосуй, все равно получишь...

В кармане у Николая запел мобильник.

«Неужели все-таки из мэрии?» – подумал Селиванов, поднося аппарат к уху. Но это оказалась Светлана.

– Николай? – ее голос прозвучал обрадованно и как будто даже с облегчением. – Как у вас, все в порядке?

– Более-менее, – ответил Селиванов, не желая входить в подробности при Сашке. – Прогулялся вокруг комбината и побеседовал с вашим краеведом, спасибо. А с этим Славестом вы насчет меня еще не говорили?

– Говорила. Он сказал, что попробует договориться по старым каналам, но это не раньше завтра. А пропуск надо за сутки заказывать, так что два дня еще в лучшем случае.

– А в худшем?

– Обещать он ничего не может. Он ведь сам уже на пенсии. Да и вообще журналистов на комбинат сроду не пускали.

– Что ж у них там, и многотиражки никакой не выходило? – усмехнулся Николай.

– Ну, разве ж это журналисты... А сейчас вы дома?

– Да вот еду туда, – ответил Селиванов, привычно отметив про себя, с какой легкостью человек называет «домом» всякое временное пристанище. – А что?

– Да нет, ничего... Хорошо. Просто подумала, вдруг вы, по столичной привычке, ночную жизнь искать отправитесь. А у нас тут...

– Знаю-знаю, вы говорили. Одни убийцы с людоедами, – впрочем, после событий этого дня он уже не был настроен относиться к этим предупреждениям так легкомысленно. – Нет, я лучше поработаю над статьей. Про комбинат я пока ничего толком не узнал, но кое-какое впечатление о городе уже получил.

Он сказал это вполне искренне и лишь затем подумал, что если она хотела napроситься на совместный вечер, то он только что дал ей отказ. Впрочем, и это тоже было вполне искренне. Он действительно собирался работать, а не тешить бесплодные надежды провинциальных администраторш за тридцать.

– Ну, хорошо, – откликнулась Светлана, и ее голос отнюдь не прозвучал расстроено. – До свиданья.

– Уже кралю себе завел? – весело осведомился Сашка, едва Николай убрал телефон. Слова Светланы он едва ли мог разобрать, но то, что голос женский, очевидно, уловил. – Шустрый, москвич! Смотри только, у нас тут не любят, когда чужие с нашими бабами гуляют...

– Ни с кем я не собираюсь гулять, – сердито пробурчал Селиванов. – Это чисто деловой звонок. И вообще, это не твое дело.

– Ладно-ладно, какие мы гордые... Смотри, где тебя посадить? Возле этой избушки, что ли?

Николай посмотрел в окно и понял, что они действительно уже приехали.

– Да, тут, – он полез в карман за бумажником. – Кстати, какой телефон твоей фирмы? Если еще такси понадобится...

– Зачем фирмы, звони сразу мне, – солидно произнес Сашка и извлек из кармана, как в первый миг показалось Николаю, визитку – но это оказался просто прямоугольный клочок бумаги с накарябанным ручкой номером.

– А вдруг ты с другим клиентом будешь?

– А, дождешься тут других... Ну то есть вообще-то, конечно, может быть... – на ходу

перестроился водила.

– Ладно. Держи пока сто пятьдесят, и если всегда будешь быстро являться на вызов – получишь больше, – посулил Селиванов. Сашка и его прокуренная колымага ему не нравились, но обзавестись машиной с персональным шофером была не таким уж плохим вариантом, учитывая альтернативы.

– Лады! – Сашка обрадованно сунул деньги в карман. – Ну давай, москвич. Если чо – звони даже ночью.

Едва Николай захлопнул за собой входную дверь, из комнаты старухи донеслось: «Кто там?»

– Я, Алевтина Федоровна. А вы ждете кого-то еще?

– Нет-нет, – старуха выглянула в коридор. – Ужинать будете?

– Если можно, попозже.

– Через полчаса?

– За полчаса я, наверное, не успею проголодаться, – усмехнулся Николай, пристраивая куртку на вешалку. – Но вы меня не ждите, если вам неудобно. Оставьте мне на кухне, я потом разогрею.

– Хорошо, – ответила старуха, поджав, тем не менее, недовольно губы. – Я вам оставлю курицу в утятнице и картошку на столе. А соленья из холодильника возьмете.

«Тут что, одно меню на все случаи жизни?» – неприятно подумал Селиванов, но вида не подал и пошел мыть руки.

У себя в комнате он развернул ноутбук, воткнул его в розетку и открыл новый файл combinat.doc. Для статьи, даже в черновом варианте, у него еще не хватало информации, так что он просто решил законспектировать свои впечатления от этого дня. Поначалу сама мысль о том, чтобы заново прокручивать в голове и описывать унылые красноленинские реалии, навевала на него скуку. Он запустил Winamp, загрузив с диска один из альбомов Queen, и – не столько чтобы не тревожить старуху, сколько, наоборот, из-за того, что собственные динамики ноута были слишком слабенькими – воткнул в уши наушники. Музыка несколько улучшила его настрой, а затем, как это обычно с ним бывало, он втянулся в работу, и дело пошло. Сопроводив очередной описательный пассаж едким комментарием в своем фирменном стиле, Николай довольно улыбнулся. Все-таки прав главред, настоящий профессионал может сделать конфетку даже из самой скучной безнадеги...

Его тело ощутило, как в доме хлопнула дверь – в деревянном здании подобные сотрясения куда заметней, чем в каменном – но сознание не обратило на это внимания. Однако некоторое время спустя некий неприятный шум, прорвавшийся даже сквозь музыку в наушниках, все же заставил его отвлечься от работы. Похоже, в доме происходил какой-то скандал. Этого еще не хватало! И главное – с кем? Выходит, старуха врала, что никого не ждет?

Николай нехотя нажал паузу и вынул из ушей наушники. Так и есть – у него за дверью низкий мужской голос, матерясь, требовал денег.

– Как это, бля, нету? Я что, нах, не знаю, что тебе пенсию сегодня принесли?

В ответ послышались неразборчивые причитания Алевтины. Впрочем, Селиванов сразу понял, что неизвестный вымогатель обращается не к нему и, по всей видимости, вообще не догадывается о его существовании. Но, само собой, сказать себе, что происходящее его не касается, и продолжить работу он не мог. Кто-то пытается ограбить старуху. Не похоже, что он вломился силой, скорее всего, хозяйка впустила его сама, но это ничего не значит – мало ли какой из местных уголовников мог обмануть доверие старой бабки... «Выбить бабки из бабки», – мелькнул в сознании Николая неуместный каламбур – тут уж он ничего не мог с собой поделаться – но его рука уже вытаскивала сотовый.

«Днем звонил в »скорую», вечером в милицию», – подумалось ему. «Не хватало еще, чтобы ночью пожарных вызывать пришлось!»

– На улице Ударников, 37, какой-то тип проник в дом и требует денег у хозяйки, – сообщил он, едва слышав ответ дежурного. При этом Николай старался говорить не слишком громко, чтобы не привлечь внимания бандита.

– Какой тип?

– Откуда я знаю? Я в другой комнате, мне его не видно.

– А вы кто?

– Николай Селиванов. Жилец.

– СелИ– или СелЕ-?

– Через И. Слушайте, пришлите машину, а потом будем разбираться с орфографией!

– Пришлем, пришлем... только ее еще завести надо... А вы там что делаете? Кем хозяйке приходиться?

– Снимаю комнату, я же сказал!

– Нет, вы сказали, что вы жилец.

– Ну да, жилец, постоялец – какая разница? Тут грабитель вот-вот прикончит старуху!

– Разница большая, – назидательно возразил милиционер, игнорируя последнюю реплику. – Жилец постоянно проживает, а постоялец – временно.

– Да, я временно! Вы вызов приняли? Когда ждать бригаду?

– Да вы не нервничайте. Я ж вам говорю, у нас три машины, и у всех аккумуляторы дохлые. Как только хоть одна заведется, так сразу. А если вы там временно, так откуда ж вы знаете, что это грабитель? Может, это семейные разборки.

– Я знаю только, что тут здоровый бугай угрожает старой женщине, требуя ее пенсию!

– Так может это ее сын.

– Нет у нее сыновей! И потом, если сын, это что по-вашему – нормально?!

– Мы в семейные дела не вмешиваемся.

– А если он ее убьет?!

– Вот когда убьет, тогда и вызывайте.

Из-за двери раздался звук удара, а затем – придушенный хрип Алевтины. Николай понял, что медлить больше нельзя. С тоской подумав о шокере, оставшемся в кармане висящей в передней куртки – проскользнуть туда мимо этого типа не было никаких шансов – Селиванов окинул отчаянным взглядом свою комнату. Хоть бы что-нибудь, годящееся на роль оружия! Теперь он уже сожалел об отсутствии фарфоровых кошечек – пожалуй, если хватить такой кошечкой злоумышленника по затылку... Ваза с искусственными цветами выглядела слишком уж тонкостенной и, вероятно, не произвела бы должного эффекта – но за неимением лучшего Николай схватил за узкое горлышко ее. Всего за один день в Красноленинске его сначала чуть не задавил самосвал, потом чуть не покалечили гопники, потом чуть не загрызли собаки; не хватало теперь еще нарваться на бандитский нож...

«Они труссы», – напомнил себе Николай и решительно распахнул дверь.

Самые худшие его опасения не сбылись. Вместо здорового бритоголового бугая, рисовавшегося его воображению, он увидел сутулую спину мужика на несколько сантиметров ниже его ростом и не так чтобы богатырской комплекции – но и не сказать что совсем задохлика. Однако этот тип, стоя в проеме дверей комнаты напротив, и в самом деле душил старуху, зажимая ей рот и нос. Услышав, как за спиной открылась дверь и скрипнула под ногами Николая половица, грабитель начал поворачиваться. Но прежде, чем он успел это сделать, Селиванов со всей силы хватил его вазой по голове.

Ваза разлетелась вдребезги, и Николай с отчаяньем понял, что она и впрямь оказалась

слишком легкой. Тем не менее, его противник, от которого изрядно разило дрянным алкоголем, покачнувшись и, выпустив свою жертву, рухнул навзничь в коридоре. Его затылок глухо стукнулся об пол.

Селиванов обернулся к старухе. Она сделала пару неустойчивых шагов назад, кажется, с трудом сохраняя равновесие, и Николай, отшвырнув зажатое в кулаке отбитое горлышко, устремился к ней, надеясь успеть поймать прежде, чем она упадет. Но Алевтина Федоровна, кажется, все же сумела устоять на ногах и осталась стоять, глядя расширенными глазами мимо своего спасителя. Однако, едва Николай остановился рядом с ней, даже не зная, что сказать, как старуха издала страдальческий звук, что-то типа «ооххх...», и ее голова повалилась на плечо. Николаю так пришлось подхватить ее и оттащить на диван.

Сразу же после этого он резко обернулся, понимая, что грабитель уже мог очухаться – а если даже и нет, это наверняка произойдет в следующие минуты. Однако, подбежав к двери в коридор, он обнаружил, что тот тип лежит на прежнем месте. Его лицо было в крови, и на полу вокруг его головы расплывалась темно-красная лужица. Один тонкий ручеек по неровному полу уже добрался до входа в комнату и втекал внутрь, словно любопытное щупальце.

На сей раз, вне всякого сомнения, это была именно кровь, а не разбившаяся где-нибудь в кармане его грязной куртки бутылка.

Вот же черт, подумал Николай. Конечно, этот ублюдок в полной мере заслуживал смерти, а сам он действовал в пределах необходимой обороны. Но доказывать все это местным ментам... становиться фигурантом уголовного дела, которое в таких случаях всегда открывается по факту... а если еще и Алевтина, его единственный свидетель, отдаст концы, не перенеся потрясения...

Он снова метнулся к старухе, пощупал пульс на морщинистой шее и с облегчением убедился, что она жива. Затем выхватил мобильник. В милицию он уже звонил – и это ему в любом случае в плюс, правда, он так и не понял, приедут они или нет – сейчас надо вызвать скорую... Но он тут уже вспомнил свой недавний опыт общения с красноленинградской «скорой». «К тем, кто старше семидесяти, не выезжаем.» Ну, ради такого случая-то должны! Хотя – какого «такого»? Физически старуха, похоже, не пострадала, просто перепугалась. Можно, конечно, вызвать ко второму пострадавшему, но в первую очередь Николая сейчас беспокоила Алевтина Федоровна. К тому же сколько будет ехать эта «скорая» на своей аварийной машине... Наверное, в доме есть какие-нибудь сердечные лекарства, но где, какие, как их давать – Николай не имел понятия.

«Светлана!» – подумал Селиванов, глядя на мобильник в руке. Уж она, наверное, знает. Она ему звонила, значит, ее номер – последний входящий в памяти его телефона. Если только она звонила не с работы, откуда теперь, наверное, уже ушла... нет, номер не местный, звонила с мобильного.

В трубке, тем не менее, потекли гудки, и он уже почти уверился, что ответа не будет, как вдруг голос Светланы с тревогой сказал «Алло?»

– Это Николай, – быстро сказал он. – Тут... вы только сильно не пугайтесь... короче, вашу бабушку пытался ограбить какой-то тип. Я его вырубил... не знаю, насколько сильно... но она сильно перенервничала и, похоже, в обмороке. Вы знаете, где у нее лекарства? И что именно ей дать?

– Ох ты господи... Вы ведь его не совсем убили? Да, лекарства в ее комнате, в тумбочке рядом с кроватью, верхний ящик... возьмите там... ну, наверное, корвалол накапайте, там чашка должна быть... тридцать капель на пару глотков воды... и потом, если будет болеть сердце, нитроглицерин под язык, в том же ящике должен быть...

– Ага, сейчас найду, – Николай устремился к тумбочке, на которой так стояла

фарфоровая кошечка на вышитой салфетке, а рядом с ней – действительно красная чашка в белый горошек. Выдернув ящик, он принялся быстро перебирать лекарства, разглядывая этикетки.

– Нашли?

– Да, вот!

– А с... этим типом что?

– Не знаю! – раздраженно крикнул Николай. – Сначала я приведу в чувство вашу бабушку!

– Я сейчас приеду! – пообещала Светлана.

– Да пока не на... – благородно начал Николай, но в трубке уже зазвучали гудки.

Перепрыгнув через все еще лежавшего на полу грабителя, он побежал с чашкой в ванную и налил воды из-под крана. Заодно на всякий случай смочил холодной водой полотенце и – уже не так быстро, чтобы не расплескать воду – вернулся в комнату. Отсчитав капли (по комнате поплыл характерный мятно-спиртовой запах), Николай невольно скользнул взглядом по комнате – пузатый комод, ходики с кукушкой, накрытый кружевной скатертью круглый стол под абажуром, задвинутая в угол древняя швейная машинка с ножным приводом, в другом углу телевизор (несколько более современный, чем в комнате для гостей), над ним – потемневшая почти до черноты икона Богородицы (но без всяких сталинских почетных грамот) – и его взгляд задержался на узком шкафу рядом с дверью. На его верхней незастекленной полке слева стояло несколько книг, включая, видимо, толстую Библию в темно-коричневой обложке (Николай не видел названия, но судил по тисненому кресту на корешке) – однако внимание Селиванова привлекли не они, а одиноко стоявший справа фотоальбом, который ему демонстрировали накануне. Не повременить ли пока с приведением старухи в чувство и не глянуть ли, что она ему все-таки не показала?

Впрочем, Николай тут же устыдился этой мысли – а главное, старуха слабо и неразборчиво подала голос, и он поспешно нагнулся к ней с чашкой и пододвинул подушку, приподнимая ее голову.

Алевтина Федоровна все еще вяло и заторможено сделала несколько глотков; затем ее взгляд стал более осмысленным.

– Ох... – произнесла она почти кокетливо, – я, должно быть, вас напугала... плохо переношу вид крови, хотя обычно этим страдают мужчины... Что с Петей? – спросила она другим, всерьез обеспокоенным тоном.

– С Петей? – оторопело переспросил Николай.

Сочный мат, донесшийся с пола коридора, послужил красноречивым ответом на этот вопрос. Очевидно, вымогатель тоже пришел в себя. Селиванов резко обернулся. Но, похоже, грабитель был не в том состоянии, чтобы лезть в драку. Он лишь сел на полу, очумело мотая головой и размазывая обеими руками по лицу кровь, все еще стекавшую из многочисленных, но, похоже, не опасных порезов. (Ну да, вспомнил Николай, под кожей головы множество кровеносных сосудов, поэтому даже небольшая царапина там кровит, словно серьезная рана...) Это небритое лицо со скошенной назад челюстью, низким лбом и тяжелыми, как у питекантропа, надбровными дугами над опухшими глазками и в лучшие времена, очевидно, не выглядело привлекательным, а уж теперь и подавно.

– Сидеть! – рявкнул на всякий случай Николай. – Рывнешься – получишь еще!

– Да ты чо, мужик... е...анулся, что ли... ты кто такой вообще... – пробормотал вымогатель скорее плаксиво, чем угрожающе.

– Петя, значит, – саркастически произнес Селиванов, вновь оборачиваясь к хозяйке. – Ну и кто такой этот Петя?

– Внук мой... зря вы его так сильно-то... так ведь и убить можно...

– Да ведь это он вас чуть не убил! – задохнулся от возмущения Николай.

– Да нет, не убил бы... это он пугал просто...

– Вы еще скажите, что он с вас денег не требовал!

– Требовал, – вздохнула старуха и, наконец, села на диване. – Это он каждый месяц требует...

– А чо я, сдохнуть должен? – вновь подал голос Петя, и у Николая возникло желание немедленно ответить на этот вопрос утвердительно. – На комбинате работы нет, зарплаты нет – а ей пенсию регулярно носят...

– На бухло у тебя деньги есть! – отрезал Селиванов. – Широта русской души, блин... у собственной бабки грошовую пенсию отбирать... И вы тоже хороши! – напустился он на Алевтину. – Вы же знали, за чем он приперся! Зачем вы его впустили?

– Так у него ключ есть...

– Смените замок.

– Так он дверь высадит...

– И в милицию заявлять, конечно, бесполезно.

– Так а что милиция? Ну, штраф ему присудит... возмещение ущерба... а откуда он эти деньги возьмет?

– Может, и не штраф. За хулиганство и сесть можно.

– Да сидел он уже! Три года сидел. Лучше, что ль, стало? Только хуже вернулся. Раньше он хоть на меня руку не поднимал. Да и вообще... совестно сор из избы выносить...

– Вот, кстати, поговорка, всегда поражавшая меня своим идиотизмом! – взорвался Николай. – Как это можно не выносить сор из избы?! То есть не избавляться от грязи, а зарастать ею в собственном доме! Есть ли на Земле еще хоть один народ с такой поговоркой? Или с другой: «Бьет – значит любит»?!

– Его, Петю, тоже пожалеть можно, – покачала головой старуха. – Всю жизнь он непутевый. Грех на нем родительский... во грехе зачат...

Ну да. Как, похоже, и все потомство Алевтины, подумал Николай. Доселе он как-то не задумывался о ее религиозных взглядах.

– Я знаю достаточно людей, рожденных вне брака, – сказал он вслух, – которые не душили собственных бабушек и не отбирали у них последние копейки. Так он, выходит, брат Светланы.

– Единоутробный.

– Но его фотографий вы в альбоме не храните, – усмехнулся Селиванов.

Старуха лишь вздохнула.

– А Светлана родилась в законном браке? – продолжал расспрашивать Николай. Ему это было, в общем-то, безразлично, но он пытался понять причину столь разного отношения к двум внукам. Само собой, нынешний Петя никаких симпатий не вызывал – но в альбоме не было ни его детских карточек, ни даже пустых мест, какие остались от уничтоженных фото его прадеда. Словно Алевтина с самого начала не желала признавать его существования.

– Нет, – буркнула старуха, – но там другая история.

– А ты кто такой? – вновь подал голос Петька. – Чо в чужие дела лезешь?

– Иди умойся холодной водой, – повернулся к нему Николай. – А потом возьми тряпку и вытри кровь на полу. И осколки собери.

– Да ты чо...

– А будешь залупаться – ваще урою, понял? – рявкнул Селиванов, вновь весьма правдоподобно копируя блатную интонацию. И презрительно добавил по наитию: – Петя-

петушок...

Глаза Петьки сверкнули яростью, но он тут же сник и поплелся выполнять приказание. Николай понял, что попал в точку: бывший зэк только корчит из себя крутого перед беспомощной старухой, а на зоне он ходил даже не в шестерках. Он был там опущен.

И вот это чмо – потомок белого офицера... впрочем, белого офицера-предателя. А также – чекиста-насильника.

Слышно было, как в ванной зашумела вода.

– А у Светланы он деньги не вымогает? – осведомился Николай.

– Пытался... но... – старуха не закончила фразу.

– Но нарвался на отпор со стороны ее мужа, – понял Селиванов. – Так вот почему она по-прежнему живет с ним? Не в квартирном вопросе дело?

– Да нет, – поспешно возразила Алевтина, – главное-то, действительно, квартира... А Петя нет, туда больше не пойдет, там и дверь железная, Михаил поставил, когда у него еще бизнес был...

Николай мысленно усмехнулся, отметив превращение вчерашнего «ирода» в Михаила. Возможно, в рассказанной ему накануне истории возникнут и другие коррективы?

Раздался громкий стук в дверь. «Неужели милиция таки соизволила явиться?» – подумал Селиванов. Теперь это уже было бы некстати.

– Я посмотрю, кто там, – сказал он вскинувшейся было старухе. – Вы ведь никого больше не ждете? Только на сей раз правду, пожалуйста.

– Нет-нет, – затрясла головой та, – теперь уж никто не должен прийти...

Это оказалась не милиция, а Светлана. Николай отметил про себя, что она, как видно, живет недалеко, раз домчалась так быстро. Впрочем, Красноленинск вообще небольшой город...

– Вы подставили меня, – жестко сказал он, открыв ей дверь.

– Что с...

– Все живы. Включая вашего уроды-брата. Там дальше по коридору лужа крови – надеюсь, вы не будете падать в обморок, как ваша бабушка? – но ему это только на пользу. Вывод алкогольных токсинов из организма.

Она попыталась поскорее прошмыгнуть мимо него внутрь, но он продолжал преграждать ей дорогу.

– Вот, значит, что означали ваши слова насчет «помощи старому человеку», – продолжал Николай. – И этот ваш звонок. Вы хотели удостовериться, что я буду здесь, когда он заявится. Хотели втянуть меня в разборки с уголовником, даже не подумав предупредить.

– Я... – пробормотала женщина, отводя взгляд, – я не думала, что дойдет до... крови. Я думала, он увидит, что в доме есть мужчина, развернется и уйдет. Он храбрый только с теми, кто не дает ему отпор. А вы такой смелый... судя по вашим статьям...

– Лесть вам не поможет, – отрезал Николай. Но теперь он понял, что, должно быть, и бабка, и внучка и в самом деле не ожидали драки, а рассчитывали, что он выйдет выяснить, в чем дело, при первых же признаках скандала, и этого окажется достаточно. Если бы не музыка в наушниках, так бы, вероятно, и вышло... – Если вы хотели моей помощи, вы обязаны были все мне рассказать, – произнес он вслух. – Вы понимаете, что все это только чудом не кончилось ничьей смертью или увечьем?

– Я... простите меня, Николай... конечно, я должна была... но... я так привыкла, что помощи ни от кого не допросишься... ох, это было так глупо! – она отвернулась, словно собираясь заплакать.

– Еще бы не глупо! – мстительно подтвердил Селиванов. – Ну допустим сегодня я бы его отшил, а дальше? Что ему помешает заявиться через несколько дней, когда я уеду? Вы хоть об

этом подумали?

– Кто там? – послышался сзади голос Алевтины Федоровны. – Это ты, Светочка?

– Я, бабушка! С тобой все в порядке?

Николай понял, что нет смысла и дальше стоять у нее на дороге, и позволил ей пройти. Светлана вздрогнула, увидев кровавую лужу, но в следующий миг спокойно переступила через нее. В этот момент навстречу ей из ванной, наконец, вышел Петька с мокрой головой и ведром в руке. Завидев сестру, он ничего не сказал, только злобно зыркнул. Светлана также не удостоила его ни единым словом. С Николаем Петька вовсе предпочел не встречаться взглядом.

Селиванов следом за Светланой вновь прошел в комнату старухи, и некоторое время все трое наблюдали через дверь, как Петька шваркает тряпкой в коридоре. Наконец он закончил уборку – или, по крайней мере, сделал вид, что убрался – и, все так же молча, направился к выходу.

– И только попробуй еще сюда явиться! – крикнул ему вслед Николай.

Хлопнула дверь. Селиванов вновь ощутил, как вздрогнул деревянный дом.

– Ну а вы, Алевтина Федоровна? – повернулся он к старухе. – Если вы рассчитывали на мою помощь, почему не позвали меня, как только он пришел?

– Было неловко вас беспокоить, – чопорно произнесла хозяйка.

– Ясно. Вы просто решили устроить побольше шума под моей дверью в надежде, что я выйду сам – с непредсказуемыми, замечу, последствиями – но просто по-человечески попросить и вообще заранее объяснить ситуацию вам было «неловко». Нет, это просто прелесть что такое! Скажите спасибо, что мне под руку попала ваза, а не топор! Если вы, конечно, на самом деле не хотели, чтобы я его убил. И таки избавил вас от проблемы раз и навсегда – ценой очень серьезных неприятностей для себя лично.

Бабка с внучкой испуганно переглянулись.

– Что вы, как можно! – воскликнула старуха. – Какой ни есть, а родная кровь все-таки...

Эта кровь, только что пролившаяся в коридоре, заставила Николая задуматься о буквальном смысле выражения. Какая, в сущности, глупость! Почему символом родства люди считают именно кровь, а не любую другую ткань человеческого тела? Ведь зачатие никак не связано с переливанием крови, и более того – кровь как раз наименее подходит для этой роли! Ведь красные кровяные клетки не имеют ДНК и, соответственно, не несут в себе наследственной информации! Лейкоциты, правда, несут, но ведь в представлении большинства людей кровь – это именно красная ее составляющая...

– Ну и каких еще сюрпризов мне ждать в этом доме? – вернулся он к более практическим вопросам, переводя взгляд с бабки на внучку.

– Нет-нет! Никаких сюрпризов! Вы уж простите, что так вышло... – принялись они уверять его на пару.

Селиванов задумался. Не зря он с самого начала чуял подвох в этом приглашении дешево пожить «у бабушки»... По-хорошему, съехать бы отсюда прямо сейчас. Но куда он поедет на ночь глядя? Не Сашку же просить подыскать ему жилье. Этот, пожалуй, подыщет... С другой стороны, здесь сюрпризы, скорее всего, и впрямь закончились. Мести со стороны Петьки он не боялся. В одиночку тот напасть после полученного урока едва ли отважится, дружков-уголовников тоже не приведет – какие у «петуха» могут быть дружки...

– За что он сидел-то хоть? – спросил Николай. – За изнасилование?

– Нет, рэкет, – ответила Светлана.

– А, ну да. Вымогатель со стажем. Хотя, кажется, жидковат он для серьезного рэкетира.

– Ну он там не на главных ролях был, – пояснила Светлана. – Так, на подхвате... В начале девяностых, как на комбинате работы не стало, так их шайка и организовалась, его бывший

одноклассник организовал... спортивная надежда школы... Ну и пару лет они ларьки околачивали и рынок местный, а потом решили, что крутые слишком, наехали на ресторан «Казбек» – а того не учли, что «Казбек» милиция крышует. Ну и сели все. Петька еще дешево отделался, главного их вообще в милиции забили насмерть... официально, конечно, умер от сердечной недостаточности...

– Вот уж кого не жалко, – усмехнулся Николай.

– Ну его-то, может, и не жалко, хотя тоже жена с двумя маленькими детьми осталась... но сколько было случаев, когда невиновных убивали, требуя, чтобы они на себя чужие преступления взяли... У нас милицию больше, чем любых бандитов, боятся.

Раздался громкий стук в дверь. Бабушка и внучка испуганно переглянулись.

– Кажется, легки на помине, – проворчал Николай. – Вовремя, блин.

Его догадка не замедлила подтвердиться: «Откройте, милиция!» – донеслось снаружи. Селиванов дернулся было, но тут же передумал.

– Алевтина Федоровна, лучше это сделать вам, – сказал он. – Уж вас они точно носом в пол не уложат.

– Иду! – крикнула старуха, чтобы не испытывать терпение стражей порядка. – Сейчас открою!

Воображению Николая все еще мерещился грохот сапог и врывающаяся группа захвата, но вместо этого из передней после того, как щелкнул замок, послышался скучающий голос: «Ну, что у вас тут?»

«Ничего, – донесся голос старухи, – все уже в порядке.»

«Так что, ложный вызов, что ли?»

«Нет, не ложный... тут внук мой пьяный приходил, скандалил, но он уже ушел!»

«Это он, что ли, Селиванов?»

– Селиванов – это я! – громко сказал Николай, выходя в коридор; попутно он обратил внимание, что возле стены на мокром полу все еще заметны розовые разводы, и осколки вазы тоже. Возле двери топтались двое в серо-голубых форменных куртках и фуражках. – Это я вас вызвал. Тут действительно внук угрожал хозяйке и хотел отобрать ее пенсию, но мы уже выставили его своими силами.

– Выставили? – иронически повторил один из милиционеров, похоже, тоже заметивший мокрый пол. – А может, убили и расчленили, а?

– Да господь с вами... – запричитала старуха, но Николай понял, что страж порядка изволит шутить.

– На документки ваши можно взглянуть? – продолжал милиционер.

– Пожалуйста, – Николай подошел и, с умыслом, протянул не паспорт, а журналистское удостоверение. Название газеты, однако, не произвело на красноленинского блюстителя закона (теперь Селиванов разглядел его сержантские лычки) никакого впечатления.

– Селиванов Николай Анатольевич, – прочитал он вслух. – Придется вам с нами проехать.

– Зачем? – возмутился Николай.

– Показания снять.

– Да какие показания? Кончилось уже все.

– Заявление писать никто не будет, – поддакнула старуха.

– То есть вы сознаетесь в ложном вызове?

– Да нет же! Если бы вы прибыли раньше... – «то застали бы Петьку лежащим в луже крови, и все было бы куда хуже», – закончил он про себя. Впрочем, за ранее судимого за вымогательство они бы, очевидно, особо впрягаться не стали...

– Ну если не ложный, тогда поехали.

– Да я вам здесь все расскажу. Собственно, и рассказывать-то нечего...

– Здесь нельзя. Лейтенант должен по форме показания снять.

– Уфф... – все это Николаю нравилось все меньше и меньше, особенно в контексте того, что он уже наслушался о местных ментах, и он был уверен, что у них нет законных оснований его забирать, но нарываться на произвольную трактовку понятия «сопротивление милиции» не хотелось. – Ну ладно. Назад-то хоть отвезете?

– Это уж как суд решит, – вновь пошутил сержант. Его молчаливый товарищ переминался с ноги на ногу на пороге. Николай оделся и вышел за ними под морозящий дождь.

Поездка на древнем милицейском «газике» не заняла много времени. Поворот в какой-то переулок, затем еще один – и машина остановилась перед обшарпанным двухэтажным зданием (впрочем, было ли в Красноленинске хоть одно здание не обшарпанным?) с голой лампочкой над дверью и решетками на забеленных окнах первого этажа. Следом за милиционерами (оба пошли впереди, так что это не напоминало конвой, но Селиванов все равно чувствовал дискомфорт) Николай поднялся на крыльцо, затем под скрип тяжелой деревянной двери прошел внутрь, мимо окошка, за которым скучал дежурный (один из милиционеров молча кивнул ему, давая, вероятно, знать, что все в порядке) и затем – в полутемный коридор, по которому за несколько мгновений до этого двое других милиционеров – в кителях, а не в верхней одежде – проволокли навстречу вновь прибывшим какого-то человека. Его тащили, подхватив под мышки, его голова свешивалась на грудь, а ноги бессильно волоклись по каменному полу.

Николай сразу же ощутил неприятный холод в животе, уверенный, что видит забитую до полусмерти (а возможно, и не до полу-) жертву ментовского произвола, но затем у него мелькнула мысль, что скорее это просто пьяный. Однако какая из гипотез верна, он так и не понял, ибо в коридоре было слишком мало света, а сотрудники ОВД, перебросившись коротким приветствием с сопровождавшими Николая, уже уволокли неизвестного дальше.

Лестница в конце коридора вела на второй этаж, где было несколько светлее и пол покрывал линолеум. Один из милиционеров, доставивших Селиванова, коротко стукнул в приоткрытую дверь кабинета и, не дожидаясь ответа, открыл ее шире: – Проходите.

В маленьком кабинете за столом, стоявшим боком к двери, сидел черноволосый молодой человек в расстегнутой черной кожаной куртке, глядевший на пузатый экран четырнадцатидюймового монитора, водруженного на архаичный горизонтальный компьютерный корпус с двумя дисководом. Что было на экране, Николай под таким углом разглядеть не мог, но по тому, как менялся свет, падавший с монитора на лицо хозяина кабинета, подумал, что это может быть какой-то видеоролик или даже игра.

– Садитесь, – молодой человек коротко стрельнул глазом в его сторону и щелкнул мышкой (тоже явно старой и непропорционально массивной). Затем вытащил из тощей папки на столе чистый бланк и придвинул к себе ручку. В кабинете воняло куревом, и неприязненный взгляд Селиванова, конечно, тут же обнаружил на столе пепельницу. Пепельница оказалась необычная – сделанная из днища снарядной гильзы. Из Чечни, что ли, сувенир?

Николай опустил на стул из тех, что обычно ставят в школьных столовых – набитые поролоном сиденье и спинка, прикрученные к металлическому каркасу.

– Сейчас я вам задам протокольные вопросы, – сообщил лейтенант (никаких погон на его куртке, впрочем, не было). – Фамилия, имя, отчество?

– Можете переписать отсюда, – Николай положил перед ним раскрытое журналистское удостоверение. – И кстати, вы тоже должны представиться.

– Лейтенант Сысоев. Игорь Олегович, – он переписал данные Николая. – А паспорт у вас есть?

– Я не обязан носить при себе паспорт.

– Ну, формально говоря, не обязаны, – вздохнул лейтенант. – Но лучше носить. Иначе это дает основания задержать вас для выяснения личности.

– Для выяснения личности годится любой удостоверяющий документ. В частности тот, что вы держите в руках. И даже ксерокопия такового. По закону.

– Ох, Николай Анатольевич, – попенял Сысоев, – вы как не в России живете...

– А по-вашему, жить в России и жить по закону – это взаимоисключающие понятия? Интересная позиция для правоохранителя.

– Знаете, как нам в училище говорили? Все надо делать по закону, но если все делать по закону, толку не будет. Ну ладно, гражданство у вас российское?

– Да.

– Адрес постоянного места жительства?

Николай продиктовал.

– А здесь где проживаете?

– Ударников, 37.

Сысоев записал и это и отложил ручку.

– Ну рассказывайте, что там у вас случилось.

– Я услышал, как кто-то вымогает деньги у моей квартирной хозяйки. Позвонил в милицию. Но поскольку ваши сотрудники ехали слишком долго, мне пришлось вмешаться самому. Вымогателем оказался внук хозяйки, ранее судимый кстати, и я убедил его уйти. Вот, собственно, все.

– Убедили, значит, – иронически кивнул лейтенант. – Долго убеждать пришлось?

– Не очень, – входить в подробности Николаю, понятно, не хотелось.

– Тогда зачем вызывали милицию, если он такой покладистый?

– Это он со мной оказался покладистым, чего я заранее знать не мог. А вообще он у нее пенсию каждый месяц отбирает. А вы ничего не делаете.

– Без заявления потерпевшей мы ничего сделать не можем, – развел руками лейтенант.

– А заявления вы принимаете по принципу «Когда вас убьют, тогда и приходите».

Лейтенант вздохнул.

– Видите ли, Николай Анатольевич, – сказал он, сплетая пальцы над бланком протокола, – вот вы там у себя в Москве не очень, наверное, представляете, как живет Россия... Вы знаете, что у нас тут за контингент? Больше половины мужского населения сидело или, как минимум, привлекалось. Уровень убийств – выше, чем в Колумбии. Но при этом они не первая причина неестественных смертей, а только третья. На втором месте самоубийства, их почти вдвое больше, а на первом, понятное дело, алкоголь. И простые отравления, и суррогаты. Наркоты с Юга тоже хватает, ее через открытые границы везут, как к себе домой. Средняя продолжительность жизни мужчин – 52 года. У женщин побольше, но тоже не фонтан. В единственной городской больнице в туалет зайти страшно, больные с инфарктами и инсультами неделями в коридорах лежат, белье в бурых пятнах, матрасы гнилые, в детском отделении на стенах черная плесень и тараканы с палец величиной, крысы чуть ли не в операционных бегают, ни шприцов, ни лекарств, больным говорят – все с собой приносите, вплоть до бинтов и пластырей... Недавно вот был случай – в школе потолок обрушился, хорошо, не убило никого, перемена как раз была... так вы что думаете? Там по-прежнему занятия проходят. Не в этом классе, конечно, в соседних – но они же тоже в любой момент могут... отопления нет, дети в пальто сидят – трубы еще прошлой зимой полопались... а что делать – больше-то все равно нигде!

– Да, да. Великая нефтегазовая держава. Но я не очень понимаю, при чем тут милиция, –

заметил Николай.

– Так ведь милиция – это часть народа! Вы думаете, мы тут в масле катаемся? Вы по сторонам посмотрите – это что, дворец?

Николай невольно последовал совету. На дворцовые покои унылая, тускло освещенная комнатка с захлапленным столом, пыльным серо-голубым сейфом с громоздящимися на нем папками, облупившейся батареей-гармошкой под окном и извилистой трещиной через весь потолок определенно не походила.

– Это здание уже сто лет не ремонтировали, – продолжал Сысоев. – С восьмидесятых, по крайней мере, точно. А матчасть? Что, на наших машинах можно догнать преступника? Да их просто завести уже событие, все латано-перелатано. Запчасти на свои деньги на толкучке покупаем, тоже, конечно, бэушные, где ж для такого новое возьмешь, когда они с производства сняты. Рапорты, конечно, пишем, а что толку? Само собой, эсэсовцы куда лучше живут, но ведь они же с уличной преступностью разбираться не будут...

– Эсэсовцы?

– Ну, – слегка смутился (а возможно, лишь изобразил смущение) Сысоев, – это мы эфэсбэшников так называем. Черный орден... вы знаете, наверное, что в Германии к СС было совсем не то отношение, что к простой полиции, так и тут...

– Ну, строго говоря, криминальная полиция тоже входила в структуру СС. Пятый отдел РСХА. Четвертый – гестапо, шестой – SD... А вы, стало быть, ассоциируете себя с полицией нацистской Германии?

– Вы это просто так спрашиваете или для газеты своей? – насупился лейтенант.

– Ну, будем считать, это не для протокола, – улыбнулся Селиванов.

– Ну, я Гитлера не оправдываю, конечно, но ведь порядок-то он навел. Знаете, к примеру, как он отучил немцев без билета ездить? Да просто патруль остановил поезд, проверил билеты, всех безбилетников вывел и тут же расстрелял на глазах у всех.

– Это байка, – перебил Николай. – На самом деле никогда такого не было. Но уровень преступности в Третьем Райхе действительно был крайне низким.

– Ну вот! А у нас – сами видите, что творится! Как мы можем в таких условиях реагировать на любой сигнал? И так делаем, что возможно, на части разрываемся... Но уж поневоле приходится, ну, как-то фильтровать по приоритетам. Особенно всякие семейные конфликты... вы сами говорите, внук с бабкой, или там жена с мужем... теща с зятем – вообще классика... Если на каждую семейную ссору наряд высылать, так это нам не только автопарк другой нужен, это и штаты надо в десять раз увеличивать...

– Насколько я помню статистику, – возразил Николай, – большинство убийств в России приходится как раз на пьяные ссоры в семье или компании знакомых.

– Ну а что делать? К каждому милиционера ведь не приставишь... И потом, к вам вот наряд все-таки выехал.

– Да пока он ехал, бабку сто раз убить могли! Может, и убили бы, если б я не вмешался. Этот пьяный недоумок, наверное, не хотел, но много ли старому человеку надо...

Сысоев вдруг защелкал клавишами компьютера.

– Бабка – это, как я понимаю, Безрукова Алевтина Федоровна?

– Да, – кивнул Николай.

– А внука ее как фамилия?

– Откуда я знаю? Зовут Петр, а фамилия, возможно, та же. Он вроде как внебрачный во втором поколении...

– Да, да. Безотцовщина, матери-одиночки – это тоже наша вечная беда. В городе десять женщин на семь мужчин, и те все больше по тюрьмам да по вырезателям... хотя теперь уже и

вытрезвители позакрывали...а потом вырастают такие вот...Петр Безруков, да, правильно. Ну типичная биография – состоял на учете еще школьником, пьянки, потом зона... Знаете, Николай Анатольевич, давайте мы с вами так в протоколе напишем. После вашего звонка наряд в составе сержантов Пучкова и Дубинина прибыл и гражданина Безрукова за хулиганство в пьяном виде задержал.

– Да неужели? – приподнял бровь Николай. – И где же он?

– Ну его адрес мы знаем, съездить за ним недолго. Доставим в обезьянник, ночку посидит, протрезвеет, завтра выпустим.

– Ложка, вообще-то, дорога к обеду. Сейчас-то зачем?

– Ну как зачем? Получается, что сержанты наши впустую ездили, зря только бензин тратили. А так – пресеченное правонарушение, все честь по чести. С нас же тоже отчетность требуют.

– Честь по чести была бы, если бы они вовремя приехали. А теперь из-за их раздолбайства вы толкаете меня на дачу ложных показаний.

– Ну Николай Анатольевич, я ж вам все объяснил. При чем тут раздолбайство? Как машину смогли завести, так и выехали.

– Да тут пешком быстрее добежать можно было!

– Ну они же милиционеры, а не бегуны! Я вообще не понимаю, что вас не устраивает? Вы же хотели, чтоб мы приехали и задержали Безрукова? Ну вот мы это и сделаем.

– Меня не устраивает, что вы хотите получить награду за несделанную работу и предлагаете мне соучастие в должностном подлоге.

– Ох, Николай Анатольевич, – сокрушенно покачал головой Сысоев, – не хотите вы входить в положение. Все хотите по-формальному, а не по-человечески. Как будто не закон для человека, а наоборот.

– Это смотря для какого. Если для обычного гражданина, то да – закон должен быть для человека, должен его защищать. А вот для чиновников и правоохранителей все должно быть наоборот: человек для закона. Ваша функция – защищать закон. И ни для чего больше вы не нужны.

– Но ведь и правоохранитель тоже человек, а не только функция... Вот вы машину, конечно, водите.

– Вожу.

– И гаишников ненавидите.

– Смотри каких.

– Думаете – взяточники, кровопийцы. Так, во-первых, не нарушай правила, и не придется взятки давать.

– Правила ваши так устроены, что их не нарушить невозможно. Например, пересечение двойной сплошной. Даже если случайно одним колесом заехал, это уже формальный повод отобрать права. Ладно бы еще просто штраф...

– Права у вас, Николай Анатольевич, никто отобрать не может, они у вас в конституции записаны. А вот водительское удостоверение да. Если вы одним колесом по встречке и другой навстречу вам одним колесом по встречке, что получится? А во-вторых. Вот вы думаете – гаишники деньги лопатой гребут. А вам не приходило в голову – если они такие богатые, что ж они стоят целыми днями что в мороз, что в жару, дышат выхлопными газами? Ведь это ж каторга, а не работа! А потому что, во-первых, чтобы это место получить, он сам вынужден несколько десятков тысяч заплатить. Ну, это в крупных городах, здесь, конечно, поменьше. И никого не волнует, где он эти деньги возьмет, точнее, все знают, где он их возьмет. А если он скажет – я такой честный, я взятки брать не буду – ну и сиди в какой-нибудь совсем заднице,

живи в разваливающемся бараке с текущими потолками вместе со своей женой и детьми в одной комнате. Потом, это ж не один раз заплатил за место и все. С него каждый день начальник свою долю требует... Так что этому кровопийце в итоге только и остается на то, чтоб детей кормить да в школу было в чем отправить...

– Взятки, вообще-то, не нужно ни брать, ни давать. А на тех, кто их вымогает, подавать рапорт. В службу собственной безопасности. И если так будут поступать все...

– Так ведь то-то и оно, что все – не будут, Николай Анатольевич. И вы это знаете не хуже меня. А значит, ваш честный законник без страха и упрёка всегда будет оказываться в проигрыше. Я не хочу сказать, что это хорошо. Я просто говорю вам, как система устроена. И ты или в системе, или она тебя сожрет. А чтобы помогать людям, ты должен быть в системе. Да, Николай Анатольевич, людям помогать, а не просто бабки стричь. Этот гаишник, может, сотню взяток возьмет у всяких толстосумов, которым впадлу по правилам ездить и налоги платить – те самые налоги, из которых милиции официальную зарплату платят – а потом, рискуя жизнью, за преступником погонится...

– Чтобы с него уж всем взяткам взятку получить.

– Циник вы, – сокрушенно покачал головой лейтенант.

– Я? Очень интересно. Вы считаете всеобщую коррупцию сверху донизу нормой, а циник при этом я?

– Да не нормой, Николай Анатольевич! Это не норма, это просто – данность. Играя по правилам системы, можно добиться лучших результатов, чем борясь с системой. Все силы уйдут на борьбу, и на собственно дело их просто не останется...

– Это демагогия, и вы это знаете. Коррупция уничтожает эффективность любой системы, недаром само это слово означает «растление». А уж правоохранительной в особенности. Она не просто перестает работать – она превращается в свою противоположность. Вместо того, чтобы бороться с бандитами, милиция их крышует. Результат налицо, и вы мне сами его только что озвучили. И не надо рассказывать про плохое финансирование и низкие официальные зарплаты. Американских пионеров вообще никакое правительство не финансировало. Сами избирали шерифов, сами наводили порядок. Притом, что население там тоже не из университетских профессоров состояло.

– Ну, у нас же тут не Дикий Запад...

– У вас тут гораздо хуже – у вас дикий Восток. И потом – вот вам пример с совсем не дикого Запада. Был я в одном небольшом городке к северу от Нью-Йорка. Там как раз местные власти решили сэкономить на полиции. Упразднить местный полицейский департамент, а его функции передать соседнему, из более крупного города. Так что сделали жители? Они устроили распродажу табличек «Мы поддерживаем наш полицейский департамент!», и через пару дней эти таблички красовались перед половиной домов в городе. Само по себе это, конечно, проблему финансирования не решило, но власти, видя такую решимость, от своих планов экономии отказались. Вы можете себе представить, чтобы жители Красноленинска по собственной воле за свои деньги стали покупать и устанавливать у себя таблички «Мы поддерживаем нашу милицию»? Да если вас тут завтра сожгут, весь город придет плясать на ваших могилах! Кстати, в Третьем Райхе полиция тоже взяток не брала.

– Да никто ж у вас никаких взяток не просит! Что вы прицепились к этим взяткам? Вас просят просто немного помочь милиции, и вам это ничего не будет стоить. У сержанта Дубинина, между прочим, на той неделе двойня родилась. При нынешней демографической ситуации это прямо подвиг.

– Да хоть четверня. Какое отношение это имеет к тому факту, что он не прибыл на вызов вовремя?

– А может, – прищурился Сысоев, – вы просто не хотите, чтобы мы доставили сюда гражданина Безрукова? Может, вы опасаетесь, что у него будут к вам встречные претензии? Скажем, по факту нанесения побоев, а? Слова ведь на такую публику обычно не действуют...

– Вы мне что – угрожаете? – усмехнулся Николай. Тут же он, впрочем, подумал, что недооценивать такую возможность не следует. Конечно, закон на его стороне, он действовал с целью пресечь преступление, а Петька получил лишь несколько царапин и, разумеется, никакое заявление по собственной инициативе писать не будет. Но если его «попросят» об этом в милиции, он напишет и подпишет что угодно. Другое дело – зачем это милиции? В качестве мести за отказ подписать фальшивый протокол, позволяющий поставить очередную «палку» в отчетность? Слишком уж ничтожный повод. Но если кому-то не нравится его интерес к комбинату или вообще сам факт появления известного столичного журналиста в здешнем болоте...

Все эти мысли мелькнули в его голове за несколько мгновений, пока Сысоев натягивал на лицо маску оскорбленной невинности.

– Ну что вы, Николай Анатольевич. Как может сотрудник милиции угрожать законопослушному гражданину? Так, просто рассуждаю вслух...

– И как законопослушный гражданин, задерживать которого у вас нет оснований, я намерен, наконец, вас покинуть. Если только вы не хотите сообщить что-нибудь интересное для моей газеты, – добавил он с умыслом.

– Хорошо, хорошо... – Сысоев снова взял ручку и принялся быстро писать на бланке протокола. Затем развернул лист к Селиванову и ткнул ручкой: – Вот здесь напишите «С моих слов записано верно», дата и подпись.

Николай пробежал глазами текст, отражавший изложенную им версию событий, и расписался.

– Всего хорошего, – сказал он, поднимаясь.

– И вам, Николай Анатольевич. Берегите себя.

Лишь выйдя в темноту улицы, едва рассеиваемую светом лампы над милицейской дверью, Селиванов сообразил, что домой его никто не повезет. Ну ладно, здесь действительно идти минут десять, и дорогу он запомнил. Всего два поворота, причем, даже если он свернет не там, все равно должен оказаться на улице Ударников.

Дождь не то чтобы полностью прекратился, но деградировал до уровня висящей в воздухе волглой мороси. Николай, тем не менее, надвинул капюшон и невольно огляделся по сторонам. Удивительное дело, но здесь, в двух шагах от официального оплота правопорядка и не в самый поздний еще час, он почувствовал себя на редкость неуютно, словно оказался глухой полночью в заброшенном городе-призраке. Погруженное во мрак здание за спиной, где, казалось бы, должна еще кипеть работа (светонепроницаемые шторы у них тут, что ли?), совершенно пустой милицейский двор, окаймленный невысоким забором, мусорными ящиками и, очевидно, служебными гаражами, одинокий «газик» – как видно, тот, что доставил его сюда – почему-то не загнанный внутрь и имевший совершенно безжизненный вид, словно он мокнет тут без движения уже который год... По другую сторону забора в некотором отдалении тянулась длинная пятиэтажка, на вид тоже совершенно мертвая, без единого огонька. У Николая даже возникло что-то вроде мгновенного провала в памяти: несколько секунд он не мог сообразить, какое сейчас время года. Этот холодный сырой мрак мог быть и бесснежной слякотной зимой, и неудавшимся летом... Затем он вспомнил: осень, сентябрь. Тряхнул головой, отгоняя наваждение, и зашагал прочь со двора.

Узкая улочка, на которую он вышел, тоже выглядела безжизненной – ни людей, ни машин – но в трех- и пятиэтажных домах слева и справа все же горели редкие окна. Их

пробивающийся сквозь шторы свет, казалось, не рассеивал, а лишь подчеркивал темноту. Николай непроизвольно сунул руки в карманы куртки; в правом из них лежал шокер.

В какой-то момент ему послышалось, что звук его шагов раздвоился. И это определенно не было эхом – сырое плюх-плюх под ботинками и мокрая штукатурка пятиэтажек по сторонам вряд ли способны были породить заметное эхо. Нет, кто-то шел за ним следом, ступая в такт его торопливым шагам.

Ну и что, собственно? Еще один прохожий торопится домой, только и всего. Во всяком случае, едва ли это очередная шпана. Его не пытались ни догнать, ни окликнуть, и шедший позади, судя по звуку, был один. Тем не менее, на этой пустой и темной улице звук, на который днем Селиванов не обратил бы внимания, нервировал. В то же время оборачиваться и смотреть тоже не хотелось – вроде как показать свой страх перед преследователем и чуть ли не спровоцировать его на нападение... «да нет никакого преследователя, что за паранойя!» – сердито сказал себе Николай... а если нет, получалось вроде как неудобно перед незнакомым человеком... Скорей бы, что ли, поворот в сторону куда более оживленной, если судить по вчерашнему вечеру, улице Ударников! А может, сделать вид, что он завязывает шнурок (хотя его ботинки на липучках)?

Николай мысленно выругал себя за недобитые интеллигентские комплексы, остановился и резко обернулся.

Человек был. И, что самое скверное, он тоже остановился. Точнее, Николай даже не видел, как он это сделал. Когда Селиванов обернулся, тот тип уже стоял. Метрах в пятнадцати позади. Длинный и тощий силуэт в кепке. Несколько секунд Николай буравил его гневным взглядом, тщетно пытаясь разглядеть детали в темноте. Незвестный не двигался и молчал. Николаю вдруг подумалось, что, пожалуй, один из самых пугающих образов – это не атакующий тебя монстр, а такой вот человек (или, во всяком случае, нечто, выглядящее, как человек), который стоит совершенно неподвижно и смотрит на тебя, не говоря ни слова...

– Что? – потерял терпение Николай. – Чего надо?

Неизвестный никак не отреагировал. Был ли это тот самый, что наблюдал за Селивановым в туннеле? Или, может, из той же организации?

Что будет, если подойти к нему прямо сейчас? Он поспешит прочь? Преследователь и преследуемый поменяются местами? Или останется на месте и... и что? Прикинется, что не понимает, в чем дело? Предъявит удостоверение? Нападет? Применит какую-нибудь штучку в стиле фильмов о Джеймсе Бонде?

Незнакомец шевельнулся, вынимая руку из кармана. До слуха Николая донесся негромкий щелчок, и одновременно он увидел вспышку. Затем засветился маленький красный огонек. Сигарета. Незвестный остановился, чтобы закурить, только и всего.

Правда, перед этим ему зачем-то понадобилась демонстративная пауза в несколько секунд.

Николай зло повернулся и продолжил свой путь. И почти в тот же миг в нескольких метрах впереди что-то грохнуло об асфальт тротуара, разлетаясь осколками.

Селиванов вновь застыл на месте, затем перевел взгляд наверх. Из какого из этих окон выбросили бутылку? В ближайшем подъезде тускло светилось только одно окно на четвертом этаже, плотно задернутое коричневыми шторами. Совсем не факт, что это оттуда. Могли метнуть и из темного окна, или даже с крыши. На преднамеренное покушение не похоже, слишком уж велик промах. Скорее, пьяный кретин швырнул бутылку, даже не глядя, что и кто там внизу. Но если бы Николай не остановился, то как раз в этот момент... Это что ж – неведомый «хвост» его спас? Невольно, разумеется...

Николай снова обернулся. Улица была пуста. Долговязый исчез, словно никогда не

существовал.

Наверное, зашел в подъезд, решил Селиванов и, перейдя на всякий случай на другую сторону улицы – снаряды дважды в одно место не падают, но про бутылки этого никто не говорил – вновь зашагал вперед.

Вскоре слева показался переулочек, куда он незамедлительно свернул. а затем, пройдя его уже без всяких приключений, вышел, как и надеялся, на улицу Ударников (на углу даже – редкое везенье! – оказалась табличка, подтверждающая это обстоятельство). Фонари здесь тоже не горели, но по крайней мере на проезжей части наблюдалось хоть какое-то движение, и Николай почувствовал себя уютнее. Впрочем, одна из этих машин тут же окатила его грязной водой из лужи, чтоб не расслаблялся. «F-fuck!» – с чувством произнес Селиванов.

Спустя еще пять минут он, наконец, поднялся на крыльцо безруковской избушки. Прежде, чем войти, он некоторое время озирает окрестности, но никаких новых признаков слежки не заметил. Впрочем, это еще ничего не доказывало. Но кого он тут мог так заинтересовать? ФСБ? Криминал? Тайное общество борьбы с москвичами и журналистами? Абсурд какой-то...

Затем он обратил внимание на припаркованный у тротуара «жигуль». Накануне он не приглядывался к машине Светланы, но, скорее всего, это тот самый автомобиль. Значит, она еще здесь.

Действительно, женщина встретила его в коридоре.

– Ну что там? – спросила она с беспокойством в голосе.

– Ничего, – пожал плечами Николай, вешая куртку. – Рассказал им, что было. Без кровавых подробностей, – он обратил внимание, что пол в коридоре по-прежнему влажный – не иначе как Светлана перемыла его заново. Селиванов вынул из куртки шокер – надо не забыть поставить на подзарядку. Да и вообще, будь эта штука у него все время при себе, не пришлось бы бить вазу о петякину голову.

Светлана бросила быстрый взгляд на предмет у него в руке и вновь посмотрела Николаю в лицо.

– Знаете, мне ужасно неловко, что я втянула вас во все это, и... я хотела бы это как-то загладить. Я могу вас куда-нибудь пригласить?

– В ресторан «Казбек»? – усмехнулся Селиванов. – Боюсь, час «Ласкового мая» мне не выдержать.

– Ну, не обязательно в «Казбек»... хотя да, у нас он лучшим считается... были другие, но закрылись...

«Ну да – не выдержали конкуренции с ментовской крышей», – подумал Николай, а вслух сказал: – И от кого я должен буду защитить вас на этот раз? От бывшего мужа? Точнее, как я понимаю, не совсем бывшего...

– Да нет же! – воскликнула Светлана, смущаясь и сердясь одновременно. – Вы все не так поняли...

– А вот, кстати, с вашим мужем я бы не отказался побеседовать, – заметил Николай. – В мирной, разумеется, обстановке. Как с человеком, пытавшимся делать в Красноленинске свой частный бизнес, не связанный с комбинатом. Вы можете дать мне его телефон?

– Его новый мобильный я сама не знаю, – ответила Светлана уже совсем другим, колючим тоном.

– А рабочий?

– Какой рабочий? Он теперь по целым дням дома сидит, когда к шалаве своей не ходит. Могу ему ваш телефон дать, но станет ли он вам звонить, сами понимаете, не отвечаю.

– Ладно, дайте. Обычно людям лестно, когда их мнением интересуются центральные

СМИ, – улыбнулся Селиванов, отметив про себя, что свой домашний номер Светлана не предложила.

– Хорошо. Я скажу ему о вашем чрезвычайном интересе.

– Спасибо, – кивнул Николай, проигнорировав сарказм, и примирительно осведомился: – Кстати, как себя чувствует ваша бабушка?

– В порядке. Решила прилечь после этих волнений, но ничего страшного. Она там вам еду на кухне оставила. Подогрейте, если хотите, только не забудьте вентиль у баллона потом закрутить.

– Да, я в курсе. Почему тут, кстати, газа нормального нет? Я сначала думал, тут совсем деревенская улочка, так ведь нет, большие дома рядом...

– Была деревенская. У нас на окраине многие так и живут – уголь, дрова и вода из колонки. Электричество и то не везде... Это здесь еще повезло, что дома к Олимпиаде построили и нас к их водопроводу подключили.

– К какой еще Олимпиаде?

– В восьмидесятом году,

– Так она же в Москве была! При чем тут ваш Красноленинск?

– Ну... я-то тогда маленькая была, но взрослые потом говорили, что изначально эти дома к столетию Ленина построить должны были. Анонсировали это с большой помпой, ну, вы знаете, как это при советской власти было. В 1970 году каждая нуждающаяся семья получит и все такое. И улицу под новый проект в Ударников переименовали – раньше-то она Болотной была... Ну и, конечно, ничего у них к семидесятому году не получилось с их ударными темпами... тут и строить-то большие дома нельзя было, Болотной-то она не просто так называлась... Ну, решили тогда, что проведут всякую ирригацию и сдадут дома к сто десятому юбилею, и что якобы изначально именно так и задумывалось. Но и к апрелю восьмидесятого тоже не уложились. А уложились – с кучей недоделок, но хоть как-то – только к середине лета. И решили тогда все это приурочить к московской Олимпиаде. А недоделки потом еще до самой перестройки устраняли, пока не бросили, когда уже сам комбинат загибаться стал...

– Так почему вам водопровод подвели, а газ нет? Ведь обе трубы рядом проходить должны?

– Трубы-то рядом, а ведомства разные. То водоканал, а то горгаз. В водоканале у бабушки знакомый работал, он это подключение выбил. Ну, не бесплатно, но выбил. А в горгазе уперлись, вас, говорят, все равно скоро сносить будут. А денег на взятки уже не было, все ушли на то, чтобы и впрямь не снесли... Сейчас вот опять разговоры пошли, что снесут. Хотя строить здесь никто ничего не собирает. Я говорю бабушке – наплюй, это просто на испуг берут, взятку вымогают... а так права не имеют, у нас приватизация оформлена... Ну ладно, заболтала я вас, а вы, небось, есть хотите. А мы тут в коридоре разговариваем.

– М-да, – согласился Николай. – В коридоре, действительно, не дело. Вот что, Светлана, вы тоже на меня не обижайтесь, но я хочу, чтобы не было никаких недопониманий. Я не против с вами еще побеседовать... хотя и не в восторге от этой истории с вашим братом... но вот свидания, кроме деловых, в мои планы не входят. Я вообще по жизни одиночка. Как говорится – ничего личного.

– Такие вопросы – всегда личное, – невесело улыбнулась Светлана. – Но я, в общем-то, не имела в виду... свидание. Я просто...

– Ну, вот и хорошо, – поспешно кивнул Николай, не желая длить неловкость. – Вы позволите? – он сделал движения пройти. – А то я еще даже руки не мыл.

– Да, конечно. А я уже пойду. До свиданья.

– Всего доброго.

На кухне его ждали замотанная в толстое одеяло кастрюля на столе и красная утятница на плите. Размотав одеяло, Николай колупнул вилкой еще теплую картошку (которой было явно больше, чем он мог съесть), подумал, хочет ли он снова возиться с газом, разогревая все это (как все же неудобно, когда в доме нет микроволновки!), и решил, что сойдет и так. Быстро проглотив ужин, он отправился в свою комнату. Раскрытый ноутбук терпеливо поджидал своего хозяина; Николай шевельнул мышку (тачпады он терпеть не мог), и чернота энергосберегающего режима сменилась белым окном редактора. Селиванов с неудовольствием заметил, что, бросаясь в бой, не записал текст, и поспешил это исправить. Его взгляд упал на часы в углу экрана – ровно 21:00 – и у него мелькнула мысль посмотреть местные новости.

Он подошел к телевизору, досадуя на отсутствие дистанционного пульта (который, очевидно, был не потерян, а просто не предусмотрен конструкцией этого древнего монстра) и, присмотревшись к передней панели, щелкнул кнопкой включения. Телевизор тут же отозвался последними тактами мелодии, которую Селиванов ненавидел с детства – позывными программы «Время». Ненависть эта, впрочем, не была связана с идеологией – просто под эту мелодию, означавшую 9 вечера, маленького Колю отправляли спать. У него и сейчас возникло желание переключить канал – он хотел найти какую-нибудь местную программу, а не всероссийскую. Но его рука, уже легшая на допотопный поворотный переключатель (Николай еще в детстве недоумевал, зачем в СССР выпускают эти переключатели на 12 каналов, если в реальности имеются всего 4?), замерла, когда он услышал, как знакомый по все тому же детству хорошо поставленный голос произнес: «Добрый вечер, товарищи! В эфире программа 'Время'.»

«Товарищи»? И ведущая у нынешнего «Времени» совсем другая...

Он сделал шаг назад, глядя на экран, на котором наконец проступила зернистая черно-белая картинка. Да, это был тот самый предельно аскетичный дизайн советской студии и двое дикторов, ничуть не изменившиеся за двадцать лет.

«Сегодня в Кремле Леонид Ильич Брежнев...»

Что?!

У Николая мелькнула мысль, что по такому телевизору ничего другого показывать и не могут. А затем – и вовсе идиотская, о провале во времени в стиле идиотской фантастики про «попаданцев» (уже за одно это слово, по мнению Селиванова, следовало убивать, как минимум, морально). Но, конечно, уже в следующий миг он пришел к выводу, что это просто фрагмент исторической хроники, включенный в какой-нибудь документальный фильм. Ему стало любопытно, что это за программа и к чему это видеочитирование, и он стал смотреть дальше, стоя перед телевизором – но «фрагмент» и не думал кончаться. Причем ни о каких действительно исторических событиях речь не шла – так, стандартное пропагандистское бла-бла-бла о неуклонно улучшающейся под мудрым партийным руководством жизни простых советских людей и кознях задыхающегося в когтях кризиса и безработицы империализма.

Досмотрев эту муть уже практически до прогноза погоды, Николай, наконец, не выдержал и переключил канал. На экране немедленно появилась задница. Задница была голая и потная, судя по всему – женская, и совершала характерные возвратно-поступательные движения, сопровождавшиеся не менее характерными звуками. Селиванов с отвращением переключился дальше и на сей раз услышал лишь шипящий шум. Остальные десять каналов показывали «снег». Он выключил телевизор.

М-да. Богатый духовный выбор имеют красноленинцы, ничего не скажешь. Но если порнуха по телевизору особо не удивляла, то кому могло понадобиться транслировать вместо реальных новостей советскую программу «Время»? Николай даже заглянул в тумбочку под телевизором, проверяя, нет ли там видеоманитофона. Но нет, магнитофона не было – только какие-то пыльные журналы, кажется, тоже еще советских годов. Стало быть, он видел реальный

эфир. Надо будет расспросить утром старуху.

Он вернулся к своему ноутбуку, чувствуя, что рабочее настроение вновь испорчено, но надо хоть как-то закончить то, что ему помешало доделать визит Петьки. Да и кое-какие пункты из диалога с лейтенантом Сыроевым тоже имело смысл законспектировать, пока он их еще ясно помнил. Когда он, наконец, закончил с этим, то почувствовал, что преизрядно устал за этот насыщенный и в целом неприятный день. Можно было еще посмотреть на ночь фильм – на винчестер ноутбука было закачено несколько еще не виденных Николаем – но он решил, что уснет прямо за компьютером.

Погасив свет и забравшись под одеяло, Николай не в первый раз уже подумал, что самое большое удовольствие человек получает все же в постели, и это не то, о чем думают сексуально озабоченные, а обыкновенный сон. Но в то же время терять на сон столько времени, сколько требует несовершенная человеческая физиология, чертовски жалко. Вот дельфины вообще никогда не спят, точнее, не спят полностью – у них отдыхает то одно полушарие мозга, то другое. А иначе они бы захлебнулись. Вообще, с человеческой точки зрения жить дельфина – и всех китообразных – кажется ужасной: всю жизнь проводить во враждебной среде, задерживая дыхание и каждые сколько-то там минут всплывая, чтобы глотнуть воздуха и снова погрузиться. В море хорошо быть или рыбой, для которой водная среда естественна, или птицей, которая парит над ней, взирая на нее свысока и дыша полной грудью. А дельфины застряли меж двух миров, как какие-нибудь неприкаянные души. Вот так и он в этой стране как тот дельфин, который не способен ни дышать тухлой водой, ни улететь в небо... разве что ненадолго выпрыгнуть, чтобы снова упасть обратно... Потому-то у неба зеленый цвет... зеленый цвет бутылочного стекла...

Он понял, что это не небо. Это деревья. Очень старые, уродливые и больные деревья окружали его, и их тусклые сырые кроны, вяло шелестя, смыкались над его головой. Под ногами у него был растрескавшийся асфальт узкой аллеи, уводившей куда-то в полумрак. Темные, почти черные палые листья, похожие на большие хлопья пепла, медленно кружа в воздухе, беззвучно опускались на этот мокрый асфальт. Николай знал, что должен выбраться, скорее выбраться из этого унылого места, иначе он тут задохнется – и пошел вперед.

Он понял, где находится. Это был краснотинский городской парк. Значит, аллея рано или поздно должна привести его либо к выходу, либо, по крайней мере, к какому-нибудь указателю. Или, может, он встретит кого-то, у кого можно будет спросить дорогу. Впрочем, он сразу подумал, что встретить кого-то *здесь* – это плохая идея. Если кто-то попадется ему прежде, чем он выберется отсюда, то лучшее, на что он может надеяться – это остаться незамеченным.

Аллея начала петлять, уходя под прямым углом то влево, то вправо, словно путь в лабиринте. Но это не походило на лабиринт, поскольку дорога, хотя и не была прямой, оставалась единственной, без всякой возможности выбора. Впереди, однако, становилось все темнее, а уродливые деревья все плотнее смыкались по бокам. Смыкались так, что пройти между ними было уже невозможно. Николай подумал, не повернуть ли обратно, ибо было совсем не похоже, что эта дорога вела к выходу. И тут он услышал шаги.

Плюх-шлеп, плюх-шлеп – кто-то шел у него за спиной. Николай испуганно обернулся, но ничего не увидел за поворотом дороги и стеной деревьев. Это значило, однако, что и неведомый преследователь не видит его. Пока еще не видит. И надо сделать все, чтобы так и не увидел. Надо спешить, сохраняя между ним и собой повороты и углы. Так что теперь не оставалось других вариантов, кроме как идти вперед, только вперед.

Николай старался шагать как можно быстрее, но вместо этого с трудом переставлял ноги. Сырой и душный воздух вокруг сделался плотным и вязким, словно вода. А дорога все не кончалась, все выламывалась под все более немислимыми углами, словно сама страшилась

приблизиться к тому, что находилось в ее конце. Расстояние до преследователя постепенно сокращалось, но медленно, словно тот растягивал удовольствие. Николай переставлял непослушные ноги руками и все равно чувствовал, что не успеет. Что выбьется из сил раньше, чем... А еще он знал, что звать на помощь нельзя. Что если он это сделает, придут такие же, как и тот – или то – что за ним гонится. И что они гораздо хуже, чем просто обитающая в парке шпана.

И вот, когда он уже не знал, куда деваться, от страха и бессилия, в сплошной тьме впереди показалось что-то белое, и внезапно дорога кончилась.

Она вывела его на маленькую круглую площадку, всю засыпанную черными листьями. Небо над ней и сам воздух вокруг тоже были совершенно черными – должно быть, наступила ночь, а скорее, в этом месте она вообще никогда не заканчивалась. Посреди площади возвышался белый гипсовый памятник карлику на высоком пьедестале, а у его подножья неподвижно застыли в пионерском салюте двое пионеров в белых рубашках и красных галстуках. Несмотря на черноту вокруг, белизна памятника и почетного караула была видна очень отчетливо.

Николаю не хотелось приближаться к ним, но у него не было выбора, и он сделал еще несколько шагов. Теперь он понял, что на пьедестале не карлик, а ребенок – очень уродливый, горбатый, кривобокий, с неестественно выгнутыми конечностями. Но главное – у него не было ни лица, ни вообще большей части головы, одна лишь нижняя челюсть, из которой, как из жуткой чаши, бил черный нефтяной фонтан. Николай понял, что это Павлик Морозов, сын Саввы Морозова. А еще он понял, что красные галстуки пионеров – это вовсе не галстуки. Это кровь, текущая по их белым рубашкам из разорванных шейных артерий.

А меж тем шаги сзади приближались, и Николай испуганно заметался. Никаких дорог, кроме той, по которой он пришел, отсюда не было – только сплошная стена деревьев. У него мелькнула мысль, что он может спрятаться за памятником – хотя тот внушал ему почти такой же ужас, как и то, что приближалось сзади. Но все же Николай двинулся вперед, пытаясь обойти мертвых – или все же живых? – пионеров. Однако в тот же миг Павлик Морозов со страшным скрипом поднял гипсовую руку, обличающе указуя на него. Рука поднималась тяжело и трудно, от нее отламывались куски и со стуком и шорохом сыпались на пьедестал – но все же укрыться от нее было невозможно. Шаги смолкли прямо у Николая за спиной; он понял, что *она* там, что *она* примеряется – но ужас парализовал его, не давая обернуться, и он мог только кричать...

И проснулся от собственного крика. Еще несколько секунд он по-прежнему не мог понять, на каком свете находится – ибо тьма вокруг была абсолютной, а ему по-прежнему было душно, и что-то стесняло его движения. Но затем он сообразил, что попросту замотался в одеяло с головой. Высунув голову на свободу, он глубоко вдохнул воздух комнаты.

«Вот ведь, приснится же...» – подумал Селиванов. Он не помнил, когда ему снились кошмары в последний раз. Впрочем, и сейчас увиденные во сне образы быстро тускнели и изглаживались из памяти, оставляя лишь общее ощущение невыносимой тоски, ужаса и безнадежности. И вот это ощущение уходит никуда не собиралось. Пожалуй, Николай предпочел бы помнить, что именно его напугало. Но это было уже не в его власти. Оставалось надеяться только, что следующий сон не станет продолжением предыдущего, а, напротив, затрет его окончательно.

В следующий раз он проснулся уже только от стука в дверь и оклика старухи: «Николай, вы будете завтракать?» В окно сквозь занавеску пробивался тусклый свет вечно пасмурного дня..

«Deja vu,» – подумал Николай. «День сурка. Зеркало для героя. Который в нем не отражается, потому что ночью Краснolenинск выпил его душу, и он стал вампиром...»

– Сейчас иду! – крикнул он, с неохотой выбираясь из теплой постели. Он знал, что ночью ему снилось что-то гадкое, но не мог припомнить, что. Кажется, он ходил в какое-то жуткое место... Николай, наверное, не очень удивился бы, если бы обнаружил на полу и в постели грязные следы босых ног, как в каком-то из романов Кинга. Но нет, это был, разумеется, просто сон.

Десять минут спустя, умывшись и побрившись (и даже скорчив пару жутких рож перед зеркалом), он уже сидел на кухне и глядел, как хозяйка ставит на стол предсказуемую тарелку с оладьями. Впрочем, вчера они были неплохи, так и что и сегодня он против них не возражал. Хотя варенье, конечно, по виду и консистенции слегка напоминало антрацит.

Николай для приличия спросил старуху о самочувствии, хотя уже и сам видел, что вчерашний обморок не был ничем серьезным.

– А что это у вас, Алевтина Федоровна, телевидение тут такое странное? – задал он более занимавший его вопрос, помешивая чай. – Отстает на двадцать лет, круче, чем часы Безумного Шляпника.

– Какого еще шляпника? Это вы, верно, канал «Ностальгия» смотрели. Они целыми днями советские передачи крутят. Не то чтобы фильмы какие-то, а вот прям все подряд – и новости, и спорт, и «Сельский час» с «А ну-ка, девушки!» Причем не вразнобой, а вот возьмут программу за то же число, только года другого, и прям по программе все и шпарят, точь-в-точь, как тогда.

– Оригинальный маркетинговый ход. Это что ж, все эти записи сохранились?

– Ну, видно, сохранились.

– И как они вопрос с авторскими правами решили?

– Ну, видно, решили.

– А рекламу куда пихают?

– А нет рекламы. На то она и ностальгия.

– На что же они, в таком случае, существуют?

– А у них еще платные кабельные каналы есть. Там и другие советские программы смотреть можно, не только одну. А еще их город дотирует из бюджета на культуру.

– Угу. На это, стало быть, есть деньги... А порнуху по другому каналу тоже дотируют?

– Нет, там не только это показывают, – чопорно поджала губы Алевтина Федоровна. – Это после девяти вечера только. А так там нормальные передачи в основном. Сериалы, спорт, эти, как их теперь называют, ток-шоу...

– Про политику? – иронично осведомился Николай, заранее зная ответ.

– Да нет, про то, что простых людей волнует. Можно ли простить супружескую измену, «звезды» и их поклонники и все такое.

– Угу. То есть в городе, где загнулось единственное крупное предприятие, нет ни работы, ни денег, уровень преступности выше, чем в Колумбии, а большинство мужчин еле доживают до пятидесяти, простых людей волнует исключительно личная жизнь звезд и семейные скандалы соседей. Нет, я, конечно, понимаю, что это преднамеренная политика оболванивания, но ведь это смотрят...

– Ну а что смотреть-то? Про нищету и преступность – этого и в жизни хватает. Для этого телевизор не нужен, в окно посмотреть достаточно. Или в зеркало. Людям отвлечься хочется.

– На что отвлечься-то? На что-то высокое или на чужие семейные дразги? Кстати, даже и не настоящие – во всех таких ток-шоу роли «простых людей» исполняют артисты...

– Ну, не скажите, про высокое там тоже показывают. Ежедневная программа «Благая весть», для верующих, очень хорошая передача. Батюшка Серафим ведет.

– Да уж, выше некуда... И батюшку вашего не смущает, что он делит один канал с

порнофильмами?

– Ну так ведь и Христос стол делил с блудницами. И фарисеи его в этом упрекали, а он им что сказал? «Врач нужен больному, а не здоровому.»

– Ну и многих этот ваш врач у врачевал в перерывах между порнухой? Есть статистика по динамике алкоголизма и преступности, или по подростковой беременности, после того, как начались его передачи?

– Этого я не знаю...

– Зато я знаю. Не по Красноленинску, по миру в целом. Самые религиозные страны – они же и те, где самый высокий уровень бедности и преступности. Больше всего верующих – в тюрьме... Ну ладно, это, как я понимаю, два ваших местных канала. А остальные-то где же?

– Остальные ваш телевизор не берет. Это надо кабельное подключать, деньги платить.

– Ну метровые-то каналы должны и так приниматься. На ту же антенну, что эти два.

– Это я не знаю, метровые, километровые... я в технике-то этой никогда не разбираюсь. Если что и ловится, то я не знаю, как настроить. Мужчин-то нет. Вот, может, вы умеете?

– Н-нет, – покачал головой Николай. – Как настраивать подобную древность, а не знаю. Вот если бы современный телевизор, тогда не проблема.

– Ну, вот. Критиковать-то всякий может...

Селиванов предпочел не продолжать бессмысленный спор и молча доел завтрак. Затем, в очередной раз борясь с ощущением *deja vu*, принялся дозваниваться в горадминистрацию. Минут через пятнадцать ему удалось пробиться через сплошное «занято». Уточнив на всякий случай, туда ли он попал, он напомнил о своем вчерашнем звонке и вновь вежливо осведомился, когда сможет встретиться с мэром.

– Оставьте, пожалуйста, ваш номер, вам перезвонят, – прощebetала трубка.

– Вы мне это вчера обещали, – вздохнул Николай. – И номер я вам оставлял.

– Это вы не мне оставляли, – возразила трубка. – Я сегодня первый день из декрета вышла.

– Поздравляю, – вырвалось у Селиванова. – Ну хорошо, записывайте... – он продиктовал номер. – И передайте, пожалуйста, Игнату Игнатовичу, что я не какой-нибудь назойливый папарацци. Статья о вашем городе в одной из ведущих российских газет пойдет на пользу, в первую очередь, самому городу. Нас читает даже высшее руководство страны («да уж, еще как читает!»), и это хороший повод донести позицию городской администрации до Центра, минуя обычные бюрократические препоны.

– Да, конечно. Ждите, вам обязательно перезвонят.

– Когда? – с нажимом спросил Николай.

– Сегодня.

– Во сколько?

– Ну, вы же понимаете, я не могу вот так сказать за Игната Игнатовича... у него так много дел...

– Я понимаю, какой он занятый человек. Но я вас спрашиваю сейчас не о времени интервью, а только о звонке, в котором мне назовут это время. Для того, чтобы определиться, в какой день и во сколько он сможет меня принять, ему не потребуется больше пары минут. Только посмотреть свой график.

Похоже, сложная конструкция «назовите мне время, в которое мне назовут время» повергла секретаршу в ступор, поскольку она молчала добрых полминуты. Селиванов уже подумал, не пошла ли она спрашивать шефа. Но трубка тут же поспешно выпалила:

– Сегодня после полудня, ну или, может, ближе к вечеру. Обязательно. До свиданья.

– Николай, – услышал Селиванов из коридора голос хозяйки, – вы куда-то уходите?

– Нет, – ответил он. На самом деле он еще не определился со своими планами, но почему-то ему показалось, что старуха хочет, чтобы он ушел, и отрицательный ответ доставил ему мстительное удовольствие. – По крайней мере пока.

– Я схожу в магазин, – сообщила Алевтина Федоровна и выдержала паузу, вероятно, надеясь, что молодой постоялец галантно предложит сделать это вместо нее. Николай промолчал. – Так вы, если будете уходить, проверьте, чтобы дверь была хорошо закрыта и свет и газ выключены.

«Сама же говорила – эту дверь любым пинком можно высадить! И какой свет, день же сейчас!» – подумал Селиванов, раздраженный этими постоянными напоминаниями, но вслух покорно ответил: – Да, Алевтина Федоровна, непременно.

Старуха еще некоторое время потопталась в коридоре (Николай слышал, как скрипят половицы), а затем, как видно, не найдя, что еще сказать, все же отправилась за покупками; хлопнула входная дверь. И в тот же миг, словно этот хлопок переключил реле в его мозгу, Николай вспомнил о фотоальбоме.

Вчера мысль заглянуть туда, пока старуха не видит, лишь мелькнула у него, но теперь желание посмотреть, что за фото она скрывает, стало почти таким же нестерпимым, как у подростка, заметившего, куда отец прячет порножурнал. Пару минут Николай стыдил себя, напоминая себе, что он не должен опускаться до уровня папарацци, а в альбоме все равно наверняка нет ничего сенсационнее фотографий мужа Светланы или, может быть, Петьки – но в итоге все-таки поднялся и чуть ли не на цыпочках – что было особенно смешно, учитывая, что в доме он был один – двинулся к выходу. В конце концов, как там говорил краевед Васильчиков – если об этом никто не узнает, то никто и не пострадает...

Перед комнатой старухи он остановился и бросил подозрительный взгляд в сторону входной двери, чувствуя иррациональное опасение, что вот прямо сейчас хозяйка и вернется, обнаружив, что что-то забыла. Затем все же взялся за круглую дверную ручку...

Но она не повернулась. Комната хозяйки была заперта на ключ. Что ж – очень предусмотрительно с ее стороны; как видно, она все же сдавала жилье не впервые. Ну и ладно. Николай почувствовал не разочарование, а скорее, наоборот, облегчение – как человек, которого избавили от искушения.

И в тот же миг в тишине квартиры раздался звонок. Селиванов вздрогнул от неожиданности. Это не был его мобильный – звучали именно звонки, а не мелодия – и не мог быть городской телефон, коего, как он помнил, здесь просто не было. Так же, как и дверного звонка, хотя источник трезвона находился именно в том направлении. Тогда что же это? Мобильный, оставленный в прихожей старухой? Или, может быть, даже Петькой?

Николай быстро пошел на звук и, после короткого замешательства, обнаружил его источник. Под вешалкой стояли зимние боты старухи; трезвон шел из одного из них (и шедший изнутри голубой свет озарял стершийся искусственный мех). Видимо, бабка сама не заметила, как обронила мобильный, и он упал так «удачно», что не издал стука. Селиванов нагнулся и вытащил телефон, продолжавший издавать назойливое «дзынь-дзынь» и вибрировавший в пальцах. Как видно, Алевтина Федоровна специально выбрала такой рингтон, консервативно полагая, что телефону положено звонить, а не играть музыку – а может, она просто слышала такой звук лучше, чем более мелодичные.

Николай посмотрел на экранчик, уверенный, что звонит Светлана – кто же еще может звонить старухе? Он уже даже готов был ответить и сообщить внучке, чтобы не волновалась за бабушку, которая просто забыла мобильник. Но на экране вместо любого ожидаемого варианта имени «Света» светились буквы Vrdl.

Vrdl? Что это означает? «Вряд ли»? Нет, вряд ли «вряд ли». Если бы было Vldr, то,

вероятно, имелся бы в виду некий Владимир. Но при вводе букв с клавиатуры мобильного так «опечататься» невозможно... Скорее, гм, «вурдалак»... или какой-нибудь «вредный Л.»

Телефон перестал трезвонить и вывел сообщение о пропущенном звонке. Николай нажал на кнопку, чтобы посмотреть номер, и запоздало сообразит, что теперь старуха поймет, что он трогал ее телефон. Впрочем, настолько ли она технически подкована, чтобы это сообразить... да и потом, ничего страшного он не совершает. «Вы забыли свой мобильный, вам кто-то звонил, я посмотрел, не Светлана ли», – вполне резонное объяснение.

А может, звонил светланин муж? «Ирод», «вурдалак» – из одного смыслового ряда. Но зачем бы, при таком теплом отношении со стороны Алевтины, ему это понадобилось?

Высветившийся номер, разумеется, не совпал с тем, с которого вчера звонила Светлана, и все же показался Николаю знакомым. Он сверил его с памятью собственного мобильного. Ну разумеется – под именем Vrdl скрывался «краевед» Аркадий Семенович Васильчиков.

Что, конечно же, ничего не проясняло. Селиванов помнил слова Васильчикова о том, что «чудесная женщина» Алевтина Федоровна его недолюбливает. Возможно, она и впрямь считает его «вурдалаком». Однако его номер в списке контактов все-таки хранит и в список заблокированных не заносит. А он, в свою очередь, названивает ей с утра пораньше... зачем? Да и кем вообще «краевед» приходится семье Безруковых? У Николая мелькнула даже совсем уж безумная конспирологическая идея, что старуха специально «ушла в магазин», чтобы поговорить там, где жилец ее заведомо не услышит. Кстати, если так, то она действительно вернется в любой момент, хватившись телефона...

Но нет, это уж совсем нездоровые фантазии. Однако, раз уж ее телефон оказался у него в руках, не помешает посмотреть, что там еще имеется в списке контактов. Ага, Sveta, конечно же... а вот и Sveta Dom (Николай быстро переписал короткий домашний телефон). Sobes – ну это понятно... часто, должно быть, звонить туда приходится... Какая-то Genia... Гена? кто-то гениальный? нет, видимо, Женя... какая-нибудь старая подруга, вероятно... Slvs – а вот, похоже, и Славест. Это тоже запишем. Но зачем старуха хранит телефон бывшего начальника покойной дочери? Впрочем, он ведь помог с трудоустройством Светлане... и, вероятно, этим его польза не исчерпывается. Похоже, что его с этой семьей связывает нечто большее, чем прошлые служебные отношения... Zek – господи, это еще кто? Петька, что ли? А, нет, видимо, «ЖЭК».

Ну и все, собственно. Это ведь старуха из провинциального городка, а не столичный журналист, у которого контакт-лист еле помещается в памяти телефона. Собственно, тот факт, что она вообще имеет мобильник и умеет им пользоваться, весьма нетривиален для россиянок ее возраста. Даже родная мать Николая упорно отказывалась пользоваться подаренной сыном заморской игрушкой, мотивируя это тем, что мобильник у нее непременно украдут, «ты же знаешь, Коленька, сколько сейчас вора», и потом «от него излучение вредное, в газете писали». Сдалась она только под тяжестью аргумента «а вдруг надо будет на улице 'скорую' вызвать, а работающий автомат сейчас найти – сама знаешь». Алевтину же, вероятно, идти в ногу с прогрессом заставило отсутствие домашнего телефона. Как говорится, не было бы счастья...

Ну, раз уж он полез в чужую частную жизнь, можно посмотреть еще, с кем старуха беседовала в последнее время. Ну, Светлана, конечно...хм, опять Васильчиков – причем вчера она звонила ему сама! Вскоре после того, как Николай ушел из дома. Ну да – примерно в то же время, что и сейчас. Совпадение?

В замке зашебуршился ключ. Николай, чувствуя себя почти как все тот же подросток со спущенными штанами, поспешно вышел из режима просмотра последних звонков и сунул в карман свой собственный мобильный. Запихать телефон бабки обратно в бот? Нет, она войдет раньше, чем он дойдет по коридору до своей комнаты... хотя, конечно, ничего страшного не будет, если она увидит его удаляющуюся спину... но все равно, честность – лучшая политика! В

отличие от застуканных подростков, журналисты не краснеют.

– А, Алевтина Федоровна! – расплылся в улыбке он. – Вы, верно, за этим вернулись? – он протянул ей мобильник.

– Ох! – старуха, стоя в дверях в сером пальто с поеденным молью воротником и с тощей кошелкой, приложила руку к сердцу, словно американец при исполнении гимна. – А я уж думала, я его потеряла! Карман-то прохудился, а я и не заметила...

– Нет, он прямо тут в прихожей вывалился. Но вы б его долго искали, он прямо в ботинок завалился. Я только потому нашел, что услышал. Вам звонил кто-то.

– Кто?

– Откуда ж мне знать? – весьма натурально удивился Селиванов. – Я чужие телефоны не беру. Вы посмотрите, там должен быть список пропущенных звонков в меню.

– Да я знаю, знаю... Светочка научила... – кнопки запикали под ее пальцами. Ничего неожиданного для себя она, похоже, не увидела. – Ну ладно, пойду я... до магазина-то дойти все-таки надо... теперь уж я его в сумку положу, чтоб не вывалился... спасибо вам!

– Не за что, – искренне ответил Николай и вернулся в свою комнату.

Что ж – кое-что он выяснил, в частности, домашний телефон Светланы и, соответственно, Михаила. Если он и в самом деле сидит дома и «не ушел к своей шалаве» – для этого, наверное, еще слишком рано – почему бы не позвонить ему прямо сейчас? Светлана, очевидно, сейчас на работе... Ей, кажется, не очень хочется, чтобы Николай общался с ее будущим бывшим, но это – ее проблемы.

Трубку сняли с шестого гудка.

– Алё, – сказал заспанный (а может, и не вполне трезвый) мужской голос.

– Михаил? – бодрым тоном уточнил Селиванов.

– Да. Кто это?

Николай представился и назвал свою газету.

– Да ладно прикалываться... Вовк, ты, что ли?

– Никаких приколов, – заверил Николай. – Светлана обещала сказать вам насчет меня, но, как видно, не успела...

– Мы с ней в последнее время не слишком много общаемся, – угрюмо усмехнулся Михаил.

– Да, я в курсе. И я действительно журналист, приехавший писать статью о вашем городе.

– Господи, да кому эта дыра может быть интересна...

– Ну, не скажите. Красноленинск – это, в общем-то, типичное лицо русской провинции. И в этом качестве он может быть очень даже интересен людям, не особо представляющим, как живет страна за пределами МКАД, – произнося это, Николай даже сам верил в то, что говорил. – Так вот, я хотел бы побеседовать с вами как с представителем красноленинского бизнеса... – он тут же подумал, насколько диким оксюмороном звучат последние слова.

– Да какой там представитель... был представитель...

– Да, и насчет ваших проблем я тоже в курсе, – подтвердил Селиванов. – И думаю, что они тоже достаточно типичны для малого и среднего бизнеса в России.

– Да и для большого... Ходорковский вон сидит...

– Да, разумеется. Но речь в данном случае о вас. Если вы читали мои статьи, то знаете, что прилизанную заказуху и панегирики я не пишу. Как раз наоборот. Так что меня интересует честный рассказ об этой вашей городской мафии, продажных ментах и всем таком. Естественно, если вы не хотите, я не буду указывать ваше имя и какие-либо признаки, позволяющие вас опознать. Мы никогда не выдаем свои источники, это дело принципа. Мне просто нужны факты. Так мы можем встретиться и побеседовать? Я могу подъехать к вам домой или в любое место,

какое пожелаете.

– Когда?

– Если возможно, прямо сегодня.

– Сегодня... хорошо. Только попозже. Часикам к двум, идет?

– Хорошо. В четырнадцать ноль ноль на... адрес подскажите, пожалуйста.

– Это вам Светка еще не рассказывала? – усмехнулся Михаил.

– Нет, к сожалению. У меня с ней, в общем-то, сугубо деловые отношения. Связанные все с той же статьей.

– Да хоть какие, мне-то что... Чекистов, 17. Первый подъезд, второй этаж, квартира шесть.

– Хорошо. До встречи.

Дав отбой, Николай некоторое время размышлял. До назначенной встречи оставалось еще почти три часа, а добираться тут, как он помнил по вчерашнему прибытию Светланы, всего ничего. Если, конечно, знать дорогу... карту ведь он так и не купил. Но можно дождаться и снова расспросить хозяйку. Наверняка тут можно и пешком дойти... но нет, пешими прогулками по Красноленинску он сыт по горло. Дадим Сашке заработать. Как там говорил Митрофанушка – зачем учить географию, если есть таксисты...

Он позвонил Сашке и сообщил адрес и время.

– Без проблем, командир, – весело откликнулся тот. – Полвторого подам карету к подъезду.

– Меня не нужно возить по всему городу, – мягко сообщил Николай. – Я знаю, что тут близко. И я все равно заплачу тебе, сколько обещал.

– Да я ж на всякий случай, мало ли что! – воскликнул тот с самой искренней интонацией.

– В общем, я в половину приеду, а ты, если хочешь, можешь без четверти выходить.

Решив этот вопрос, он подумал, идти ли в гости с пустыми руками. Скверно, если интервьюируемый нуждается в опохмелке... Алевтина, правда, говорила, что он почти непьющий, и уж ей-то нет резона приукрашивать его образ – но она, должно быть, давно с ним не виделась, а Светлана, может, и не рассказывает ей всех подробностей. Во всяком случае, голос по телефону наводил на нехорошие подозрения. Хотя, наверное, к двум часам дня Михаил уже закроет эту проблему самостоятельно. К тому же, если явиться с бутылкой, хозяин наверняка будет настаивать на совместном распитии, а Николай алкоголь не любил, лишь изредка позволяя себе рюмку-другую хорошего красного вина. Хорошего – это значит такого, которое в этом поганом городишке вообще вряд ли продается. Направляясь он в нормальный семейный дом, можно было бы купить тортик в расчете на обоих супругов. Но Михаил и Светлана не в таких отношениях, чтобы делать им совместные подарки, а дарить торт одному мужчине... глупые предрассудки, но их приходится учитывать. А, ладно. В конце концов он идет не на дружескую вечеринку, а на деловую встречу.

Только бы его, гм, контрагент не напился вообще в хлам.

Надо было на что-то убить оставшееся время; в нормальном месте он бы полез смотреть новости в интернете, но здесь, увы... И как только люди жили в средние века – не то что без интернета и вообще компьютеров, без фильмов и аудиозаписей, но даже без книг, которые были страшно дорогой редкостью и среди которых почти не было светской литературы? Все эти современные недоумки, мечтающие о средневековой романтике, на третьи сутки полезли бы там на стенку даже не от жуткой антисанитарии и отсутствия элементарных бытовых удобств вроде горячей воды и туалетной бумаги, а просто-напросто от скуки... К счастью, Красноленинск все же не средневековье, здесь у него есть хотя бы электричество для ноутбука. Так что Николай загрузил один из фильмов, хотя вообще предпочитал смотреть их в темноте – но пасмурное небо

в сочетании с задернутыми шторами давало не слишком много света. Он услышал – или, скорее, почувствовал – как хлопнула дверь, но принципиально не стал вынимать из ушей наушники, не желая больше вникать ни в какие потенциальные проблемы старухи.

Фильм в итоге оказался полным дерьмом, непонятно за что получившим свои высокие рейтинги. Николай удалил его и с мстительным удовольствием очистил корзину.

С улицы донесся длинный гудок – не иначе, Сашка рапортовал о своем прибытии. Ну да – 13:32. Из окна своей комнаты, впрочем, Николай не мог его видеть. Погоняв еще десять минут Minesweeper – и ни разу не добившись успеха – Селиванов пошел одеваться.

Дорога действительно заняла немногим больше десяти минут. Дом оказался многоподъездной пятиэтажкой без всяких домофонов (впрочем, о тщетной попытке установить таковой в первом подъезде свидетельствовал пустой железный короб с сиротливо свисающими оборванными проводами). Внутри воняло кошачьей (а возможно, и не только) мочой и висели на стене закопченные от многочисленных поджогов почтовые ящики; длинный язык сажи над ними тянулся к потолку, а многие дверцы были выломаны. Поднявшись по лестнице, стены которой были размалеваны черными каракулями, на квадратную площадку, куда выходило три двери, Николай без труда определил нужную – номера на ней не было, но она единственная оказалась железной – и, бросив взгляд на часы (13:59), позвонил в дверь квартиры.

Изнутри донесся мелодичный звонок и почти сразу же защелкали замки (за первой дверью предсказуемо оказалась вторая). Наконец обе они распахнулись, и Селиванов увидел мужа Светланы.

Он не был громилой-уголовником; язвительное описание Алевтины Федоровны оказалось вполне точным (причем старуха еще забыла упомянуть довольно заметное брюшко). Но и похмельным неудачником он тоже не выглядел. Напротив, он был гладко выбрит, одет почти что парадно – даже при галстукке поверх белой рубашки, хотя и без пиджака (из стиля выбивались разве что драные коричневые шлепанцы), и встретил гостя бодрой и деловитой американской улыбкой. Николай уловил даже легкий аромат мужского парфюма. У него мелькнула шальная мысль, действительно ли это тот же человек, с которым он говорил по телефону меньше трех часов назад.

Ну да, разумеется – местная мафия подслушала разговор, убила потенциального разоблачителя и подсунула столичному журналисту двойника, как же иначе.

– Здравствуйте! – Михаил крепко пожал ему руку, затем сделал приглашающий жест. – Прошу! Проходите в большую комнату.

– А где тут у вас можно вымыть руки?

– А вон, справа от кухни.

Выйдя из ванной и проходя по коридору, Николай, по профессиональной привычке интересоваться чужой недвижимостью, быстро оценил планировку квартиры. Дом, конечно, не фонтан, а вот квартирка ничего так, трехкомнатная – две комнаты по сторонам коридора и одна, большая, в конце. В первый миг ему не показалось странным, что бизнесмен в период своего процветания смог такую купить – тем более что цены здесь далеко не московские. Но затем он вспомнил, что Михаил к этой квартире отношения не имеет – она досталась Светлане от матери. Трехкомнатная для матери-одиночки с двумя детьми разного пола – с точки зрения здравого смысла нормально, но вот с точки зрения советской власти, пожалуй, слишком щедро для простой работницы комбината...

Большая комната встретила его предсказуемо советским интерьером – блестящая полировкой и стеклами «стенка» социалистических времен, скорее всего, чешская или ГДРовская, раскладной диван, протянувшийся вдоль стены между креслом и телевизором (который, кажется, был здесь единственным современным предметом – но несомненно покоился

на том же месте, что и предшествовавший ему «Рубин» или «Горизонт»), всенепременный ковер с абстрактным узором на третьей стене, той, что напротив окон, и полированный стол из того же гарнитура, что и стенка, который хозяин к приходу гостя выдвинул на середину и накрыл белой скатертью. На скатерти стояли какие-то тарелочки с закусками и возвышались две бутылки – одна, кажется, с каким-то белым вином, другая, водочная – с кроваво-красной жидкостью, при взгляде на которую Николаю вдруг стало тяжело и неприятно – она напомнила ему уже забытый ночной кошмар, хотя он так и не вспомнил, что именно видел.

– Ну-с, что будете пить? – Михаил энергично потер руки.

– Спасибо, но если вы имеете в виду спиртное – ничего, – твердо произнес Селиванов, а затем, желая смягчить отказ, улыбнулся: – Я, в некотором роде, на работе.

– Нет? И клюковки не хотите? – Михаил кивнул на водочную бутылку. – Наша местная, между прочим. У нас тут клюквы полно, болота же кругом. Клубника вот не растет совсем, и даже малины мало, а клюквы хоть отбавляй...

– Я вообще не люблю крепкое. И, в общем-то, не хотел бы злоупотреблять вашим гостеприимством. Давайте сразу перейдем к нашей беседе.

– Ну так беседовать-то за столом куда приятнее! Я ж вам не предлагаю водяру из горла под сушеную воблу в подъезде, как местные алкаши. Культурно посидим, как интеллигентные люди! Вот, видите, у нас тут селедочка с лучком есть, огурчики малосольные, салатик с крабовыми палочками... которые, конечно, на самом деле никакие не крабовые, но под майонезом все равно хороши... А может, вы пиво предпочитаете? Есть настоящий, между прочим, чешский «Будвайзер». Не какая-нибудь там «Балтика №3».

– А что – бывает ненастоящий? – рассеянно поинтересовался Николай, садясь за стол. Говорливость Михаила ему не нравилась. Тот словно пытался заболтать собеседника, и при этом в его бодрячестве было нечто нестерпимо фальшивое. Возможно, именно такой штурм унд дранг он устраивал, охмуря очередную любовницу, и неудивительно, если клевали на это лишь неопытные молодые девчонки – к каковым когда-то, очевидно, относилась и сама Светлана.

– Бывает американский, они уже шестьдесят лет бодаются друг с другом за торговую марку, – охотно пояснил Михаил, – хотя, по-моему, американский «Будвайзер» – это такой же оксюморон, как «советское шампанское». Американцы пусть делают «Кока-колу», а настоящее пиво должно быть чешским. Из тех самых Чешских Будейовиц, которые в «Швейке», между прочим.

– Нет, пива я совсем не пью, – решительно отказался Николай. – Честно говоря, даже его запах терпеть не могу. Может, у вас есть сок или минералка?

– Есть «Святой источник» без газа, – несколько поскучнел Михаил, – хотя минералов там, по-моему, столько же, сколько в воде из-под крана... – он нехотя извлек из бара пластиковую бутылку со стилизованной под церковный купол верхушкой и водрузил ее на стол. – Но что ж мне прикажете, одному пить? Я ведь не алкоголик!

– Вообще-то пить вам никто не приказывает, – ответил с усмешкой Селиванов. – Тем более что, как мне показалось, когда я вам звонил, вы уже...

– А! – хохотнул Михаил. – Нет! Я покамест трезв, как стеклышко. Но я понимаю, что ввело вас в заблуждение. Просто в тот момент я еще не проснулся. Ваш звонок меня разбудил, а спросонья я всегда туго соображаю. Я, видите ли, сова. Всю жизнь был совой, и всю жизнь приходилось подстраиваться под режим, навязанный жаворонками, с детского сада начиная... разве это справедливо? Вот только с тех пор, как продал бизнес, и почувствовал себя человеком.

– Так вот давайте о вашем бизнесе, – охотно подхватил Николай. – В общих чертах я знаю, как вы его лишили, но меня интересуют подробности. И можно с самого начала – с какими препонами вы сталкивались, когда только его организовывали, насколько сложно было

получать кредиты, лицензии и все такое.

– А! – Михаил коротко махнул рукой и решительно наполнил клюковкой свою стопку. – Что о нем говорить. Что было, то прошло... Слушайте, давайте я вам все-таки на самое доньшко плесну, а вы водой разбавите, как вам угодно? Ну, чтоб чисто символически?

– Ну ладно, – согласился Николай, желая покончить с этим. – Стоп! – он сделал знак рукой, останавливая льющуюся в его рюмку красную жидкость, затем долил воды и слегка поболтал стопкой в воздухе, размешивая.

– Ну, давайте за встречу, – объявил Михаил и энергично чокнулся.

Селиванов сделал глоток, в котором почти не чувствовались ни алкоголь, ни клюквенный привкус, и поставил рюмку на скатерть.

– Что значит «что о нем говорить»? – настойчиво вернулся к теме он. – Вы пытались наладить частный бизнес в депрессивном городе, брошенном государством на произвол судьбы после сворачивания работ на комбинате. Государство вам не только ничем не помогло, но и, руками своих коррумпированных ментов, у вас этот бизнес отобрало. Вероятно, сразу после того, как он встал на ноги.

– Ну, да... было дело. Что уж теперь об этом вспоминать.

– То есть как это «что вспоминать»? Вы даже не пытались бороться за собственные права? Может, не в одиночку, а в рамках какой-нибудь ассоциации городских предпринимателей?

– Да какая там ассоциация... умри ты сегодня, а я завтра, вот и вся ассоциация. Каждый рад до безумия, что не на него наехали... А мне эта колбаса, по правде, самому уже к тому времени осточертела. Я, в каком-то смысле, даже рад был, что все закончилось. Говорю ведь, впервые человеком себя почувствовал, – он залпом опрокинул стопку, на сей раз уже не утруждая себя тостами.

Николай уже и раньше обратил внимание, что среди выставленных на стол закусок традиционный нарезанный сыр с веточками петрушки присутствует, а вот столь же традиционных овалов копченой колбасы не наблюдается. И, наверное, не потому, что теперь Михаил не мог ее купить.

– Почувствовали себя человеком, когда вас ограбили? – усмехнулся Селиванов. – Может, еще и благодарность к ним испытали? «Может, в этом и есть сермяжная правда?»

– А что мне было делать – бороться за справедливость? – ответил Михаил сердито и снова наполнил свою рюмку. – *Per eat mundus, fiat justitia*? Вот эта самая юстиция бы и восторжествовала. Посадили бы меня, и все.

– Было за что сажать?

– Эх, Николай... как ваше отчество?

– Анатольевич. Но можно просто «Николай».

– Николай Анатольевич. Разумеется, было. Если бы я все делал по закону, в налоги и прочие издержки у меня уходило бы 110% прибыли. Даже не сто. Сто десять. И это не глупость, нет. Просто у нас законы пишутся не для того, чтобы их соблюдать, а для того, чтобы в любой момент можно было привлечь кого угодно. Чего уж там, делали бы сразу, как в христианстве. Приняли бы закон, по которому каждый виновен перед государством уже по факту рождения и всю жизнь должен вымаливать помилование... Только вы это не пишите, – спохватился Михаил. – И вообще, это все было в девяностые, – решительно заключил он и опять выпил.

– Хотите сказать, что сейчас лучше?

– Хочу сказать, что сейчас открылись новые возможности. И надо не ныть о прошлом, а, как там у Мао Цзедуна – строить не щит от ветра, а мельницу. Сейчас государство вновь заинтересовалось темой патриотизма. Молодежи. Демографии. Вы знаете, что у нас с

демографией? Первое место в мире по абортам. Первое место в мире по разводам и внебрачным детям. Первое место по потреблению героина. Первое место по числу курильщиков. Потребление алкоголя – восемнадцать литров в год на человека в пересчете на чистый спирт, это в среднем, включая младенцев, при том, что необратимое вырождение нации начинается уже при восьми. Восемнадцатое место в мире по смертности – лучше Чада, но хуже Гвинеи-Бисау. Средняя продолжительность жизни...

– Да знаю, знаю, – не вытерпел Николай. – Вы это все, собственно, к чему?

– Причем это, заметьте, в целом по России, – закончил свою мысль Михаил. – Вместе с вашей относительно благополучной Москвой и Питером, которые – 10% населения. А у нас-то тут все еще гораздо хуже, – он снова глотнул своего красного пойла и закусил псевдокрабовым салатом. – Так вот, я зачем вас пригласил, собственно... не о колбасе этой дурацкой писать, кому это интересно... вы лучше напишите о моем новом проекте! Может, его заметят и поддержат наверху... ну, если не на самом верху, то хотя бы на местном...

– Что за проект?

– Проект по борьбе за здоровый образ жизни. Против алкоголя, в первую очередь. Само собой, лекциями и брошюрками тут уже давно ничего не добьешься. Нужны более радикальные меры. И мы с Вовкой, это друг мой, организуем под это дело байкеров.

– Байкеров? – недоуменно переспросил Николай.

– Ну да. Я вообще-то сам байкер со стажем. Основатель клуба «Вервольф». Что, не похож? – хохотнул Михаил. – Это вы просто меня в косухе не видели. Ну, по правде сказать, я в последние три года не ездил. После того, как мой бизнес накрылся, пришлось продать сначала мой колбасный фургон, а потом и мотоцикл. Жить на что-то надо... Но известность и влияние я там сохранил. А Вовка там и сейчас регулярно катается.

– А с вашей нынешней... подругой вы тоже в байкерском клубе познакомились? – любопытствовал Селиванов, отправляя в рот кусок селедки. Тот, хотя и выглядел аппетитно, оказался излишне соленым, и Николай поспешно его запил.

– С Маринкой-то? Ну, скорее наоборот – это я ее в это дело втравил, а до знакомства со мной она ни о чем таком и не помышляла. Так-то она экспедитором на комбинате работает.

Николай сделал себе мысленную пометку, отреагировав на слово «комбинат».

– Она все ждет, когда я ее кататься повезу, – заговорщицки сообщил Михаил. – Я ей не говорю, что байк продал, сказал, что в ремонте – ну сами понимаете, неудобно, подруга байкера без мотоцикла.... Скоро уже снова купить собираюсь.

– На какие средства? Вы надеетесь, что борьба с алкоголем в тотально спившемся городе принесет вам доход?

– Ну, с одной стороны проект вроде как некоммерческий, но это только с одной стороны. Вот смотрите, Николай Анатольевич. В Красноленинске имеются несколько популярных питейных заведений. Не очень много, потому что сам город невелик. И вот, допустим, в один прекрасный день в такое заведение заваливаются байкеры. Никакого насилия, прошу заметить! Все совершенно законно. Садятся и занимают большую часть мест и сидят там весь вечер, ничего не заказывая... ну то есть, для порядку, заказав какую-нибудь водичку, от которой вся выручка заведению – десять рублей, – он кивнул на пластиковую бутылку на столе. – И представьте себе обычного посетителя, который входит в такое заведение и видит эту картину. Сидят повсюду здоровые амбалы в кожаных куртках, со всякой такой атрибутикой, татуировки там на бицепсах, бороды, флаги конфедератов, германские кресты – и так внимательно на него смотрят – а зачем ты, мил человек, пожаловал? А разве ты не знаешь, что пить вредно? А если его еще перед входом такие же парни встретят и этак ненавязчиво скажут – не стоит, мол, туда ходить и выпивку заказывать, вредно это для здоровья... Никакого насилия! – снова воскликнул

Михаил, видя, что Селиванов собирается перебить. – Хочешь заказывать и пить – заказывай и пей. Но подавляющему большинству в такой обстановке делать это будет как-то неуютно, не так ли?

– Пить можно не только в кабаках, но и дома или на природе.

– Мы и на природе можем рейды устраивать – тем более, в нашем климате не так много мест, где можно расположиться с комфортом. И перед винными магазинами патрули выставить. Сквозь которые пройти в принципе можно, но...

– Ну, если вы и в самом деле намерены обходиться без насилия, то сначала будут бояться, а потом привыкнут.

– Если соответствующие заведения не разорятся раньше.

– Вы всерьез надеетесь их разорить?

– Нет, мы надеемся заставить тех, кто травит русский народ, приносить пользу тем, кто его защищает. То есть мы регистрируемся как негосударственная некоммерческая организация – название, конечно, надо сменить на более патриотичное, какое-нибудь «Едущие вместе», к примеру – и принимаем сугубо добровольные пожертвования.

– От размеров которых зависит, будете ли вы заявляться в то или иное заведение и как часто, – кивнул Николай. – Слышал я тут о кое-каких рэкетирах, которые плохо кончили.

– Это вы про Петьку, что ли? Ну при чем тут это? Там была примитивная банда. А у нас – борьба за здоровый образ жизни, – Михаил снова выпил.

– Целью которой, конечно, отнюдь не является ликвидация торговли алкоголем. Кто же будет резать курицу, несущую золотые яйца.

– Сухой закон в буквальном смысле в любом случае контрпродуктивен, вы же знаете исторические примеры.

– Знаю, – Николай с усмешкой кивнул на спиртное на столе.

– Ну да, – не смутился Михаил, – я ведь и не говорю, что ратую за абсолютную трезвость.

И наши ребята тоже... ну, нельзя представить байкеров совсем без пива, это все-таки часть субкультуры... Просто умеренность должна быть. Культура питания.

– Еще раз повторюсь – если вы и в самом деле намерены оставаться в рамках закона, то своим психологическим давлением сможете отпугнуть как раз умеренных. А настоящих алкашей эти ваши патрули не остановят.

– О! – поднял указательный палец Михаил. – Тут мы переходим ко второй части. Оказание услуг по избавлению от пьянства и алкоголизма. Ну, не бесплатное, но ведь здоровье того стоит.

– Хотите открыть наркологическую клинику? У вас есть для этого специалисты?

– Э, Николай Анатольевич... все эти клиники, специалисты – это, по большому счету, демагогия и разводка для лохов. Тут как с похудением. Наберите в интернете вопрос «как похудеть», и получите тысячи всевозможных ссылок на всякие клиники, методики, пищевые добавки и прочий гербалайф. А на самом деле методика существует ровно одна – жрать надо меньше. И все разговоры о каких-нибудь там индивидуальных особенностях обмена веществ – это чепуха. Закон сохранения массы-энергии никто не отменял. Есть люди, которые могут есть много и все равно не толстеть, да. Но вот людей, которые не едят и при этом не худеют, не существует в природе. Не может существовать. Говорят, мол, что сброшенный таким образом вес потом вернется. Конечно, вернется, если снова начать жрать от пуза. А если нет, то взяться ему будет просто неоткуда.

Николай невольно скосил глаза вниз, хотя живот собеседника был скрыт столом. От Михаила этот взгляд не укрылся.

– Знаю, не смотрите с иронией, – продолжил он. – Да, мне самому надо скинуть пяток

килограммов. («Вообще-то как минимум пятнадцать», – подумал Селиванов, но вслух ничего не сказал.) Но я, прошу заметить, этого не отрицаю и не ссылаюсь, как некоторые, на конституцию и обмен веществ! И, между прочим, кое-что я уже скинул. Вот после того, как я лишился бизнеса, я действительно себя запустил... на нервной почве... но позже опять стал приводить себя в форму! Вот ездить снова начну, еще лучше дело пойдет...

– Вы же говорили, что были чуть ли не рады, когда у вас отобрали бизнес, – не сдержался Николай.

– Ну... эмоции – это такая штука... противоречивая... – Михаил снова выпил и торопливо закусил. – Короче, к чему я это веду? Есть только один способ вылечиться от наркомании – это перестать принимать наркотик. К алкоголю, само собой, тоже относится. Да, будут ломки, будет тяжело – но если это перетерпеть, память о том, как было хреново, пойдет только в плюс. И помощь наркоману должна заключаться не во всяких там таблетках или, тем более, пересаживании с одного зелья на другое, а исключительно в том, чтобы лишить его физической возможности получить дозу. Плюс дополнительно – физические нагрузки и пить чистую воду в больших количествах, чтобы быстрее выводить токсины из организма...

– А если он не захочет физически нагружаться?

– Можно и заставить. Физическая боль – она, между прочим, стимулирует опиоидные рецепторы. Они, собственно, эволюционно сформировались для того, чтобы организм мог переносить страдания. Естественная анестезия, в некотором роде – ну и она же в качестве вознаграждения. А что происходит у наркомана? Он вместо естественных эндорфинов, которые действуют на эти рецепторы, вводит в организм всякую дрянь извне, оказывающую сходное действие. А организм – штука ленивая, если ему дают что-то чужое, зачем он будет вырабатывать свое? Вот он и перестает. И человек без отравы уже себе жизнь не мыслит. А если отраву отобрать, а болевые рецепторы при этом стимулировать, организму поневоле придется вспомнить, как вырабатывать свои анестетики.

– Так вы что, каторгу с пытками для алкашей организовать хотите?

– Ну, зачем такие слова, Николай Анатольевич? Центр реабилитации с лечебными процедурами. Научно обоснованными, как я только что объяснил. Жесткими, да – но лечиться вообще чаще всего неприятно. В психиатрических клиниках больных к койкам привязывают, и никто, кроме невежественных дураков, не говорит, что это садизм... Да, чтобы алкаш не мог напиться, его надо изолировать от привычного окружения, запереть, возможно – приковать наручниками к койке, возможно – пороть. И заставлять работать, праздность – она мать всех пороков. Но потом он сам же спасибо скажет.

– Или в милицию побежит. Вам знакома статья «Незаконное лишение свободы»?

– Ну мы же не собираемся никого похищать на улицах! Алкаши сами будут к нам приходиться! Ну или их будут приводить к нам родственники.

– Родственники, и притом не любые, могут принимать решение лишь за несовершеннолетних или признанных недееспособными по суду.

– Ну, это все формализм и крючкотворство. Какая там дееспособность, если он лыка не вяжет? Потом сам не вспомнит, какую бумагу подписал. И пусть радуется, что это будет бумага о согласии на курс реабилитации, а не о продаже квартиры.

– Все равно законность подобных методов, мягко говоря, сомнительна. И учитывая, насколько торговцы алкоголем будут заинтересованы в том, чтобы вас прихлопнуть, проблемы у вас возникнут чуть быстрее, чем немедленно.

– Ха! – Михаил широко улыбнулся; его щеки порозовели, а глаза блестели от выпитого. – Вы думаете, я не умею извлекать уроки? Милиция не будет нам мешать.

– То есть на сей раз вы сразу пойдете под ментовскую крышу, – понимающе кивнул

Николай. – Боюсь, однако, что это плохой бизнес-план. Все эти виноторговцы, очевидно, и так им отстегивают. Ментам проще получать с них деньги напрямую, нежели брать вас в долю.

– Нет, не под ментовскую. Подымай выше. У Аркадия еще остались кое-какие связи...

– Вы имеете в виду ФСБ? – догадался Николай. – А Аркадий – это Васильчиков?

– Ну да, – кивнул Михаил. – Вы берите селедочку, берите. Жирная, омега-3. Полезно.

– Зато много соли вредно, – возразил Селиванов.

– Не скажите, западные исследования не подтверждают... насчет «белой смерти» – это обывательский миф, а ионы натрия необходимы. Но не хотите – огурчики берите, они малосольные. Или сыр вот, он вообще пресный.

– Спасибо, я разберусь. Так вы хотите сказать, что Васильчиков – ФСБшник? Я думал, он в каком-нибудь архиве работал...

– Ну, сейчас-то он на пенсии, а раньше да. Вы не знали? Потомственный, между прочим, сотрудник. Вот интересно, почему слово «сотрудник», изначально совершенно нейтральное, стало обозначать у нас исключительно сотрудника карательных органов? Как и слово «гражданин», которое должно звучать гордо, а превратилось в обращение или мента к преступнику, или преступника к менту...

– Мне он сказал, что он сын репрессированного, – заметил Николай, не желая углубляться в лингвистическую философию.

– Так ведь одно другому не мешает! То есть, конечно, могло помешать, но к тому времени, как он поступал, его отца уже реабилитировали.

– Так вот почему бабка Светланы его недолюбливает.

– Ну да. За то, что его отец был следователем по делу ее отца. Хотя Аркадий, собственно, какое имеет к этому отношение?

«Вот оно что!» – подумал Николай, а вслух произнес: – Раз пошел служить в то же ведомство, значит, имеет.

– Ну, мне он говорил, что изначально у него был мотив найти правду о своем отце...

– Нашел?

– Нашел, – усмехнулся Михаил. – Лучше бы не искал. Хотя, наверное, Семен Васильчиков был не хуже других НКВДшников. А Аркадий, надо отдать ему должное, действительно помог Безруковым с реабилитацией их предка, хотя его собственного отца это выставляло не в лучшем свете. Но, правда, он ничем особо и не рисковал, Семен ведь к тому времени был уже реабилитирован...

– Палача, стало быть, реабилитировали раньше, чем его жертву.

– Ну да. Одно дело – НКВДшник и член ВКП(б), а другое – белогвардеец.

– Переметнувшийся на сторону красных.

– Да кого это волновало... мало ли их было, переметнувшихся... В этом, между прочим, есть даже своя логика – кто один раз предал, может и еще раз предать, разве нет? И потом, тут еще такая тонкость была, что реабилитация Безрукова в официальную историографию не вписывалась.

– Это как?

– Вы про первомайский расстрел слышали?

– Это который на самом деле девятого мая?

– То-то и оно, что наоборот.

– А, ну да. Короче, который красные свалили на белых.

– Именно. А Безрукову приписали, что он там якобы командовал.

– Подождите, но это же полный бред! Не говоря уже о том, что белые тут вообще ни при чем – ну с этим все ясно – но ведь Безруков в это время был в совершенно другом месте! На юге

у Деникина, а не тут у Колчака! И там же на юге, когда он предал Врангеля, началась его карьера у красных, что было, очевидно, отражено во всех досье...

– Ну да, а кого это волновало? Есть расстрел, есть живущий в городе белогвардеец, есть необходимость на кого-то этот расстрел свалить. Что еще надо? Даже, между прочим, и хорошо, что Безрукова тогда в городе не было и он, соответственно, не знал, кто тут на самом деле кого расстреливал... Вы в нашем краеведческом музее не были? Диорама там... офицер, который расстрелом командует, с Безрукова и сделан.

– Я думал, его изображений не сохранилось.

– Скульптору дали фото из архивного дела. Поэтому на диораме он гораздо старше, чем был в девятнадцатом году.

– Понятно. И как же его реабилитировали без ущерба для официальной версии?

– Да просто восстановили историческую правду применительно к нему лично – что, мол, не было его в городе. А расстрел, конечно, до самой перестройки никто сомнению не подвергал.

– А применительно к его убийце правду, стало быть, не восстановили до сих пор.

– Почему же? Восстановили. Если вы про следователя.

– Про кого же еще.

– Ну, там был еще, как минимум, доносчик... друг семьи Кириллов. Который, впрочем, проходил по делу у того же следователя.

– Как же восстановили, если он до сих пор числится реабилитированным?

– Так ведь его репрессировали не за то, что дела фабриковал и признания выбивал, а как польского шпиона! Коим он определенно не был. Так что, в общем, реабилитация по справедливости.

– Почему как польского?

– Ну сначала хотели как немецкого, он уже и признаться успел, но тут как раз случился пакт Молотова-Риббентропа. В Москве бы, наверное, одно другому не мешало, но здесь у нас в провинции решили на всякий случай перестраховаться. Еще и добавили ему отдельным пунктом обвинения попытку выдать себя за немецкого шпиона с целью подорвать союз между СССР и Германией.

– Ясно, – усмехнулся Николай. – А раз у вас с Васильчиковым такие доверительные отношения, что ж вы раньше его о помощи не попросили? Когда у вас бизнес отбирали?

– Да я тогда его не знал практически. И уж точно не знал, где он работает. Светка как-то знакомила, но у меня осталось впечатление, что он из простой комбинатской вохры.

– По-моему, для вохры он слишком интеллигентен.

– А такое как раз бывает. Это ж не лагерные вертухай, которые полдня на вышке мерзнут, потом полдня водкой греются. На комбинате сидят они себе в теплых будочках, или, кто рангом повыше, в отдельных кабинетиках, делать им целыми днями нечего, говорить не с кем, вот они книжки читают, радио слушают... кто попроще, и те так кроссворды разгадывать наловчатся, что редкий эрудит за ними угонится, а кто от природы поумнее, такое самообразование порой получают, что прям академики...

– Но Васильчиков не из них.

– Нет. Подымай выше.

– А кем он вообще Безруковым приходится? – Николай знал ответ на этот вопрос: если Васильчиков – законный сын следователя-насильника, значит, покойная Мария Безрукова – его единокровная сестра, а Светлана – племянница. Но ему хотелось проверить, знает ли об этом сама Светлана.

– Да никем вроде особенно не приходится... Как я понимаю, светкина бабка с ним знакомство свела на почве этих дел по реабилитации. При этом она его не любит, Светка вроде

как тоже, как и всю их контору. Но отношения какие-то, тем не менее, поддерживают. Загадочная русская душа.

– Или страх перед конторой, – заметил Николай. – Ну а почему тогда Светлана не попросила его вам помочь с бизнесом? Ведь на тот момент ваши с ней отношения еще, как я понимаю... да и потом, в деньгах она была заинтересована.

– Уж это точно, в деньгах она заинтересована, – ухмыльнулся Михаил. – Думаете, если она вся из себя тонкая и звонкая, Цветаеву и Бродского наизусть читает, то она далека от презренных меркантильных вопросов? Ей, на самом деле, палец в рот не клади... Бабы – они вообще народ такой. С детства. Вот вы обратите внимание, у мальчиков какие игрушки? Машинки всякие, конструкторы, оружие. Ну солдатики еще, но на то они и солдаты, чтобы ими командовать. А у девочек? Куклы. А что такое кукла? Это человек. Женщины с первых лет жизни учатся управлять и манипулировать людьми...

– Так я про Васильчикова, – напомнил Селиванов.

– Так он тогда как раз в отставку ушел.

– Но он и сейчас в отставке, нет? А вы на него рассчитываете.

– Так то я, а то Светка. Она в такие тонкости не вникала. А я с Аркадием уже позже сошелся. Ему на пенсии скучно, и я без дела остался, вот и сошлись. На рыбалку вместе ездили... ну и там, под ушицу и водочку, он много чего мне рассказывал.

– Я думал, он только чай пьет, – усмехнулся Николай.

– Чай – это дома. А на рыбалке, сами понимаете, особо не почаевичаешь. Атмосфера не та. Честно говоря, это он меня к клюковке приохотил. Прежде я только пиво, ну и шампанское по праздникам...

– Никогда не понимал, что за удовольствие в рыбалке, – заметил Селиванов. – По-моему, скука смертная, сиди и жди, пока клюнет. Да еще холодно, сыро, комары... у вас тут еще и дожди постоянные...

– Так атмосфера же! Медитация, практически. А потом, когда тут же, на природе, ушицу варишь и задушевно беседуешь, это как бы катарсис... Дожди, кстати, если подальше от города отъехать, уже не такие частые. Но после них клюет хорошо.

– Ну, с КГБшником на пенсии понятно. Коли он больше не ловец человек, так хоть на рыбе отыграться. Но мне казалось, у байкеров катарсис наступает от прямо противоположного. От того, чтобы гнать толпой на бешеной скорости, а не сидеть в тумане у реки с удочкой.

– Так ведь человек, Николай Анатольич, – Михаил наставительно поднял вилку с куском селедки, – существо сложное и многогранное. Хотя, – добавил он пару секунд спустя, – чаще все-таки тупая скотина.

– Которую должно резать или стричь, – кивнул Николай. – Под предлогом борьбы за здоровый образ жизни.

– Ну что значит под предлогом? Они действительно по-другому не понимают... Вы думаете, я не пробовал? Думаете, я всю жизнь колбасой торговал? Я, вообще-то, учитель по образованию.

– Вот как? – удивился Николай. – По какому предмету?

– Русский язык и литература.

– Надо же, – Селиванов покачал головой.

– Что, не ожидали от байкера и акулы капитализма впридачу? Думали, литератор – это непременно в пенсне и с бородкой клинышком?

– Нет, – рассмеялся Николай, вспомнив свою собственную учительницу литературы, больше походившую на сталинскую комиссаршу. – Но, признаться, и впрямь не ожидал. Вы и по специальности работали? В школе?

– Работал... Сеял разумное, доброе, вечное. Но потерял я только время. Когда я сразу после педа устроился, директор Сердечный Николай Палыч – это фамилия у него такая была, Сердечный, сейчас покойный уже – знаете, что мне сказал? «Забудьте все красивые слова, которым вас учили. Ваша задача – держать класс. Это не милые детки, жаждущие знаний. Школу они ненавидят, и с этим бесполезно бороться – это надо просто принять, как данность. Это стая, в которой вы должны быть вожаком», – сейчас бы он, наверное, сказал «альфа-самцом», но тогда таких слов никто, кроме биологов, не знал. «Вожак, который давит любой бунт в зародыше и никогда не промахивается. Вы знаете, что бывает с Акеллой, когда он промахнется. Впрочем, – добавил он, – вы ведь сами не так давно были школьником и должны все это помнить.» Ну да. Я помнил, как учителя на нас орали, кое-кто и ударить мог. Собственно, мое желание стать учителем родилось, наверное, из чувства протеста. Я буду не таким, я покажу, как надо! Меня дети будут уважать, а не бояться! Ага, щас, как теперь говорится... Ну я ладно, я еще достаточно толстокожий. Быстро понял, что к чему, и сделал выводы. Но вот была у нас, уже в начале девяностых, одна девушка, Ирочка Вешнякова... учительница музыки и рисования. Это вообще гиблые предметы были, там учителя дольше пары четвертей не задерживались – постоянные срывы уроков, массовые прогулы и все такое. Там фельдфебель из концлагеря был нужен, а не учитель – только где ж вы найдете фельдфебеля, способного учить музыке и рисованию? А Ирочка – это вообще было такое неземное создание... идеалистка, какие по всем законам здесь вообще рождаться не должны. Ну и внешность тоже соответствующая – большие синие глаза, пушистые ресницы, чудесные золотые волосы...

– Вы были в нее влюблены?

– Ну... в общем, в какой-то степени да. Хотя со Светкой у нас в то время все нормально было. Но мужчина не моногамен, вы знаете, это же биология... Но к Ире я даже не пытался подкатываться. Школа – такое место, где все на виду, непременно пошли бы слухи... а главное, она бы ни за что не согласилась связаться с женатым. Я даже не хотел оскорблять ее подобным предложением. Так вот, она пыталась завоевать детей добротой. Добилась от директора разрешения разрисовать унылые школьные стены сказочными персонажами – он не хотел, говорил, что ничего хорошего из этого все равно не выйдет, что единственное, на чем держится школа – это строгость и дисциплина, а всякие зайчики и белоснежки уместны только в детском саду. Но она добилась, на свои деньги купила краски – подумайте, сколько нужно красок, чтобы расписать стены на целом этаже! – трудилась в каникулы, в свои законные выходные... И что? Через несколько дней после начала занятий все эти ее добрые картинки были изрисованы половыми органами. Директор распорядился вызвать маляра и все закрасить. Ирочка потом рыдала в учительской... но сказала, что все равно не уйдет, что будет бороться. Ее травили, конечно, как и ее предшественниц, хотя некоторых учеников ей все же удалось заинтересовать – она хотела поставить музыкальный спектакль, набрала желающих, но уже на вторую репетицию никто не пришел. Их побили одноклассники за то, что «выделываются» и «к училке подлизываются». А через месяц Ирочку изнасиловали и убили.

– Кто? – вырвалось у ожидавшего менее трагичный финал Николая.

– Трое подонков из девятого класса. Были свидетели, как они ее затащили в подвал, их арестовали, а через пару дней выпустили «за недостаточностью улик». Один был сыном председателя горисполкома, другой – племянником мэра, бывшего секретаря горкома. Третий, правда, всего лишь младшим братом лейтенанта милиции, не самая великая шишка – но если бы попытались все повесить на него одного, он бы потянул за собой двух других. Ну и все на этом кончилось, как вы понимаете. Их только перевели в другую школу, чтобы замять скандал.

– А мэра – тот же, что и сейчас? Хотя нет, нынешнего у вас тут, говорят, никто не знает...

– Да, нынешнего из Москвы прислали, когда тот в область ушел. На повышение.

– И все утерлись? Не нашлось даже никаких журналистов, которые стали бы копать эту историю? Ведь это уже девяностые были. Свобода прессы.

– Какая свобода?! – махнул рукой Михаил. – Это, может, в Москве у вас свобода была, да и то недолго. Холодова вон вашего взорвали, да и...

– Ясно, – перебил Николай. – А вы, значит, после этого случая из школы ушли?

– Нет, ушел я потому, что жрать стало совсем нечего, – грубо ответил Михаил. – На зарплату учителя было уже даже одному не прожить, а Светка тоже без работы сидела. Пришлось как-то крутиться, чтобы выжить... на рынке шмотками торговал у кавказца одного, потом челночил, в Турцию за дешевым дерьмом мотался, потом, наконец, поднакопил, чтобы этот свой колбасный бизнес открыть, хотя все равно кредит пришлось брать под залог квартиры и грабительские проценты... со Светкой тогда крупно поскандалили, она говорила – мол, бомжами нас оставишь, но ничего, отбил, в плюс вышел, хотя, скажи мне кто за десять лет до того, что из меня коммерсант выйдет... мотоцикл вот приличный купил, не дерьмо советское, на котором раньше катался, а «Ямаху»... ну и только, в общем, все более-менее наладилось, как... – он снова выпил и принялся вяло ковыряться в тарелке с салатом. – Только вы про это не пишите, – вдруг спохватился он. – Вы напишите, что патриотически настроенные байкеры Красноленинска начинают кампанию по борьбе за здоровый образ жизни.

– А с комбинатом вы, стало быть, никак не связаны? – осведомился Николай, проигнорировав последнюю реплику, и отправил в рот ломтик сыра.

– А с чего мне быть с ним связанным? – буркнул Михаил.

– Ну как... тут говорят, что у вас все с ним как-то связаны.

– Не знаю я ничего про комбинат и знать не хочу, что там делается! – произнес Михаил неожиданно агрессивно.

– Так-таки и не знаете? У меня сложилось впечатление, что здесь это все знают или, по крайней мере, догадываются, только говорить не хотят. Тем более, ваша подруга там работает...

– Вот у всех и спрашивайте. А у меня своих проблем хватает.

– Ну хорошо. А с вашей подругой я могу побеседовать?

– Зачем?

– В чисто, разумеется, деловом плане. В личной жизни я вам не соперник, – широко улыбнулся Николай. – Если хотите, можем даже где-нибудь посидеть втроем.

– Да ничего интересного она вам не расскажет...

– Ну, как сказать. Для моей статьи мне нужно выслушать мнение различных красноленинцев. Чем разнообразнее, тем лучше. С вашим городским начальством я тоже буду общаться («когда оно наконец соизволит – кстати, опять никто не звонит!» – добавил он мысленно), но оно меня интересует меньше, чем простые люди.

– Ну, я ей скажу, если она захочет, я вам позвоню, – ответил Михаил без энтузиазма, практически повторив слова Светланы относительного него самого. И Николай понял, что и на сей раз слышит неправду.

– Можете сразу дать ей мой телефон, – тем не менее, по-американски улыбнулся он и протянул визитку. – Все-таки не каждый день ей предлагают интервью для московской газеты.

– Хорошо, – буркнул Михаил, убирая карточку в карман рубашки.

Из коридора донесся звук ключа, поворачиваемого в замке, а затем хлопнула входная дверь. Для Николая это было неожиданностью – он был уверен, что Светлана придет с работы позже – и на лице Михаила, как он заметил, тоже мелькнуло замешательство. Хозяин вдруг схватил обе бутылки со спиртным, явно желая убрать их с глаз, но, вспомнив о приличиях, спросил гостя: «Вы больше не будете?»

– Нет, – усмехнулся Николай, на дне рюмки которого все еще оставалось на палец его

сильно разведенной розовой смеси.

Михаил поспешно поднялся и убрал бутылки в бар, оставив на столе только «Святой источник». Надо же, подумал Николай, шифруется от бывшей жены – та, видать, и впрямь продолжает считать его почти непьющим. Если он не напивается в хлам, по крайней мере дома, такое вполне возможно, особенно учитывая, что они теперь почти не общаются – вот только какое ему теперь дело до ее мнения?

В прихожей меж тем слышалось обычное шебуршание человека, снимающего верхнюю одежду и обувь.

– Кто пришел? – громко спросил Михаил.

– Я, – неприветливо ответил высокий голос, не принадлежавший, однако, Светлане.

– Женька, – пояснил Михаил на невысказанный вопрос Селиванова.

– Какая Женька? – удивился тот, помня, что подругу Михаила зовут Марина. Конечно, «мужчина не моногамен», но чтоб до такой степени...

– Не какая, а какой. Сын мой... наш, в смысле.

Николай мысленно выругал себя за то, что не подумал об этом сам. Почему-то он был уверен, что это был бездетный брак. Наверное, потому, что ни Светлана, ни ее бабка ни разу не упомянули об этом ребенке. Может быть, в этом и заключалась тайна фотоальбома? Фотографии Женьки? Действительно, что ли, его, Николая, всерьез рассматривали как потенциального жениха, которого преждевременная информация о чужом ребенке могла лишь отпугнуть? Смешно, конечно, но какие только фантазии не возникают у провинциальных золушек... Зато оттягиваемый развод становится более понятен. Супругам придется делить не только квартиру, но и сына. И Михаил, видимо, не собирается от него отказываться. А Светлана... не потому ли торопится домой после работы, чтобы как можно меньше оставлять сына наедине с отцом?

Меж тем объект этих размышлений возник на пороге комнаты. Это был рослый, но худощавый мальчик, со спадающей почти на глаза черной челкой и узким и бледным не улыбочивым лицом, пока еще не обезображенным юношескими прыщами. Он хмуро посмотрел на гостя, затем на отца, но ничего не сказал.

– Женья, это ко мне по делу пришли, – произнес Михаил, словно оправдываясь. – Николай Анатольевич, журналист из Москвы. А ты чего так рано сегодня?

– У нас последний физра. А у меня освобождение, – тембр его голоса был еще детский, но он выглядел старше своих слов. Возможно, из-за высокого роста.

– Освобождение? – с сомнением протянул Михаил. – Ну ладно. Там мама тебе обед на плите оставила, разогреешь сам?

– Я не хочу есть, – сказал мальчик, не двигаясь с места и вновь глядя на Николая. Поздороваться с ним он, однако, так и не соизволил. Селиванов не мог понять значение этого взгляда – не неприязненного, не любопытствующего, уж тем более не восхищенного Журналистом из Самой Москвы, а... какого-то одновременно пристального и равнодушного. Словно – Николай наконец нашел аналогию – у патологоанатома с многолетним стажем, готовящегося вскрыть очередной труп. От этого взгляда становилось не по себе. Вспоминались демонические дети из ужастиков. Впрочем, тут же сказал себе Селиванов, скорее всего, именно им он и подражает. Обычное подростковое позерство.

– Может, ты не хочешь суп и курицу, но хочешь составить компанию нам? – ободряюще улыбнулся Николай. Детей он не любил и не особо умел с ними общаться, но Михаил явно пытался спровадить сына, и Селиванову захотелось его оставить уже хотя бы из чувства противоречия. К тому же получить более полное представление о красноленинских школьниках тоже имело смысл. Ведь не все же они такие, как те девки в автобусе... – У нас вот тут еще салат остался и...

– Откуда вы знаете, что там суп и курица? – перебил мальчик тоном почти что обвиняющим.

– Проницательность, Watson, – вновь улыбнулся Николай.

– Меня зовут Евгений, – ответил мальчик, демонстративно называясь полным именем.

– Я в курсе. Не любишь суп?

– Не люблю.

– Признаться, я тоже, – заговорщицки поведал Селиванов.

– А он, между прочим, полезен для пищеварения! – громко возразил Михаил.

– Ну, разок можно сделать исключение, – примирительно произнес Николай. Михаил открыл рот, возможно, собираясь возразить, но тут где-то в доме запел мобильник. Михаил торопливо вскочил и, бросив гостю «извините», поспешно вышел из комнаты.

Селиванов остался наедине с мальчиком. Тот придвинул к столу еще один стул и сел – не напротив гостя, где прежде сидел его отец, а наискосок, словно во главе стола – но не стал брать себе чистую тарелку и накладывать еду. Повисла пауза.

– Как дела в школе? – спросил, наконец, Селиванов.

– А как там могут быть дела? – желчно произнес Женя. – Уроды.

– Кто?

– Учителя. Одноклассники. Старшеклассники. Все.

– Неужели все? Нет ни одного любимого предмета?

– Что вы со мной, как с маленьким, разговариваете? – возмутился Женя. – Мне, между прочим, уже тринадцать... скоро будет. Вы еще спросите, кого я больше люблю – папу или маму.

– Боюсь, что на этот вопрос тебе отвечать скоро придется, – заметил Селиванов и тут же пожалел о сказанном.

– Знаю, – ответил мальчик, но его голос вновь звучал равнодушно.

– Ну и... – «господи, мне-то какое дело», – подумал Николай, но все же закончил: – решил уже, как ответить?

Женя пожал плечами.

– С отцом, вообще, интереснее, – сказал он. – Но называть его шлюху «мамой» я не собираюсь. Тем более, что это только до следующей шлюхи.

– Не надо говорить таких слов.

– Ой, ой! Слово как слово, литературное. Можно подумать, вы в моем возрасте не матерились трехэтажно.

– Ну, – смутился Николай, – не трехэтажно, но...

– Вот-вот. Я не понимаю – то ли у взрослых память начисто отшибает, то ли они все поголовно лицемеры?

– Взрослые, – назидательно произнес Селиванов, – пытаются уберечь детей от ошибок, которые совершили они сами.

– За столько поколений могли бы уже понять, что это бесполезно.

– М-да, – Николай не нашелся, что ответить. – А с физкультуры ты, я так понимаю, сбежал? На самом деле нет никакого освобождения?

– Опять проницательность?

– Она.

– Ненавижу, – тихо и убежденно произнес Женя. – Ненавижу это потное быдло.

– Да, – кивнул Николай, – в российских школах ведь даже душевых нет, так все и идут, потные и вонючие, на следующий урок...

– Это хорошо, что душевых нет, – возразил мальчик.

– Почему?

– Что, правда не понимаете? Так самое опасное, когда переодеваешься, но это короткий момент, и на тебе хоть трусы есть. А так, пока ты в душе, всю одежду сопрут. Или голым к девчонкам затолкают.

– Пожалуй, – согласился Николай; вопреки подозрению Жени, школьные нравы времен собственного детства он помнил весьма неплохо. – Но как же прогулы?

– А что прогулы? Еще не было случая, чтобы кого-то из школы за физру выгоняли. Так что трояк все равно натянут, а больше мне в любом случае не светит. Ну, в крайнем случае бутылку физруку поставлю.

– Где ты ее возьмешь? – усмехнулся Николай.

– Куплю, где.

– Детям же не продают.

– Ха, – очевидно, только разница в возрасте помешала Жене добавить что-то вроде «наивный чукотский юноша».

– Но по другим предметам у тебя, я так понимаю, не трояки?

– По труду еще. Остальные – пятерки.

– Тяжело быть отличником в Красноленинске? – сочувственно спросил Николай.

– В Красноленинске вообще тяжело быть, – ответил мальчик.

– Похоже, не все так считают, – заметил Селиванов. – Раз не пытаются отсюда уехать, несмотря ни на что.

– Они просто слишком тупые, чтобы понимать, как им плохо, – возразил Женя. – Хотя... наверное, есть и те, кому здесь хорошо. Кому нигде не будет так хорошо, как здесь... Мы тут недавно сочинение писали «За что я люблю родной город». Я сдал чистый лист.

– И что? Получил двойку?

– Нет. Пятерку.

– Это как? – удивился Николай. – Учительница настолько уважает принципиальность?

– Да нет, просто зачем ей статистику успеваемости портить. Я и так почти единственный отличник в классе. А что тема дурацкая, она сама знает. Она ж их не сама придумывает, из роно спускают.

– А другие что писали, ты знаешь?

– А, что они могли писать. Бред всякий, типа родина и все такое. Родина-уродина. Все равно они сами в это не верят, и училка это знает, да и в роно, небось, это понимают. А если кто верит... тем хуже, – Женя помолчал несколько секунд и отчетливо произнес: – Те, кому хорошо в Красноленинске, не должны жить. На этот город надо сбросить атомную бомбу.

– Ну, – усмехнулся Николай, – так все погибнут, и кому хорошо, и кому плохо.

– А для тех, кому плохо, это будет избавление, – мальчик вновь помолчал и мечтательно произнес: – Если бы мои родители умерли, меня бы, может быть, усыновили американцы.

– Ну, это очень не факт, – только и нашелся сказать Селиванов.

– Я знаю, таких больших обычно не усыновляют, – кивнул Женя. – Но зато я здоровый. А маленьких им только инвалидов отдают. На тебе, боже, что нам не гоже... Знаете анекдот, как японца спрашивают, что ему понравилось в России? А он говорит: «У вас замечательные дети. А все, что вы делаете руками, очень плохо.»

– Знаю, – улыбнулся Николай.

– Глупый анекдот, – отрезал Женя. – Дети здесь тоже дерьмо. Может, они-то как раз самое большое дерьмо и есть. Ведь это из них получают взрослые.

– Но на себя ты это, конечно, не распространяешь, – усмехнулся Селиванов.

Женя пожал плечами:

– Может, нет, а может, и да. Все, кто здесь родился, отравлены. Даже умные.

– Комбинатом?

– Да при чем здесь комбинат... Его люди создали. А не наоборот.

– А вот ты, кстати, знаешь, чем занимается этот ваш комбинат?

– Про это у нас не принято говорить. Ну, в школе рассказывают, конечно, байки всякие.

Но вы же в байки не верите?

– Ну, как говорится, сказка ложь... Так что за байки?

– Ну, будто бы там три круга...

– Комбинат же по форме пятиугольник?

– Ну это так говорится, что три круга, – терпеливо, как для тупого, пояснил Женя. –

Внешний – там вроде как обычные люди работают. Бухгалтеры там всякие, счетоводы, машинистки... сидят, бумажки перекладывают.

– Ну какие сейчас машинистки? Компьютеры же кругом.

– На комбинате нет компьютеров. Там такое особое поле, что никакая электроника не работает. Ни компьютеры, ни мобильники, ни даже часы электронные и калькуляторы. На счетах считают.

Николай хотел сказать, что это чепуха, но вспомнил проблемы с мобильной связью вблизи комбината и промолчал.

– Начальство тоже во внешнем круге все сидит, – продолжал мальчик. – Ну и обслуга всякая разная всего этого. Дальше своего внешнего круга они никогда не ходят и даже не знают, что там делается. Даже начальники отделов не знают, кроме самых главных. Потом – средний круг. Там работяги и охрана. Много охраны. Говорят, они там чуть не голые работают, чтоб вынести ничего не могли, и принести тоже. Большинство – зэки. Или бывшие зэки, которые, как срок кончился, вольняшками работать остались. Но оттуда все-таки выпускают. Потому что там еще не главные цеха. Только предварительные и вспомогательные. А главный – внутренний круг. Там то, ради чего существует комбинат. Но те, кто туда вошел, обратно уже не выходят. Кто бы ни был. Даже если из начальства кто туда забредет, обратно его уже не выпустят.

– Что, до пенсии? – усмехнулся Николай.

– Вообще никогда. Больше этих людей никто не видит. Ни живыми, ни мертвыми.

– А готовая продукция? Ее как вывозят?

– Ее не вывозят.

– То есть как?

– Так. Машины с комбината порожняком идут. Это любой шофер знает.

– Слушай, ну это ж бред какой-то! Что там у них, во внутреннем круге – черная дыра, что ли?

– Может, и дыра, – мальчик пожал плечами, и его отрешенно-«демоническое» выражение лица, типичное для рассказчика страшных историй, вдруг сменилось обычным детским: – Я же вам говорю, это все байки. Вы что – в сказки верите?

– Не верю, – согласился Николай. – Но насчет готовой продукции – правда?

– Говорят, что да. Но это вы у шоферов спрашивайте.

«И спрошу, – подумал Селиванов. – Надо будет еще потолковать с Сашкой. Впрочем, экспедитор Марина тут, пожалуй, еще более ценный источник...»

– А в каком круге твоя бабушка Маша работала, ты знаешь? – осведомился он вслух.

– Во втором. В среднем, то есть. Там женские цеха тоже есть.

– И что там делала?

– Не знаю. Я ее не помню. Я совсем маленький был, когда она умерла.

– А... твой дядя? Тоже там же?

– Да. Только не называйте это дерьмо моим дядей, – скривился Женя.

– Ну, что уж тут поделаешь. Родственников не выбирают.

– Почему не выбирают? При Сталине, вон, от родни отрекались. Вот и я от него, считайте, отрекся.

– Ну... в принципе, логично. Но надо же его как-то называть.

– Шибздик. Это его блатная кличка.

– Ясно, – хмыкнул Николай.

– А вы правда журналист? – спросил вдруг Женя.

– А кто я, по-твоему? Американский шпион, выведывающий тайны комбината?

– Было бы неплохо, – заметил мальчик.

– Боюсь, что московский журналист Николай Селиванов для этого слишком известен, – усмехнулся Николай.

– Спорю, что отец не спрашивал у вас документы. Поверил на слово. А назваться можно любым именем.

– Ты выиграл, но твоя мама мой паспорт видела. Да и тебе могу показать журналистское удостоверение, – Селиванов широко улыбнулся.

– Фальшивку изготовить в наше время не так уж трудно, тем более в Америке, – не смутился Женя.

– Вынужден тебя разочаровать, но я действительно тот, за кого себя выдаю. В Америке, правда, бывал. Но ЦРУ упустило эту возможность меня завербовать. Совсем, гады, мышей не ловят после перестройки, – Николай продолжал забавляться.

– А вы бы согласились? – серьезно спросил мальчик.

– Стать шпионом? У меня, знаешь ли, уже есть работа. И, кстати, похожая на работу разведчика. Я ищу информацию, которую пытаются скрыть, в том числе и государственные люди. Но сообщаю ее не спецслужбам, чьим бы то ни было, а обществу. Что, на мой взгляд, куда правильной и благороднее, уж извини за пафос.

– А я бы согласился, – Женя словно не слушал. – Я бы все им рассказал. Только чтобы они меня забрали в Америку. Или в Европу. Главное – прочь отсюда.

– А знаешь что, Евгений? – у Селиванова возникла идея. Не очень благородная, но... – Забрать тебя в Америку я, конечно, не могу, но у меня есть для тебя шпионское задание. Можешь узнать для меня телефон, как ты выразился, шлюхи твоего отца? Он, похоже, не всегда носит мобильник при себе, так что это должно быть нетрудно. Ему это никак не повредит, – добавил Николай поспешно.

– Могу. А что мне за это будет?

– А что ты хочешь?

– Сто долларов.

– Ого! Губа не дура. Но, видишь ли, это не настолько ценная и уникальная информация. Как насчет десяти? В рублях по курсу – валюты у меня при себе все равно нет.

– Двадцать, – тут же перестроился Женя.

В коридоре послышался голос «да, Вовк, до встречи» и шаги возвращавшегося Михаила, и Николай поспешно произнес «хорошо» и сунул Жене визитку. Мальчик спрятал ее в карман рубашки прежде, чем вошел отец.

– Вы извините, – обратился Михаил к гостю, – но вынужден сейчас уехать: дела.

– Все в порядке, – кивнул Селиванов, поднимаясь, – мы, как я понимаю, уже все обсудили. Но если захотите что-то добавить, всегда можете мне звонить, – он протянул еще одну визитку. – И, кстати, можно на всякий случай ваш номер мобильного?

– Да, конечно, – Михаил продиктовал номер, и Николай по привычке записал его на бумажке, прежде чем вносить в память телефона.

Оба взрослых вышли в прихожую.

– Вам куда сейчас? – спросил Михаил, одеваясь.

– На Ударников.

– А, Светка вас у бабки поселила, – понимающе кивнул Михаил. – Хотите, подброшу на своей машине?

– Вы собираетесь за руль?

– Ну да, а что такого?

– Вы же пили.

– А, это ерунда, – отмахнулся Михаил. – Я же меру знаю. В Европе после пары больших бокалов пива можно ездить вполне официально, это у нас доводят все запреты до идиотизма...

– Вы пили не пиво, а водку. И не так чтобы совсем мало.

– Ну я же говорю – я свою меру знаю. Тем более, сейчас еще не стемнело, машин немного, ситуация на дорогах простая. Впрочем, я, конечно, не навязываюсь.

Николай на миг задумался. Удивительное дело, но сейчас Михаил и впрямь выглядел совсем трезвым, не то что еще двадцать минут назад. Надежнее, конечно, вызвать Сашку с его колымагой, но его еще ждать, а машина у бывшего бизнесмена, наверное, все-таки попримечнее...

– Вам по дороге? – спросил Селиванов.

– Не совсем, но тут же ехать всего ничего.

– Ну хорошо, – согласился вдруг Николай. – Спасибо.

Действительно, машина, в которую они уселись минуту спустя, никак не походила на раздолбанную «Волгу». Это был хотя и явно не новый и забрызганный понизу грязью, но все же вполне солидно выглядевший джип – как видно, последний остаток колбасной роскоши и одна из немногих в Красноленинске иномарок.

В уютном салоне приятно пахло хвоей от висевшего на зеркале ароматизатора в форме елочки. Михаил повернул ключ, и мотор мягко завелся в то же мгновение. Николай еще не успел пристегнуться, и мелодичный, но настойчивый звуковой сигнал напомнил ему об этом.

– Знаете, – сказал Михаил, – у нас тут продают специальные заглушки. Вместо ремня – одна только пряжка, которая вставляется в замок. Чтобы автоматика считала, что ремень пристегнут, и не подавала никаких сигналов. И это покупают. Вы представляете? Люди готовы платить деньги за то, чтобы не пользоваться простейшими мерами безопасности и чтобы им об этом еще и не напоминали! Вот в какой еще стране возможен такой идиотизм?

– Да уж, – согласился Николай. – А когда введут детекторы, блокирующие зажигание при обнаружении паров алкоголя, будут, очевидно, ездить в респираторах.

– Угу, – кивнул Михаил, словно не заметив подколки, и вырулил со двора на улицу. Под колесами чавкнула лужа. Дождя на сей раз не было, но небо оставалось по-красноленински хмурым.

– Как вам молодое поколение? – спросил Михаил.

– Способный мальчик, – сдержанно ответил Николай.

– Да. Способный, это точно, – произнес Михаил со странной интонацией. – Знаете, иногда я его даже боюсь.

– Бойтесь?

– Вы о детях индиго слышали?

– Я не верю во всякую мистику и парапсихологию.

– Ну, при чем тут мистика... Даже с научной точки зрения. Население Красноленинска вырождается, это объективный факт. Но ведь на тысячу дегенеративных мутаций может прийти одна позитивная?

– Если позитивная, чего ж ее бояться? – усмехнулся Николай.

– Ну так это она смотря для кого позитивная. То, что позитивно для хищника, отнюдь не позитивно для его жертвы...

– Вы что же – считаете себя жертвой собственного ребенка?

– Да нет, – поспешно ответил Михаил. – Глупости это все, конечно. Просто... иногда он так смотрит, как ребенок смотреть не должен.словно он старше меня. И даже намного. И почти никогда не улыбается. Это, конечно, моя вина... точнее, наша со Светкой, что мы не дали ему нормального детства. Он говорил вам, что мечтает уехать в Америку?

– Говорил.

– А ведь был шанс. Если бы, как только открыли границы, я бросил все силы на эмиграцию... ну, может, не в Америку, может, в Чехию куда-нибудь, тоже замечательная, между прочим, страна... Но где там! Я сеял разумное, доброе, вечное. Я верил в новую свободную Россию. В то, что комбинат закроют навсегда, и на его месте будут яблони цвести. А потом все, поезд ушел. Поздно пить боржоми.

– Мне казалось, вы с вашими байкерами – патриот, – усмехнулся Селиванов.

– Я теперь коммерсант, – огрызнулся Михаил. – Если сейчас имеется спрос на патриотизм, я буду продавать патриотизм. А если дегенераты хотят заглушек вместо ремней безопасности, то и их тоже. В конце концов, если в результате дегенератов станет меньше, мир только выиграет. Только вы это, конечно, не пишите.

– Так это вы сами продаете эти заглушки?

– Нет. Это я для примера. А так продавал бы без всяких интеллигентских угрызений. Просто на них много не заработаешь.

– Ну да. Деньги не пахнут.

– Вы думаете, я для себя стараюсь? Да для того же Женьки, чтобы его из этого дерьма выпихнуть. Чтобы он, действительно, уехал учиться в какой-нибудь западный университет и остался там.

– Вы хотите оставить его себе после развода? Несмотря на эти ваши... опасения?

– Хочу. Мне кажется, когда кончится эта вся вязкая неопределенность, ну и Светка перестанет его против меня настраивать, мы с ним найдем общий язык. Но вы же знаете, наши суды почти всегда на стороне матери... тем более, сейчас у меня формально работы нет.

– А она таки настраивает?

– Не то чтобы напрямую, но... Вы ж понимаете, как это делается.

– Во всяком случае, вашу новую подругу он не приемлет категорически.

– Ну, это дело обычное в таких случаях.

– Боюсь, что в данном случае вариант «стерпится – слюбится» исключен принципиально. Если, конечно, вы не готовы пожертвовать своей, пардон, интимной жизнью ради сына.

– Ох, – вздохнул Михаил, – сложно это все. Сложно... и тошно. И так, как есть, оставлять невозможно, и выхода хорошего нет.

Впереди показалась уже хорошо знакомая Николаю изба, и он почувствовал облегчение от того, что поездка с нетрезвым водителем закончилась благополучно. Хотя, наверное, если бы не выпитое, Михаил воздержался бы от многих сегодняшних откровений. *In vino veritas*, да.

– Спасибо, – вновь поблагодарил Селиванов, выбираясь из машины. – Удачи.

– И вам, – откликнулся Михаил. – Так вы, когда статью писать будете... вы помните, что я это для Женьки.

Джип уехал, разбрызгивая грязь из-под колес. Николай поднялся на крыльцо и вошел в дом.

Старуха была дома и осведомилась у него, когда он будет ужинать. Николай ответил

«часов в семь», что ее, как видно, вполне устроило.

– Кстати, Алевтина Федоровна, – заметил Селиванов, прежде чем направиться в свою комнату, – познакомился сегодня с вашим правнуком.

– С Женей? – по лицу старухи нельзя было понять, как она отреагировала на это известие.

– А что, у вас есть другие?

– Нет, только он. Очень умный мальчик.

– Да, я заметил, – Николай сделал паузу, выжидая, не захочет ли старуха добавить что-то еще, но она молчала, и он направился к себе.

На сей раз от ноутбука его оторвал телефонный звонок. Номер был местный, но незнакомый.

– Это журналист Селиванов? – строго осведомился немолодой голос. Николай подумал, что он мог бы принадлежать отставному военному.

– Да, это я. А вы...?

– Славест Владимирович Карлов, – представился голос. – Света Безрукова сказала, что вы хотите получить пропуск на комбинат.

– А, да. Большое спасибо, что позвонили, – Николай постарался придать своему тону как можно больше любезности, хотя Славест с самого начала вызывал у него неприязнь. – Видите ли, мне для моей статьи нужен даже не просто пропуск – мне нужно взять интервью у кого-то из руководства комбината. Лучше всего, конечно, у директора или его заместителя. Вы могли бы этому посодействовать?

– В зависимости от того, что вы собираетесь писать. Лить грязь на Комбинат, – он произнес это слово так, что большая буква определенно подразумевалась, – в погоне за дешевой сенсацией? Я ведь навел справки, из какой вы газеты и что она собой представляет.

– Писать, Славест Владимирович, я собираюсь правду, – задушевно сообщил Николай. – А чистая она или грязная, сенсационная или не очень – это уже не от меня зависит. А от объективной реальности, данной нам в ощущениях, – он намеренно употребил марксистскую формулировку. – Если вас интересуют детали моего редакционного задания, то оно состоит в том, чтобы рассказать о сложном положении, в котором оказался ваш город после фактического сворачивания работ на комбинате. Я собираю мнения, которые есть на этот счет в городе. Разные мнения разных людей, как это и требуется для объективной картины. Понятно, что среди этих мнений присутствуют и критические. И столь же понятно, что без официальной позиции руководства комбината и властей города картина будет неполной и необъективной. Мне бы этого не хотелось, а вам?

– Знаю я, какую вы правду напишете, – буркнул Славест. – Вырвете какую-нибудь фразу из контекста, а к ней еще издевательский комментарий добавите.

«Да, да, старый совок, – зло подумал Селиванов. – По себе судишь, именно так ваша коммуначья пропаганда и работала.» Впрочем, положив руку на сердце, он не мог сказать, что и сам никогда не использовал такой прием. Разумеется, не в качестве главного аргумента, а в качестве, так сказать, дополнительной виньетки, если оппонент очень уж подставлялся – но тем не менее...

– В окончательный текст статьи от каждого собеседника войдет немного, максимум пара абзацев, – сказал он вслух. – Но я готов прислать эти фрагменты интервьюируемым на утверждение. Я знаю, что у вас тут сложно с интернетом, но ведь у руководства e-мэйлы есть?

– Решение в любом случае принимаю не я, – проворчал Славест. – Я, вообще-то, давно на пенсии.

– Я в курсе, – Николай был само терпение. – Я просто прошу вас задействовать ваш

авторитет, чтобы добиться этого интервью. Полагаю, руководство комбината прислушается к ветерану с вашим опытом. Тираж нашей газеты, кстати – порядка восьмисот тысяч экземпляров, не считая интернета. Это не та аудитория, которой стоит пренебрегать.

– Прежде, чем что-то рекомендовать руководству, я должен встретиться с вами лично, – отрезал Славест. – В глаза вам посмотреть. У меня действительно большой руководящий опыт, и я умею разбираться в людях, кому можно доверять, а кому нет.

Николай мысленно вздохнул.

– Хорошо, давайте встретимся. Когда вам удобно?

– Давайте завтра утром. Часов в одиннадцать.

«Хорошо хоть не в семь!» – подумал Николай. Впрочем, пенсионеры редко бывают ранними пташками – кроме случаев, когда надо занять куда-то очередь. Вот тут у них советские рефлексы срабатывают безотказно...

– Хорошо, – сказал Селиванов вслух. – Какой у вас адрес?

– Я, вообще-то, не домой вас приглашаю, – осадил его Славест. – Я в это время всегда в парке гуляю, вот там и побеседуем.

«О черт, только парка мне и не хватало!»

– Под дождем? – скривился Николай.

– На завтра обещали без дождя. Может, даже солнце выглянет. И вообще, что за молодежь пошла? Дождика какого-то боится, не говоря уж о более серьезных испытаниях. Я вот, старик, в любую погоду, и зимой, и летом... В беседке посидим, ничего.

«До беседки еще дойти надо!» – подумал Николай, но вслух опять сказал другое: – И что, никогда проблем не возникало? Я слышал, в вашем парке хулиганья полно...

– У меня – не возникало и не возникнет, – веско ответил Славест.

«А я, значит, обходись своими средствами... Ну ладно, если что – шокер...»

– Где именно в парке? – обреченно спросил Николай.

– От главного входа по аллее прямо до эстрады, а от нее налево. Там будет Аллея Славы, а за ней беседка. Не заблудитесь.

– Хорошо. Завтра в одиннадцать в беседке. До свиданья.

М-да, подумал Николай. Значит, визита в этот поганый парк все же не избежать. Ну ладно, не самая большая проблема за его профессиональную карьеру... А кстати – не может ли это быть ловушкой? Если предположить, что кто-то в Красноленинске хочет с ним расправиться, лучшего места, наверное, не найти. Бред, конечно... но ведь кто-то же следил за ним? Или это все-таки просто совпадения? Он тут никому еще не наступил на хвост... но когда наступит – будет уже поздно, с их точки зрения. Понять бы еще, кто такие эти «они», если они вообще существуют...

Он переписал с экранчика телефона номер Славеста, а затем позвонил Светлане. Сперва было занято, но со второй попытки она сняла трубку.

– Это Николай. Звоню, чтобы поблагодарить – только что мне звонил этот ваш Славест. Правда, прямо сразу устраивать мне встречу с комбинатским начальством он не хочет. Желает сперва взглянуть на меня лично и убедиться, что я не агент ЦРУ, – Селиванов говорил веселым тоном, но одновременно прислушивался, не раздастся ли в трубке какого-нибудь удивленного восклицания, даже тут же подавленного. Но Светлана слушала молча. – Так что утром в одиннадцать встречаемся с ним в городском парке, в беседке за Аллеей Славы. Странноватое, по правде сказать, место...

– Да нет, он каждый день там с собакой гуляет, – ответила Светлана. – Утром и вечером. Он там живет рядом.

«Ах, с собакой!» – подумал Николай. – Вот почему он шпаны не боится. Хотя смотря какая

собака, конечно...»

– Ясно. Подскажите, кстати, я правильно его номер записал? – он продиктовал ей цифры.

– Да, это его телефон.

– Хорошо. Спасибо еще раз. Я вам завтра позвоню сразу после этой встречи, скажу, до чего мы договорились, не возражаете?

– Звоните, конечно, – ответила Светлана с легким удивлением в голосе.

– Ну окей. До свиданья.

Что ж – на подставу вроде не похоже. И типичную глупость киногероев – пойти на встречу, никого об этом не известив – он не повторит. Правда – станет ли Светлана поднимать тревогу, если он, допустим, не отзвонится ей завтра после полудня... но не главреду же в Москву звонить из-за такой ерунды? Ему предстоит встреча не с агентом мафии, а всего лишь с каким-то советским старпёром на пенсии...

А из мэрии ему, конечно же, опять не позвонили. Завтра с утра надо будет снова их трясти...

В следующий раз его отвлекла от ноутбука хозяйка, позвавшая ужинать. Однако, едва он крикнул «Иду, Алевтина Федоровна!» и вышел в коридор, как в кармане у него опять запел и завибрировал мобильник. Номер снова был незнакомый... или смутно знакомый? Память на цифры у Николая была хорошая, но не идеальная. Не желая говорить на весь коридор, он вернулся в комнату.

– Алло?

– Это Евгений. Я узнал, что вы просили.

– О, отлично. Диктуй.

Мальчик продиктовал четыре цифры и замолчал.

– Дальше? – поторопил Николай.

– Сначала деньги.

– Бизнесмен, сын бизнесмена, – усмехнулся Селиванов. – Ну ладно. Где мы встретимся?

– Приходите к моему дому и позвоните на этот телефон, как придете. Я к вам выйду.

«Ишь, раскомандовался,» – подумал Николай, а вслух сказал:

– Ладно, но не прямо сейчас. Где-то через час, идет?

– Да. Жду, – мальчик повесил трубку.

Николай позвонил Сашке, сообщив, когда ему будет нужна машина (тот, как и обещал, изъявил готовность прибыть в срок), и направился на кухню. На ужин оказалась неизменная курица с картошкой – на сей раз, правда, растолченной в пюре. «Ладно, – подумал Селиванов. – Я не гурман.»

– Кстати, а как фамилия мужа Светланы? – спросил он у хозяйки.

– Косоротов, – ответила та неприязненно. – Он и колбасную компанию свою «КОКОС» назвал. Колбасы Косоротова, значит.

– Бизнес по-русски: если видишь, что на фургоне с колбасой написано «Кокос», не верь глазам своим, – прокомментировал Николай. – Ну хорошо хоть не «Юкос». Хотя результат, в общем, аналогичный... А Светлана, – он вспомнил, что Славест назвал ее «Безрукова», – что же, еще не развелись, а уже девичью фамилию вернула?

– Нет. Она его фамилию сроду не брала, и правильно. Что ж я, говорит, косоротая буду...

«Безрукая, вообще-то, не лучше», – подумал Николай, а вслух спросил: – А сын у них на какую фамилию?

– На отца, – нехотя пояснила старуха. – Он ей сказал, мол, если ты не берешь мою фамилию, так пусть хоть у сына будет. Хотя фамилия-то слова доброго не стоит... тоже мне, князь Гагарин.

– А я завтра в одиннадцать с вашим Славестом встречаюсь, – сообщил Николай и ей тоже. – Не подскажите, как лучше добраться до парка?

– Автобусом напрямую отсюда не доедешь, это с пересадкой надо... – Алевтина пустилась в объяснения, из которых Селиванов сделал лишь тот вывод, что карта все-таки нужна, хотя пока Сашка ее худо-бедно заменяет. GPS по-русски, м-да.

Закончив трапезу, Николай поблагодарил хозяйку и подошел к окну кухни, выходящему на улицу, дабы проверить, не подъехал ли уже его шофер. Серой «Волги» не было, зато в сгущавшихся сумерках Николай разглядел на противоположной стороне улицы длинную фигуру, неподвижно стоявшую под чахлым облетевшим деревом. Венчала ли фигуру кепка, он в густой тени ветвей не разглядел, но белый овал лица явно был обращен в сторону дома №37.

Селиванов почувствовал прилив злости. Он выскочил в коридор, кое-как натянул ботинки, набросил, не застегивая, куртку и выбежал на крыльцо в сырой полумрак с твердым намерением вытрясти все из этого типа, даже если придется за ним гнаться. Но, как он ни торопился, когда он обогнул угол дома и увидел дерево, там уже никого не было. Николай повертел головой, но ни слева, ни справа не заметил никого, удалявшегося прочь.

Может, ему померещилось? Игра теней в полутьме? Парейдолия? Быстро оглядевшись по сторонам, он перебежал дорогу и устремился к тому самому дереву. В плохом детективе он непременно обнаружил бы под деревом свежий окурок, а скорее даже несколько, и узнал бы таким образом не только о факте слежки, но и о том, сколько времени она продолжалась... Но нет, на земле – а точнее, на сыром асфальте, который подступал к стволу со всех сторон – не оказалось ни окурков, ни иных следов. Что, конечно, ничего не доказывало...

Раздался внезапный и громкий гудок. Николай вздрогнул и обернулся. Это была сашкина «Волга», остановившаяся перед домом.

Селиванов перебежал дорогу обратно и сел в машину.

– Ты чего это там делал? – полюбопытствовал Сашка.

Николай хотел ответить, что это не его забота, но передумал: – Да так, какой-то там стремный тип маячил... хозяйку мою пугал, – сымпровизировал он. – Я вышел разобраться, а он как сквозь землю провалился. Ты, когда подъезжал, никого не видел?

– Да нет вроде. Ты ваще, Колян, тут с разборками осторожней, а то знаешь как попасть можно, и костей твоих не найдут.

– Ладно, поехали на Чекистов.

Машина развернулась и покатила по улице.

– Чо-то зачастил ты туда, – осклабился водила. – Там, что ли, краля твоя живет?

– Сказал же уже, никакая она мне не краля, – сердито ответил Николай. – Ты мне лучше вот что скажи. Ты вот говоришь, на комбинат сырье возил. А обратно продукцию возить доводилось?

– Нет, – буркнул Сашка, – обратно всегда порожняком.

– А другие водители? Что-нибудь про это знаешь? Если знаешь, – поспешно добавил Селиванов, – моя газета готова заплатить за информацию. Только чтоб это была правдивая информация. Выдумки нам не нужны.

Сашка молчал, возможно, обдумывая, стоит ли соврать, и Николай уже подумал, что так ничего и не услышит, когда водитель, наконец, сказал:

– Сейчас с комбината только порожняком ездят. Хотя иногда грузят какие-то ящики. Но они пустые.

– Откуда знаешь, что пустые?

– Что ж по-твоему, шофер не чувствует, нагружена машина или нет? Это, может, легковушке пох, что у нее в багажнике, да и то можно заметить, как задние колеса проседают. А

груженная фура совсем иначе, чем пустая, себя ведет.

– Ясно. И куда их везут?

– На станцию, куда. Но я сам не возил. Мне не доверяли, – усмехнулся Сашка.

– Не доверяли возить воздух? – а что если, подумал Николай, и впрямь какой-то газ... Да нет, чепуха. Газ возили бы сжатым в тяжелых баллонах, или даже сжиженным в специальных цистернах. Но он все же спросил: – А что за ящики, герметичные?

– Да обычная фанера.

– Большие?

– Да не так чтоб очень.

– А маркировки какие-нибудь? Ну там «не кантовать», «хрупкое» и все такое?

– Ну ты спросил! Да на кой это надо на пустых ящиках?

– А на кой вообще возить пустые ящики? Раньше ведь они не пустые были.

– Откуда знаешь? – подозрительно спросил Сашка.

– Ты сам сказал. Сейчас – только порожняком, а раньше?

– Раньше нет, – сумрачно произнес водила. – Мне батя покойный рассказывал, когда мы вместе выпивали, он тоже у меня шоферюгой был... и инструктор в путяге, он еще в войну тут работал... Тогда загруженные ящики были. Но часто тоже порожняком. С комбината всегда везли меньше, чем на комбинат.

– Что логично, – согласился Николай. – Готовой продукции всегда меньше, чем сырья. А эти шоферы старшего поколения тоже ни про какие значки не вспоминали? К примеру, химической опасности, или радиационной?

– Ну почему я знаю? Кто эти ящики полными видел, тех уж в живых нет. Я ни про чего такое не слышал.

– Угу... может, потому и нет. В Совке, конечно, лучше бы перетравили кучу народу, чем рискнули, что кто-то про их секреты узнает...

– Во-во, секреты. Я подписку давал, а ты тут меня... провоцируешь.

– Ладно, вымогатель. Сколько хочешь за свои тайны красноленинского двора?

– Тыщу рублей, – важно брякнул Сашка.

– А не много за пустые фанерные ящики? – усмехнулся Николай.

– Меня до конца жизни упечь могут, а тебе тыщи жалко? Вот ведь шпионы жидярские пошли...

– Да ладно, ладно, получишь ты свою тысячу. Хотя никто тебя никуда не упечет за пересказ старых слухов, тем более пожизненно. Это сейчас только серийным убийцам дают... И забудь эти глупости про шпионов. Я журналист.

– Да знаю, что журналист, газету твою в киоске смотрел... Иначе что б я, с тобой разговаривать стал? Думаешь, я Родину за тыщу рэ продам?

Николая подмывало спросить «а за сколько?», но он спросил другое:

– Кстати, о киосках. Где тут у вас карту города купить можно?

– Нигде.

– То есть как нигде? – опешил Николай.

– Так. Секретные.

– Но ведь город открытый.

– Город открытый. А карты секретные.

Ну да, подумал Селиванов. В СССР ведь все карты печатались с преднамеренными ошибками, что в эпоху самолетов и спутников стало особенно смешно. Может, и до сих пор так печатаются. Не удивительно, если здесь этот маразм дошел до отсутствия карт как таковых.

Машина въехала во двор дома и остановилась. Николай понял, что они приехали.

Отсчитав водителю деньги за рассказ и поездку, он велел Сашке:

– Жди меня здесь, скоро вернусь.

Он вышел из машины и позвонил Жене. Тот сразу откликнулся:

– Поднимайтесь на третий этаж, сейчас выйду.

– Почему на третий? – удивился Николай.

– Там лампочка горит. А в подъезде света нет.

– Ладно.

Он вошел в уже знакомый подъезд и действительно оказался в непроглядной темноте, где не то что отсчитывать деньги, а и просто подняться по лестнице, не споткнувшись, было проблемой. Слабый отсвет пробивался только откуда-то сверху – очевидно, с третьего этажа. Николай ошупью отыскал изрезанные перила и начал подниматься, глядя вверх. Похоже, работающая лампа на третьем была единственной на все пять этажей. «Вот ведь люди, – думал Селиванов, шагая во тьме по ступенькам. – Ну ладно, домоуправлению наплевать. Но им-то самим неужели трудно купить копеечную лампочку и ввинтить на своей лестничной площадке? Нет, будут сами спотыкаться, ломать ноги и тыкаться вслепую ключами в дверь, будут ругаться, но не почешутся исправить ситуацию. Или каждый ждет, пока это сделает другой? Типа, а с чего это вдруг я, что мне, больше всех надо? Чего это я сделаю, а другие будут пользоваться?»

Он поднялся на освещенную площадку и затем еще на один пролет, остановившись между этажами возле трубы мусоропровода, дабы не вести разговоров прямо под дверями квартир. У мусоропровода было грязно. Очевидно, на единственный освещенный этаж ходили выкидывать мусор со всего подъезда и не трудились убирать то, что падало на пол. Практически тут же этажом ниже хлопнула дверь, и послышались шаги. Вскоре появился Женя – в домашней одежде и тапках и с мусорным ведром в руке.

– Конспиратор, – усмехнулся Николай.

– Мать знает, что, как стемнеет, я на улицу не выхожу, – сказал мальчик. – Это у нас опасно. Тут и днем-то в подъезде прирезать могут... в соседнем этой весной был случай... – брезгливо переступив через то, что валялось на полу, он выбросил свой мусор, гулко ухнувший вниз, и повернулся к Селиванову: – Давайте деньги.

– Держи. Шестьсот рублей тебя устроят?

Мальчик на мгновение задумался, но, видимо, решил не торговаться по поводу тонкостей курса и сказал: – Ладно. Записывайте номер.

Николай записал. Женя сунул деньги в кармашек рубашки, затем, не прощаясь, повернулся, чтобы возвратиться в квартиру. В этот момент снизу хлопнула входная дверь.

Мальчик замер, не то не желая встречаться с тем, кто будет сейчас подниматься, не то банально опасаясь столкнуться с ним в темноте. Селиванов бросил взгляд на улицу через грязное стекло и различил прямо перед подъездом милицейский «газик». Это его ничуть не озаботило – в доме с таким контингентом подобные визиты, наверное, не удивительны. Но Женя заметил, куда смотрит Николай, и, похоже, увиденное ему не понравилось. Даже испугало. Он переглянулся с Селивановым, словно призывая его к молчанию.

Ну да, подумал Николай. Страх перед милицией, вбитый в нас с детства. Всякий мальчишка, сделавший что-то недозволительное и увидевший милиционера, сразу же чувствует испуг, что тот пришел по его душу. Хотя Женя, вроде, уже великоват для таких страхов... если, конечно, он не сделал что-то более серьезное, чем завладел на минутку отцовским мобильником, чтобы списать оттуда номер.

Внизу мелодично затренькал звонок – уже знакомой Николаю трелью, хотя на сей раз она была длиннее и требовательней. Он шагнул вперед и наклонился, глядя между перилами. Ну да – на площадке второго этажа, выпуская во тьму свет, открылась уже известная ему железная

дверь.

Это что ж получается? Милиция и впрямь явилась за Косоротовым-младшим?

Глядя на побледневшего и вцепившегося в перила мальчика, можно было подумать именно так.

Со своей позиции Николай различал лишь черный силуэт одного из милиционеров в фуражке. Донеслись негромкие голоса – отвечала пришедшим, очевидно, Светлана, но разобрать слова Селиванов не мог. Затем дверь на несколько мгновений прикрылась, но не захлопнулась, и запахнулась вновь. Светлана, уже в верхней одежде, вышла на площадку. Дверь снова хлопнула, и из темноты слышались спускающиеся шаги – ботинки милиционеров и громко цокавшие каблук женских сапожек. Затем опять бухнула дверь подъезда, и стало так тихо, словно в доме не осталось ни одной живой души.

Только после этого Николай снова повернулся к мальчику:

– Ты понимаешь, что происходит?

– Нет, – он размашисто покачал головой; вся демоническая презрительность исчезла, сейчас он снова выглядел обычным испуганным ребенком.

– Это не может быть связано с какими-то твоими шалостями? Точно?

– Я ничего не делал.

– А твой отец дома?

– Нет. Он приезжал, принял душ, потом снова уехал. Наверное, к шалаве своей.

Николай не стал высказывать вслух очевидное предположение: наверное, что-то случилось с Михаилом, и это что-то определенно скверное. Скверное настолько, что Светлана ушла со стражами порядка, даже забыв предупредить сына. Но Женя, видимо, и сам додумался до этой мысли, причем еще раньше Николая.

– Ладно, – сказал Селиванов, – иди домой. Не на лестнице же теперь стоять.

– Ключ, – сказал Женя.

– Что – ключ? – переспросил Николай и тут же понял, в чем дело.

– Мой ключ остался дома, – подтвердил его догадку мальчик. – А она дверь захлопнула.

Селиванов снова посмотрел в окно. Милицейский «газик» уже отъехал.

– Ну так позвони ей, пусть скажет им, чтоб вернулись. Телефон-то у тебя с собой?

– Да... – он вытащил из кармана мобильник и начал спускаться по лестнице. Николай последовал за ним.

– Не отвечает, – сказал мальчик, когда они спустились до второго этажа.

– Попробуй еще. При езде сигнал может то пропадать, то появляться.

Жена нажал кнопку повтора, затем вдруг прижался ухом к железной двери собственной квартиры.

– Ну точно, – сказал он со злостью, – она и про меня, и про мобильник свой забыла. Вон он, там надрывается.

– Звони отцу.

Полуминутная пауза.

– Не отвечает.

Николай вытащил свой мобильник. Во тьме стало чуть светлей от второго экранчика.

– Кому вы звоните? – требовательно спросил мальчик.

– Шалаве, – усмехнулся Николай.

Трубка откликнулась длинными гудками. Что ж – это еще ничего не значит. Вполне вероятно, что Михаил и его любовница предаются сейчас занятию, ради которого отключили телефоны. Это, кстати, может быть и вполне пристойное занятие, типа концерта... если в этой дыре они бывают... или, на худой конец, киносеанса. Но возможен и другой вариант – что они

лежат рядом на соседних столах в морге. «Они плыли по течению, оно их привело нагими на холодный стол...» Николаю вспомнились последние слова Косоротова: «Тошно... и оставить, как есть, невозможно, и выхода хорошего нет. Помните, я делаю это ради Женьки...» Да нет, чепуха. Михаил был полон планов на будущее. Сопливая песня «Наутилуса» к нему никакого отношения не имеет. Но, учитывая сомнительность его бизнес-проекта, ему могли и «помочь»... кто сказал, что такие методы остались в девяностых? Только не в Красноленинске...

Но сейчас, в любом случае, надо что-то делать с ребенком, уже начинающим дрожать на холодной лестнице в одной рубашке и брюках. Вот ведь не было печали...

– Поехали, – решительно сказал Селиванов.

– Куда?

– К твоей прабабушке. Побудешь пока там, пока кто-нибудь из твоих родителей не соизволит о тебе вспомнить.

– Я никуда не поеду с посторонним, – заартачился вдруг мальчик.

– Ишь ты. Значит, встречаться с посторонним в темном подъезде и брать у него деньги ты можешь, а поехать с ним на такси нет. Ну можешь, конечно, остаться сидеть здесь на каменном полу под закрытой дверью, я не настаиваю. Ну или позвони прабабушке, и если она скажет, что мне можно доверять...

– Да, – мальчик принялся жать на кнопки, затем поднес телефон к уху.

«Неужели и тут не будет ответа?» – с тоской подумал Николай.

Женя опустил руку с телефоном, так ничего и не сказав.

– Ну?

– Занято.

«Ну по крайней мере эта жива, уже хорошо», – подумал Селиванов, а вслух сказал: – Старухи могут висеть на телефоне часами, и я не собираюсь тут ждать. Решай, едешь со мной или остаешься.

– Ладно, – решил Женя и поставил мусорное ведро перед дверью. – Поехали.

Они вышли в промозглую темноту улицы. Мальчик сразу же зябко обхватил себя руками и торопливо зашлепал тапками по асфальту, огибая лужи.

– О-па! – приветствовал нового пассажира Сашка. – А это еще кто?

– Внук моей квартирной хозяйки. («Ну, на самом деле правнук, но какая Сашке разница!») Выносил мусор, дверь захлопнулась, а родителей нет дома. Отвезу его к бабушке, пока они не вернутся.

– Угу, бывает, – кивнул водила. – Ты, пацан, ключ всегда на шее носи. Я с шести лет так ходил, заместо креста. Покрестился только когда мне уж тридцать стукнуло.

Женя его проигнорировал. Кажется, Сашка был для него не больше чем говорящей деталью автомобиля. Причем способность говорить относилась не к достоинствам, а к недостаткам этой детали.

Сашка, похоже, интуитивно это почувствовал, и на сей раз вся недолгая поездка прошла в молчании.

Алевтина Федоровна оказалась дома и в полном порядке; она даже успела закончить свой разговор по телефону, с кем бы он ни был, и теперь смотрела сериал по телевизору. Внезапное появление правнука и короткий правдивый рассказ Николая (опустившего только причину встречи с мальчиком на лестнице) она встретила ожидаемыми охами и ахами и первым делом осведомилась у Жени, хочет ли он есть. «Нет, – ответил тот, – я ужинал.» О том, что могло понадобиться милиции от Светланы, она так же не имела понятия; впрочем, беспокойство за Светочку не помешало ей вернуться досматривать сериал. Как видно, она тоже считала, что если что плохое и случилось, то с «иродом», и не считала нужным переживать на сей счет. Николай,

впрочем, не был в этом уверен. Администратор гостиницы по нынешним временам – не самая коррупционная должность, но как знать, в чем могла оказаться замешана Светлана, возможно, даже и против своей воли... Но пугать бабушку этими догадками он, конечно, не стал – несмотря на то, что ее возвращение к телевизору вызвало у него раздражение: он полагал, что сдаст ей правнука с рук на руки, и на этом его роль доброго самаритянина закончится, а вышло, что это не совсем так. Впрочем, Женя уже большой мальчик и сам может найти себе занятие, подумал Николай и пошел в свою комнату – но Женя последовал за ним.

– Что ты хочешь? – осведомился Селиванов не слишком любезно, оборачиваясь на пороге.

– Вы в шахматы играете?

– Ну, в принципе, да.

– В принципе или хорошо?

– Когда-то был третий разряд. Но это было еще в университете. С тех пор не подтверждал.

– Ладно, – согласился мальчик тоном вынужденного одолжения. – Я сейчас принесу.

– Эй, стой! Я совсем не говорил, что хочу играть с тобой в шахматы.

– Но мне здесь не с кем играть, – возразил Женя тоном скорее констатирующим, чем просительным. – Отца я уже почти всегда обыгрываю, мать вообще едва знает, как фигуры ходят. Прабабушка в молодости играла, но теперь уже давно все перезабыла. Про одноклассников уж и не говорю, – мальчик брезгливо скривился. – Остается только компьютер. Но это не совсем то.

«У него неизвестно что случилось с отцом или матерью, а он о шахматах думает», – подумал Николай. «Впрочем... может, это как раз его способ отвлечься от волнений, от которых все равно нет никакой пользы.»

– Ладно, – согласился Селиванов. – Одну партию.

– Приходите на кухню, там стол удобнее.

Николай вновь подумал, что парень слишком уж раскомандовался, но не стал возражать. Он занял место за круглым кухонным столом; вскоре вошел мальчик, неся деревянную коробку-доску с громыхавшими внутри фигурами – похоже, изготовленную десятилетия назад.

– Часов тут нет, – сообщил он извиняющимся тоном, ставя коробку на стол. – Расставляйте пока, а я принесу, чем записывать.

Николай вновь подчинился. Пока он расставлял фигуры, Женя принес отрывной блокнот на пружинке и ручку с карандашом.

– Вам дать листок для записи? – осведомился он.

– Да нет, я так... – смутился столь серьезным подходом Николай.

– Как знаете, – мальчик взял две пешки, спрятал руки за спину, потом выставил кулаки. – В какой руке?

– В левой.

Женя разжал кулак и продемонстрировал черную пешку. Затем удовлетворенно развернул доску белыми к себе и предупредил:

– Только не поддавайтесь. Я хорошо играю.

Затем традиционно двинул пешку на e4 и записал свой ход.

Николай вскоре убедился, что его соперник не хвастал попусту. Сам Селиванов свой давний разряд получил за решение задач, а в игре с живым соперником охотно шел на размен, стремясь упростить ситуацию на доске, что нередко приводило к ничейному результату. Женя же, напротив, разменов старался избегать, плетя многофигурные комбинации. Вскоре Николай убедился, что все его попытки контратаковать захлебнулись, и он сидит в глухой обороне,

мучительно просчитывая каждый ход, чтобы ничего не зевнуть. Пока что он еще не потерял ни пешек, ни качества, но его ферзевый фланг был дыряв, две сдвоенные пешки там практически висели в воздухе, а на королевском, наоборот, фигуры сгрудились и мешали друг другу. После долгих размышлений он таки решился отдать три пешки, чтобы уничтожить особо досаждавшего ему коня, но это принесло лишь краткую передышку, ибо его противник начал мощное наступление на его совершенно оголившийся ферзевый фланг. В игре с компьютером в такой позиции Селиванов бы, пожалуй, уже плюнул и начал новую партию, но капитулировать перед мальчишкой не хотелось, хотя шансы не то что на победу, а хотя бы на ничью становились все более призрачными. Пользуясь отсутствием часов, Николай все дольше думал над каждым ходом, к явному неудовольствию соперника.

Из тяжелого положения его выручил телефон, заигравший мелодию в кармане Жени. Тот поспешно поднес трубку к уху.

– Да! Да, ты захлопнула дверь, а я остался на лестнице! Что значит не заметила, как я вышел? А проверить ты не могла? Вообще сказать, куда ты уходишь? Что? Ну и что? Туда ему и дорога! Это не повод забывать про все на свете!

«Неужели он это о своем отце?» – подумал Николай, одновременно радуясь, что Светлана, очевидно, освободилась и скоро приедет за сыном. Но тут запел его собственный мобильник. Селиванов поспешно вышел в коридор.

– Николай Анатольевич? – услышал он, нажав на кнопку приема. – Это лейтенант Сысоев.

Так, подумал Селиванов, чьи нехорошие предчувствия мигом вернулись. От меня-то им что надо? Он торопливо вошел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

– Кажется, мы с вами все уже обсудили, – сказал он.

– Не совсем, Николай Анатольевич. Открылись новые обстоятельства. Вы мне ничего не хотите рассказать?

– Все, что мог, уже рассказал, – повторил Николай. – Дело выеденного яйца не стоит, какие еще новые обстоятельства?

– Может быть, подъедете, и обсудим это не по телефону?

– Никуда я не поеду, – решительно заявил Селиванов. – Только в том случае, если пришлете мне повестку по всей форме. Для чего, как вам известно, требуется дело, возбужденное по статье.

– Ну хорошо, Николай Анатольевич, – покорно вздохнул Сысоев. – Вот вы вчера нас упрекали, что мы на сигналы не реагируем. Так вот сегодня утром, в соответствии с поступившим от вас сигналом, участковый инспектор старший лейтенант Колупаев нанес визит известному вам Петру Безрукову, чтобы провести с ним профилактическую беседу. Однако дома его не застал. Сожительница Безрукова, гражданка... ну, фамилия вам не важна, показала, что Безруков дома не ночевал, и где он, она понятия не имеет. Подавать заявление о пропаже она не собиралась, да и в любом случае ход такому заявлению был бы дан не ранее чем через три дня...

«Надо же, у »петуха» еще и сожительница, – подумал Николай. – Впрочем, это он на зоне петух, а здесь, по красноленинским меркам, наверное, мужик еще и не из худших. На безрыбье и слон соловей...»

– Однако позднее, – продолжал Сысоев, – на заброшенной стройке было обнаружено тело мужчины без документов. Оно было сильно обезображено, в особенности руки и голова, что затрудняло опознание; в частности, пальцы на руках обгрызены до костей или вовсе отсутствуют, что делает невозможным дактилоскопическую экспертизу. Однако сохранившиеся татуировки позволяли предположить, что речь идет о ранее судимом Петре Безрукове, он же Шибздик. Сожительница Безрукова была слишком пьяна для процедуры опознания, но его

единоутробная сестра Светлана, приглашенная нами, только что опознала тело. Таким образом, человек, с которым у вас вчера вышел конфликт – и которого, кстати, вы и упомянутая Светлана видели последними – сегодня найден с признаками насильственной смерти, а это, согласитесь, несколько меняет дело.

«Вот же черт...» – тоскливо подумал Николай.

– Я его не убивал, если вы это рассчитываете услышать, – сказал он вслух. – И уж тем более не грыз. Вы что же, хотите сказать, что на него напали людоеды?

– Нет, конечно. Следы зубов не человеческие. Тело обгрызено собаками.

– Погодите, вы сказали – заброшенная стройка? Это не возле комбината и улицы Мучеников?

– Да, именно там. А откуда вам это известно?

– Да просто меня там самого вчера чуть не съели, хотя я просто проходил мимо! Там действительно злющая стая бродячих псов.

– Да, мы в курсе, – невозмутимо подтвердил Сысоев. – Их там еще в конце восьмидесятых специально поселили, чтобы охранять стройку от охотников за цветметом и прочими трофеями. Ну, когда еще считалась, что консервация временная, и строительство будет доведено до конца. Помогло не очень, все равно по большей части все разворовали, псов перестреляли, а стройку полностью забросили. Но, как выяснилось, перестреляли все-таки не всех, а может, откуда-то с округи туда еще прибились, в общем, выросла новая стая, еще больше и злее прежней. Нам постоянно прохожие жалуются на укусы. И это те, кто, как вы, мимо проходят. А вглубь стройки лезть давно никто не рискует, хотя там, говорят, еще кое-что, пригодное на продажу, осталось. Но эти звери действительно растерзать могут. Хуже любых волков.

– Что ж вы их не перебьете?

– А это не задача милиции. Этим санэпидстанция должна заниматься. А им который год средств на живодеров не выделяют. Местные наши зеленые, кстати, активно против этого протестуют.

– Чего нехватишься, ничего нет, – усмехнулся Николай. – До чего Россия дошла, живодерам и тем не плачено... Но, по-моему, картина вполне ясная. После того, как я не позволил Безрукову отнять пенсию у Алевтины Федоровны, он решил срубить бабла по-другому. Сдуру и спьяну полез за цветным металлом на стройку. Там его и загрызли.

– Да, это вполне возможно. Но есть одна загвоздка. Я не сказал, что причиной смерти стали собачьи укусы.

– Что же тогда?

– Заключение судмедэксперта будет позже. Но предварительно – собаки рвали уже мертвое тело. На ранах почти нет крови, как это было бы, будь они прижизненны. Иными словами, кто-то убил его, отвез туда и бросил, надеясь, что труп или вовсе не найдут, или найдут в таком состоянии, когда определить истинную причину будет уже невозможно, и свалят все на собак. Собственно, это большая удача для следствия, что тело было найдено почти сразу. Одна гражданка обратила внимание на пса, бежавшего с человеческой кистью в зубах...

– Ну допустим. Не знаю, кто там убил бывшего уголовника Шибздика – думаю, и желающие, и повод могли найтись. Но я тут в любом случае ни при чем. У меня, если вы забыли, железное алиби. Я сам вызвал милицию и, хотя она и не прибыла вовремя, этого времени мне бы никак не хватило, чтобы отвезти труп на стройку.

– Так ведь точное время, когда его туда отвезли, неизвестно, да и время смерти с точностью до минуты установить невозможно. Наряд милиции дом не осматривал, так что на момент его прибытия труп мог находиться в любой из комнат. А отвезти его можно было и после

нашего разговора. Это также могла сделать Светлана Безрукова или какой-нибудь ее знакомый по ее просьбе.

– Слушайте, это полная чушь. Эта версия целиком высосана из пальца. Безруков покинул дом на своих двоих, а что было с ним дальше, я не знаю. На кой черт, по-вашему, я стал бы так рисковать? На кой звонить в милицию, привлекая к себе внимание? На кой мне вообще его убивать?

– Ну знаете как бывает, Николай Анатольевич, далеко не всякое убийство продумывается и планируется заранее... У нас вот не так давно случай был, безногий инвалид жил со своей матерью, ну, выпивал, конечно... А в один прекрасный день сначала убил ее кошку, буквально разможив голову о стену, а когда мать увидела это и начала на него кричать, до смерти забил старуху костылем. И держал труп дома, пока соседи не учуяли запах. Так вот он еще и пришедшего разбираться соседа кухонным ножом зарезать умудрился. Причем экспертиза признала убийцу вменяемым. Нет, я не хочу сравнивать вас с подобным субъектом, боже упаси. Но знаете, как оно бывает: возникла ссора с пьяным хулиганом, вы его ударили, он упал, ударился головой... А наряд вы действительно честно вызвали еще до этого, не думая, что до такого дойдет. Так вы ничего не хотите добавить к своему вчерашнему рассказу? Пока что мы беседуем неофициально, а чистосердечное признание, как известно...

– Не в чем мне признаваться! Если вы хотите получить свои пятнадцать минут славы, арестовав за убийство известного на всю страну журналиста, то вынужден вас разочаровать. Я вам все рассказал еще вчера.

– Так-таки и все? А вот сержант Дубинин показывает, что во время визита в дом заметил в коридоре на полу следы крови и осколки какой-то посуды.

«Проклятье!» – подумал Николай. Ну и что теперь делать? Можно, конечно, все отрицать – мало ли что там померещилось сержанту Дубинину за чужими спинами в расстояния в несколько метров... сейчас-то все эти следы уже ликвидированы. Хотя, кажется, тщательно проведенная экспертиза способна обнаружить даже и замытую кровь. Да и в скольких детективах обыгран этот сюжет – человек начинает врать, чтобы скрыть какую-то мелочь, и в итоге увязает по полной.

– Ну ладно, – вздохнул Селиванов. – Когда я увидел, что этот тип душит мою квартирную хозяйку, я, имея обоснованные опасения за ее жизнь и здоровье и с целью предотвратить преступление, действительно ударил его по голове вазой из тонкого стекла. Которой невозможно убить никого крупнее таракана. Он получил несколько порезов от осколков, но, если только собаки не съели его скальп полностью – а им вряд ли нравится жрать волосы – ваш эксперт эти порезы найдет и подтвердит, что они никак не могли стать причиной смерти. Из дома Безруков, повторяю, ушел живой и здоровый. Хотя и сильно огорченный неудавшимся вымогательством.

– Ну вот видите, Николай Анатольевич, что бы вам сразу это не рассказать? Зачем создавать себе проблемы дачей ложных показаний?

– Я не давал ложные показания. Я сказал, что убедил Безрукова уйти. Так оно и было. Я просто не конкретизировал несущественные на тот момент подробности.

– Так ведь никогда не знаешь, какие подробности окажутся существенными! Может, еще что конкретизировать хотите? Скажем, про роль Светланы Безруковой?

– Нет, вот теперь точно все, как на духу. Светлана приехала уже потом, после того, как я ей позвонил. Но она тоже видела, как Безруков покидал дом на своих двоих. Не буду делать вид, что сожалею о смерти этого типа, но ни я, ни Светлана к ней не причастны.

– А знаете, Николай Анатольевич, я вам верю, – сказал вдруг Сысоев. – В одиночку вы такое дело никак провернуть не могли, уже хотя бы потому, что машины у вас здесь нет, да и в городе вы человек новый, не пришла бы вам в голову мысль на стройку труп везти. Сделать вы

это могли только в сговоре с гражданкой Безруковой, а если ее алиби подтвердится, то и вы, значит, ни при чем. Да и не стали бы вы от трупа избавляться. Вы же законник. Если это необходимая оборона была, то зачем бы вам под статью об убийстве подставляться? Вы бы так все сержантам и предъявили, верно я говорю?

– Именно, – сдержанно ответил Николай, не понимая, что это за кошки-мышки.

– Вот видите. По человечески-то оно лучше выходит, чем по формальным правилам. А предумышленное убийство вам совершать тем более никакого мотива нет. Ну, допустим, гражданка Безрукова еще могла захотеть от своего непутевого братца избавиться. Но с какой стати ей просить об этом заезжего столичного журналиста, от подобных дел полностью далекого, когда у нас тут каждый второй за бутылку прирежет кого угодно?

– Раз вы все это понимаете, к чему этот разговор?

– Да к тому, чтоб вы тоже кое-что поняли. Вы вот мне не хотели навстречу пойти, а я вам пойду. По-человечески я вам верю, а формально, по крайней мере до результатов экспертизы, должен оформить как подозреваемого. Взять с вас подписку о невыезде. Вам ведь это, наверное, неудобно? Но, поскольку весь наш этот разговор неформальный, то и я вам неформально замечу – если вы сейчас из города уедете, никто переживать и объявлять вас в розыск не станет. В конце концов, даже если бы я и не был убежден в вашей невинности, без таких, как Безруков, мир только чище становится.

– Так. И кому же я успел так помешать, что меня хотят выпихнуть из города?

– Да нет, Николай Анатольевич, это просто дружеский совет от меня лично. Знаете, раньше говорили «не буди лихо, пока спит тихо». А сейчас говорят «не тронь говно – не будет вонять».

– За дружеский совет спасибо. Но такие уж профессии и у меня, и у вас – на первый взгляд романтические, а на деле... ассенизаторские. Если говно не трогать, в нем ведь и захлебнуться со временем можно, не так ли? Причем вы в очистке родного города должны быть заинтересованы больше, чем я. Если я наткнулся на что-то, полезное для милиции, я вам сообщу. Если вы, в свою очередь, дадите мне какие-либо интересные сведения, можно анонимно – буду признателен.

– Ну что ж, Николай Анатольевич, я вашу позицию понял. До свиданья.

М-да, подумал Селиванов. Вот вам и скучная командировка по рутинному заданию для стажера. Про «каждый второй за бутылку зарежет кого угодно» тоже, конечно, не просто так сказано... Может, и Петьку специально грохнули, чтобы получить средство давления на него? Допустим, после вчерашнего разговора в милиции Сысоев отзвонился кому-то и доложил – так, мол, и так, есть возможность повесить на столичного гостя подозрение в убийстве... или даже сам лично организовал. Отдает паранойей, конечно. Но для журналиста, ведущего острые расследования, паранойя – это не столько даже профессиональное заболевание, сколько полезное качество. Хотя тут он, действительно, ни о каких расследованиях изначально не помышлял. Ну, типичная депрессивная дыра... ну, комбинат какой-то, раньше производивший военное не пойми что, а теперь, похоже, одни пустые ящики... Эти ящики, кстати, любопытный момент. Сворачивание производства – это понятно, но зачем нужна его имитация? Кого дурят таким образом – иностранных шпионов или собственное руководство? А может, как в анекдоте про контрабандиста, возившего через границу на велосипеде мешки с песком, в которых таможенники тщетно искали контрабанду – а потом оказалось, что контрабандой были велосипеды? То есть ящики только кажутся фанерными, а на самом деле они из какого-нибудь суперпуперстратегического материала? Да нет, слишком уж фантастично. В России скорее другой анекдот актуален – про двух мужиков, из которых первый роет ямы, а второй закапывает. «Между нами еще третий должен идти, который деревья сажает, но у него отпуск.» Вот так и

тут: производящий цех давно загнулся, а тот, что отвечал за отгрузку, исправно работает и осваивает выделяемые ему фонды. Непосредственное начальство за мзду малую это прикрывает, а вышестоящему дела нет. Много ли, правда, заработаешь на ящиках... ну, курочка по зернышку... и, может, по документам они проходят не как фанерные, а как какие-нибудь свинцовые с охлаждением жидким азотом, а работающие с ними по десять надбавок за вредность и секретность получают...

И все же вряд ли это та самая тайна, раскрытия которой тут так боятся.

Николай принялся просматривать свой файл combinat.doc с самого начала. Возможно, его противники, кто бы они ни были, беспокоятся не зря, и ключ уже имеется в его записях – осталось только понять это? Однако никаких озарений он не испытал. То ли ему изменила проницательность, то ли он действительно пока еще не узнал ничего по-настоящему важного.

Закончив без всякого удовлетворительного результата, он вдруг вспомнил о мальчике и вышел в коридор. В доме было тихо – даже из комнаты старухи уже не доносилось бормотание телевизора. На кухне горел свет, но там никого не было. Лишь стояла на столе доска с недоигранной партией и лежала записка. Очевидно, Женю уже забрала мать, а может, и отец – теперь-то было ясно, что с ним ничего не случилось. «Могли бы, однако, зайти и поблагодарить за хлопоты!» – неприязненно подумал Николай. Впрочем, он ведь ушел ради важного телефонного разговора – возможно, его не решились беспокоить? Тогда благодарность, наверно, выражена в записке.

Николай взял листок со стола. Там было лишь четыре коротких слова – точнее, три и цифра:

«Мат в 5 ходов»

Конкретизировать Евгений не удосужился. Мол, поломай голову и найди сам, каким образом ты проиграешь.

– Да иди ты к черту, вундеркинд хренов! – воскликнул Селиванов и смел фигуры с доски.

– Николай, вы будете завтракать?

У Селиванова возникло почти непреодолимое желание сказать «нет». Просто чтобы посмотреть (хотя, конечно, он не мог увидеть этого сквозь дверь), как старуха заискрит и задымится, словно робот в старой фантастике, столкнувшийся с непредусмотренной программой ситуацией.

– Да, Алевтина Федоровна, – ответил он, с неохотой спуская ноги с кровати. Оау, как хочется спать... вот ведь знаешь по опыту, что сонливость скоро пройдет, а все равно каждый раз тяжело в это поверить... На самом деле, конечно, он несправедлив к старухе. Она ведь не обязана будить его каждый раз новой фразой.

Снилась ему, кажется, опять какая-то дрянь. Будто он долго и трудно, с трудом переставляя конечности, как это бывает во сне, карабкается по горной тропе, обвивающейся серпантинном вокруг мрачного черного пика, вонзающегося в серое небо. Не особенно понимая при этом, зачем ему это надо, но «такова его миссия». А когда, наконец, добирается уже почти до вершины, то понимает, что мир перевернут, и все это время он не поднимался в гору, а спускался в бесконечно глубокую яму, откуда теперь уже точно не выбраться... Образы быстро таяли, как это обычно бывает после пробуждения, но мерзкое послевкусие тоски и безнадеги уходить не желало.

Интересно, подумал Николай, плеща в лицо холодной водой, старуха уже знает про внука? По идее, Светлана должна была сказать, зачем ее вызывали в милицию, но никаких причитаний вчера Николай не слышал, и утренний голос Алевтины звучал, как обычно. Хотя, конечно, покойный был не таким персонажем, чтобы по нему убиваться...

Ответ на свой вопрос Селиванов получил сразу, как только вошел на кухню. Платье на Алевтине Федоровне было обычным, но на плечи была накинута черная шаль – едва ли это было случайностью. Впрочем, это была единственная траурная деталь во всем ее облике.

– Доброе утро! – приветствовал хозяйку Николай и отметил, что «день сурка» дает сбои: на сей раз вместо оладий на завтрак были сырники. Правда, не плоские и поджаристые, к каким привык Селиванов в Москве, а толстые, как котлеты, рыхлые и бледные. В полном соответствии с названием, они выглядели сырыми даже на вид.

– Убили вчера Петю, внука-то моего, – сообщила старуха тоном, за которым трудно было определить эмоции. – Собаки растерзали.

– Знаю. Мне уже сообщили, – ответил Николай, не уверенный, что от него ждут соболезнований.

– Жил, как собака, и умер по-собачьи, – подтвердила его ожидания Алевтина Федоровна.

– А все же пойду сегодня свечку за упокой поставлю. Какой ни был, а все-таки внук.

Николай молча откусил сырник. На вкус это оказалось приемлемо... хотя, пожалуй, он все же предпочел бы оладьи. Прав Васильчиков, не все перемены к лучшему.

– Вы сегодня со Славестом встречаетесь? – продолжила старуха. – Он планов не поменял?

– Да нет вроде, – удивился Николай. – Во всяком случае, мне он не перезванивал. А с чего бы ему?

– Ну да, он же, наверное, и не знает еще... Вы ему тоже не говорите. Хотя, вряд ли он горевать будет...

– Про что не говорить? Про Ши... вашего внука? А ему-то что до этого?

– Ну как... – пробормотала старуха и замолчала, явно жалея, что сболтнула лишнее.

Но Селиванов уже понял. Как говорится, частицы головомки встали на свои места. Бывший начальник Маши, и после ее смерти поддерживающий отношения с ее семьей, помогающий... правда, Светлане, а не «зачатому во грехе» Петьке, но...

– Славест был отцом Петьки?

– Официально это нигде не подтверждено, – призналась старуха. – Маша его Игоревичем записала. Потому что, говорит, доигралась, вот и Игоревич... Славест, вообще-то, строгих нравов был, обычно с подчиненными себе лишнего не позволял. Ну там по заду шлепнуть мог, но это ж не считается...

«Ничего себе не считается! – подумал Николай. – Да в Америке его бы... хотя в те годы, может, и нет.»

– ...большая пьянка была в честь 7 ноября, вот там все в первый раз и случилось, – продолжала Алевтина Федоровна. – Ну и потом пошло-поехало. Но все на работе – или он ее в кабинет вызовет, или в подсобке какой-нибудь. А вместе они никогда не жили и вне комбината не встречались. Ему бы за это по партийной линии не поздоровилось. Маша даже от меня все скрывала. Когда забеременела, он ей денег на аборт предлагал, как порядочный. Но она отказалась, решила рожать. Если б я знала, я бы ее отговорила... Когда узнала, поздно было...

– Но у Светланы, как я понимаю, другой отец.

– Да, Светочку она три года спустя родила, от инженера одного командированного. Из Москвы, как и вы. Очень положительный был человек, хотя и женатый. Она специально от него девочку родить хотела, так и вышло.

– Уже имея одного внебрачного ребенка, сознательно решила завести второго?

– Ну что ж... когда мужа нет и не предвидится, а годы идут... А на комбинате тогда зарплата хорошая была, да и Славест помогал... квартиру вот ей выбил трехкомнатную...

– Но, как я понимаю, между ними к этому времени уже ничего не было? Что это он так

старался, тем более ради чужого ребенка?

– Да вот вину свою чувствовал... грех загладить хотел...

Или Алевтина с дочерью его шантажировали, подумал Николай. Хотя – может ли это продолжаться до сих пор? Почему бы и нет – неприятности по партийной линии Славесту давно не грозят, но если у него есть законная жена и дети, им могут не понравиться кое-какие подробности его прошлого. Хотя, конечно, чуть не сорок лет прошло... но для некоторых людей измена не имеет срока давности. Во всяком случае, к одному и тому же греху, совершенному Славестом и заезжим инженером, Алевтина явно относится совершенно по-разному. Только ли потому, что плодом первого стал урод во всех смыслах, включая физический (жертва пьяного зачатия?), а плодом второго – очаровательная Светочка?

Впрочем, опять-таки, какая ему, Николаю, разница. Разве что в том плане, как себя держать со Славестом. Но, раз тот назначил ему испытательную встречу, значит, приказать ему Светлана (или Алевтина по ее просьбе) не может, и вести себя надо так, как будто всей этой не сильно красивой семейной истории вообще не существует.

Время в запасе еще оставалось, Сашке необходимые указания были даны еще накануне, и Николай, закончив завтрак, вновь принялся названивать в мэрию. Минут через десять ему удалось пробиться сквозь сплошное «занято». Приветливым голосом автоответчика, которого вовсе не напрягает повторять раз за разом одно и то же, он вновь представился, назвал свою газету и поинтересовался, когда он сможет встретиться с Игнатом Игнатовичем.

– Оставьте, пожалуйста, ваш телефон, вам перезвонят, – осчастливил его женский голос в трубке.

– Я ж вам его вчера оставлял. И вы обещали то же самое.

– Это вы не мне оставляли. Это вы Зине оставляли, а она на бюллетень ушла.

– Она же только вчера из декрета вышла, – усмехнулся Николай. С каждым новым звонком у него крепло ощущение, что ему отвечает один и тот же голос, но, возможно, это было наваждение.

– А, так вы зинин знакомый? Вы ей на домашний звоните.

– Я же вам сказал, я журналист из Москвы. И мне очень нужно поговорить с вашим мэром. Я бы предпочел личную встречу, но, если ему так удобнее, можно и по телефону. Десять-пятнадцать минут, не больше. Вы можете соединить меня с ним прямо сейчас?

– Сейчас не могу. У Игната Игнатовича совещание.

– Хорошо. Когда?

– Оставьте ваш телефон, вам перезвонят.

Николай глубоко вдохнул, выдохнул и в очередной раз продиктовал номер.

Вот интересно, подумал он, убирая мобильник, если я мешаю сильным мира, в смысле, города сего, то зачем вот это мурьежево? Что тут, что Славест с его проверками... Если бы все они дали мне интервью в первый же день, меня бы тут, может, уже и не было! Чем дольше я тут по их милости торчу, тем больше могу накопать! Пусть там воры, коррупционеры, убийцы, кто угодно – но логика элементарная должна быть? Хотя, конечно, черт их знает, какие тут могут быть группировки и борьба кланов... но и в этом случае должны быть заинтересованные в общении со столичной прессой, это же дает им козырь, возможность подать ситуацию со своего угла...

В окно заглянуло солнце. Это было так необычно для Красноленинска, что Николай подошел к окну и выглянул наружу. Нельзя сказать, однако, что открывшийся пейзаж понравился ему больше, чем прежде: жирная слоистая грязь, начинавшаяся там, где заканчивался выщербленный асфальт тротуара, не выглядела привлекательнее в ярком свете, а уродство и обшарпанность многоквартирных домов по улице Ударников стали только заметнее.

И даже радужная пленка, проступившая на мутных лужах, красоты не добавила. Как там у Шекспира? Если солнце ласкает своими лучами падаль, то оно лишь плодит червей... Падали уже ничего не поможет. Тепло и свет сделают ей только хуже. Впрочем, пару минут спустя, пока Николай все еще озирает окрестности, свет снова померк; дневное светило словно поспешило отгородиться очередной тучей от открывшегося внизу зрелища.

За спиной Селиванова запел оставленный на столе мобильник. Николай даже чуть вздрогнул от неожиданности, затем поспешно вернулся к столу. Неужели, наконец, из мэрии? Или Славест таки решил поменять свои планы из-за гибели сына?

Но это оказалась Светлана.

– Я не слишком рано?

– Нет, в самый раз. Я уже позавтракал.

– Просто хотела поблагодарить вас за то, что вчера позаботились о... моем сыне. Простите, что не сделала это сразу, но вчера... все это так выбило меня из колеи... вы ведь знаете, что случилось?

– Знаю, – он сделал короткую паузу и, не услышав от нее никаких уточнений, добавил: – Не думаю, что вы нуждаетесь в соболезнованиях по поводу самого факта... но сочувствую по поводу зрелища, которое вам пришлось увидеть. От такого, наверное, многие мужчины грохнулись бы в обморок.

– Да, это было ужасно... Я его никогда не любила, но... Там от лица почти ничего не осталось. Я его опознала, главным образом, по татуировке – не блатной, этих я не видела, а той, что он сделал еще мальчишкой. Собачья голова, представляете? И надпись «ПОРВУ». Я тогда над ним еще издевалась, спрашивала, по какому рву...

– И метла?

– При чем тут... а, вы опричников имеете в виду. Нет, про них он, наверное, даже не слышал... Но вы ведь понимаете, он как будто сам себе накаркал, хоть я в такое и не верю...

– То есть вам сказали, что его загрызли собаки?

– Да не то что сказали, я сама видела!

– Просто есть и другая версия. Что собакам бросили уже мертвое тело. Вас об этом не спрашивали?

– Ну... – в голосе Светланы послышалось смущение.

– Вас спрашивали, что у него вышло со мной. И не просили ли вы меня с ним разобраться.

– Ну, в общем, да, но...

– И что вы ответили?

– Правду! Я ведь на самом деле не просила. И не видела, что между вами было. Но видела, как он уходил из нашего дома!

– Избитый?

– Ну... я сказала, что видела кровь. Немного. Экспертиза ведь это все равно установит, верно? А дача ложных показаний... вы же на меня не сердитесь? Он же был живой, когда вы расстались, это самое главное!

– Да, – проворчал Николай, – конечно. Разумеется, вы не должны были давать ложные показания. Я вот только думаю, что вряд ли вас приглашали для опознания. Он же сидел, все его татуировки и иные особые приметы есть в его деле. Они могли установить его личность еще лучше, чем вы.

– Ну, наверное, формально надо, чтобы кто-то из родственников опознал...

– Совсем не обязательно.

– Тогда зачем?

– Ну, например, посмотреть на вашу реакцию. Одно дело, когда такое зрелище открывается неожиданно, и совсем другое, если вы были причастны к этому заранее... Думаю, если бы вы таки хлопнулись в обморок, это пошло бы вам в плюс.

– Ну вот не хлопнулась. Живя всю жизнь в Красноленинске, такого навидеешься... хотя именно такого, конечно, еще никогда. Вы думаете, они меня теперь подозревают?

– Не знаю. Не берите в голову. Вы же ни в чем не виноваты.

– Как будто в этой стране это когда-то кого-то останавливало...

А может, это было предупреждение, подумал Николай. Кому только? Светлане – «смотри, что может быть, сегодня с твоим братом, а завтра...»? Или ему самому? Они знают, что известного журналиста трогать опасно, ибо это привлечет к их городу внимание, которого они, похоже, так хотят избежать – но вот давить на него, угрожая повесить убийство на Светлану, могут и попытаться. Особенно если считают, что между ним и Светланой что-то есть...

С улицы донесся длинный гудок – не иначе, Сашка пригнал «карету».

– Извините, – сказал Николай. – Мне уже пора ехать со Славестом встречаться.

– Да, конечно.

Светлана не спросила, не поменял ли Славест свои планы, и Селиванов предпочел уточнить:

– Вы ведь знаете, кем приходился Славест...?

– Одно время я думала, что он мой отец, – просто ответила она.

– Это ваша мать вам сказала? – удивился Николай.

– Прямо не говорила, но... вообще избегала говорить про это. Но было похоже, что он относится ко мне, как к дочери. Не в смысле любимой, а... скорее, от которой он пытается откупиться. Потом, уже после ее смерти, мне бабушка сказала, что он петькин, но не мой. Хотя, строго говоря, как она могла быть в этом уверенной? Ну ладно, я вас задерживаю. До свиданья.

А ведь и впрямь, подумал Николай. Со свечкой никто не стоял и экспертизу ДНК не проводил. Всю эту историю Алевтина знает со слов дочери, и как знать, как там складывались отношения и кто был чьим отцом на самом деле. Может, отцом Петьки был какой-нибудь простой работяга, с которого нечего взять, а Маша шантажировала ребенком Славеста, который сам не помнил, что там было на всеобщей пьянке в честь главного советского праздника. Возможно, пыталась не только выбить у него квартиру, но и женить на себе... хотя, коль скоро этот план не увенчался успехом, отцом Светланы он едва ли мог стать – ну не изнасиловала же его Маша, в конце концов... Николай с усмешкой вспомнил слова Светланы о том, что мать запрещала ей идти в театральный, потому что «там одни проститутки, делающие карьеру через постель». Ну да, из таких-то самые ханжи и получаются... Ладно, плевать на былую половую жизнь Славеста. Все, что от него нужно сейчас – это чтобы он устроил встречу с руководством комбината.

– Погодка-то нынче, а? – приветствовал седока Сашка, демонстрируя в улыбке свои ужасные зубы. Очередное неровное пятно солнечного света, переползая через улицу Ударников, как раз в этот момент накрыло «Волгу».

Николай, прежде чем сесть в машину, бросил еще один взгляд вверх.

– Шесть восьмых, – усмехнулся он.

– Что шесть восьмых?

– Это значит, что облачность занимает три четверти неба. Я бы не назвал это хорошей погодой.

– Это вы там у себя в Москве зажрались. А у нас, если хоть кусочек голубого неба проглянул – уже хорошо.

Николай не стал в очередной раз задавать риторический вопрос «как же вы здесь

живете?» и лишь буркнул: «Поехали».

Дорога обошлась без приключений, хотя проехать пришлось практически через весь город: если Алевтина Федоровна жила ближе к северной окраине, то парк располагался возле южной (а вовсе не в центре, как почему-то интуитивно казалось Николаю). Впрочем, учитывая небольшие размеры Красноленинска, даже со всеми светофорами и залитыми водой ямами прямо посреди дороги путь все равно занял немногим более четверти часа. Сашка остановил машину на полукруглом пятачке перед облупившейся, когда-то белой, а теперь покрытой серо-желтыми разводами аркой, от которой в обе стороны уходила чугунная ограда с острыми пиками поверху, словно парк тоже был неким режимным предприятием, куда ни в коем случае нельзя пустить желающих перелезть через забор диверсантов. В самой арке, однако, никаких запирающихся ворот не было – по крайней мере, теперь. За черными чугунными пиками, местами переплетаясь с ними, кривились сырые, почти голые ветви деревьев, лишь кое-где еще сохранившие остатки умирающей листвы – серой и бурой, без всяких золотистых или красных осенних прелестей. Перед каждым из столбов арки громоздилось на квадратных бетонных постаментах по грязному каменному вазону без единого цветка внутри. В верхней части арки дугой над проемом выгибалась надпись, где еще можно было разобрать буквы «ПАР КУ УРЫ И ОТ ХА». Вот откуда, подумал Селиванов, пошло это идиотское выражение? Почему во всем мире парк – это просто парк, и только в России надо непременно пояснять, что он предназначен для отдыха, а не для уборки зерновых и не для рытья котлованов? А с какого боку тут культура, тем более непонятно... пресловутая девушка с веслом, что ли, культура? Или пьяная шпана станет вести себя культурнее, если прочтает на входе это слово?

Николай велел Сашке по возможности оставаться поблизости, ибо не знал, как долго продлится встреча, и выбрался из машины. Других автомобилей на стоянке перед парком, само собой, не было.

Миновав вазоны, где не было ничего, кроме земли и окурков, Николай прошел через арку, заметив, что некогда ворота в ней все же были – теперь он них остались лишь ржавые петли – и вступил на главную аллею. Смутное неприятное воспоминание говорило ему, что он уже был здесь, но Николай понял, что вспоминает не реальность, а полузабытый дурной сон. И там, конечно, все было не так. Там он петлял по какой-то кишке, извивавшейся между плотно сомкнутыми деревьями. Здесь деревья росли намного свободнее (хотя действительно выглядели старыми и уродливыми, попадались даже совсем мертвые, с висящими лохмотьями отслаивающейся коры, которые никто не удосужился спилить), а аллея, хоть и засыпанная гниющей листвой, была прямой и довольно-таки широкой. И прямо на самой аллее, и в особенности по бокам от нее среди жухлой травы и черной листвы было много мусора – главным образом бутылки, стеклянные и пластиковые, и пакеты от каких-нибудь чипсов. Примерно через каждые три десятка метров попадались скамейки, но почти все они были разломаны, а стоявшие рядом урны – опрокинуты; немногие уцелевшие сиденья были в грязи – очевидно, пользовавшиеся скамейками садились исключительно на спинки, ставя ноги на сиденье. Николаю вспомнился плакат в финском туалете на границе с Россией, наглядно объяснявший дорогим русским гостям, что на унитаза надо садиться, а не забираться с ногами. Родина Чехова и Достоевского, блин... Хотя какой там Достоевский, если в Петербурге канализацию достроили лишь в конце 1960-х. Гагарина запустили раньше, чем в «культурной столице России» перестали пользоваться выгребными ямами.

Хотя весь этот мусор кто-то, очевидно, оставлял, сейчас парк выглядел совершенно безлюдным, что Николая полностью устраивало. Он миновал пару ответвлений (указателей не было, но он помнил, что должен идти прямо), затем ржавый остов киоска (судя по сохранившимся остаткам белой краски, там, вероятно, некогда торговали мороженым),

брезгливо покосился на дохлую собаку (валявшуюся возле самой аллеи, как видно, уже очень давно – в разрывах желто-серой шкуры с ключьями сырой свалывшейся шерсти белели ребра) и, наконец, вышел на большую круглую площадку, заднюю часть которой некогда занимала эстрада. Ее полукруглая крыша, хотя и закопченная, сохранилась, но от сцены остались лишь немногочисленные обугленные доски по бокам. Длинные скамейки перед эстрадой, однако, не пострадали, хотя и были густо изрезаны. С площади расходилось несколько дорожек, и в центре даже уцелел указатель, возвещавший: «Эстрада »Солнечная» – Атракционы – Пруд Лебединый – Спортгородок – Аллея Славы». Николай, в согласии со стрелкой и указаниями Славеста, повернул налево.

Аллея Славы оказалась совсем короткой; при этом она была шире других аллей и покрыта не растрескавшимся асфальтом, а крупной плиткой. По правую руку тянулись четыре стелы чуть выше человеческого роста с выбитыми на них фамилиями; для небольшого города фамилий было очень много, но из-за мелкого шрифта и стершейся позолоты они были практически нечитабельными. Посередине, в разрыве между стелами, громоздился уродливый памятник – бетонный куб пьедестала, из которого, словно голова профессора Доуэля, торчала огромная, грубо высеченная голова солдата в каске с пятиконечной звездой. Выражение бетонного лица было тупым и злобным. Клиновидный нос кто-то облил белой краской. На пьедестале еще можно было различить следы крупных букв

НИКТО НЕ ЗА

НИЧТО НЕ БЫ

Сами буквы, видимо, давно уже сдали в цветмет.

Проходя мимо памятника, Николай заметил, что идет по-детски, не наступая на щели между плитами. Разумеется, он делал это не преднамеренно – просто размер плитки так удачно оказался кратным его шагам. Хотя что в этом, собственно, удачного? В детстве эту манеру – ходить, избегая наступать на щели между плитками и трещины в асфальте – он считал своим личным глюком, происхождение которого не мог объяснить, хотя вообще был очень рациональным мальчиком. Позже он удивился (но и отчасти обрадовался – не один я такой ненормальный), узнав, что так поступают и другие дети. Причем не в силу какого-нибудь детского суеверия, передаваемого от одного другому, а совершенно независимо друг от друга. Причины этого он не знал до сих пор. Да и знает ли ее вообще кто-нибудь?

Интересно, Женя Косоротов тоже старается не наступать на щели и трещины? Или, может быть, топчет их специально?

Впереди, замыкая аллею, торчали три флагштока, увенчанные жестяными красными (теперь скорее ржавыми) звездами – естественно, без каких-либо знамен – а за ними виднелась довольно-таки монументальная многогранная беседка – достаточно широкая в диаметре, чтобы вместить целый школьный класс, с толстыми столбами, подпирающими тяжелый шатер крыши, и косой деревянной решеткой между ними, практически не позволявшей разглядеть, что там внутри. Некогда все это было выкрашено в белый цвет, но теперь, конечно, и тут во многих местах краска облупилась, обнажая серое растрескавшееся дерево.

Николай обошел флагштоки, направляясь ко входу в беседку, находившемуся слева – и испуганно вздрогнул и замер на месте, услышав внезапный злобный лай.

– Тихо, Джульбарс! Тихо! – не слишком громко, но строго скомандовал стариковский голос изнутри.

Селиванов шагнул ко входу в беседку. После даже не слишком яркого уличного света (солнце в очередной раз пряталось за тучами) внутри за всеми этими столбами и решетками царил полумрак, и фигура сидевшего на скамейке человека казалась силуэтом с почти неразличимыми чертами. Глаза собаки, сидевшей у его ног, напротив, отчетливо сверкнули. Пес

оказался необычайно крупной немецкой (или восточноевропейской – Николай никогда не знал, две это породы или одна) овчаркой, и, глядя на него даже при недостатке света, Селиванов не сомневался, что гопники предпочитают обходить владельца такого зверя стороной.

– Здравствуйте, – сказал Николай, стараясь не смотреть в янтарные глаза пса. – Я Селиванов.

– Садитесь, – разрешил Славест тоном следователя, обращающегося к арестованному.

Николай вошел внутрь (пол беседки скрипнул) и опустился на скамейку рядом с Карловым – по другую, конечно, сторону от Джульбарса, но пес все равно предостерегающе зарычал и успокоился лишь тогда, когда хозяин положил руку ему на холку.

– Джульбарс, значит, – кивнул Николай, не зная, с чего начать. – Почему вы его так называли?

– А как я должен был его назвать?

– Ну... как-нибудь пооригинальней. Кошка Мурка, корова Зорька...

– Оригинальность не входит в число задач служебной собаки, – холодно отрезал Славест.

– Оригинальность, вообще, службе только помеха.

– Хорошо-хорошо, – поспешно отступился Николай. – Это ваша собака и ваше дело. Давайте лучше поговорим о моих делах.

– Прежде всего, – сказал Славест, – я хочу взглянуть на ваши документы.

Николай, мысленно вздохнув, протянул ему свое журналистское удостоверение. Старик повернулся правым боком к решетке, поднося раскрытую книжицу к свету, и, хотя она отчасти загородила его лицо, Николай различил впалую, тщательно выбритую щеку с резкими вертикальными морщинами вдоль носа и рта и крупную, как напившийся клещ, коричневую родинку на скуле.

Карлов изучал документ, наверное, целую минуту, затем протянул обратно.

– Почему вас интересует Комбинат? – спросил он.

– Подобные вопросы – к моему главному редактору, – ответил Селиванов, убирая удостоверение. – Я просто выполняю редакционное задание, – старик молчал, и Николай добавил: – Возможно, главный решил, что мы слишком сконцентрированы на столичном бомонде, политическом и не только, и уделяем недостаточно внимания положению дел в провинции. Во всяком случае, уж никак не по заданию ЦРУ или там Госдепа США, если вы это имеете в виду. Хотя, кстати, Госдеп – это всего-навсего Министерство иностранных дел, а не какая-либо спецслужба, и я не понимаю, почему нынешние американофобы так его боятся.

– Я знаю, что вы антисоветчик, – произнес Славест. – Как и вся ваша газета, несмотря на ее название и происхождение.

– Я тоже не в восторге от нашего названия, – согласился Николай. – Но что делать, это раскрученный бренд.

– Вот-вот. Паразитируете на том, что было, как вы выражаетесь, раскручено при советской власти, для того, чтобы ее ругать. А сами что при этом создали? Ничего!

– Это, положим, неправда, – произнес Николай подчеркнуто ровным тоном. – Как раз в области журналистики и вообще масс-медиа создано очень немало. Смотрел я тут ваш канал «Ностальгия», это ж тоска смертная...

– Да уж, голых девок не показывали, – ехидно заметил Славест.

– Скажите еще, что в СССР секса не было, – не сдержался Николай. – Я от всякой пошлости и похабщины, положим, тоже не в восторге. В том числе и когда подобное публикует моя газета, на что я, увы, не могу повлиять. Но, между прочим, СССР был мировым лидером по числу аборт. В 1965 их было сделано пять миллионов шестьсот тысяч – абсолютный мировой рекорд, при том, что Советский Союз был страной отнюдь не с самым большим населением. В

разные эпохи в СССР прерывалось от двух третей до трех четвертей всех беременностей. По уровню разводов СССР тоже был в числе мировых лидеров, несмотря на все разбирательства личной жизни в парткомах и месткомах, а уровень изнасилований в восьмидесятые годы был в два с лишним раза выше, чем сейчас. Это все данные из открытых источников, я могу подтвердить их ссылками. И это, – с умыслом добавил Николай, – лишь в явном виде. Случай, когда, скажем, начальники принуждали к связи подчиненных, вообще учету не поддаются...

Намек достиг цели – Славест, изготовившийся, кажется, возражать, молча закрыл рот. Впрочем, целью Николая было не поставить его в неловкое положение, а добиться от него содействия, поэтому он продолжил примирительно:

– Так что замалчивание проблемы – это не способ ее решения. Я не хочу сказать, что нашу газету не за что критиковать, но, по крайней мере, сейчас нас покупают и выписывают добровольно, а не в порядке комсомольско-партийной обязательности. И, соответственно, действительно читают, а не отправляют прямиком из почтового ящика в мусорный. Я не буду притворяться, что разделяю ваши политические взгляды, но свою задачу я вижу в том, чтобы писать правду, а не заниматься пропагандой в какую-либо сторону.

– Притворяться не надо, – ответил Славест. – На притворщиков я за свою жизнь, слава богу, посмотрелся. Лучше уж честный враг.

– Ну опять вы рассуждаете в терминах врагов...

– Потому что жизнь есть борьба, – отрезал Карлов. – На всех уровнях. Видовая и межвидовая, классовая и внутриклассовая. Жизнь одного – это всегда смерть другого. Это диалектика. Объективный закон бытия, начиная с одноклеточных. Ты или хищник, или падальщик. Или жертва. Марксизм эту борьбу не отменяет. Он лишь выводит ее на новый уровень. Жертвы неизбежны в любом случае. Но они могут умирать впустую, от водки и наркотиков, от болезней и старости – а могут гибнуть ради высокой цели...

«Да ведь он параноик, – подумал Николай. – Просто чокнутый. После того, что этот самый марксизм сделал с его собственными родителями...»

– На самом деле это хорошо, что вы представляете вражескую газету, – продолжил старик. – По крайней мере, никто не скажет, что это коммунистическая пропаганда. Свидетельство либеральной прессы о результатах либеральных реформ особенно ценно. У нас тут тоже были диссиденты, которые радовались перестройке и сворачиванию работ на комбинате. Ну и что? Кому в результате стало хорошо? Весь город загибается, и не только город... А эти самые крикуны, получив свой вожделенный капитализм, или перестреляли друг друга в девяностые, или пошли из своих уютных инженерских кабинетов и библиотек торговать турецким дерьмом на блошином рынке и мыть полы в офисах вчерашних бандитов.

– Ну знаете ли, – не сдержался Николай, – если вспоминать участь русской интеллигенции, в свое время ратовавшей за социализм...

– Те жертвы, по крайней мере, уже были принесены. А теперь все придется начинать заново.

– К вооруженному восстанию, стало быть, призываете? К насильственному свержению конституционного строя?

– Нет, – убежденно возразил Славест, – на сей раз восстание не понадобится. Если кто и будет восставать, то вы. Но вы проиграете. Собственно, уже проиграли, хотя еще не все это поняли.

– Ладно-ладно, – усмехнулся Николай. – Про загнивающий капитализм в Америке и Европе еще расскажите.

– И они проиграют, – ничуть не смутился Карлов. – Выиграет не тот, у кого больше колбасы («далась же им эта колбаса!» – подумал Николай), а тот, кто готов принести больше

жертв. Причем именно жертв среди своих. А это всегда были русские. Собственно, поэтому марксизм, придуманный германским евреем, утвердился у нас.

– Интересный критерий, – кивнул Селиванов. – То есть абсолютную победу одержит тот, кто полностью самоистребится.

– Нет. Но тот, кто готов на это. Потому что его противник отступит раньше.

– Ну ладно, – Николай понимал, что спорить с фанатиком бессмысленно, а в данной ситуации еще и контрпродуктивно. – Так как насчет моей встречи с руководством комбината?

– Завтра в десять утра на главной проходной. Не опаздывайте. На ваше имя будет пропуск. При себе иметь паспорт. Проносить с собой какую-либо фото-, видео-, звукозаписывающую аппаратуру запрещается. То же относится к мобильным телефонам, плеерам и тэ пэ. Хотя они все равно не будут там работать.

– Тогда зачем же запрет? – усмехнулся Николай.

– Потому что так положено по инструкции, – отрезал Славест.

– Хорошо. Спасибо. Но... получается, вы уже обо всем договорились? Тогда зачем наша сегодняшняя встреча?

– Любые договоренности можно отменить, – холодно проинформировал Карлов.

Угу, подумал Николай. Как там предупреждал еще Бисмарк – «любые соглашения с Россией не стоят бумаги, на которой они написаны»...

– Ясно, – покорно сказал он. – Так меня примет директор?

– Нет.

– Значит, зам?

– Нет.

– А кто тогда?

– Начальник Первого отдела.

– Хм... ну это, конечно, тоже интересно, но... а с директором побеседовать никак нельзя? Хотя бы пять минут.

– Все, что вам нужно и можно знать, вам сообщит начальник Первого отдела.

– Н-ну хорошо. Спасибо еще раз, – Николай поднялся. Джульбарс проводил его движение пристальным взглядом. – Да, кстати, а где тут памятник Павлику Морозову? Я думал, он на Аллее Славы.

– С другой стороны, – показал рукой старик. – Эта беседка делит Аллею надвое, на старую и новую часть. Новую, где военный мемориал, оборудовали уже после войны. А в беседке раньше играл духовой оркестр.

– По-моему, здесь слишком темно для музыкантов, – заметил Николай. – Нот не видно.

– Им не требовался свет, – возразил Карлов. – Они были слепые. У нас тут был лучший в Союзе оркестр слепых трубачей.

Вновь выглянуло солнце, осветив длинное и худое до изможденности лицо старика и одновременно перечеркивая его крест-накрест тенями решетки. Глазницы глубоко посаженных глаз остались непроницаемыми черными ямами, и у Селиванова мелькнула мысль, уж не слеп ли он сам. Что, если Джульбарс не только охранник, но и поводырь? Но нет, Славест же только что разглядывал его журналистское удостоверение – или он делал это для вида? Нет, будь это так, Светлана или ее бабка наверняка бы упомянули об этом.

– Ну ладно. До свиданья, – вежливо сказал Николай, надеясь никогда больше не свидеться с этим типом, и вышел на улицу. Ему даже показалось, что воздух стал чище – хотя беседка, разумеется, продувалась насквозь – и он вздохнул полной грудью. А затем свернул не налево, в сторону главной аллеи, а направо, желая, сам не зная почему, все же взглянуть на памятник. Сам персонаж вызывал у него глубокое отвращение с детства, и в эстетических

достоинствах монумента Николай, уже видевший творения красноленинских скульпторов, тоже, мягко говоря, сомневался. Но... должно быть, дело было в засевшем в подсознании образе из ночного кошмара: Николаю хотелось удостовериться, что на самом деле памятник выглядит не так, как ему привиделось.

Однако то, что он увидел в дальнем конце аллеи, заставило его сердце ускориться и наполнило живот колким холодом. Памятник выглядел точь-в-точь как в кошмаре... более того, глядя на него, Николай вспомнил кошмар во всех подробностях.

Но, уже шагая к монументу, он понял, что стал жертвой игры воображения. Да, общая композиция – непропорционально маленькая фигура на высоком, как колонна, цилиндрическом пьедестале, белая на белом – выглядела похоже, но с конечностями и головой у гипсового ребенка в коротких штанишках и с белым пионерским галстуком на шее все было в порядке. Эстетическая ценность, как и ожидал Николай, была нулевой – более всего фигура напоминала покрытый побелкой манекен. Никакой фонтан из памятника, разумеется, не бил, но белизну монумента нарушали большие бурые пятна с длинными потеками в верхней части пьедестала – большинство уже более или менее смытые постоянными дождями, но одно выглядело свежим. Очевидно, швыряние краской в монумент было одним из любимых развлечений нынешних посетителей парка. Селиванов подумал, что, возможно, постамент сделали таким высоким как раз для того, чтобы уберечь не очень популярного советского героя от вандализма – хотя сам Николай не считал, что осквернение коммунистических памятников следует называть этим осуждающим словом. Впрочем, учитывая специфику местной публики, скорее краскометателями двигали все же хулиганские, а не идейные соображения. И им таки удалось забрызгать не только пьедестал, но и ботиночки Павлика. («Были ли они у исторического прототипа?» – подумал Николай. Скорее, как и прочие дети и даже многие взрослые в советском колхозном раю, он вынужден был ходить босиком...)

В принципе Николай уже удовлетворил свое любопытство, но решил переждать у памятника несколько минут, дабы дать время Славесту уйти и не встречаться с ним снова на аллее. Селиванов уже подошел к монументу почти вплотную и вдруг поморщился, когда легкое дуновение ветра со стороны памятника донесло до него смрад разложения. Он опустил глаза к подножию постамента – и вздрогнул, а затем скривился от отвращения.

На бетонной плите, куда прежде, вероятно, официально возлагались цветы, валялась дохлая кошка. Это было бы еще не самым худшим, но она валялась в засохшей луже собственной крови, и ее живот был вспорот по всей длине, а внутренности вывалились наружу. Вновь подняв глаза к пятнам на пьедестале, шокированный Селиванов понял, что это вовсе не краска. И что данная кошка, очевидно, «ответственна» лишь за самое свежее пятно. Были и предыдущие...

Дальше дороги не было. Аллея Славы заканчивалась тупиком. Не могла не заканчиваться, ибо по ту сторону пьедестала тянулся овраг. Кажется, не слишком глубокий и, вероятно, в конечном счете впадавший в пруд имени съеденных лебедей. Но Николаю – возможно, под влиянием только что увиденного – представилось, что аллея упирается не в природный овраг (который, кстати, разрастаясь, рано или поздно поглотит памятник), а в расстрельный ров.

Селиванов даже продрался сквозь невысокие кусты и посмотрел вниз. Из оврага шел тяжелый дух помойки и тухлой воды. По дну медленно тек мутный ручей, омывая всевозможный мусор, самой впечатляющей деталью которого был донельзя ржавый, опрокинутый вверх колесами мотоцикл с коляской. Николаю представилось, как кто-то гнал на нем пьяный по Аллее Славы и не заметил, где эта аллея кончается... Ему показалось, что среди лопухов внизу он различает кости и черепа – не человеческие, гораздо более мелкие. Возможно, дохлых кошек – или кому еще тут вспарывают животы? – сбрасывали туда. А может, это были

просто белесые веточки и камни – с такого расстояния и в траве трудно было сказать определенно, тем более что солнце снова скрылось.

Николай развернулся и быстро зашагал в обратном направлении. После того, что он увидел возле памятника, даже унылые пустынные аллеи заброшенного парка казались почти что возвращением в цивилизацию. Проходя мимо беседки, он бросил на нее косой взгляд, но так и не понял, сидит ли кто-нибудь внутри. Во всяком случае, лая больше не было, но и на аллее впереди фигура старика с собакой не маячила.

Так никого и не встретив, Николай дошел до площади, повернул на главную аллею – и едва не налетел на долговязую фигуру в черной куртке и кепке.

Он замер на месте, но тут же понял, что парню – а это был именно молодой парень, лет двадцати с чем-то – нет до него никакого дела. Парень был занят собственной проблемой: он блевал. Блевал, стоя прямо посреди аллеи, слегка покачиваясь, но почему-то почти не сгибаясь, так что рвота лилась прямо на его ботинки. Селиванов брезгливо обошел его со спины и поспешно зашагал дальше. Он вспомнил, что собирался позвонить Светлане, но нет, он еще не вышел из парка. Он еще не в безопасности.

Ощущение угрозы не покидало его, пока он шел по центральной аллее, хотя вокруг по-прежнему не было ни души, и он отчетливо видел выход впереди. Когда до выхода оставалось метров пятнадцать, он остановился и оглянулся. Никто его не преследовал – даже проблевавший пьяница куда-то исчез. Конечно же, это был совсем не тот тип, который следил за ним, просто какой-то набравшийся с утра алкаш... Николай из принципа простоял с полминуты на месте, словно призывая неведомого врага – ну, вот он я, иди сюда, если осмелишься! – но никто так и не появился. Парк был вообще на удивление безжизненным – Селиванов понял, что за все время пребывания здесь не видел и не слышал ни белок, ни птиц. Он снова повернулся в сторону арки и быстрым шагом вышел из парка.

Серая «Волга» поджидала его на прежнем месте, все так же в одиночестве. Но говорить по телефону в присутствии Сашки он не хотел, так что остановился, зайдя за правый вазон, и вытащил мобильник.

– Ну и как вам Славест? – спросила Светлана после обмена приветствиями.

– Ужас, – искренне ответил Николай. – Советский зомби. При большевиках такие расстреливали детей, объясняя это революционной целесообразностью. А когда очередь доходила до них самих, кричали у стенки «Да здравствует Сталин!» Он ведь отрекся от собственных репрессированных родителей?

– Ну, скорее его отrekli. Он ведь воспитывался в детдоме. А там, сами понимаете, какая была пропаганда.

– Да, но он и взрослым остался таким же. Когда ваша бабушка мне о нем рассказывала, я подумал, что он просто трус. Что он всю жизнь боится нового тридцать седьмого. Но на самом деле все гораздо хуже. Он не боится, а скорее мечтает о нем. Не малолетний придурок в интернете, никогда не нюхавший совка, а человек, который прожил всю жизнь – и ничего не понял... Не захотел понимать.

– Ну, – сказала Светлана, – вы же понимаете, что если признать порочной саму идею, то получается, что все это было зря. Что и его родители, и все остальные жертвы, и его собственная жизнь, в конце концов – все это впустую. Не всякий сможет жить с таким осознанием. Проще считать, что все было правильно, а рухнуло из-за внешних и внутренних врагов, с которыми мы еще когда-нибудь поквитаемся.

– Он и своих родителей до сих пор считает виновными?

– Насколько я понимаю, нет, ну, в смысле, не виноваты в том, в чем их обвинили. Но он считает, что Так Было Надо.

– Угу. Стокгольмский синдром. Человеку, захваченному бандитами, невыносима мысль о собственном бессилии и унижении, и он внушает себе, что на самом деле он находится в плену добровольно, а бандиты – вовсе никакие не негодяи, а даже строго наоборот. Хотя кой черт стокгольмский... По справедливости этот синдром следует называть российским. Что такое эти несчастные заложники в шведском банке по сравнению с целым народом, который живет так уже восемь столетий? Вот только народ, в отличие от тех заложников, мог освободиться уже тысячу раз. А вместо этого продолжает выдвигать все новых бандитов из собственных рядов...

– Но встречу он вам организует? – прервала его теоретизирования Светлана.

– Да, завтра в десять утра. Еще раз спасибо вам за помощь.

– Не за что. Вообще-то Славест не такой уж оловянно-деревянный, как вам, должно быть, показалось. На самом деле ничто человеческое ему не чуждо, если только не трогать политику.

– Да уж знаю, – усмехнулся Николай. – Интересно, знает ли он уже про смерть сына? Хотя мне не кажется, что он будет расстроен. Скорее, для него это окончательно закроет тему допущенного в молодости греха, что бы там ни понимали под грехом марксисты.

– Петьку никогда никто не любил, – вздохнула Светлана. – Правда, было и не за что... Хотя – что тут причина, а что следствие? Не могу сказать, что теперь меня мучает совесть... он действительно регулярно грабил бабушку... но такой жуткой смерти он все-таки не заслуживал.

«А по-моему, он получил именно то, что заслужил», – подумал Николай, но не стал это озвучивать.

– Кстати, о жуткой смерти, – сказал он. – Я тут видел в парке... этот ваш памятник Павлику Морозову. Он весь в крови убитых кошек. Вы что-нибудь про это знаете?

Он сильно сомневался, что Светлана имеет об этом представление – уж она-то явно не гуляла в этом парке в последние годы – однако женщина неохотно ответила:

– Да... Это... есть тут такой обычай. Детский. Очень давний, еще при советской власти он появился. Кажется, после того, как умер мальчик, стоявший в почетном карауле.

– Что за обычай?

– Приносить жертвы Павлику Морозову. Дети верят, что, если сделать это ночью перед каким-нибудь событием, то желание, связанное с этим событием, исполнится. Скажем, перед контрольной. Или перед первым свиданием. Но для этого кровь жертвы обязательно должна попасть на сам памятник. Пьедестал не считается. Наоборот – если не добросить кошку до Павлика, то сделаешь себе только хуже. А там высоко, вы видели. Поэтому не многие решаются. К тому же ночью в пустом парке... это даже страшнее, чем на кладбище. А иначе у нас давно бы уже всех кошек извели.

– Да уж, – поморщился Николай. – И что, многие в это верят?

– Ну... когда я училась, в моем классе почти все верили.

– И вы?

– И я. Сами понимаете, маленькая была. Но сама я, конечно, такого не делала, – добавила Светлана поспешно.

– Неужели и девчонки таким занимаются? – спросил Николай и тут же вспомнил тех двух малолеток в автобусе. У этих бы, пожалуй, рука не дрогнула. Впрочем, они, наверное, верят уже в куда более взрослые вещи...

– Занимаются, – ответила Светлана. – Только мальчишки чаще из-за экзамена там или спортивного матча, а девчонки чаще из-за парней. Но не очень часто, конечно. Все-таки страшно. И ночью из дома уйти не так просто – хотя у многих такие родители, что им наплевать... И кошку еще поймать. Они, вообще-то, от чужих быстро удирают. Некоторые специально прикармливают бродячих, чтобы потом...

– М-да. Конечно, с памятниками в самых разных странах связаны суеверия насчет

исполнения желаний. Но обычно это – потерять нос или еще какую часть. Это всегда хорошо видно, они блестят... Но чтобы мазать кровью... впервые слышу.

– Добро пожаловать в Красноленинск, – печально произнесла Светлана.

– И что, неужели милиция с этим не борется? Уж в советские-то времена точно должна была.

– А что милиция? Ну поставят они, допустим, ночной пост возле памятника. Ну простоит он несколько ночей, никого не поймав. Потом его снимают... Были, конечно, случаи, когда и ловили. Ну а толку? Ставили на учет, КГБшники с родителями беседовали, стращали всякими карами. Но одного запугаешь, а на его место другой...

Николай вдруг ясно представил себе эту картину: ночь, безлюдье, зловещий шепот листы смыкающихся вокруг деревьев, кажущихся уже не парком, а древней чашей без конца и края, призрачно белеющая во мраке фигура на вершине колонны – карликовый Командор с пустыми, как у античной статуи, глазами (когда Николай смотрел на памятник снизу, то не различил таких деталей, но сейчас они представились ему именно так), и дрожащая от страха девчонка на коленях у подножия монумента достает из... мешка? царапающуюся и извивающуюся кошку, и, ухватив ее одной рукой за шкурку, другой вынимает перочинный ножик и судорожными неловкими движениями вспарывает мохнатый живот отчаянно орущей и дергающейся жертвы... Во имя любви, да. Хорошо хоть кошку, а не человека. Все самые большие гнусности на Земле делаются во имя любви. К человеку. К богу. К стране...

– Вообще я не понимаю, почему существуют суеверия, – сказал он вслух. – То есть понятно, как они возникают – неумение выстроить причинно-следственную связь. Post hoc est propter hoc. Но почему они держатся? Почему люди не видят, что это не работает?

– Потому что это работает, – тихо сказала Светлана.

– В смысле?

– Ну... иногда.

– А, вы имеете в виду, что одно удачное совпадение запоминается лучше, чем десяток несостоявшихся? Ну да, наверное... плюс психологический настрой, конечно. Самосбывающиеся прогнозы.

Светлана ничего не ответила, и Николаю пришла в голову еще одна мысль:

– А ваш брат? Он в этом участвовал?

– Да, – неприязненно ответила женщина. – Он как раз был одним из немногих, кого поймали. Предзнаменование, которому он не внял. Собственно, в его случае как раз можно сказать, что поверье сбылось. Не выполнил ритуал, как надо – и сделал себе только хуже. Вся жизнь пошла под откос.

– Ну, тут-то нет никакой мистики. Дело тут совершенно не в кошке. Просто закономерное звено в общей цепи.

– Да, конечно.

– Интересно, чего он хотел добиться этим жертвоприношением?

– Не знаю. Он так и не сказал.

В трубке послышался другой женский голос, отдаленный – слов было не разобрать – а затем Светлана торопливо произнесла: – Ой, вы извините, мне тут по работе надо...

– Да, конечно. До свиданья.

Убрав мобильник, Николай направился к «Волге» и обнаружил, что она пуста.

Селиванов подергал дверцы, но они, как и ожидалось, были заперты. Он огляделся по сторонам. Вокруг не было ни души – ни перед главным входом, ни на тянувшейся вдоль парковой ограды улице – и Николай вновь почувствовал, как растет иррациональное по сути беспокойство, ощущение ловушки. Хотя, конечно, это чепуха, если бы кто-то и впрямь хотел с

ним расправиться, это надо было делать в парке, а не здесь, где в любой момент могут пройти или проехать мимо свидетели... Возможно, Сашке просто приспичило отлить. Хотя, подумал с усмешкой Николай, вряд ли он стал бы ради этого уходить далеко в поисках туалета. Наверняка справил бы нужду прямо на ограду, даже не потрудившись зайти внутрь парка.

Николай дал ему еще пару минут на устройство интимных дел – если то и впрямь были интимные дела – а затем все же вытащил телефон. Но, выбирая номер из памяти, вдруг передумал звонить водителю. Была лишь середины рабочего дня, но он уже мало сомневался в том, что ждать до вечера в надежде, что ему позвонят из горадминистрации, столь же бессмысленно, как и в предыдущие дни. Поэтому он позвонил сам. На удивление, на сей раз дозвониться удалось с первой же попытки.

– Соедините меня с Игнатом Игнатовичем, – потребовал Николай строгим начальственным голосом.

– Как вас представить?

– Иванов из Москвы, – ответил Николай, вновь рассчитывая, что самая распространенная фамилия подойдет, кому надо. – Сейчас в администрации Президента обсуждается проект возрождения красненинского комбината как национального предприятия стратегического значения. В связи с чем решается вопрос и о масштабах и формах оказания федеральной помощи городу. Соответственно, нужна консультация с главой городской администрации. Пока предварительная, разумеется. Подробный пакет предложений со стороны местных властей будет востребован позже.

– Подождите, пожалуйста, – прощепетала трубка.

Затем воцарилась тишина – никакой крутящейся музыки, и Николай подумал, не оборвалась ли связь; он даже отнес аппарат от уха и бросил взгляд на экранчик, но звонок оставался активным. Он еще раз подумал, стоит ли сознаться в обмане, или так и провести все интервью от имени московского чиновника? Последнее – рrank, как это именуется на Западе – выглядело слишком уж в стиле желтой прессы, которого Селиванов старался избегать; но с другой стороны, если это единственный способ переговорить с местным градоначальником, которого «никто никогда не видит» – а похоже, так оно и есть...

– Алло, вы слушаете? К сожалению, Игната Игнатовича сейчас нет на месте. Но я оставила ему сообщение, что вы звонили. Он с вами обязательно свяжется.

– Хорошо, – недовольно произнес Селиванов. – Желательно поскорее.

Последняя фраза, конечно, была лишь данью образу. Куда он будет звонить? Судя по тому, что секретарша не спросила телефон, мэр небольшого городка отнюдь не федерального подчинения действительно знает, кому и куда звонить в администрации президента. Недаром он московский назначенец... А если бы секретарша и спросила номер, диктовать его в очередной раз не имело смысла. Даже если бы эта глупая курица и не сообразила, что этот номер ей уже знаком – как не опознала она Селиванова по голосу – то неуловимый градоначальник, вероятно, смекнул бы, что чиновник из АП не стал бы звонить ему с обычного билайновского мобильного.

– Мне звонишь?

Николай обернулся, все еще с телефоном в руке. Подошедший со спины Сашка широко улыбался неполнозубым ртом.

– Тут я, – сказал он. – За куревом ходил. Ну чо, нагулялся? Как тебе наш парк?

– Так же, как и все остальное, – не покривил душой Селиванов, чувствуя, как при взгляде на эту довольную заросшую щетиной физиономию поднимается изнутри мутная волна отвращения. – Скажи, а ты тоже в детстве кошек резал?

– Ну, было дело, – нимало не смутился Сашка. – А еще мы их с пацанами на крестах распинали на кладбище. Не гвоздями – там же фиг пришьешь, кресты-то железные – просто

лапы в стороны и прикручивали проволокой или изоляцией.

– Уж мы этих котов душили-душили, – процитировал с усмешкой Николай, но так далеко литературные познания Сашки, очевидно, не распространялись. – И что, совсем не жалко? Не говорю – тогда, но хотя бы сейчас?

– Ну, щас бы я так развлекаться не стал, не тот возраст все-таки, но жалеть – чо их жалеть? Ты вот, небось, мясо кушаешь и не сильно жалеешь? Только не говори, что без него с голоду помрешь. Китайцы вон один рис жрут, а на целый миллиард расплодился. А охотники зверье стреляют тоже чисто для развлечения. Чем кошки лучше?

Николай никогда бы не подумал, что Сашка может срезать его в споре, но на аргумент про охотников действительно не нашелся, что ответить. Как ни крути, а цель современной охоты – получить удовольствие от убийства. Пусть от пули зверь умирает не так мучительно, как распятый на кресте, но это количественная, а не качественная разница.

– Человек – царь природы, – наставительно заметил Сашка, явно довольный его замешательством.

– Да уж, хорош царь...

– А чо? В природе вообще все друг друга заживо жрут. Выживает сильнейший.

– Распространенная ошибка, – взял реванш Николай. – Иначе мир до сих пор принадлежал бы бронтозаврам. Выживает не сильнейший, а наиболее приспособленный.

– Ну вот мы и приспособились. Человек – он ко всему приспособиться может.

– К любому дерьму, да, – неприязненно ответил Николай и хотел добавить «даже к Краснolenинску», но сдержался.

– Угу, – не смутился Сашка, – а чистюли вымрут. Естественный отбор, бля.

Николай открыл было рот, чтобы привести демографическую статистику, показывающую, кто тут вымирает, но затем подумал – да перед кем я мечу бисер?

– Ладно, отпирай свою колымагу, – сказал он вместо этого. – Поехали.

– Куда?

Селиванов задумался. Надо бы договориться о встрече с экспедитором Мариной – вероятно, завтра он сможет нанести ей визит прямо по месту работы – но сейчас звонить ей все равно бесполезно: на комбинате не работают мобильники, а ее служебного телефона он не знает. Стало быть, до окончания рабочего дня сегодня никаких дел не осталось...

– Есть тут у вас какие-нибудь дневные развлечения? – спросил он.

– Шлюху, что ли, хочешь снять? – осклабился Сашка. – Это можно устроить.

– Нет, – сердито скривился Николай. – Никаких шлюх. И никакой выпивки. Кроме этого что-нибудь есть?

– Ну... – протянул Сашка, – даже не знаю. Телевизор разве что. Да и по тому сейчас одни сериалы для пенсионерок.

– Ладно, – вздохнул Селиванов, – поехали домой. В смысле, на Ударников.

Машина вырвала с пяточка перед парком и покатила по улице. Через некоторое время, когда они подъезжали к перекрестку, Николай, рассеянно смотревший вперед, не поверил своим глазам: на светофоре горели красный и зеленый одновременно.

– Ну ни хрена себе! – воскликнул он. – Это как понимать?

Сашка, однако, оставался невозмутим:

– А, этот светофор все время так работает.

– Вот уж, самый наглядный символ России... Но ехать-то как?

– Прорвемся, – уверенно ответил Сашка. И тут же, вопреки своим словам, нажал на тормоз, услышав несущийся слева трескучий рев моторов – словно оттуда заходила в атаку на брющем полете эскадрилья винтомоторных истребителей. Николая мотнуло вперед; «Волга»

остановилась передними колесами на стоп-линии. И тотчас по перпендикулярной улице перед ее носом помчались мотоциклы. Впереди – три или четыре стильных, сверкающих черным лаком и хромом (там, где их не забрызгала грязь) дорогих модели; Николай в мотоциклах не разбирался и не отличил бы «Ямаху» от «Харлея», а тот от «БМВ», но это явно было что-то из этой серии. Над широким сиденьем самого первого, прямо за спиной затянутого в кожу седока, словно крылья польских крылатых гусар, трепетали на ветру два флага – черный с оскаленной красноглазой волчьей мордой и красный, изображения на котором за черным было не разглядеть. За первыми байкерами на стильных иностранных машинах мчались мотоциклы попроще – главным образом советские «Явы» и «Ижи» тошнотворных красно-коричневых оттенков, но недостаток солидности они компенсировали оглушительным ревом и треском, а также густым сизым выхлопом, который мигом окутал улицу, как туман. У некоторых ездовых тоже реяли за плечами флаги по принципу «кто во что горазд» – у кого-то бело-сине-красный, у кого-то черно-желто-белый, у кого-то американских конфедератов, у кого-то вообще кайзеровской Германии. Длинные волосы и бороды нескольких наиболее колоритных персонажей раздувал ветер. Ни на одном из байкеров не было шлема.

– Козлы, – с отвращением произнес Сашка.

– Они ведь должны были нас пропустить, как помеху справа, – заметил Николай. – Раз уж тут такой светофор, должны действовать правила нерегулируемых перекрестков.

– Они пропустят, жди!

– Клуб «Вервольф»? – уточнил Селиванов.

– Кто же еще. Других таких придурков у нас, слава богу, нет.

– А знаешь что, давай за ними, – решил вдруг Николай. Последний байкер как раз промчался мимо. За его спиной трепыхалось еще одно черное знамя с черепом и костями и безграмотной надписью «С Намі Богъ!»

– На хера? Тебе охота их воню дышать?

– А ты соблюдай дистанцию. Хочу на них поглядеть, может, для статьи пригодится.

– Чего на них глядеть, козлы они и есть козлы, – буркнул водила, но волю клиента выполнил. «Волга» свернула направо и устремилась вслед за ревущей и дымящей кавалькадой. Сашке пришлось прибавить газу, чтобы не отстать. Мотор «Волги» протестующе стрельнул.

– Интересно, куда они так несутся, – развивал свою мысль Николай.

– Да гоняют с дури по окрестностям, вот и все, – ответил Сашка. – Обычно они, правда, по ночам это делают, спать, суки, мешают. Ну да, ночью-то дороги совсем свободные. А сегодня, наверное, из-за хорошей погоды днем вылезли. Ну, значит, по городу колесить не будут, за город куда-нибудь покатят.

– Интересно – рабочий день в разгаре, а они катаются. Никто не работает и не учится? А на мотоциклы деньги есть...

– А, кто у нас теперь вообще работает... Я вот только, тебя везу.

Николай понимал, что бессмысленная, по сути, гонка за байкерами может кончиться на любом перекрестке, где их отсечет светофор, но пока что Сашке, который, похоже, почувствовал азарт погони, удавалось не оторваться, проскакивая на желтый и один раз даже на только-только загоревшийся красный. Наконец впереди показалась знакомая ограда комбината. Мотоциклисты помчались вдоль нее. Николай обратил внимание на то, что не бросилось ему в глаза, когда он шел здесь – или не здесь, а с другой стороны? – пешком: ни на одном перекрестке окружавшего комбинат шоссе с боковыми улицами не было светофоров. Пятиугольное шоссе всюду имело статус главной дороги. Ну понятно – вкуче с запрещающими остановку знаками, еще одна мера для того, чтобы едущие здесь не задерживались на одном месте. Николай все же сделал несколько фотографий комбината на мобильник (к явному неодобрению Сашки), хотя, конечно,

такую же невыразительную бетонную стену с колючей проволокой можно снять где угодно.

Байкеры проехали вдоль трех из пяти граней комбината, но полный круг делать не стали и вновь стали уходить в сторону окраины. В очередной узкой улочке последний из них, тот, что «с нами бог», видимо, обратил наконец внимание на приклеившуюся к хвосту «Волгу» и, обернувшись, показал средний палец рукой в беспалой перчатке. Почти сразу же Сашка громко выматерился и начал сбрасывать скорость.

– Ты чего, его испугался, что ли? – спросил Николай.

– Да при чем тут! Видишь, что творится? – он постучал пальцем по приборной панели, и Селиванов увидел, что стрелка температуры ушла к правому краю шкалы.

– Перегрелись?

– Кабы не хуже...

«Волга» остановилась; Сашка дернул рычажок под приборной панелью, отчего щелкнул, открываясь, замок капота, а затем торопливо выбрался наружу. Из радиатора, как заметил после остановки машины Николай, струился парок. Водитель приподнял капот, отшатнувшись от вырвавшегося клуба пара, а затем бухнулся на колени прямо на вечно сырой асфальт, словно отбивая земной поклон автомобильному богу. Но реплика, которую он тут же выдал, меньше всего напоминала молитву.

– Что там? – высунул голову из правой двери Николай.

– Все, бля, доездили! Охлаждалка течет, как из крана. Патрубок, сука, не иначе... знал я, что он ржавый... Ладно, сейчас в сервис быстро гнать надо, пока все не вытекло и машина еще хоть как-то едет. Так что извини, до дома тебя сегодня никак. На автобусе доедешь, вон там остановка, – он махнул рукой наискосок направо под углом к улице.

– Так, может, я с тобой в сервис?

– Не, они до завтра точно не починят, а тебе оттуда дальше добираться. Все, Колян, давай, мне гнать надо!

Николай вылез на улицу, пока Сашка забирался внутрь. Так и оставив капот приоткрытым – очевидно, для охлаждения – он рванул с места, мигая аварийкой. Впрочем, правый задний сигнал не работал, так что вместо аварийной ситуации машина показывала едущим сзади левый поворот.

Николай вздохнул. Выходит, завтра с утра он, по всей видимости, останется без машины как раз тогда, когда она ему нужна. И ведь знал же этот придурок, что патрубок менять надо... но как всегда, на авось... Ладно, делать нечего. Николай поплелся вперед вдоль полуразвалившихся (но явно обитаемых) двухэтажек, высматривая, где будет возможность свернуть в указанном Сашкой направлении.

Вскоре показался переулок, уводивший куда-то вниз, хотя вообще рельеф Красноленинска был довольно ровным. Справа тянулись все те же двухэтажные дома; на их разбухшие от сырости, перекошенные стены с редко где уцелевшими фрагментами водосточных труб и грузно нависшие двускатные крыши страшно было смотреть – казалось, все это может рухнуть в любой момент; улица в целом напоминала очередь сельских пьяниц, держащихся друг за друга, чтобы не упасть. Слева громоздились несколько ржавых гаражей, за ними еще какой-то деревянный сарай, а над ним торчала одноглавая церковь с притулившейся сбоку колокольней. Стены церкви были бледно-зелеными, а купол, некогда, очевидно, синий, ныне вылинял до голубого; все это, как видно, не ремонтировалось давным-давно, штукатурка кое-где обвалилась большими кусками, обнажая красные кирпичи, а через верхнюю часть барабана тянулась длинная извилистая трещина. Тем не менее, крест над куполом был, и даже позолоченный; он смотрелся явно новее, чем все остальное, и вновь выглянувшее из-за туч солнце заставило его засверкать почти ослепительно. Николай, подойдя к церкви, вытащил мобильник, чтобы сделать

фото; как и предупреждал его Васильчиков, никаким особенным памятником архитектуры эта церковь не была – скорее всего, вполне типичное сооружение второй половины XIX века – но на фоне общего убожества вокруг, да еще и при редком свете солнца, казалась относительно живописной.

Селиванову пришлось долго выбирать позицию, чтобы церковь влезла в кадр, и наконец, вжавшись спиной в стену дома на противоположной стороне переулка, опустившись на корточки и держа мобильный почти на уровне асфальта, он все же сумел сделать снимок в ракурсе снизу вверх. Кадр, правда, вышел кривой, но прежде, чем он успел сделать новый, солнце скрылось за тучами, всем своим видом обещавшими, что они надолго, и Николай решил, что потом повернет изображение в редакторе. Затем он поднялся, кое-как отряхнул спину (на асфальт посыпались чешуйки старой отслоившейся краски) и зашел в крошечный церковный дворик, желая для порядка зафиксировать, как именно называется это культовое сооружение.

Массивная потемневшая табличка справа от закрытых двустворчатых дверей возвещала «Церковь Св. Варвара».

Николай сперва подумал, что неверно разобрал резные буквы, стилизованные под старославянскую вязь, и что церковь, наверное, святой Варвары. Но, приглядевшись (и даже потрогав последнюю «а»), убедился – нет, Варвара.

«Сюр какой-то», – пробормотал он про себя, а затем сделал снимок доски крупным планом. Народ в редакции, наверное, поржет, когда это увидит. И кое-кому в Америке он тоже это пошлет: «Hi Mike, can you imagine a church of St. Barbarian? Russia has one!»

– Вы хотите зайти?

Николай обернулся. Позади него стоял священник в черной рясе и скуфье. Не мордатый лоснящийся поп с заплывшими глазками из тех, что разъезжают на «Лексусах» и «Мерседесах» – такому в этой глуши просто неоткуда было взяться. Но и не какой-нибудь изможденный подвижник с запавшими горящими глазами и длинными, но редкими прядями бороды, свисающими чуть не до пупа (однажды Николаю довелось брать интервью у подобного персонажа – лидера какого-то там Истинно Православного течения, для которого даже официальная РПЦ была исчадием сатанинского либерализма – и до конца беседы Селиванов досидел с трудом: от святого отца разило козлом даже с расстояния в пару метров). Нет – этого человека, если бы не облачение, Николай принял бы скорее за школьного учителя. Священнику было лет пятьдесят, он был высок и худощав, но в меру, и борода у него имелаась, но небольшая и аккуратно подстриженная.

– Вообще-то я просто хотел узнать название вашей церкви, – ответил Николай. – Святого Варвара, я правильно прочитал?

– Да, она посвящена святому Варвару Луканскому. Вы никогда о нем не слышали?

– Нет.

– Давайте все-таки войдем, – предложил поп, открывая тяжелую створку двери. Она не была заперта.

Николай был непрочь посмотреть и пофотографировать храмовую архитектуру снаружи, но не любил посещать действующие церкви, особенно православные. Ему не нравился тяжелый запах ладана, он находил убогим примитивом иконописный канон и нестерпимо-сусальной пошлостью – обилие позолоты, он не выносил фальшиво-блеющих голосов священников, при мысли об обслуживаемых тысячами верующих крестах и реликвиях (большинство из которых – это иссохшие куски трупов) к его горлу подкатывала тошнота, но главное – он чувствовал себя там, словно натурал, зашедший в гей-клуб. Причем и в гей-клуб-то невыносимо провинциальный, даже если речь шла о храме Христа Спасителя. Хотелось тут же начать оправдываться вслух и громко – «нет, я не из ваших, я здесь просто на экскурсии и вообще по

работе».

Но эта церковь была пуста. В тусклых лучах света, косо падавших из окон барабана, висела пыль, и весь воздух в помещении казался каким-то мутным; возникало даже желание протереть глаза. Запах ладана чувствовался, но слабо. Ладно, подумал Николай, для полноты картины не помешает поговорить и с красноленинским духовенством – оксюморон не менее замечательный, чем «красноленинский бизнес». Хотя, кажется, в нынешних условиях это все менее становится оксюмороном...

– Святой мученик Варвар был разбойником, долгое время совершавшим грабежи и убийства, – продолжал поп, почти беззвучно шагая вперед по каменному полу. – Но однажды, когда Варвар сидел в пещере и смотрел на множество награбленного, благодать Божия коснулась сердца его, и он раскаялся в грехах своих. Варвар оставил в пещере все свои сокровища и пришел в ближайшую церковь. Он не скрыл от священника свои злые дела и умолял принять от него покаяние. Священник дал ему место в своем доме, но святой Варвар поселился в хлеву. Он ел и спал вместе со скотом и передвигался на коленях и локтях, как четвероногое животное, ибо считал себя недостойным звания человека. Затем по благословению священника Варвар удалился в лес и прожил там двенадцать лет совершенно нагой, терпя холод и зной, отчего все тело его почернело. Наконец святой Варвар получил извещение свыше, что грехи его прощены и ему дарована будет мученическая смерть. Вскоре мимо проходили купцы. Они заметили, как что-то движется в густой траве, и, думая, что это зверь, пустили туда несколько стрел из луков. Подойдя ближе, они ужаснулись, увидев, что смертельно ранили человека. Но святой Варвар просил их не скорбеть, рассказал им о себе и просил сообщить о случившемся священнику, в доме которого жил прежде, после чего предал дух свой Богу, – поп остановился возле амвона и повернулся к гостю.

– И все? – удивился Николай. – А как же чудеса?

– Позже из гроба святого стало сочиться целебное миро.

– Ну, это после смерти, – Николай чуть было не сказал «это не считается». – Посмертные чудеса – это, как я понимаю, награда за прижизненную святость. А она-то здесь в чем?

– Прижизненная святость не всегда проявляется явными чудесами, – возразил священник.

– Хотя в данном случае чудо, несомненно, имело место. Чудо покаяния, чудо полного преобразования совсем, казалось бы, погибшей души. Вообще, несмотря на то, что святой мученик Варвар жил в Греции, мне кажется, это очень русский святой. История греха, буйного разгула и насилия, очищенного через покаяние, смирение и полное самоотречение, и увенчанная добровольно принятой мученической кончиной. Внешне неброское чудо внутреннего преобразования без ярких, да простится мне такое слово, спецэффектов, характерных для ветхозаветных чудес.

– Угу, – не сдержался Николай, – первую половину жизни ваш святой провел как насильник и убийца, вторую – как животное. Вред причинил немалый, а пользы – совершенно никакой; не то что убитых не воскресил, но и ограбленным деньги не вернул или там на благотворительность их не потратил – так и бросил все в пещере. И умер в итоге тоже как дикий зверь, даже не за веру, а просто нелепой смертью по ошибке. Зато каялся, унижался и ползал на четвереньках, за что и провозглашен святым. Очень по-русски, воистину.

«Жил, как собака, и умер, как собака», – вспомнились ему слова Алевтины. Впрочем, едва ли Петька каялся хотя бы перед смертью.

– Вы, я так понимаю, неверующий, – сказал поп. Осуждения в его тоне, Впрочем, не звучало.

– Правильно понимаете, – кивнул Николай. – Впрочем, я здесь не ради религиозных диспутов. Я журналист из Москвы, Николай Селиванов. Приехал писать о вашем комбинате и

городе. Охотно выслушаю и мнение местного духовенства о том, как вы тут живете и что думаете о комбинате и о прекращении работ на нем – если, конечно, подобные мирские проблемы вас вообще занимают.

– Очень приятно, Николай, – степенно наклонил голову поп. – А я отец Никодим. В миру, если вам так проще, Никодим Ермолаев. Но у меня нет благословения говорить за все духовенство, могу только от себя лично...

– Да, разумеется.

– Знаете, Николай, я вас, на самом деле, очень хорошо понимаю. И этот ваш агрессивный радикализм, готовность осуждать других, тоже. Я сам таким был. Я ведь, на самом деле, не всегда был священником. В советские годы я работал инженером на комбинате...

– Вот как? – тут же заинтересовался Селиванов. – И чем вы там занимались?

– Ну, технические подробности вам неинтересны. Там есть своя специфика, связанная с тем, что приходится использовать довольно-таки примитивные технологии, потому что высокие технологии там не применимы... но это, в общем, все неважно. Важен нравственный выбор, встающий перед каждым работником комбината – да и, в конечном счете, перед каждым жителем нашего города.

– Нравственный выбор? Между чем и чем?

– Ну как... работа на комбинате – это не просто забота о собственном пропитании и прочих телесных нуждах, не просто повиновение властям, предписанное в том числе и христианскими канонами... это еще и работа во имя Отечества. Но в то же время, с точки зрения обычной, традиционной морали, это работа, несущая смерть, а стало быть, зло...

– Вы имеете в виду оружие массового поражения?

– Скорее я назвал бы это орудием национального доминирования. Средством обеспечить России превосходство над любой другой страной мира... И вот тут-то и возникает нравственная проблема. Она не в том, допустимо ли творить зло ради блага, нет. Ответ на этот вопрос давно известен, и он положительный. Помните, как говорит Мефистофель у Гёте – «я часть той силы, что вечно хочет зла, но совершает благо»? Это, конечно, художественное произведение, но и религия с такой позицией согласна. Господь попускает злу совершаться, не потому, что не может или не хочет его пресечь, но потому, что оно, в конечном счете, способно послужить добру, пусть и непостижимым для несовершенного человеческого ума образом... Так вот, вопрос не в этом, а в том, служит ли зло благу в данном конкретном случае. Достоин ли мое Отечество владеть такой силой и занимать особое положение в мире. И вот в перестройку, особенно когда пошли все эти публикации, я пришел к выводу, что – нет, не достоин. Что комбинат должен быть закрыт даже не потому, что он творит зло сам по себе, а потому, что оно служит ложной, порочной цели. Я уволился, я обратился ко Христу, желая искупить грех служения неправому делу. И был в свое время одним из самых активных сторонников закрытия комбината. Даже организовывал в начале девяностых митинги, собирал подписи под письмами Ельцину... имел через это большие неприятности, меня чуть не лишили сана, в который я лишь недавно был рукоположен... и вот через церковное покаяние, наложенное за неуместную для священнослужителя политическую деятельность, через размышление и духовный поиск, через обиду, не буду скрывать, неукротенной тогда гордыни, обиду на то, что вслед за светским государством меня отвергает и церковь, к которой я обратился со всем восторгом неопита – через все это я пришел, в конечном счете, к лучшему постижению Христа и миру в собственной душе. Я понял, что комбинат и Христос не противоречат друг другу. Что мое Отечество, которое я почитал несправедливым и недостойным, видя, как живут мои земляки и не только они – достойно великой любви и великого возвышения именно потому, что готово приносить великие жертвы не ради материальных благ, как другие державы, даже не ради идеалов личной свободы,

которой обладают в наибольшей мере дикие звери, не стесненные нравственным законом, но что оно способно на высший подвиг смирения и самоотречения, даже не спрашивая «а что мне за это будет?»...

– Ну так и зачем? Ради чего это все? Вы меня извините, но это даже не мазохизм. Мазохист, по крайней мере, получает удовольствие от процесса.

– Боюсь, – поп улыбнулся даже слегка виновато, – что в рамках атеистической парадигмы дать ответ на этот вопрос невозможно.

– Угу. Надо просто верить, да? Верить в то, что смысл есть там, где его нет. Но ведь от этого он не появится. С объективной точки зрения.

– Как может человек говорить об объективном смысле, если он сам субъективен? Для вас смысла нет, и вы страдаете. Для меня он есть, и я обрел покой.

– Кто вам сказал, что я страдаю?

– Это видно хотя бы по вашему тону. Вы заряжены на агрессию, на противостояние. Тот, в чьей душе царит мир, не станет нападать на других.

– Как насчет Христа, в припадке раздражения засушившего смоковницу? Виновную, между прочим, только в том, что был не сезон для ее плодов.

– Вот видите, вы опять нападаете.

– А вы уходите от ответа.

– Не все библейские сюжеты следует трактовать буквально.

– Да, да. Все, что не вписывается в концепцию, объявим аллегорией. Или божественной мудростью, непостижимой для худого человеческого ума. Да, кстати – насчет животных вы заблуждаетесь. Их свобода очень сильно ограничена инстинктами, а также отсутствием ума, не позволяющим ни формулировать желания, отличные от чисто животных, ни, тем более, находить способы к их реализации.

– Но тем самым вы признаете, что абсолютной свободы не существует. Провозглашая свободу от бога, вы оказываетесь в рабстве если не животных инстинктов, то уж по крайней мере физических законов.

– Физические законы – объективная данность для верующих и неверующих.

– А вот святые как раз могут выходить за их пределы. Вы же сами говорили о чудесах.

– Я говорил о них только в рамках вашей мифологии. Если я говорю, что медуза Горгона обращала людей в камень, это же не значит, что я считаю это реальными фактами. Впрочем, ладно, давайте лучше о комбинате. Что все-таки точно он производит – или производил?

– Я и так сказал вам больше, чем дозволительно, – улыбнулся священник.

– Подписку давали? – усмехнулся Николай.

– Давал. И мой духовный сан ее не отменяет. Скорее, наоборот.

– Значит, теперь вы за комбинат и ту смертоносную дрянь, которую он производит – или, по крайней мере, должен производить. А ваши прихожане думают так же? Как вообще менялась их численность за то время, что работы на комбинате свернуты? Сейчас, как я погляжу, их не слишком много, – Николай с усмешкой обвел взглядом пустую церковь.

– Ну, сейчас просто службы нет. По воскресеньям собираются. Хотя, в общем, да. Если опрашивать, у нас почти все скажут, что верующие. А в церковь ходят процента два от силы. Сейчас даже хуже, чем в начале девяностых – тогда это вроде как модно было, но многим быстро надоело. Да и приход этот к тому же небогатый... Знаете, эта церковь была построена в 1881 году, после убийства Александра II, хотя не имела отношения к этому событию. Ее построил один местный купец, убивший своего компаньона с целью завладеть его долей. По крайней мере, все улики указывали, что он виновен. Но суд присяжных его оправдал. Не здесь, в областном центре – ну, тогда губернском, конечно – у нас-то тут присяжных сроду не было... Так

вот этот купец дал обет, что, если его оправдают, выстроит церковь. Тоже, в общем, раскаявшийся разбойник... Выстроил, на те самые деньги, что добыл преступлением. В итоге разорился и наложил на себя руки. Поэтому он здесь не похоронен и его упоминаний нигде нет. Но все равно, конечно, доброй славы храму это не прибавило... С другой стороны, ему начали делать пожертвования всякие лихоимцы. Одно время, перед революцией как раз, здесь даже служил священник из бывших каторжан. Он был из уголовных, не из политических, но при советской власти умудрился выдать себя за жертву царизма и спас церковь от закрытия. Ну и стучал чекистам на прихожан, конечно, кто тогда не стучал... Одно время здесь даже хотели повесить в честь него мемориальную доску. В тридцать восьмом его таки расстреляли, храм закрыли, несколько раз порывались снести, но так и не снесли. После войны дали статус культурного памятника, но денег на ремонт и реставрацию практически не выделяли. В девяностом храм вернули церкви в жутком состоянии... нашелся, правда, один меценат, который вложил в восстановление, но его вскоре убили на разборке. Потом второй, и с ним случилось то же самое. С тех пор уже никто из городского криминала не рисковал делать крупные пожертвования, считается – примета плохая. Но ничего, помаленьку с Божьей помощью... Вот в последнее время байкеры помогают, клуб «Вервольф». Фрески вот с их помощью подновили, они художника хорошего нашли. Хотите взглянуть? – Никодим сделал приглашающий жест в сторону стены.

– И не смущает вас такая помощь? – усмехнулся Николай, шагая в указанном направлении.

– А что тут должно смущать? Я, признаться, и сам в юности на мотоцикле гонял.

– Да нет, я не про то. Вервольф – все-таки нечистая сила. Оборотень. Или деньги не пахнут?

– Ну, это же эпатаж, вы ж понимаете. Так-то они почти все православные. Некоторых я лично крестил.

– Случайно не Михаила Косоротова?

– А, вы его знаете? Нет, у него, насколько мне известно, обратная ситуация – он крещеный, но не верующий. Но он у них, в некотором роде, зиц-председатель. В основном делами клуба сейчас заправляет его друг Владимир, вот его я сам крестил... хотя это уж они пусть вам сами рассказывают, если у них интервью брать будете.

– Может, и буду, – пробормотал Николай, разглядывая фрески. Света было маловато, но хорошо было видно, что они изображают ад. Молодые обнаженные женщины, нарисованные пусть и без максимальной детализации, но вполне анатомически достоверно, висели на тонких веревках и цепях, подвешенные на руки, за ноги, за волосы, за пронзенные крюками груди и языки, корчились на дыбах и на вертелах над огнем, извивались под ударами кнутов и уколами вил, которыми потчевали их маленькие краснокожие черти. Бог есть любовь, м-да. Для приличия в композицию было добавлено и несколько грешников-мужчин, но они явно пользовались у художника куда меньшей популярностью. Причем Селиванов сильно сомневался, что это обстоятельство объясняется лишь представлением об изначальной греховности женской натуры; учитывая, что большинство людей умирает все же в старости, а возвращения молодости грешники определенно не заслуживают, куда логичнее было бы населить ад преимущественно старухами, а не юными нагими красотками. И вот эта вот откровенная садомазопорнография считается благочестивой! Николаю и раньше приходило в голову, что и жития святых мучениц, весьма вероятно, проходят по тому же ведомству – например, из «Жюстины» де Сада получилось бы превосходное житие, и наоборот, многие тексты, почитаемые ныне священными, изначальны были не более чем извращенными сексуальными фантазиями страдающих от вынужденного воздержания монахов.

– Насколько эти фрески близки к оригинальным? – все же уточнил Селиванов, подумав, что это могло быть и тонким издевательством «Вервольфа».

– Очень близки, – ответил, однако, Никодим. – Сохранились старые фотографии внутреннего убранства церкви, черно-белые, правда. Но и часть фресок, и на этой и на той стене, тоже сохранились довольно хорошо. Так что художнику не пришлось фантазировать.

– Ясно, – Николай сделал пару фото, хотя и сомневался, что при таком освещении удастся вытянуть приемлемое качество, и повернулся на каблуках. – А про храм Жертвоприношения Авраама вы что-нибудь рассказать можете? Его не собираются передавать церкви?

– Говорят, что это очень... величественное и впечатляющее сооружение, – ответил священник со странной интонацией. – Но ни я и никто из ныне живущих его не видел. Он же во внутреннем круге.

– Что за внутренний круг? – изобразил неведение Николай.

– Главная, наиболее секретная зона комбината.

– А, ну да. Но тогда, очевидно, все же не «никто из живущих»? Работающие в этой зоне-то видят?

– Ну... – на миг смешался Никодим, – если не считать их, конечно.

– Но они никому не расскажут.

– Никому.

– А среди ваших прихожан их нет? Или хотя бы их родственников?

– Нет, конечно, – чуть ли не фыркнул поп; похоже, эта мысль показалась ему смешной.

– Вы ведь не хотите сказать, – произнес Селиванов, пристально глядя ему в глаза, – что они и в самом деле никогда не выходят из этого своего круга?

– Об этом вам надо спрашивать не меня.

– А кого? Вы ведь работали на комбинате.

– Только во внешнем круге. И занимался чисто техническими задачами. Храм в мою сферу не входил.

– Ну что ж, спасибо за беседу, – Николай двинулся в сторону выхода.

– Пока вы не уехали, можете заходить еще, – поспешно сказал священник. – Я охотно побеседую с вами снова. Знаете, большинство моих прихожан – люди простые, возможность поговорить с человеком умным и образованным, пусть и придерживающимся иных взглядов, выпадает нечасто.

– Благодарю, – усмехнулся Николай, – но, если вы надеетесь добавить и меня к списку ваших крестников, вынужден вас разочаровать. Посещение вашей церкви лишь подтвердило мою мысль, что религия нужна не для продвижения добра, а для оправдания зла. Для придания ему высшего смысла, вы ведь сами так сказали?

Он вышел на улицу, прочь из пыльного полумрака и запаха ладана, и довольно зажмурился от вновь выглянувшего солнца. На какой-то миг он вновь потерял ориентацию во временах года – ему показалось, что сейчас весна, но иллюзия длилась недолго. Селиванов зашагал по раскрошившемуся асфальту вниз по переулку.

Забавный, однако, этот клуб «Вервольф». У них есть деньги не только на мотоциклы, но и на ремонт церкви, имеющей, кстати, довольно неоднозначную репутацию. Масштабы, конечно, не московские, это уже и по их мотопарку видно – но по местным меркам... Впрочем, если тут и замешан какой-нибудь криминал, то, скорее всего, банальный и скучный, и не имеющий отношения к комбинату. Но Михаила при случае стоит еще поспрашивать про этого его Вовку и остальных...

Переулок вывел его на новую улицу, пошире предыдущей, но выглядевшую не менее уныло. Посередине проезжей части маячил очередной открытый люк, не обозначенный никаким

ограждением. Никаких автобусных остановок поблизости не просматривалось, спросить тоже было некого, и Николай зашагал в ту сторону, что более соответствовала указанному Сашкой направлению. Вскоре улица разветвилась: главная (Жданова, как гласила первая попавшаяся на глаза Селиванову табличка) забирала чуть влево, а вправо под углом от нее уходила узкая улочка без опознавательных знаков. Выглядела она сомнительно (хотя что в Красноленинске не выглядело сомнительно?), но, если Николая не подвело чувство направления, шла как раз туда, куда показал его незадачливый водитель. Так что не без некоторого колебания Селиванов свернул туда.

Эта улица оказалась еще хуже. За двухэтажными бараками по обеим сторонам потянулись уже совершенно деревенские избы. Причем, если дом Алевтины Федоровны выглядел еще достаточно крепким, то эти сооружения кренились вкривь и вкось, некоторые ушли в землю чуть ли не по окна; то там, то сям можно было заметить сгнившее в труху крыльцо (как по нему умудрялись подниматься хозяева?), висящий на одной петле ставень или даже стену, подпертую врытыми в грязь досками. С водопроводом (а возможно, и электричеством) дела, очевидно, обстояли не лучше; Николай заметил крашеную облупившейся голубой краской колонку, вокруг которой стояла мутная лужа. В луже плавали какие-то очистки и обеды.

Асфальт, даже плохой, кончился, и Николаю пришлось шлепать по грязи; сперва он старался выбирать места посуше, но вскоре понял, что это бесполезно. По середине улицы тянулись глубокие, раздолбанные машинами и залитые грязной водой колеи, но по бокам, прижимаясь к пьяно кренящимся то внутрь, но наружу плетням, пройти, пачкая туфли, но все же не проваливаясь по лодыжку и глубже, было сложно, но можно.

Вероятно, стоило сразу повернуть обратно на Жданова, но Селиванов все еще надеялся, что эта улица выведет его на более приличную дорогу, где будет остановка. Навстречу ему, переваливаясь по-утиному на коротких кривых ногах, двигалась бабка-кубышка, замотанная, несмотря на сравнительно теплую еще по местным меркам погоду, в толстый серый платок, похожий на солдатское одеяло. Это было первое человеческое существо, встреченное им с тех пор, как он вышел из церкви.

– Скажите пожалуйста, где здесь остановка автобуса? – обратился к ней Николай.

Бабка зыркнула на него из-под платка так, словно он спросил, где здесь космодром, и, ничего не ответив, заковыляла прочь в полтора раза быстрее прежнего. Впрочем, подумал Селиванов, деревни рядом с космодромами в этой стране выглядят так же. Разница только в том, что их жители подпирают обваливающиеся стены своих хибар не украденными где-то досками, а обломками ракет, нимало не смущаясь оставшимися на них следами смертельно ядовитого гептила.

Он прошел мимо еще пары домов, и тут справа раздалось испуганное кудахтанье, оборвавшееся коротким тупым стуком. Это Селиванова никак не касалось, и он пошел дальше, но тут же услышал хриплый мужской голос: «Стой, с-сука!»

Николай мысленно вздрогнул и лишь в следующий миг осознал, что фраза адресована не ему. Из приоткрытой калитки справа прямо ему под ноги кинулось что-то бело-красное, взъерошенное, нелепое, и Николай не сразу сообразил, что это – курица с отрубленной головой. Точнее – без отрубленной головы. Теоретически он, конечно, знал, что это дело обычное, но прежде ему никогда не доводилось видеть подобного. Он попытался брезгливо отстраниться с траектории ее движения, но она все же слепо врезалась в его ногу, пачкая кровью штанину. Николай почувствовал сквозь брючину тепло еще живого, но уже мертвого тела, и с инстинктивным отвращением отфутболил его прочь. Все еще трепыхающаяся тушка описала низкую параболу в воздухе и плюхнулась в грязную воду колеи посередине улицы. Скрюченные

лапы, оставшиеся над водой, еще несколько раз дернулись и застыли.

Николай в растерянности остановился, затем посмотрел на свою штанину, пытаясь определить, сильно ли она испачкана. К ней прилипли два мелких белых пера.

Из калитки вышел всклокоченный мужик в телогрейке и с окровавленным топором в руке. Не обращая внимания на Николая, он подошел к луже, дав кирзачами грязь, поднял курицу за ноги и понес обратно. С мокрых, недавно еще белых перьев стекала и капала грязно-розовая вода.

– Чо стоишь, иди, куда шел, – на обратном пути красноленинец все же соизволил заметить Селиванова. Тон, впрочем, был скорее устало-брюзгливым, чем злобным.

– А... это какая улица? – решил вступить в диалог Николай.

– Чо?

– Улица, говорю, как называется? – повысил голос Селиванов; мужик, похоже, был еще и глуховат.

– Большая Коммунистическая.

«Если эта – Большая, не хотел бы я увидеть Малую», – подумал Николай.

– А до улицы Ударников как отсюда добраться?

– Ударников – это туда, – мужик махнул окровавленным топором дальше по улице.

– Туда автобус ходит? – решил уточнить Николай.

– Чо? Автобус? Его к е...ням отменили уже х... знает скока лет. Пёхом дотопаешь. Тут недалеко, километра два с гаком.

«Да уж, ближе некуда», – подумал Николай, но вслух лишь сказал: – Спасибо.

– Так вот прямо и топай, – напутствовал его мужик, еще раз для убедительности махнув топором, и ушел к себе во двор.

Селиванову ничего не оставалось, кроме как последовать совету. Последние два дома на Большой Коммунистической оказались необитаемы – в одном были заколочены все окна и дверь, другой, напротив, стоял нараспашку, без единого целого стекла. За ними росло несколько чахоточных деревьев – в основном осины и одна березка. Пройдя между ними, Николай практически уперся в бетонный забор, за которым высились терриконы мусора. Никакой дороги, где хотя бы когда-нибудь мог ходить автобус, здесь не было.

Только тут он вспомнил слова старухи, что самый короткий путь на комбинат лежит через городскую свалку и Коммунистическую улицу. Имела ли она в виду Большую Коммунистическую, Малую, или здесь имеется какая-то еще, без обозначения размера в названии? Так или иначе, даже если Коммунистических улиц здесь несколько, все они, видимо, находятся в одном районе и сходятся к этой свалке.

Свалка была грандиозна. Даже величественна. Ее забор – не такой, впрочем, высокий, как у комбината, и без всякой колючей проволоки – простирался в обе стороны, насколько хватало глаз, и всюду над ним возвышались многометровые мусорные горы. Казалось невероятным, что небольшой город способен произвести столько отходов. Впрочем, если проблема утилизации не решена, и все это скапливалось здесь уже годами, если не десятилетиями...

Ворота, в которые фактически упиралась Большая Коммунистическая улица, были гостеприимно распахнуты. Идти внутрь Николаю совсем не хотелось, но альтернативой было пробираться в обход вдоль забора по узкой, протоптанной среди сухого ломкого кустарника и сорняков тропинке, тоже, кстати, изрядно замусоренной и вполне способной окончиться тупиком или болотцем. Ну или топтать обратно до улицы Жданова и искать другую дорогу оттуда, чего хотелось еще меньше. Так что Селиванов потрогал шокер в кармане и пошел вперед.

Войдя на территорию, он не увидел никаких стай бомжей-людоедов, поджидающих

очередную жертву – во всяком случае, сразу. А увидел, теперь уже вблизи, все те же горы самого разнообразного мусора, похожие то ли на пирамиды, то ли на исполинские муравейники. Дорога с колеей от самосвалов шла между ними практически прямо; налево и направо от нее уходили ответвления. Интересно, подумал Николай, как образуются эти горы? Они не выглядят настолько устойчивыми, чтобы самосвалы въезжали по ним наверх, сгребать их бульдозерами до такой высоты тоже не получится... Загадка, да и только!

Пахло на территории свалки, конечно, скверно, но не настолько, как опасался Николай. Пожалуй, подышав этим воздухом с полчаса, можно было привыкнуть и не замечать. Хуже всего были серо-белесые лужи, от которых разлило какой-то тухлой кислятиной; Селиванов, брезгливо морщась, обходил их стороной. Навстречу ему, мяся и разбрызгивая шинами грязь, прокатил самосвал, уже порожний; его номерной знак был заляпан до полной неразличимости. Замедлять скорость при виде человека водитель даже не пытался, и Николаю пришлось буквально отпрыгивать с его дороги, принимая очередную порцию брызг на свои многострадальные брюки. Этот прыжок заставил его обратить внимание на то, что он не заметил сразу: в подножии ближайшей мусорной горы, рядом с которой он оказался, были прокопаны ходы, словно это и впрямь был гигантский муравейник. Стены ходов были укреплены листами фанеры и гофрированного железа, подпорками из ржавых труб и тому подобным подножным материалом; надежным, разумеется, все это все равно не выглядело. На глазах у Николая в одной из таких дыр обозначилось шевеление, и наружу выползло на четвереньках существо неопределенного пола и возраста – круглолицее, опухшее, одетое в бесчисленное множество грязных и рваных рубаш, кофт, фуфаек, натянутых одна на другую. На ногах были явно непарные и, кажется, даже разного размера ботинки. Существо неторопливо уселось перед входом в свою нору и, почуяв тепло в очередной раз выглянувшего солнца, довольно улыбнулось беззубым ртом.

Николай поспешил мимо, но был окликнут.

– Муж-жик, – судя по голосу, пол существа скорее был все-таки женским, но полной уверенности в этом не было, – яблоко хошь?

Селиванов невольно покосился на эту тварь, которая, в подтверждение серьезности намерений, и впрямь протягивала ему большое зеленое яблоко с подгнившим бочком. Убедившись, что на нее обратили внимание, она улыбнулась еще шире:

– Мне все равно жевать нечем, – доверительно сообщила она. – А ты мне тогда...

Но какой обмен ему пытаются предложить, Николай дослушивать не стал и торопливо зашагал дальше, внутренне кипя от возмущения. Как эта... это... которое и животным-то назвать слишком много чести!... посмело счесть его одним из себе подобных, способных заинтересоваться подобным предложением?! Оно что, не видит, как он одет (хотя брюки и ботинки, конечно, в грязи, но остальное...), как выбрит и пострижен, как держится, наконец? Хотя, разумеется, от мозга, разрушенного алкоголем и образом жизни даже не крысы, а червя, трудно ожидать адекватных умозаключений. Для этой твари, наверное, все двуногие на одно лицо. Исключая тех, кто выглядит опасным. Да, здесь надо выглядеть опасным, чтобы помоечные обитатели не смели к нему приблизиться. Николай постарался придать своему лицу как можно более властное и жестокое выражение. Учитывая обстановку и настроение, это оказалось нетрудным.

Помогло ли это обстоятельство или что иное, но еще несколько бомжей, встреченных им на пути через свалку, не попытались ни заговорить с ним, ни, тем более, причинить какой-то вред. Они косились на него, но продолжали копаться в мусоре или просто греться на солнце, сидя на корточках или на брошенных прямо в грязь картонках. Трое что-то варили в закопченном чайнике, подвешенном над небольшим бледным костерком; пахло от варева неаппетитно, но едва ли это могла быть человечина (как и вообще что-либо мясное). Одним из

этих троих был ребенок не старше десяти лет. Затем навстречу Николаю выбежала большая хромая дворняга с лишаем во весь бок, и он вновь потянулся в карман за шокером, но пес, хотя и ковылявший на трех ногах, выглядел вполне сытым и умиротворенным и лишь дружелюбно помахивал хвостом, возможно, ожидая подачки. Не получив таковой, он коротко тьякнул, но, едва Селиванов скосил на него глаза, поспешно отбежал прочь.

Наконец впереди показался выход – ворота на противоположной стороне свалки. И в ту же минуту солнечный свет, озарявший груды мусора, плавно померк – тучи в очередной раз закрыли светило. Сразу стало холоднее – кажется, даже потянуло сырым ветром, несшим помоечный запах – и Николай, уже обрадовавшийся было, что прошел свалку без инцидентов, вновь почувствовал себя неудобно. У него возникло иррациональное ощущение, словно нечто, спавшее или не решавшееся выбраться наружу при свете солнца, теперь проснулось и устремило на него свой пристальный недобрый взгляд. Недобрый взгляд множества глаз.

Николай, конечно, сказал себе, что это чушь. Это же просто бомжи, а не вампиры какие-нибудь. Конечно, в темное время суток здесь наверняка опасно, но днем – какая разница, солнечный он или пасмурный? Тем не менее, он неосознанно прибавил темп, хотя и без того старался пересечь свалку как можно быстрее.

Спокойствия ему это, впрочем, не принесло. Напротив – крепло ощущение, что за ним теперь уже не просто наблюдают – за ним *идут*. Вновь, как и недавно на темной улице, он и хотел, и не решался оглянуться и убедиться. В тот миг, когда он все же решил это сделать, позади него чавкнула грязь. Затем еще и еще, уже немного с других направлений.

Возможно, какой-нибудь бомж просто переходил дорогу за его спиной. Но нет. Звуки не отставали. Похоже, что его и впрямь преследовали. И это был не один человек.

Более того – судя по шлепающим, чавкающим и шаркающим звукам шагов, этих людей становилось все больше.

До ворот оставалось еще метров тридцать. Николаю очень хотелось, чтобы сейчас в них въехал очередной самосвал – хотя едва ли водитель грузовика стал бы вмешиваться в какую-либо стычку на территории свалки. Но все же тяжелая машина подсознательно воспринималась как некий танк, способный шугануть преследователей. Самосвала, однако, не было. Повернуться и грозно зыркнуть на них, крикнуть «пошли вон!»? Против пары-тройки бомжей это наверняка бы сработало, но их там, похоже, уже не меньше полдюжины, а то и больше. У Селиванова возникло впечатление, что они выбирают из каждой мусорной кучи, мимо которой он проходит. Он снова сунул руку в карман, сжав свое единственное оружие. Шокер – тоже не очень эффективная штука против толпы, если только нападающие не возьмутся за руки. Может быть, плюнуть на все и побежать? Бегущий провоцирует преследование и нападение еще вернее, чем оглянувшийся. Правда, Николай не сомневался, что бомжи в не настолько хорошей физической форме, чтобы его догнать. Но что, если из-за груд мусора, что все еще остаются между ним и воротами, выйдут наперерез новые?

Николай шагал с быстро колотящимся сердцем, уже не особо разбирая дорогу среди грязи. Двадцать метров до ворот... десять... Под ногами у него прошмыгнула здоровенная крыса – размером чуть ли не с кошку. Возможно, подумалось ему, бомжи ловят и едят и их тоже. Вот не хватало сейчас только споткнуться о такую тварь и растянуться возле самого выхода...

Он не споткнулся, не поскользнулся, не оступился. Через несколько секунд он почти бегом выскочил из разьеженной грузовиками грязи на асфальт за воротами.

Ниоткуда не следовало, что он в безопасности. Улица, на которой он оказался, выглядела совершенно безжизненной – слева тянулись гаражи, справа еще какой-то забор, на сей раз деревянный. Кто помешает грабителям – если его и впрямь хотели ограбить – преследовать его и здесь?

Тем не менее, пройдя еще несколько шагов, он остановился и оглянулся. Хорош же я буду, если там никого нет, и все эти шаги были игрой воображения... тогда точно в отпуск пора...

Они были там. Их было десятка полтора, они стояли в воротах и молча смотрели ему вслед. Словно и впрямь были вампирами, не способными переступить границу освященной земли. Среди них были еще один ребенок, беременная баба и плешивый старик в очках, которые, впрочем, все равно не придавали интеллигентности его грубому костистому лицу, заросшему почти до глаз седой щетиной. В очках уцелело лишь правое стекло, да и то было с трещиной.

Николай сделал шаг назад, затем, убедившись, что они не пытаются его больше преследовать, снова развернулся и пошел дальше по улице. Гаражи слева кончились, сменившись длинным баракком в два этажа. На его углу Николай, наконец, прочитал название улицы: Малая Коммунистическая.

Вопреки его недавним мыслям, эта улица выглядела более цивилизованной, чем Большая – во всяком случае, здесь был хоть и скверный, но асфальт. Индивидуальные домики на ней были, очевидно, снесены и заменены бараками слева и огороженным забором пустырем справа, на котором, вероятно, что-то собирались построить, да так и не построили. В соответствии со своим названием, улица оказалась короче Большой и вскоре вывела Селиванова на Т-образный перекресток, вид с которого показался ему знакомым. Здесь стояли восьмизэтажные дома, казавшиеся после увиденного недавно просто небоскребами, и уже на втором из них обнаружилась табличка «ул. Ударников, 49». Еще десять минут спустя Николай, наконец, добрался до своего временного пристанища.

Раздеваясь в передней, он вновь критически осмотрел свои штаны и туфли и громко поинтересовался у хозяйки (она была дома), где здесь можно выстирать брюки. Он имел в виду ближайшую работающую прачечную, но старуха откликнулась: «Давайте, я вам постираю».

– Не хочу вас утруждать, – вежливо ответил Николай.

– Да что там утруждать, в стиральную машину бросить и все. Я все равно сегодня белье стирать собиралась.

Николай поблагодарил и пошел в свою комнату переодеваться. В качестве запасных штанов у него были с собой только джинсы, что, возможно, не очень представительно для визитов к официальным лицам – ну да черт с ними, не британские лорды. К тому же к утру, вероятно, его брюки уже будут готовы. Приводить в порядок обувь ему пришлось все же самому. После того, как он смыл грязь в ведре и натер туфли вонючим гуталином, щедро предоставленным старухой – а потом долго, чуть ли не с остервенением мыл руки, намывив их, наверное, раз десять – Селиванов почувствовал, как чертовски устал и от этого дня, и вообще от Красноленинска. Что ни говори, а раскапывать чужую собственность на Канарах было куда приятнее.

Так что, несмотря на дневное время, он завалился на кровать и некоторое время лежал, глядя в потолок и лениво размышляя о том-о сем. Вспомнились бомжи. Зачем они все же шли за ним, если оставили свои намерения у выхода со свалки? Может, думали, что прилично одетый господин хочет предложить им работу? Хотя на желающих трудиться они отнюдь не походили. Или же он был для них чем-то вроде шикарного лимузина, проехавшего по улице, где никогда не видели ничего, кроме телег? А может, тут дело в каком-нибудь диком местном суеверии? Уж если дети приносят кошек в жертву советскому памятнику, чего ждать от бомжей... Впрочем, какая разница. Больше он на свалку в любом случае не пойдет, уж это точно. Кстати, какие они, строго говоря, бомжи? Место жительства у них есть, и вполне определенное... Странный, однако, сегодня складывается день – он изначально не хотел оказываться ни в парке, ни на свалке... ни, кстати, на Малой Коммунистической улице, да и в церковь тоже не рвался – а

побывал во всех этих местах. Зато там, куда он стремится попасть...

С этой мыслью он заснул и спал без сновидений – во всяком случае, не помнил таковых. Разбудил его телефонный звонок.

– Слышь, командир, тут такое дело, – спросонья Николай не сразу опознал голос Сашки.

– Мне тут в сервисе обещают все быстро сделать, и через час тачка будет, как новая. Только, сам понимаешь, заплатить надо. Сама деталь, потом охлаждалка, потом ремонт, ну и за срочность... а так они неделю возиться могут... у них тут очередь...

– Ну так заплати, – зевнул Николай.

– Не, ну я-то из каких шишей эти деньги возьму? – возмутился водила. – Это ведь тебе машина срочно нужна! А так, я ж говорю, неделю...

– Ну и сколько? – вкрадчиво осведомился Николай.

– Ну, короче, за все про все пять тыщ.

– Почему ты сразу не попросишь, чтобы я купил тебе новую машину? – произнес Селиванов подчеркнуто ровным тоном.

– А... не, ну... я ж говорю, они...

– Из-за того, что ты плохо следил за своей матчастью, мне сегодня пришлось добираться пешком через полгорода. Никакой автобус там, кстати, не ходит. И теперь ты еще пытаешься развести меня на пять тысяч? Между прочим, ты не единственный таксист в городе.

– Ну, – попытался хорохориться Сашка, – ты ваще-то тоже не единственный мой клиент...

– Правда? – искренне удивился Николай. – Ну тогда проси деньги на ремонт у остальных, делов-то.

– Да ты не так понял! – заторопился водила. – Я ж не к тому, что все пять тыщ с тебя! Я в смысле в долю войти... Тыщу дай хотя бы.

– За какие заслуги?

– Ох, жмоты вы московские! Сами как в масле катаются, а... Ну ладно, х... с ним, с сервисом, я тут на авторынок подскочу, там этот патрубок по дешевке найти можно, бэушный, конечно. И сегодня сам поставлю. Это в пятьсот где-то обойдется, – Сашка сделал паузу, надеясь на согласие, но, не дождавшись, жалобно произнес: – Ну хоть триста дай?

– Сто рублей, – сказал Николай. – И завтра в десять утра, даже без пяти, я должен быть на главной проходной комбината.

– Лады, – согласился Сашка. Судя по тону, он был не слишком удручен сбитой в пятьдесят раз суммой. Николай подумал, что, скорее всего, ни в какой сервис он вообще не ездил и нужную деталь на автобарахолке уже купил. А попытка развести наивного москвича на пять тысяч... ну, не вышло, так не вышло.

Николай посмотрел на экранчик телефона, проверяя время. Почти половина шестого. Да уж, вряд ли Сашка все это время просидел в сервисе – небось, уже и сам починил свою колымагу. Не пора ли позвонить Марине? Возможно, она еще на работе... но попробовать можно. Вряд ли на комбинате, в его нынешнем состоянии, служащие сидят от звонка до звонка.

Ему повезло: на третьем гудке женский голос сказал: «Алё?» Голос был молодой и довольно приятный, но интонация встревоженная – что, впрочем, не слишком удивительно, когда на личный телефон звонит незнакомец.

– Здравствуйте, Марина. Это Николай Селиванов, журналист из Москвы. Михаил не говорил вам обо мне?

– Нет... но вы звонили мне вчера вечером, – это прозвучало почти обвиняюще.

– Верно, – Николай не стал уточнять причину вчерашнего звонка. – Видите ли, я пишу статью о вашем комбинате и городе. Завтра с утра я встречаюсь с вашим начальником Первого отдела, – он подчеркнул это голосом, давая понять, что вопросы секретности согласованы, – но

мне, конечно, хотелось бы услышать не только официальную точку зрения, но и мнение обычных работников комбината. Ваше, например.

– Почему именно мое? – настороженность не ушла из ее голоса.

– Ну, честно говоря, просто потому, что других я совсем не знаю, а о вас мне много рассказывал Михаил, – слукавил Николай и тут же позволил себе прямо приврать: – Наговорил кучу комплиментов, между прочим. («Пусть-ка теперь Косоротов попробует это отрицать!») В том числе, кстати – какая вы умная девушка, а это дорогого стоит. Большинство мужчин, как известно, женский ум ценят в самую последнюю очередь, а некоторые и вовсе считают недостатком, хотя у меня подобные типы всегда вызывали отвращение...

– Миша не такой, – подтвердила Марина. Николай решил, что выбрал верный тон, и продолжил:

– Жаль, что он не рассказал вам обо мне. Он обещал, но, видимо, забыл. Впрочем, могу его понять – он ведь сейчас так занят этим своим байкерским проектом, и потом, сложные отношения дома...

– Так вы знаете об их проекте? – быстро спросила Марина, проигнорировав, вопреки ожиданию Селиванова, вторую часть фразы.

– Разумеется, знаю. Он мне все уши прожужжал. Красноленинские байкеры начинают борьбу за здоровый образ жизни и все такое.

– Да. За здоровый образ жизни, – произнесла Марина со странной интонацией. – А что вас, собственно, интересует? Моя работа на комбинате или клуб «Вервольф»?

– Меня, вообще, все интересует. Любые любопытные детали, способные заинтересовать читателя, особенно, конечно, нестандартные. Но моя главная тема, как я уже сказал – комбинат.

– Ну, мало ли, что вы сказали... Может быть, комбинат – это просто повод, а на самом деле вы хотите что-то разузнать от меня о Мише. Вряд ли вашим читателям так интересна моя профессиональная деятельность. Вы ведь не думаете, что экспедитор – это тот, кто организует экспедиции?

– Не думаю, – хохотнул Николай, отмечая про себя, что не зря авансом похвалил ее ум. – И логику от логики тоже отличаю. Конечно, меньше всего мне бы хотелось превращать мой материал в производственный роман эпохи соцреализма – да такое мой редактор и печатать бы не стал. Но, полагаю, даже и в вашей рабочей рутине можно найти свои интригующие моменты, даже загадки, я бы сказал. Вот например...

– Завтра, – оборвала его Марина. – Я не хочу обсуждать это по телефону.

– Хорошо, – с готовностью согласился Николай. – Мы сможем встретиться на комбинате? Я бы охотно взял у вас интервью прямо на рабочем месте. Возможно, вы бы даже могли устроить мне небольшую экскурсию по комбинату, не нарушая, разумеется, норм внутреннего распорядка?

– Нет, – твердо ответила Марина. – Там мы не сможем поговорить... без помех. К тому же я в третьем корпусе сижу, вас туда вряд ли пустят из первого.

– У вас что же, для каждого корпуса свой пропуск?

– Ну, как сказать... постоянные нет, действительны в пределах всего круга. Но вахтерши в коридорах сидят. Своих, ну которые у нас работают, они обычно ни о чем не спрашивают. Но вот чужого с разовым пропуском очень даже могут.

– Неужели они всех своих в лицо помнят? – усмехнулся Николай. – Комбинат же большой.

– Вы не представляете, какой у них глаз наметанный.

– Ну ладно, где тогда? После работы?

– Нет, после работы я завтра не могу... но я могу к вам в обед выйти. Знаете сквер возле

памятника Ленину?

– На вокзале, что ли? Это же далеко.

– Нет, на привокзальной площади свой Ленин. Есть еще перед музеем Ленина и перед бывшим горкомом, и бюстов целая куча... но я не про эти. Недалеко от проходной скверик есть, если спиной к комбинату стоять, то слева, там метров пятьдесят пройти... Там в перестройку ларьков вокруг понастроили, чипсы там всякие, «сникерсы», мороженое и все такое, народ туда бегал, кому наше столовское меню не нравится. Потом это все позакрывалось, сейчас один только остался, шаурмой торгует, но я вам ее брать не советую.

– Из кошек и собак делают? – усмехнулся Николай.

– Если не из чего похуже, – серьезно ответила Марина. – В общем, там скамейки вокруг памятника, вот там меня ждите после двенадцати.

– Хорошо. Я буду в темно-синей куртке от Calvin Klein, усов и бороды у меня нет, волосы...

– Я вас узнаю, – перебила Марина. – До завтра.

Да, с запозданием подумал Николай. Конечно, узнает. Вряд ли в этом скверике окажется еще кто-нибудь, одетый не в китайско-турецкую дрянь.

Остаток этого дня прошел без каких-либо примечательных событий, если не считать того, что на ужин Алевтина Федоровна подала не курицу, а рыбу. Это было филе трески, сухое и жесткое, как подметка. Николай успел уже отвыкнуть от того, что рыба, которую он вообще-то любил, может быть такой.

Тем не менее, он поблагодарил хозяйку и попросил разбудить его пораньше, поскольку в десять ему уже надо быть на комбинате. По этой же причине он не стал засиживаться с ноутбуком так поздно, как обычно, но, как это обычно и бывает, когда ложишься спать пораньше в надежде выспаться, долго ворочался и не мог уснуть. В конце концов он все же – не провалился, не погрузился, а как-то сам незаметно для себя оказался в каком-то невыносимо нудном и унылом сне без начала и конца. В этом сне он брел, почему-то совершенно голый, под серым небом – даже не пасмурным, а просто серым, словно таким и был его единственно возможный цвет – по бескрайней бурой равнине, состоявшей из полужидкой грязи. Куда и зачем он идет, он не имел ни малейшего понятия. Особой надежды дойти у него не было, но и остановиться посреди всего этого было невыносимо, а повернуть назад означало признать ошибочным весь уже проделанный путь. Грязь, однако, постепенно становилась все жиже, тускло блестевшие лужи, поначалу не очень крупные, сливались воедино, грозя превратить равнину в сплошную топь. К счастью, из воды выступали кочки, точнее – низкие, почти плоские островки, и Николай пошел по ним, перепрыгивая с одного на другой, пока не понял, что топчет босыми ногами вовсе не землю, не камни и не дерево. Это были человеческие лица, полупогруженные в грязь... лица, обращенные вверх, с открытыми ртами, куда затекала бурая жижа, и открытыми глазами, незряче уставившимися в вечно серое небо. Николай не мог понять, мертвые они или живые. Кажется, это было все равно.

Он подумал, что это лица тех, кто шел этим путем до него. И там, где они закончатся...

С этой мыслью он проснулся – в полной темноте, все еще чувствуя чужие рты и носы под своими подошвами. За окнами снова нудно шелестел дождь.

– Николай, вставайте, пора!

Все же не «день сурка», подумал он, выползая из-под одеяла все еще с закрытыми глазами. Ну да, он ведь сам просил разбудить... Зевая во весь рот, он вышел в одних трусах в коридор, направляясь в ванную, и чуть не столкнулся с хозяйкой, которая, оказывается, вовсе не ушла на кухню, а ждала под дверью, держа в руках его выстиранные, выглаженные и сложенные

штаны.

– О, спасибо... – смущенно пробормотал Николай, беря брюки и снова отступая в комнату.

– Чаю с печеньем попьете? Оладьи я сегодня не успела.

– Конечно, – ответил Селиванов не без внутреннего неудовольствия, хотя и понимал, что у старухи была веская причина.

Позавтракав без аппетита, Николай дождался сашкиного бибиканья и вышел на улицу под морозящий дождь. На сей раз под курткой на нем был пиджак с галстуком, а в руке он держал солидно выглядящую кожаную папку, внутри которой лежало несколько чистых листов бумаги. В машине он предпочел на сей раз воздержаться от разговоров и просто еще немного подремать. «Приехали, командир!» – наконец известил его Сашка.

Николай открыл глаза и увидел впереди знакомую автобусную остановку, а справа позади нее – проходную комбината.

– Жди здесь, – напутствовал его Николай. – Куртку тебе доверить можно?

– Обижаешь! Но зачем ты ее снимаешь-то? Это ж не поликлиника, где в верхней одежде не входить.

– Так надо, – улыбнулся Николай и, оставив свою нью-йоркскую куртку на сиденье, с папкой в руке вылез наружу. Телефон остался во внутреннем кармане куртки, но SIM-карту Селиванов на всякий случай забрал с собой. До проходной он добрался почти бегом, дабы костюм не успел намокнуть.

Войдя внутрь проходной, Николай мысленно усмехнулся: в дополнение к обычному старичку-пенсионеру в вахтерской будке, вахту нес мордатый охранник с «Калашниковым», который стоял перед турникетами, облокотясь на что-то вроде квадратной тумбы. Нелепый в помещении (да и на лишенной растительности городской улице тоже) зелено-коричневый камуфляж туго обтягивал не то бронезилет, не то просто откормленные тела. Голубые глаза были ясными и пустыми, как у плюшевого мишки. Селиванов покрутил головой в поисках бюро пропусков и обнаружил полукруглое окошко в стене справа; рядом с ним висел квадратный дисковый телефон.

За окошком скучала толстая пожилая тетка в круглых очках, с пучком сивых волос на затылке.

– Здравствуйте, – сказал ей Николай, протягивая в окошко раскрытый паспорт. – На меня должен быть пропуск.

Тетка, не говоря не слова, развернула к себе документ, потом повела пальцем по странице раскрытого перед ней рукописного журнала. «Вот сейчас, – подумал Селиванов, – она скажет, что никакого пропуска нет. Или окажется, что моя фамилия написана через »ле«, и никому, конечно, уже ничего не докажешь.»

Однако палец остановился на нужной строчке, и тетка стала неторопливо переписывать в соседнюю графу паспортные данные. Покончив с этим, она принялась рыться в ящике, стоявшем справа от нее, и, наконец, извлекла нужный прямоугольник скверной бумаги с печатью в углу. Однако прежде, чем вручить его Николаю, она строго спросила:

– Электронную аппаратуру, мобильный телефон, фотоаппарат при себе имеете?

– Нет, – ответил тот с максимально дружелюбной улыбкой.

– За проходной прямо вверх по лестнице, второй этаж, налево, шестая дверь слева.

– Спасибо.

Тетка вложила пропуск в паспорт и придвинула к Николаю оба документа. Селиванов внимательно изучил полученную бумажку. «Временный пропуск №... Выдан... дата, время... Действителен только при предъявлении паспорта. Не подлежит передаче другому лицу.

Подлежит сдаче при выходе.» В общем, ничего примечательного, если не считать синей полосы, идущей по верхнему краю. Вероятно, она обозначала уровень допуска. Внешний круг? Или только один корпус?

Николай подошел к охраннику с автоматом и протянул ему документы. Тот лениво посмотрел их, зачем-то пролистав несколько страниц паспорта, задал все тот же вопрос про аппаратуру, и, получив отрицательный ответ, велел Николаю развести руки в стороны и охлопал его по бокам и карманам. Селиванов покорно стерпел это и продемонстрировал охраннику нащупанные таким образом ручку, кошелек и ключи. Но и это был еще не конец.

– В папке что? – автоматчик ткнул толстым коротким пальцем.

– Бумаги, – ответил Селиванов, внутренне закипая.

– Покажите.

– С какой стати? – не выдержал Николай. – Вы сотрудников с секретными документами тоже досматриваете?

– Вы не сотрудник, – ответил охранник все так же лениво. – А не будете выполнять требования, я ваш пропуск пор... аннулирую.

– Ладно! – Николай раскрыл папку. – Убедились? Ничего запрещенного?

– Здесь чистые листы.

– Вот именно.

– Зачем вам чистые листы?

«Задницу подтирать!» – хотелось ответить Николаю, но он заставил себя произнести очень спокойно: – Я здесь по приглашению вашего начальника Первого отдела. Беру у него интервью. Раз уж я не могу пользоваться диктофоном, мне нужно делать записи. Если вас что-то не устраивает, звоните ему.

– Ладно, – автоматчик вернул Николаю документы. – Проходите.

Пройдя через вертушку и дверь за ней, Селиванов оказался в широком мрачном коридоре, более походившем на внутренность какого-то цеха, нежели офиса. Пол был вымощен крупной серой плиткой, стены выкрашены темно-зеленой масляной краской, с потолка не слишком ярко светили лампы дневного света (одна из них трещала и то вспыхивала, то гасла). Тем не менее, Николай был не прочь здесь прогуляться, но, оглянувшись по сторонам, увидел, что коридор с обеих сторон перекрыт новыми постами с вахтерскими будками. Автоматчиков там, правда, видно не было, но искушать судьбу он не стал – тем более что время было без минуты десять – и, как ему и было и сказано, пересек коридор и через еще одну дверь с мутным стеклом вышел на лестницу.

Поморщившись от стоявшего там резкого запаха курева, Селиванов поднялся на второй этаж. Там обстановка была уже совсем другой, куда более напоминая атмосферу какого-нибудь советского института. Именно советского, а не постсоветского, ибо первым, что услышал Николай, войдя на этаж, был пулеметный стрекот пишущей машинки. Выходит, насчет электроники – это все-таки правда, хотя, конечно, далеко не факт, что дело здесь в загадочном поле, а не в административном идиотизме, выражающемся в запрете компьютеров из страха перед хакерами и вирусами... Пол здесь был замощен паркетом из крупных планок, а стены выкрашены в пастельный розовато-желтоватый цвет, и на них даже висела какая-то местная самодеятельность – любительские рисунки в рамках и листы ватмана с приклеенными к ним фотографиями и рукописными стихами. Задержавшись возле одного из таких листов, Николай убедился, что это новогодняя стенгазета пятилетней давности. Читать эти творения – даже если бы они его и заинтересовали – было, впрочем, затруднительно из-за нехватки света, еще более заметной, чем на первом этаже: окон в коридоре не было (по обеим сторонам шли двери кабинетов), а лампы на потолке горели далеко не все. За какой-то из дверей надрылся телефон.

Навстречу Николаю процокала каблуками решительного вида худая высокая дама в кудряшках, с лошадиным лицом. Ее можно было бы принять за спешащую по крайне важному служебному делу, если бы не электрический чайник в ее руке. Николай проводил ее взглядом; она вошла в одну из дверей, и прежде чем дверь вновь закрылась, изнутри донесся взрыв смеха; вероятно, там с утра пораньше праздновали чей-то день рождения. В целом все выглядело разочаровывающе буднично – никакого ощущения, что он наконец-то проник на секретный, таинственный и зловещий Комбинат, куда прежде, если верить Светлане, не попадал ни один журналист «извне», не было. Обычное пребывающее в постперестроечной упадке учреждение, разве что без компьютеров и сданных в аренду торговым фирмам помещений...

Селиванов отсчитал шестую дверь слева – никакой таблички на ней не было – и постучал. Ему никто не ответил; он подергал ручку и убедился, что дверь заперта. Было 10:01.

Десять минут спустя он все еще топтался под дверью, со злостью вспоминая слова Славеста «ровно в десять». Хотя рабочий день здесь, наверное, с девяти, а то и с восьми... Нет, пусть начальник местного отдела безопасности является на службу когда угодно, хоть вечером, но зачем тогда назначать интервью на утро?! Николай бы с большим удовольствием поспал лишний час... А может быть, тетка его неверно направила, и это вообще не та дверь? Спросить бы у кого... глядишь, и еще одно неформальное интервью получится...

Он постучал в соседнюю дверь, но там тоже было заперто. Тогда он постучался в кабинет, примыкавший к нужному ему с противоположной стороны. Оттуда ему тоже не ответили, но, когда он повернул ручку, дверь открылась.

Внутри была абсолютная тьма – какой не бывает днем даже при самых плотных шторах. Скорее всего, в этом помещении вовсе не было окон – хотя на какую-нибудь кладовку оно не походило. Николай пошарил рукой по стене в поисках выключателя, нашел, щелкнул. Свет лампы озарил небольшой кабинет, и в самом деле лишенный всяких намеков на оконный проем, хотя бы и закрытый. На том месте, где полагалось бы быть окну, на стене висел большой календарь за какой-то давний год, открытый на високосном феврале (пришурившись, Николай различил и цифры года в углу – 1984). С календаря смотрел добродушный сенбернар. Вероятно, хозяин кабинета любил собак, хотя в таком случае было непонятно, почему он повесил календарь у себя за спиной – а стол и стул располагались именно таким образом. Было чертовски странно видеть офисный стол без компьютера, но такового действительно не было. Вместо него на столе громоздилась некая металлическая конструкция, похожая на помесь гигантской точилки для карандашей с миниатюрным не то станком, не то мотором. Николай догадался, что это механический арифмометр – кажется, в советские времена такие называли «железный Феликс». Еще на столе стоял телефонный аппарат столь же древнего вида и пластмассовый стакан, из которого высовывались пара ручек и карандаш. Справа от стола был фанерный шкаф с пустыми полками, слева – железный сейф и пустая рогатая вешалка. Судя по лежавшей на всем этом пыли, хозяин кабинета отсутствовал уже давно – хотя все же едва ли с самого 1984 года. Николай еще раз окинул кабинет профессионально цепким взглядом и неожиданно заметил бумажный листок книжного формата, завалившийся между сейфом и стеной. Должно быть, он оторвался от какой-то ветхой брошюры, и его не заметили, когда выносили (скорее всего, на выброс) книги из шкафа. Любопытство заставило Селиванова шагнуть внутрь. Он, конечно, понимал, что едва ли вот так запросто обнаружит секретный документ, проливающий свет на местные тайны – уже хотя бы потому, что все такие документы прошиваются и нумеруются, и пропажи даже одного листка, даже если все остальное отправлялось на утилизацию, местные секретчики должны были хватиться. Скорее всего, эта страница из инструкции к тому же «Феликсу» или из каких-нибудь таблиц Брадиса. Тем не менее, он знал, что порою в учрежденческом мусоре попадаются любопытные артефакты. Как-

то ему довелось рыться в бумагах, выброшенных после генеральной уборки из одного ведомственного вычислительного центра, и хотя интересовавших его документов он тогда так и не обнаружил, однако менее чем за полчаса последовательно наткнулся на брошюру 1956 года о превращении ржи в пшеницу за авторством Т.Д.Лысенко, книгу М.Свядоца «Женская сексопатология», детскую книжку-раскладушку «Маша и медведь» и три незаполненных удостоверения тракториста советского образца.

Пользы от всего этого, конечно, не было никакой, но раз на раз не приходится.

Николай подошел к сейфу, нагнулся и попытался достать листок, но щель между сейфом и стеной была слишком узкой, чтобы просунуть туда руку. Он попытался отодвинуть сейф, но тот был чересчур тяжелым. Николай подумал, что в столе или даже на столе наверняка есть какая-нибудь линейка – и действительно, посмотрев на стол от сейфа, увидел таковую, лежащую рядом с письменными принадлежностями. Еще двадцать секунд – и он зацепил линейкой листок и вытолкнул его наружу.

Это был, очевидно, титульный лист брошюры, причем не оригинальной, а не слишком чисто отксеренной. Пожелтевший, обтрепанный по краям, он выглядел очень старым – а оригинал, возможно, был еще старше. Стоя над ним в склоненной позе с линейкой в руке, Николай различил только крупные буквы заголовка:

подочайщрох

Все, что он понял – что это готический шрифт. Прочитать слово он не смог. Страница, похоже, была перевернута вверх ногами, но и понимание этого ясности не добавило. Готикой и нормальные-то слова с непривычки тяжело читать, а тут явно какая-то тарабарщина... шифр, что ли? Он распрямился и положил линейку на сейф (в левой руке он по-прежнему держал папку), затем снова нагнулся, чтобы подобрать листок...

– Вы к кому?

Николай вздрогнул – он совершенно не слышал шагов подошедшей – и резко выпрямился.

В дверном проеме стояла типичная комсомольская активистка, только постаревшая лет на тридцать. В своем октябрятско-пионерском детстве Николай еще застал таких – даже прическа у нее была откуда-то из семидесятых, только сейчас радикальную черноту ее волос, очевидно, обеспечивала краска.

– Вообще я к начальнику Первого отдела, – улыбнулся Селиванов как можно более обаятельно, – но...

– Это соседний кабинет, – холодно перебила крашенная.

– Да, я стучался, но там никто не ответил. Тогда я подумал, что, возможно, ошибся дверью, и...

– Что вы делаете в чужом кабинете?

– Ну, видите ли, у меня выпала из кармана монета и закатилась сюда, – ложь была глупой и неубедительной, но это было все, что он смог придумать экспромтом. – Я бы, конечно, не стал входить без разрешения, но, поскольку спросить было не у кого...

– Нашли?

– Монету? Да, – Николай не осмелился даже покоситься на оставшийся на полу листок, уверенный, что она это заметит. – Прошу прощения, это ваш кабинет?

– Это кабинет Сергея Сергеича. Уборщица, как видно, опять забыла его запереть. Безобразия, я уже писала на нее докладную.

«Интересно, когда эта уборщица вообще была тут в последний раз», – подумал Николай,

обреченно шагая к выходу, а вслух сказал: – Ну, тогда передайте мои извинения Сергею Сергеичу.

– Ему уже ничего нельзя передать, – все так же строго сообщила крашенная. – Он умер этой весной. Прямо за этим столом, – добавила она тоном почти обвиняющим, который, вероятно, должен был означать «богатые – не вы!» – Мы до сих пор не нашли ему замену.

– Жаль это слышать, – пробормотал Селиванов, выходя в коридор. Женщина заглянула внутрь, словно проверяя, не прячется ли в этой каморке без окон кто еще, погасила свет и захлопнула дверь.

– Вам туда, – указала она пальцем на соседний кабинет.

– Да, но я уже сказал, там никого...

– Этого не может быть, – вновь перебила его крашенная. – Иван Валерьяныч всегда на месте.

Николай лишь пожал плечами – мол, что я могу поделывать? Женщина быстро, словно ее рука дергалась от тика, постучала в дверь сухими костяшками пальцев. «Да!» – откликнулся мужской голос изнутри.

Крашенная сделала выразительный жест – «ну что, видите?» Николай, совершенно шокированный – он мог поклясться, что не слышал, как кто-нибудь отпирал дверь и заходил в этот кабинет – лишь произнес одними губами «спасибо!» и вошел.

Этот кабинет был не намного больше предыдущего и также лишен окна. Правда, стол в нем стоял не параллельно, а перпендикулярно двери, и перед ним стоял стул для посетителей – не офисное кресло, а обычный деревянный четвероногий. За столом сидел узкоплечий и тонкошей человек лет пятидесяти, с длинным невыразительным лицом, большими залысинами и тусклыми глазами неопределенного цвета. Николаю подумалось, что он, должно быть, невелик ростом, хотя о сидящем это никогда нельзя сказать с уверенностью.

– Здравствуйте, я журналист Селиванов. У нас с вами назначено...

– На десять утра, между прочим, – сухо произнес хозяин кабинета, бросая демонстративный взгляд на часы.

– Я здесь был в десять, но вас не было!

– Я здесь с начала рабочего дня. С девяти.

– Но я стучал...

– Значит, плохо стучали.

На глухого этот субъект не походил, и у Николая возникла твердая уверенность, что над ним банально издеваются. Точнее – показывают, кто здесь главный.

– Ладно, – вздохнул он, – давайте начнем интервью, если вы не против.

– Я вас слушаю.

Сесть Селиванову так и не предложили, и он опустился на стул без приглашения. Затем открыл свою папку и вынул ручку.

– Прежде всего, – сказал он, снимая колпачок, – позвольте узнать ваше имя, а то мне, к сожалению, назвали только должность...

– Червяк Иван Валерьянович.

– Как? – переспросил Николай, решив, что ослышался.

– Валерьянович, – невозмутимо повторил начальник Первого отдела.

– Нет, отчество я понял. А фамилия... так и пишется?

– Да. Так и пишется. Червяк. Вас что-то смущает?

– Меня – нет, – заверил Николай.

– Я не из тех, кто отказывается от своих корней, – холодно отчеканил его собеседник, отвечая на невысказанный вопрос. – Мой дед был Червяк, мой отец был Червяк, мой сын Червяк

и мои внуки будут Червяками. И мне неважно, кто и что по этому поводу думает. Это понятно?

«Лихо он решает за внуков, которые, возможно, еще не родились», – подумал Николай, но вслух, конечно, поспешно произнес: – Само собой. А как давно вы работаете на комбинате?

– Всю жизнь. Начинал простым охранником. Действительно служил во внутренних войсках, попал сюда, так здесь и остался.

– Значит, вы очень хорошо знаете комбинат. Можете вкратце рассказать о нем читателям?

– Комбинат – это самое старое действующее предприятие России, – назидательно произнес Червяк. – Ему более четырехста лет («четырёхсот!») – мысленно поморщился Николай, не терпевший безграмотности), и за все эти годы он никогда, даже в самые трудные исторические периоды, не прекращал работы. Бывало, что работа приостанавливалась почти до нуля, но полностью все-таки не прекращалась. Перестройка и последовавшее за ней десятилетие развала в этом смысле стали для нас самым тяжелым испытанием за четыре с половиной века российской государственности. Но даже и в это время мы сумели сохранить предприятие и, хотя сейчас наши мощности загружены менее чем на один процент, мы готовы к возобновлению производства в полном объеме, как только будет принято соответствующее политическое решение. К счастью, у нас есть основания на это рассчитывать. Возможно, не все еще наши враги это поняли, но нынешнее руководство страны смотрит на ситуацию с куда более патриотических позиций, чем предыдущее.

– Это ваше личное впечатление, или есть уже некая утвержденная программа возрождения комбината?

– Пока не утвержденная. Но есть четкие и недвусмысленные сигналы.

– Ну хорошо. Но пока не очень понятно, о чем вообще речь, – широко улыбнулся Николай. – Можете вы пояснить нашим читателям хотя бы в самых общих чертах, не раскрывая, разумеется, никаких государственных тайн – что, собственно, производит комбинат?

– Силу и славу России, – отрезал Червяк.

– Хмм... ну понятно. То есть было бы понятно, если бы речь шла о каком-нибудь другом предприятии ВПК. Но четырехста лет назад, насколько я понимаю, ни ядерного, ни химического оружия не было. Как и иных высоких технологий военного назначения...

– Иван Грозный и без высоких технологий увеличил территорию государства в два раза. И наш комбинат сыграл в этом важнейшую роль. Хотя тогда он, конечно, назывался по-другому. И с тех пор не раз перестраивался. Эти корпуса, в частности, построены в тридцатые годы. Этого... в смысле, уже прошлого века.

– Ну да, конечно. Было бы странно, если бы сейчас вы занимались тем же, чем и в шестнадцатом столетии.

– Мы идем в ногу со временем, но верны традиции.

– Кстати, а почему на комбинате нет компьютеров? Даже у вас, как я вижу?

– Так положено.

– Кем и почему положено?

– Это закрытая информация.

– Ну а все-таки... ладно, понимаю, что ваша современная продукция – это секрет, но что здесь производили в прошлые столетия? Это-то сейчас уже никак не может быть тайной. Порох, пищали, пушки?

– Я вам уже все сказал.

– Хорошо. Силу и славу, понятно. Как насчет побочных эффектов? В частности, верно ли, что работа комбината негативно влияет на окружающую среду?

– Полная чушь.

– Но ваша здешняя погода...

– Это *наша* нормальная погода, – Червяк выделил голосом «наша» чуть ли не с гордостью.

– Понятно. Но комбинат – это градообразующее предприятие. Чувствует ли руководство комбината ответственность за нынешнее состояние города? За его социальный климат?

– Адресуйте этот вопрос тем, кто урезал наш бюджет и пытался нас закрыть с конца восьмидесятых, – возмутился Червяк. – В прежние годы мы активно вкладывались в развитие социальной сферы города. Собственно, без нас ее вообще бы не было. Как и города как такового.

– Но все-таки – за эти фактически уже пятнадцать, как я понимаю, лет, что ваша основная продукция не востребована, предпринимало ли руководство комбината попытки перевести производство на мирные рельсы? Наладить выпуск того, что действительно нужно людям, и спасти город, фактически вымирающий без работы?

– Вы про конверсию? – высокомерно усмехнулся Червяк. – Когда заводы по производству самолетов и танков, которых боялся весь мир, выпускают кастрюли и сковородки? Это, по-вашему, то, что «действительно нужно людям»?

– Ну знаете, лично мне сковородка действительно куда нужнее, чем танк. Но мне почему-то приходится покупать ее, в лучшем случае, в Европе, а в худшем – в Китае. А еще мне нужнее, например, качественный автомобиль. Вот почему у нас танки делать умеют, а автомобили – нет? Хотя последнее, казалось бы, куда проще.

– Вы мыслите узкообывательскими категориями, – процедил Червяк чуть ли не с ненавистью. – Наше производство уникально. И не может быть переориентировано на выпуск корыт и унитазов, даже если бы предателям национальных интересов этого и хотелось.

– В каком смысле уникально? Хотите сказать, что ваша продукция не имеет зарубежных аналогов?

– В современном мире – практически не имеет, – гордо подтвердил Червяк.

– Но раньше такие работы велись и за рубежом, я правильно понимаю?

– Велись. Но были свернуты.

– Так, может, это произошло из-за их неэффективности? – вкрадчиво осведомился Селиванов.

– В том числе, – невозмутимо подтвердил Червяк. – Неэффективности конкретных методик, хочу это подчеркнуть, а не технологии в целом. Но главным образом из-за... внешнего давления.

– Вы не боитесь, что такое же давление будет оказано на Россию? Или, возможно, уже было оказано в девяностые годы?

– Мы никому не позволим вмешиваться в наши внутренние дела, – процедил Червяк.

– Но существуют же международные договоры и обязательства России. Об ограничении наступательных вооружений и все такое.

– На нас никакие договоры не распространяются.

– Вы имеете в виду страну или комбинат? – усмехнулся Николай.

– Комбинат, – ответил Червяк после крохотной паузы.

– Скажите, а почему в вашем кабинете нет окна? – вдруг спросил Селиванов.

– Окна есть только в стенах, обращенных наружу.

– То есть никто не должен видеть внутренние круги, я правильно понимаю? Даже начальник Первого отдела?

– Все кабинеты вдоль внутренней стены построены по общей схеме. Нет необходимости прорубать окно персонально для меня. Тем более что я не увидел бы там ничего для себя нового.

– Но вы сами бывали во внутреннем круге?

– Это не входит в мои обязанности.

- Значит, не бывали?
- Повторяю, это не входит в мои обязанности. И вообще, внутренняя структура и организация зон допуска комбината вас и ваших читателей не касается.
- Ну хорошо, хорошо. Просто я уже наслушался баек, что работники внутреннего круга остаются там пожизненно и даже посмертно. Вы можете это как-то прокомментировать?
- Вы хотите, чтобы я комментировал байки? Может, вам еще прокомментировать сказку про Красную Шапочку?
- Если так, могу я поговорить с кем-то из работающих там?
- Нет.
- Но вы же понимаете – я могу встретиться с ними и вне рабочей обстановки без вашего разрешения.
- Тогда зачем вы спрашиваете меня?
- Тогда зайдем с другой стороны. Могу я все-таки переговорить с директором или его замом?
- В этом нет необходимости. Я излагаю согласованную позицию руководства.
- Ладно. А как насчет памятника архитектуры шестнадцатого века – храма, находящегося на территории комбината, к которому нет доступа ни для верующих, ни для историков и искусствоведов?
- Он охраняется государством.
- И какой в этом смысл, если его никто не видит?
- Есть много сокровищ в хранилищах, которые вы никогда не увидите. В тех же музеях в запасниках. И что?
- А церковь не требует его вернуть?
- С Русской православной церковью у нас полное взаимопонимание.
- Стало быть, – заключил Николай, – ваша совесть чиста, с какой стороны ни посмотри.
- А какой может быть совесть у того, кто работает во славу своей страны?
- Как сказать... у многих таких людей руки оказывались по локоть в крови.
- Я говорю про совесть, а не про руки. А руки, знаете ли, можно и вымыть.
- Как Понтий Пилат? – усмехнулся Селиванов.
- Нет, – серьезно ответил Червяк. – Как праведник Авраам после принесения жертвы. Раз уж вы вспомнили про храм.
- Авраам, положим, зарезал все-таки барана.
- Но готов был – сына. И за эту готовность бог дал ему все. А если бы изначально речь шла всего лишь о баране...
- Вы верующий?
- Конечно.
- Николай приподнял бровь – из предыдущего разговора это отнюдь не было столь очевидно.
- Но вы ведь были членом КПСС, – заметил Селиванов без всякой вопросительной интонации.
- Я и сейчас храню членский билет.
- И не усматриваете здесь противоречия?
- Я, прежде всего, патриот. А патриот должен облекать свой патриотизм в ту форму, которая наиболее соответствует моменту.
- Под патриотизмом вы, очевидно, понимаете преданность государству?
- Чему же еще?
- Ну, например, народу.

– А государство и есть цель и смысл существования народа. Без государства народ – аморфная толпа, лишенная всяких ориентиров. Без государства даже невозможно определить, кто герой, а кто предатель. Недаром всякий народ, имеющий государство, стремится его сохранить и приумножить, а не имеющий – чувствует себя неполноценным и стремится его любую ценою обрести. Жи...евреи вон две тысячи лет своего государства добивались, а вы ведь, небось, евреев уважаете?

– Я уважаю всех умных людей, независимо от национальности. Но государство – это средство, а не цель. Средство защиты своих граждан.

– Тогда что ж евреи за Израиль со всем арабским миром воюют, а не уедут в Америку? Что, Америка, где у них все скуплено, их не защитит?

– Вообще в Америке евреев больше, чем в Израиле. Но ближневосточный конфликт – это отдельная тема, не имеющая отношения к моей статье. Давайте вернемся к нашим реалиям. Что бы вы хотели передать читателям, и в первую очередь – вашим красноленинцам, от имени руководства комбината?

– Комбинат снова будет работать в штатном режиме. Работать во имя России. Это лишь вопрос времени.

– Ну что ж, спасибо за интервью, – Николай поднялся.

– Пропуск.

– Что пропуск?

– Я должен вам его отметить.

– А, конечно, – Селиванов протянул бумажку. Червяк посмотрел на часы, написал на ней время и размашисто расписался.

Выйдя за дверь, Николай оглянулся по сторонам – коридор был пуст – и вновь подошел к кабинету Сергея Сергеича в надежде, что заинтересовавший его листок все еще валяется на полу. Но его ждало разочарование – на сей раз кабинет был заперт. Не иначе, старая комсомолка проявила бдительность. Что же все-таки было напечатано на том листке? Увы, шансов вспомнить это не было. Николай всегда запоминал слова лучше, чем зрительные образы – как он сам говорил, «у меня вторая сигнальная доминирует над первой» – а прочитать слово он так и не смог. Первые буквы, кажется, Хо, потом не то ch, не то dj... а дальше какая-то мешанина. Готика наводила на мысль о нацистской Германии, хотя это, конечно, штамп из фильмов типа «Индианы Джонса»... с тем же успехом это могла быть старая латынь. Правда, в старину любили длинные заглавия и едва ли ограничились бы одним словом. Которое, насколько успел понять Николай, не походило ни на германское, ни на латинское... Может быть, говоря о свернутых под «внешним давлением» зарубежных разработках, Червяк и в самом деле имел в виду какие-то эксперименты Третьего Райха? Представляющие интерес до сих пор – или, по крайней мере, до недавнего времени? Впрочем, куда более вероятно, что эта книга или брошюра или чем она там была имела такое же отношение к деятельности комбината, как и женская сексопатология с удостоверениями тракториста – к вычислительному центру.

Ладно, подумал Николай, раз уж я здесь – можно заглянуть к празднующим женщинам (почему-то он был уверен, что тот отдел – исключительно женский). Поздравить именинницу и заодно задать в неформальной обстановке несколько вопросов... Подойдя к нужной двери, он постучал. «Да-да?» – откликнулся изнутри веселый женский голос. Николай раздвинул губы в широкой американской улыбке и отворил дверь.

Этот кабинет был заметно больше, а главное – он выходил на внешнюю стену и имел окно, а потому не напоминал не то подвал, не то большую кладовку, как предыдущие. Впрочем, унылый вид из окна на мокрый забор с колючей проволокой, за которым виднелись убогие красноленинские дома, особого оптимизма не внушал. Но сотрудницам – их было семеро, и

среди них действительно не было мужчин – этот привычный пейзаж, очевидно, нисколько не мешал праздновать. Они сидели вокруг составленных в середине столов, на которых стояли миски с салатиками, солеными огурцами, квашеной капустой, порезанными на дольки яблоками и апельсинами (последние, порезанные вместе с кожурой, выглядели сухими даже на вид) и неизменными ломтиками сыра и овалами колбасы, а также несколько винных бутылок – на взгляд Николая, последних было слишком много для столь небольшой компании. У торца стола стоял уже знакомый Селиванову чайник и хлебница с нарезанным хлебом. На противоположном конце стола дожидалась своей очереди пока еще закрытая коробка с тортом. В воздухе пахло едой, вином, духами и, к неудовольствию Селиванова, сигаретами.

– Здравствуйте, девушки, – сказал Николай, хотя по возрасту такое обращение подходило в лучшем случае двум из присутствовавших. – Что празднуем?

– Да вот Лерка развод отмечает, – весело сообщила самая высокая из всех, та самая, которую он встретил с чайником.

– Что отмечает? – переспросил Николай, озирая картину общего веселья.

– Вчера вот наконец от козла своего избавилась, – охотно пояснила сидевшая слева от высокой толстушка в круглых очках и бордовой вязаной кофте; по ее заговорщицкому тону можно было заподозрить, что «избавилась» означает не развод, а закапывание в ближайшем лесу. – Так что теперь она у нас сва-абодная женщина!

Виновница торжества, длинноносая полненькая дама под сорок, кокетливо повела плечами и картинно закатила глаза. Все засмеялись. Едва ли она могла рассчитывать на новый брак – только не в Красноленинске – но, похоже, ее это нимало не расстраивало.

– Ну, поздравляю Леру с Днем независимости, – тут же нашелся Николай, и сделав крохотную паузу – уместно ли будет пошловато сострить? в этой атмосфере, пожалуй, да! – добавил: – И предлагаю представить ее к медали «За освобождение постели»!

Шутку встретили новым взрывом хохота.

– Что ж вы стоите, заходите, выпейте с нами, – предложила высокая. – Что-то я вас раньше не видела, вы из какого отдела?

Николай, довольно улыбаясь, шагнул внутрь – и замер. Одна из женщин, сидевших спиной к двери, обернулась к нему – и это оказалась та самая «комсомольская секретарша». Только что она принимала участие в общем веселье – и тут же ее лицо вновь сложилось в строгую обвинительную гримасу.

– Мне кажется, он ни из какого отдела, – холодно изрекла она. – Он у нас вообще не работает.

Николай задумался на мгновение, стоит ли это отрицать, говоря, что он устроился недавно и поэтому плохо еще ориентируется – но тут же понял, что эта ложь будет слишком легко разоблачена первыми же вопросами этой въедливой мымры.

– Я командированный из Москвы, – сказал он, продолжая улыбаться.

Эта фраза вызвала некое шевеление среди присутствующих – рефлекс провинциальных барышень, столь же древний, как и само понятие «провинция» – но мымра была непреклонна:

– Я так понимаю, ваша командировка не связана с нашим отделом.

– Я даже не знаю, что это за отдел, – Николай все еще старался говорить шутливо.

– В таком случае, зачем вы сюда зашли? У вас довольно странная манера заходить в кабинеты, где вас не ждут.

Николай окинул взглядом остальных, ожидая, что они дадут мымре отпор и предложат не валять дурака и не портить праздник, цепляясь к такому симпатичному мужчине, но с лиц женщин, как по волшебству, исчезло все веселье. Теперь они все смотрели на него настороженно. Чужак. Подозрительный чужак. Опасный чужак.

– Я... просто хотел спросить, в какую сторону третий корпус, – сказал Николай, понимая, что операция по внедрению провалена.

– Туда, – показала рукой «комсомолка». – Дальше по коридору. Надеюсь, пропуск у вас в порядке?

– Да, конечно, – произнес Николай, ретируясь к двери. – Спасибо. Лере удачи в новой жизни.

До полудня оставалось еще больше часа, ждать Марину под дождем на лавочке – равно как и в машине в обществе Сашки – не хотелось, и Селиванов решил все же попробовать встретиться с ней на рабочем месте. Хотя, конечно, если тут повсюду такие мымыры... Чего они боятся, интересно? Настоящих шпионов – во что Николаю верилось с трудом – или провокационных проверок, устраиваемых собственной параноидальной службой безопасности?

Как понял Николай, по архитектуре советский комбинат – во всяком случае, его внешний круг – забавным образом напоминал Пентагон: корпуса соединялись друг с другом, и, вероятно, можно было обойти весь комбинат внутри по коридорам второго этажа, нигде не выходя на улицу. Если бы только не вахтерские будки между корпусами. Ближайшая из таковых маячила впереди, и Николай решительно шагнул прямо к ней. Лучшие компоненты для преодоления кордонов без лишних вопросов – это деловой костюм, дорогая кожаная папка в руке, решительный шаг спешащего по крайне важному служебному делу человека и мобильный телефон возле уха, символизирующий столь же важный деловой разговор. От последнего компонента здесь приходилось отказаться, но Николай надеялся, что сработают и первые три.

Не сработали.

– Вы к кому? – строго спросила его сидевшая в будке бабка.

– К экспедитору («черт, надо было спросить фамилию Марины!»). В третий корпус.

– Пропуск есть?

– Да, конечно, – ответил Селиванов, уже понимая, что и здесь ничего не выгорит.

– У вас уже отмечено время выхода, – строго сказала бабка. – И вы уже находитесь на территории лишние пять минут.

– Верно, – проникновенно произнес Николай, – но дело в том, что я забыл там один важный документ...

– Ничего не знаю, – отрезала бабка. – С этим пропуском вам только на выход. Вон туда. А там из бюро пропусков звоните, чтобы вам новый заказывали. Или чтобы к вам на проходную спустились и все отдали.

– Ладно, – вздохнул Николай. – Граница на замке, понимаю.

– Вон там выход! – еще раз напутствовала его бабка.

Автоматчик на выходе тоже выразил неудовольствие просроченным временем. «Я имел право сходить в туалет?» – огрызнулся Селиванов. Охранник ничего не ответил, и Николай вышел наружу.

Сашка был на месте; при приближении клиента он выкинул на улицу окуроч. Николай, вопреки уже сложившемуся обыкновению, забрался на заднее сиденье. Морщась от запаха, опустил стекло, благо дождь снова выродился в мелкую водяную пыль. Свежим, правда, воздух не был и снаружи, отдавая скорее запахом старого полузатопленного подвала, но все лучше табачной вони.

– Я пока подремлю, – объявил Николай водителю, набрасывая куртку. – Если хочешь, можешь даже куда-нибудь съездить, только в двенадцать привези меня обратно в здешний сквер под Лениным. До тех пор не дергай. И не кури в салоне, пожалуйста.

– Ладно, – буркнул Сашка. – Я те и шофер, я те и экскурсовод, я те и гостиница на колесах. А за все про все...

– Дам я тебе еще стольник, и не бурчи, – сказал Николай и, откинувшись на заднее сиденье, закрыл глаза.

Однако утренняя сонливость уже полностью прошла, и вместо того, чтобы уснуть, он принялся размышлять. Что же такое все-таки производит этот чертов комбинат? Узнать это стало для Николая чем-то вроде личного вызова. Пусть он не сможет это напечатать из-за государственной тайны, но он должен выяснить это для себя! Не ядерное и не химическое оружие, это факт. И едва ли какую-то боевую технику. Раз машины идут отсюда порожняком или, в лучшем случае, с простыми фанерными ящиками... А что, если эти ящики и раньше предназначались для отвода глаз – мало ли каким хламом их набивали – а на самом деле комбинат вообще ничего не производит... в материальном, точнее, в вещественном смысле? Может, его продукция – это пропаганда? Не в обычном, конечно, смысле, что сидят там во внутреннем круге бойкие продажные перья – или прикованные к столам талантливые журналисты, бесследно исчезнувшие из внешнего мира – и сочиняют буклеты на тему «слава КПСС» или там «Великой России». Ради этого не нужно было бы городить весь огород вокруг. Нет, тут явно действительно какое-то производство... психотронное оружие? Не в смысле, что комбинат его делает, а в смысле, что комбинат – оно и есть. Несколько дней назад он отбросил эту мысль, как бредовую, а сейчас был готов всерьез ее рассмотреть. Зомбирующая башня, как у Стругацких. Скажем, весь внутренний круг – это гигантский излучатель... и тогда все сходится, даже слово «круг». Понятно, почему человек, зашедший туда, обратно не возвращается – мощность электромагнитного поля внутри смертельна для всего живого. Но даже и на периферии излучение настолько сильное, что мешает работе электроники. А самое главное – с распадом СССР зомбирование прекратилось, а сейчас, похоже, в Кремле не прочь начать его вновь. И со словами попа Никодима о том, что комбинат производит не столько оружие, сколько средство доминирования, эта гипотеза вполне коррелирует. И нацисты, кстати, с подобными вещами очень даже экспериментировать могли...

Да, но возможна ли такая штука чисто физически? Излучатель, накрывающий такую огромную страну... тем более, поле ведь не будет изгибаться вдоль государственной границы... Ну хорошо, допустим, здесь – главная антенна, а по всей стране имеется сеть ретрансляторов – но можно ли держать такое в тайне? Наверняка давно бы американцы засекли необычное излучение со спутников. Да не то что американцы – даже собственные радиолюбители...

И кроме того – радио появилось сто лет назад, какие-нибудь микроволновые излучатели еще позднее. Чем занимался комбинат в предыдущие столетия? Может быть, конечно, вполне традиционным для тех времен оружием, а потом большевики его резко перепрофилировали... как раз в двадцатые-тридцатые на комбинате была большая перестройка... но эта гипотеза не выглядела достаточно красивой. Впрочем, красота и истина далеко не всегда совпадают...

Но если Россия действительно располагает такой технологией... если располагала ей еще с раннесоветских времен – это, конечно, сенсация мирового масштаба! И совершенно новое объяснение всей советской истории. Весьма лестное для русских, кстати. В этом случае они – всего лишь безвинные жертвы гипноизлучения... Да, но революция и гражданская война все равно на их совести – ведь не при царе же появился излучатель! Или при царе? Детище какого-нибудь русского Теслы, впоследствии безвестно сгинувшего в подвалах ЧК? Допустим, взрыв истерического патриотизма при вступлении России в Первую мировую – это был как раз первый пуск установки. Потом она вышла из строя – как-никак, неотработанная технология – и империя рухнула. А Ленин первым делом велел ее наладить. Потому и его телеграммы до сих пор секретны.

И все-таки крайне сомнительно, чтобы подобный проект оставался в тайне от всего мира, особенно в эпоху спутников. Можно, конечно, предположить, что иностранные спецслужбы

давно все знают и скрывают, поскольку сами планируют в случае чего использовать подобные штуки, или даже уже используют. Но это уже совершенно клиническая конспирология. Хотя, конечно, «то, что у вас паранойя, еще не значит, что ОНИ за вами не следят»...

Ладно, какие еще версии? Помимо ядерного и химического оружия, бывает еще биологическое. Запрещенное, кстати, так же, как и химическое, хотя Червяк сказал, что деятельность комбината не попадает под международные договоры... но откуда следует, что Червяк говорил правду? Зато биологическое оружие, в отличие от прочих видов ОМП, существует как раз с древних времен. Кажется, первые попытки погубить противника, подбрасывая в его город грызунов и трупы умерших от чумы, предпринимались еще в античности... во всяком случае, в средневековье точно. Главным недостатком традиционного биологического оружия является, однако, его неизбирательность и неподконтрольность. Эпидемия, вспыхнувшая у врагов, легко перекинется на своих... Но это, опять-таки, при традиционном подходе. Успехи генетики могут позволить создать не просто вирусы, а настоящие программируемые боевые машины с системой распознавания «свой-чужой». На основе, скажем, генетических маркеров, или свойственных определенному народу изначально, или внедряемых искусственно под видом, допустим, прививок (вспомним, кстати, советскую всеобщую диспансеризацию). Можно встроить в вирус и таймер деактивации, ограничивающий размножение заданным количеством копий. Много чего можно.

Но похоже ли, чтобы здесь, в этой разрухе, действовал никому не известный центр военных генетических разработок? Разруха, правда, достигла своего пика после того, как деятельность комбината свернули, но и в советские годы Красноленинск состоял отнюдь не из дворцов. Того высокого относительно остальной страны уровня жизни, который характерен для советских закрытых городов, здесь явно не было никогда – да и закрытым город не был. Маскировка? И, кстати, отношение советской власти к генетике известно, исправилось оно лишь в последние десятилетия... Но, может быть, при Сталине и Хрущеве здесь пытались создать биологическое оружие по рецептам товарища Лысенко. А при царях занимались старыми добрыми чумными крысами. И даже не обязательно чумными. Если, скажем, вывести особо прожорливую породу грызунов и запустить ее в закрома противника, это нанесет ему серьезный удар даже без всякой чумы. Особенно в условиях прошлых веков, когда голод регулярно случался и так.

Вот, правда, Селиванов не мог припомнить, чтобы хоть Иван Грозный, хоть его последователи захватывали новые территории благодаря внезапным вспышкам голода или болезней у противника – не считая вполне обычных при осаде городов. Все новые земли Россия присоединяла или традиционным оружием, или не менее традиционной двухходовкой: 1. «Идите под защиту русского царя, и мы сохраним ваши права и свободы!» 2. «Какие права и свободы, холопы?!»

Возможно ли, чтобы руководители комбината веками лишь потчевали правителей обещаниями, так и не выдавая обещанное супероружие? Не за это ли Петр казнил двух директоров? Все же сомнительно, чтобы не приносящий практической отдачи комбинат терпели столетиями вплоть до самого Горбачева...

Но, допустим, на комбинате даже создали что-то реальное в сфере биологической войны. Как это объясняет, что сотрудники предполагаемого научного суперцентра до сих пор считают на арифмометрах? Ну пусть даже настоящая наука сосредоточена во внутреннем круге, а то, что он видел – не более чем служба и бюрократия, все равно... Или кому-то нужен миф о загадочном поле, не дающем работать электронике? И запрет проносить какие-либо устройства на территорию, бессмысленный, если миф верный, нужен именно для того, чтобы миф не был разоблачен? Но зачем? Запрет на интернет ради секретности – понятно, но запрет на

компьютеры вообще?

И, кстати, помимо внешнего и внутреннего кругов, есть еще средний. Где зэки и охранники. Зачем это все хоть в биологическом центре, хоть на излучателе? Времена сталинских шарашек давно прошли. Да и работают в среднем круге вовсе не ученые и инженеры, будь то заключенные или вольные. У матери Светланы, в частности, высшего образования не было, и она говорила дочери – «учись, чтобы только на комбинат не идти»...

А что, если зэки – не обслуживающий персонал, а подопытные? Тогда почему их не ликвидируют и вообще выпускают по окончании срока? Не из гуманизма же – вот уж чем советская система никогда не отличалась. Однако многие из них оставались работать на комбинате уже вольняшками и оседали в городе... Ну, тут как раз ничего странного, та же логика, что и в армии с ее дедовщиной – сегодня чморят меня, завтра чмору я, а сверху начальство, которое этой эстафетой чморения невозбранно пользуется. Но странно, что никто из них при этом не пробалтывается об опытах. Запуганы, конечно, но все равно... Впрочем – они могут просто не знать, что они подопытные. Да и сами опыты могут быть не связаны с инфицированием вирусами или бактериями. Что, если отчасти верны обе гипотезы? На комбинате отрабатывают методы промывания мозгов. Сейчас, допустим, с помощью излучения, а в прошлые века – другими методами. При Иване Грозном это был просто пыточный острог (в прежние времена комбинат назывался по другому, да), возможно – передовой, такой, что придуманные здесь пытки перенимали палачи по всей России. Хотя, конечно, благоверный государь и сам на недостаток воображения по этой части не жаловался. Но, возможно, была поставлена цель – придумать такие пытки, которые не оставляют видимых следов. Чтобы не стыдно было предъявлять обработанных иноземным послам и все такое. А с течением времени методики становились все более тонкими. И то, что люди, прошедшие обработку, потом выпускаются на волю – это не гуманизм и не недоработка. Это как раз и есть цель. *Именно эти люди* и есть продукция комбината...

Создание нового человека, да. То, о чем советские вожди говорили в открытую. И нацистские, кстати, тоже. Только все почему-то думали, что речь идет о неких титанах духа. Но империи не нужны титаны. Разве что в качестве отдельных выставочных экземпляров, и то будет лучше, если это будут целиком вымышленные пропагандой образы, а не живые люди. Сила, смелость и гордость для империи губительны, ибо слишком легко могут – а в идеале даже должны – обернуться против системы. На самом деле империи нужны краснolenинцы...

Как там говорил Васильчиков? Винтику лестно быть частью большого и могучего механизма, да. *Особенно* если вне этого механизма он ничего из себя не представляет. Патриотизм – последнее прибежище даже не негодяя, а ничтожества. Нам кажется, что, чем сильнее государство гнобит человека и втаптывает его в дерьмо, тем скорее оно должно вызвать у него возмущение и протест. А оно вызывает тем большее обожание. Ибо, чем ничтожнее он становится, тем величественнее кажется ему оно. А понять, кто источник его ничтожества, он не способен.

Особенно если это скрывают некие технологии.

Или если он ничтожен от природы. Такой вариант тоже никак нельзя сбрасывать со счетов.

И все-таки, если комбинат «помогает» природе в этом плане... Возможно, теперь уже и впрямь через вмешательство на генном уровне... «Это же комбинатские, они уже не люди», – так, кажется, говорила Алевтина Федоровна?

Николай открыл глаза, поняв, что спать он в ближайшие часы уже точно не будет. Впереди, разумеется, маячил затылок Сашки. Вот ведь, и не покурить ему, и блатняк свой не послушать, не говоря уже о более достойных занятиях – а сидит себе, как истукан, и не скажешь,

что мучается от скуки. Какие мысли бродят сейчас в этом черепе? Ведь не может же он совсем ни о чем не думать... Николаю припомнилось, как ему самому доводилось сидеть в длинных очередях – в поликлинике, паспортном столе и тому подобных неизменно-советских местах. В помещении всегда было полно народу, человек до двадцати – в поликлинике по большей части бабки (норовящие занимать очередь за час до открытия, хотя, приходи они в нормальное время, не возникал бы затор и для остальных), но в иных местах люди разного возраста и пола. И все, конечно, идя туда, догадывались, что ждать придется долго. Однако во всей этой толпе Николай неизменно оказывался единственным, кто брал с собой книжку. Все остальные просто тупо сидели и ждали – час, два, больше – иногда разве что переругиваясь из-за места в очереди. Самая продвинутая молодежь сидела в наушниках с плеером, и можно было догадаться – иногда и по похожему на тик подергиванию – какого уровня музыку они слушают...

Николай не стал спрашивать у Сашки, о чем тот думает. Вместо этого, оценив метеообстановку – дождя не было – он решил выбраться наружу. Его мозг, в отличие от сашкина, требовал новой информации, хотя бы даже и такой убогой, какую мог преподнести здешний сквер.

Сообщив Сашке, что его услуги потребуются через час-полтора, Николай вылез из машины и, не торопясь, пошел в указанном Мариной направлении. Чахлые, сроду не стриженные кусты вдоль дороги, теснящиеся за ними в ряд ларьки и возвышающаяся над всем этим бронзовая лысина были видны уже отсюда.

Скверик представлял собой широкую и короткую аллею – некогда, вероятно, с лавочками и растительностью по бокам – упирающуюся в квадратную площадь с памятником в центре. В эпоху перестроечных кооперативов и мелкого бизнеса растительность выкорчевали вместе с лавочками и застроили обе стороны аллеи киосками, теперь стоявшими или с закрытыми железными ставнями, или с выбитыми стеклами. Впрочем, несмотря на то, что здесь давно уже не торговали ни бутылками, ни мороженым, ни прочим фастфудом в бумажных обертках и пластиковых пакетах, весь соответствующий мусор в изобилии валялся под ногами вперемешку с гниющими листьями и громоздился целой кучей на решетке водостока. Неужели это валяется здесь годами, подумал Николай – или, может, прежние завсегдатаи этих ларьков ходят сюда по привычке, принося еду с собой? Сейчас, по крайней мере, здесь никого не было. Единственный работающий ларек с шаурмой оказался слева у самого выхода на площадь; перед ним торчали три круглых стоячих столика, вмурованные в бетон, с раскрытыми над ними красными матерчатými зонтами. Несмотря на зонты, столики были мокрые. Здесь тоже было пусто. Слева от киоска, на краю бетонной площадки стояла ржавая металлическая урна, доверху и с горкой заваленная пластиковыми стаканами и бумажными тарелками; те, что не поместились внутрь, валялись, естественно, вокруг. Из окна киоска смотрел масляным взглядом плосколицый азиат неопределенного возраста в когда-то белом халате, и тянуло запахом горелого мяса. Николай прошел мимо. Ему подумалось, что слово «сквер» в данном случае происходит не от английского square, а от русского «скверна».

Площадь вокруг памятника сохранила кусты и скамейки по периметру, хотя краска на лавочках облупилась почти полностью. Кое-где на скамейках лежали картонки, которые кто-то, очевидно, подкладывал под задницу, чтобы не садиться на мокрое, но сейчас они уже тоже все размокли. Единственными двуногими и здесь оказались голуби, расхаживавшие по мокрому асфальту; один сидел на левом ленинском ухе. Из-за постоянных дождей, однако, птичьего дерьма на голове и плечах Ленина было меньше, чем это бывает обычно.

Николай, растягивая время, медленно обошел площадь по кругу, потом в другую сторону, затем, подтянув куртку как можно ниже, чтобы не намочить брюки, опустился на край одной из скамеек – позади памятника и чуть в стороне, так, чтобы видеть проход между ларьками. Он был

уверен, что Марина появится оттуда, со стороны комбината. Ждать, однако, оставалось никак не меньше получаса, и, за неимением книжки и других полезных занятий, Николай подумал, не поиграть ли пока на мобильном. Тут же он вспомнил, что забыл вставить обратно симку. Может, кто-то ему уже названивает... Он поспешно вставил карту в телефон, некоторое время смотрел на экран, ожидая, не появятся ли недоставленные сообщения – но, похоже, в это утро Николай Селиванов никому не был нужен. Сам он тоже пока что звонить никому не собирался – в том числе и в горадминистрацию, вполне убедившись в бесполезности этого занятия; на сей счет у него имелся другой план. Некоторое время Николай провел, управляя крошечной футбольной командой, и уже почти довел ее до финала, когда услышал невдалеке цоканье каблучков.

Он поспешно поднял глаза, но это явно была не Марина: молодая женщина катила перед собой детскую коляску. Очевидно, мамаша выбралась на прогулку, пользуясь отсутствием дождя. Она опустилась на скамейку наискосок от Николая, предварительно достав из кармана и подстелив мятый пакет, ибо ее короткая дутая куртка ядовито-желтого цвета не могла ее защитить. Таких курток Селиванов тоже не видел с восьмидесятых, и, главное, она образовывала совершенно чудовищное сочетание с длинной серой юбкой. У женщины были длинные, но жидкие белобрысые волосы и кричаще ярко, как у дешевой проститутки, накрашенные губы. Устроившись на скамейке, она первым делом достала сигаретную пачку и закурила, нimalo не смущаясь младенцем в коляске в полуметре от дымящейся отравы. Селиванов далеко не впервые подумал, что курящих матерей надо лишать родительских прав.

Она заметила, что он смотрит в ее сторону, и кокетливо улыбнулась. Селиванов с отвращением отвернулся. Ну да, подумал он, скорее всего, мать-одиночка. Или с таким мужем, что... Но, конечно, младенец в коляске – не лучший аксессуар для завлечения мужчин. Хотя с другой стороны – кто сказал, что ее интересуют серьезные отношения?

Николай посмотрел на часы, потом на пустой проход между мертвыми киосками и вновь вернулся к игре, дабы все-таки выиграть финальный матч. Однако бразильская команда, к его неудовольствию, даже и в виртуальном варианте оказалась крепким орешком – первый тайм он проиграл со счетом 2:3. Только он приступил ко второму, все еще надеясь отыграться, как у него над ухом раздалось:

– Вы Селиванов?

Николай поднял голову. На этот раз ошибки быть не могло. Над ним стояла молодая женщина в блестящем красном плаще; ее морковно-рыжие волосы венчал кокетливо скошенный набок коричневый берет. Фигурка у нее была ладная, это было заметно даже сквозь плащ; что же касается лица, то оно балансировало аккуратно на грани между красотой и безобразием. Бывает такой тип внешности, где от одного до другого – не размытый спектр, а резкий перепад. Чуть-чуть, самую малость, пошире рот, повыше кончик вздернутого носа, побольше веснушек под глазами – и то, что только что казалось очаровательным, мгновенно оборачивается своей противоположностью. Так что Алевтина Федоровна, описывая «страшную девку», пожалуй что не сгущала краски, по крайней мере, сознательно – она действительно воспринимала внешность Марины именно так, в то время как восприятие Михаила было, очевидно, обратным.

Но, во всяком случае, выражение на этом лице было решительным

– Здравствуйте, Марина, – сказал Николай. Мобильник в его руке изобразил свисток и шум трибун, сообщая о пропущенном голе. Николай выключил игру и сунул телефон в карман.

Марина опустилась на скамейку рядом с ним.

– Вы так незаметно подошли, – Селиванов улыбнулся чуть извиняющейся улыбкой, словно игра, за которой она его застала, была делом не совсем приличным. – Я не слышал.

– Я пришла оттуда, – она показала через плечо на разрезающую кусты тропинку между скамейками позади площади.

– Не со стороны комбината?

– Нет.

– Вы наблюдали за мной прежде, чем подойти, – понял Николай.

– Ну... да.

– Поскольку вы все же подошли, не спрашиваю, какой вы в итоге вынесли вердикт, – вновь улыбнулся Селиванов. – Рад, что заслужил ваше доверие.

– Я бы все же хотела, чтобы вы показали ваше удостоверение, – твердо произнесла Марина (у Николая даже мелькнула мысль, что фраза прозвучала слишком уж твердо, словно заранее отрепетированная).

– Хорошо, смотрите, – рассмеялся он. – У вас на комбинате, как я погляжу, все прямо помешаны на безопасности. Хотя с общим антуражем не стыкуется. Мне представлялись чуть ли не бункеры с метровыми стенами и автоматическими бронированными дверями, как в ядерном бомбоубежище. Тревожные сирены и защитные костюмы. А оказался этакий кондовый НИИ... или заводоуправление... в каких я сто раз бывал. На стенах старые стенгазеты, сотрудницы пьют чай с тортом в рабочее время...

– Сейчас у нас мало работы, – подтвердила Марина. – Ну, вы знаете, наверное. Раньше, говорят, строже было. Но я здесь всего три года работаю.

– Скучно вам, наверное? – посочувствовал Николай. – Я бы вообще, наверное, с ума сошел на такой нетворческой должности. А тут еще и работы никакой, и даже на компьютере не поиграешь и по интернету не полазишь. Почему, кстати? Я, конечно, слышал байки о каком-то поле, из-за которого у вас не работает никакая электроника, но ведь это не может быть правдой?

– Почему не может? – пожала плечами Марина. – У нас тут вообще... аномалия, – она посмотрела на затянутое тучами небо, невольно втягивая голову в плечи.

– Ну, электричество-то работает. Лампы, телефоны...

– Во внешнем круге да. А ближе к центру, говорят... – она не закончила фразу и перескочила на другую тему: – А что касается работы, то как раз у меня ее не так и мало. Видите ли, комбинат – это большое комплексное хозяйство, и даже в условиях, когда поставки основного сырья фактически свернуты, он потребляет широкую номенклатуру артикулов, от тех же ламп и канцтоваров до оружия и боеприпасов...

– Вот как?

– Ну да, это же никакой не секрет, что у нас вооруженная охрана... Ну и многое другое, конечно. Всякие там кабели, обмотки, зубчатые колеса, цепи, тросы... все же изнашивается, нуждается в ремонте и профилактике, соответственно – в инструментах для всего этого... свой автопарк со своими ремонтными мастерскими, ГСМ, топливо для котельных, продукты для столовых, лекарства для медсанчасти... много чего. Наша специфика, опять же. Те же пишущие машинки, думаете, легко обслуживать и заменять, если их уже никто не производит?

– Понятно. Даже на холостом ходу комбинат продолжает потреблять немалые бюджетные ресурсы. Переводить народные деньги в пустоту. Жаль, конечно, что вы не застали время, когда все это работало на полную мощность, и не можете сравнить...

– Я нет, но мне Лидия Петровна рассказывала. Она на комбинате полвека проработала, последние годы пенсионеркой уже – в девяностые на одну пенсию не прожить было... вот недавно только ушла, здоровье совсем никуда стало, не знаю, сейчас жива ли еще. Так вот она говорила, что больше всего комбинат был загружен при Сталине, в три смены работали, товарняки с сырьем для нас едва разгружать успевали. Но тогда, по ее словам, не самое сложное время было, потому что все уже отлажено, как конвейер. А тяжелее всего было как раз в девяностые, когда вроде и производство свернули, но и все годами налаженные схемы поставки накрылись. Всех тех сопутствующих артикулов, про которые я говорила. Комбинат же все это

добро со всего Союза получал, а тут не только республики отвалились, но и соседние области таможенные барьеры начали устраивать – да и не только барьеры, просто у самих производство накрылось. Фактически, с нуля приходилось все снабжение выстраивать.

– И что, неужели канцелярские кнопки или пусть даже всякие запасные шестеренки ближе союзных республик взять было негде?

– Ну, в конечном счете, как видите, взяли, пришлось что-то ближе находить. То есть новые схемы поставок получились, конечно, оптимальней предыдущих. Как говорится, не было бы счастья... Хотя, некоторые артикулы до сих пор из-за границы идут. Фанеру вот, например, финскую покупаем. Ну неужели у нас в России своей фанеры нет? Да еще, небось, из нашего же леса сделанную, что на экспорт идет... Я пыталась на начальство выходить, мол, можно же дешевле у нас найти... и опять же, у нас стратегическое предприятие, нехорошо от заграницы зависеть... но мне сказали, мол, не лезь не в свое дело, у нас долгосрочные контракты. Только, если вы про это будете писать, не говорите, что от меня узнали.

– Само собой. Это, Марина, называется простым русским словом «откат».

– Да я понимаю, что с этих контрактов им в карманы капает, не такая я наивная...

– А по основному сырью вам тоже пришлось новые схемы выстраивать? Оно тоже из других республик шло?

– Сырье – это не наша забота, – отмахнулась Марина.

– Как так?

– Так. Сырье нам... смежники поставляют. Это целиком их ответственность. А я в эти дела и лезть не могу, допуска не имею.

– Как-то странно, что комбинат со своей стороны этот процесс не контролирует. Даже при плановой экономике такая односторонняя зависимость не слишком работала... как, впрочем, и вся плановая экономика... Неужели смежники не подводят?

– Ну как же не подводят, я же вам сказала – сейчас поставок фактически нет, комбинат на холостом ходу...

– Так вот в чем дело! Не в том, что комбинат прикрыли сам по себе, а в том, что он не получает необходимого сырья?

– Да нет, это все вместе... если бы не было решения свернуть работы на комбинате, то и поставки бы продолжались. Но я ж говорю, это все до меня было, в перестройку еще, при Ельцине.

– Перестройка – это Горбачев.

– Ну, может, при Горбачеве. Я тогда маленькая была, политикой не интересовалась. Слышала только краем уха, что родители говорили, да и то они старались в моем присутствии не обсуждать...

– Почувствуй себя старым, – усмехнулся Николай. – Я-то эти дела уже студентом застал, даже историю КПСС еще сдавал на первом курсе... и в августе три дня на баррикадах... ладно, это все лирика. А ваши родители тоже на комбинате работали?

– Отец инженером был, а мама библиотекарем. Единственная библиотека у нас в городе была, закрылась в начале девяностых. А вскоре и мама умерла.

– Сочувствую. Рак?

– Сердце. Ее можно было вылечить, в Европе делают такие операции, да где ж нам деньги взять на Европу... да и не выпустили бы ее.

– Почему?! Простого библиотекаря?

– Так библиотека тоже при комбинате была. Не на территории, в городе, но ему подшефная, и какие-там фонды для служебного пользования имелись. Мама говорила, там старье какое-то дореволюционное еще, а туда же – секреты. Опять же и муж – секретноноситель.

Его же хлебом не корми, дай через умирающую жену тайны в НАТО переправить... так ведь они рассуждают, – в голосе Марины не было ни гнева, ни даже особой скорби. Что-то вроде констатации средневекового крестьянина «вот рожь в запрошлом годе не уродилась, пришел град и все побил». Стихия, мол, что с ней поделаешь.

– Понятно. И вы все равно пошли работать на комбинат.

– Ну а куда ж еще.

– Как это куда? Страна большая, а мир еще больше.

– Ох, можно подумать, кто-то в этом мире нас ждет... Люська, подруга моя, вон Москву вашу покорять поехала. Училась, между прочим, неплохо. Не отличница, но... Допокорялась, дальнбойщиков ублажала на Минском шоссе... есть у вас там такое?

– Есть.

– Ну вот. В итоге ее в канаве задушенную нашли, и все тело в ожогах и порезах. В закрытом гробу хоронили.

– Да уж... Ну ладно, а отправкой готовой продукции *вы* занимаетесь?

– Что вы понимаете под готовой продукцией?

– Ну как – то, ради чего существует комбинат.

Марина сделала паузу, потом тихо сказала:

– Оно никуда не отправляется.

– В смысле – сейчас не отправляется? Хотя ваш Червяк мне сказал, что менее процента комбинат все же производит...

– Вообще не отправляется. И думаю, что и не отправлялось никогда.

– Я слышал о том, что грузовики с комбината всегда идут порожняком, – медленно произнес Николай, – но, я так понимаю, это все же городская легенда. Как рассказал мне кое-кто из шоферов, иногда эти грузовики все же загружаются какими-то ящиками и везут их на станцию.

– Да. Но это побочный продукт. А то, ради чего существует комбинат, никто никуда не везет.

– И что же это? – спросил Николай внешне небрежно, не смея поверить, что вот прямо сейчас и получит ответ.

– Я могу рассказать вам... кое-что интересное, – сказала Марина, заглядывая ему в глаза.

– Но вы должны обещать, что поможете мне. Собственно, ради этого я согласилась на встречу с вами.

– И какая помощь вам требуется?

– Собственно, даже не мне... помощь нужна Мише. Проблема в том, что он сам отказывается это признать.

– Алкоголь? – понимающе кивнул Селиванов.

– Да. И не только.

– Сочувствую, – Николай снова кивнул, – но у меня, к сожалению, нет знакомых наркологов.

– Нет, вы меня не так поняли! – торопливо возразила Марина. – Я не имею в виду, что он спивается. Нет... пока, во всяком случае, нет. Я про этот его... «проект», как вы выразились. Его надо остановить! Он сам не понимает, во что ввязывается. Точнее, во что его втягивает этот бандит Вовка. Его же просто убьют, сделают крайним и убьют!

– Да, местные водочные бароны могут... А Вовка что, в самом деле бандит, или это фигура речи?

– Он сидел за убийство в девяностые. Правда, ему это оформили как превышение пределов самообороны. Сам он говорит, мол, за девушку заступился. Да знаем мы, какая там

девушка... такие «девушки» за бутылку любые показания дадут. А грохнул он типа, с которым бизнес не поделил, тот тоже, в общем, уголовник был... Там, на зоне, и с Джабиром этим чертовым познакомился. А Мишке что? Он, говорит, мой друг детства, я его со школы знаю... в смысле, когда он еще сам учился, а не преподавал... от хулиганов, говорит, меня защищал... Да мало ли кто кого защищал тридцать лет назад! С тех пор уж такие друзья друг другу глотки перегрызли...

– Погодите. Кто такой Джабир?

– Да он теперь тоже при клубе околачивается... гость с солнечного Юга. Как я понимаю, они с Вовкой на пару весь этот план и разработали. И ладно бы еще только водочный рынок под себя подмять... но Джабир же тут героиновым королем стать хочет. У него каналы поставки налажены из Средней Азии, но чтоб ему здесь закрепиться, сначала местных водочных выбить надо, а на это у него кишка пока тонка. Им с Вовкой Миша нужен только чтобы прикрытие для этого дела получить через его знакомого ФСБшника, а там мавр сделал свое дело... Мишу подставят и грохнут, его убийц посадят, вся местная водочная шобла пойдет как заказчики и сообщники, ментам лишняя лычка за раскрытие оргпреступности, ФСБшникам откат, клубу репутация. И все, рынок зачищен и свободен.

– Так вот, значит, что значит «борьба за здоровый образ жизни», – протянул Николай. – И что вы предлагаете делать? Если, как вы говорите, Михаил ничего не хочет слушать.

– Ну вы же журналист! Расследованиями всякими занимаетесь. Выведите эту погань на чистую воду!

– Вообще темка интересная. Не всероссийского, конечно, масштаба, но в качестве, так сказать, case study... Однако, откуда вы знаете все эти подробности? Как я понял со слов Михаила, вы не слишком вовлечены в жизнь «Вервольфа». У него сейчас нет мотоцикла, а девушка байкера не может кататься с другими байкерами.

– Ну да, не слишком, – подтвердила Марина. – Поначалу он меня и в самом деле увлек этой байкерской романтикой, я, дура, поверила в эти сказочки... рыцари дорог и все такое... А потом, когда только рожу этого Джабира увидела, уже многое стала понимать... да и не только его...

– Но вы же понимаете, одних подозрений мало. Чтобы сделать статью с серьезными уголовными обвинениями, нужны железобетонные доказательства.

– Ну, – Марина замялась, – мне, в общем, дали верную информацию. Из надежного источника.

– Какого? Только учтите, если вы мне скажете, что Вовка сам вам выболтал по пьяни, я вам вряд ли поверю.

– Ну... не он лично, а кое-кто из его сообщников, и не то чтобы мне, но... действительно выболтал. Не все в деталях, но достаточно, чтобы сообразить остальное.

– Хорошо, тогда кому? Марина, если вы хотите, чтобы я помог вам и вашему... гм... Михаилу, не вынуждайте меня тянуть из вас каждое слово клещами. Мы свои источники не выдаем, но и полагаться на голословные утверждения не можем.

– Ладно, – решила Марина. – Мне рассказал мой отец. Хотя он не имел на это права.

– Ваш отец? – удивился Николай. – Инженер? Он-то тут при чем?

– Бывший инженер. Сейчас он... священник. А это – тайна исповеди.

– Погодите, – Селиванов начал понимать, – ваша фамилия Ермолаева? Марина Никодимовна Ермолаева?

– Да. А вы разве не знали?

– Теперь знаю. Как странно – я говорил с вашим отцом только вчера. И это была совершенно случайная встреча.

– У нас маленький город, – невесело улыбнулась Марина. – Можно сказать, все друг с другом как-то связаны. Хотя он бы вам, наверное, сказал, что ничего случайного не бывает.

– Ну да. Все – воля божья. В том числе и то, – не удержался Николай, – что, выражаясь по-христиански, его дочь живет во грехе с женатым мужчиной.

– У нас с отцом... непростые отношения, – признала Марина. – Я из дома сбежала, как только шестнадцать исполнилось.

– Подростковый бунт? Или было от чего бежать?

– Да было. Нет, не в этом смысле, – вдруг смутилась она. – Никаких извращений и домогательств, нет. Хоть про попов и говорят, что они все или педофилы, или голубые, но мой-то попом стал, когда ему уже под сорок было, и у него нормальная семья была. То есть в общем-то в детстве я неверующей росла, а потом, как он вдруг резко стал ко Христу обращаться... и меня обращать, соответственно...

– И в разрезанных кошек не верили? – усмехнулся Николай.

– Вы и про это знаете? Верила. В это все верят.

– И как? Лично не пробовали?

– Честно говоря, однажды хотела, но побоялась.

– Когда узнали про болезнь матери?

– Да, – призналась Марина. – По правде, иногда я даже сейчас думаю, что если бы тогда не испугалась... хотя это глупость, конечно. И мама, если бы узнала, в ужас бы пришла.

– Так, значит, с отцом у вас возникли разногласия на религиозной почве.

– Да. Креститься он меня все-таки уговорил. Но потом... все эти его постные проповеди... то нельзя, это нельзя... в джинсах не ходи, волосы закрывай... про мальчиков и не говорю... И главное – ради чего? Что, говорю, тебе бог-то твой дал? Жену и ту забрал. В рай попасть надеешься? Вкладчики МММ тоже надеялись. Это тогда как раз эта история с МММ была... Ну допустим, говорю, есть твой бог, но кто тебе сказал, что он за твои вклады дивиденды платить собирается, а не разводит тебя, как лоха? И всех таких, как ты... А что ему, на него ведь даже в суд не подашь! В общем, сбежала я от него... от отца, в смысле. Лучше уж у чужих людей по углам ютиться... они хоть в душу не лезут...

– Вы и сейчас квартиру снимаете?

– Комнату. У бабки одной. Бабка помрет, квартиру должна мне оставить. За то, что я за ней ухаживаю.

– Имейте в виду – наследникам первой очереди положена доля, даже если они не указаны в завещании.

– Да нет, у нее точно никого, я узнавала. Но как надоело из-под нее дерьмо выносить, если б вы знали!

– Могу догадаться, – сочувственно кивнул Николай. Стало быть, вопрос, почему Косоротов не уйдет жить «к своей девке», имеет простой и банальный ответ. – Выходит, ваш отец, несмотря на ссору, доверил вам тайну исповеди?

– Ну, сейчас мы уже не в такой ссоре, как раньше, все-таки общаемся. Хотя, конечно, я с его точки зрения – блудница и грешница. Которую он все еще надеется спасти. Ну и не только в религиозном смысле спасти... То есть с одной стороны он надеется, что я Мишу брошу, а с другой боится, что вместе с ним и меня убить могут...

– Выходит, несмотря на все разговоры о смирении, как дошло до родной крови, он сам с легкостью переступает через свои обеты, – усмехнулся Николай.

– Да нет, не с легкостью, но... Он ведь, главное, сделать ничего не может. В милицию ведь не пойдешь...

– Почему? Он ведь уже совершил грех раскрытия тайны.

– Да потому что там все купленные!

– Да, верно, – согласился Николай. – Но тут вот что любопытно. Он же вроде духовника клуба «Вервольф», а Вовку так и лично крестил. Что же он не воздействует на них, так сказать, словом пастыря? Зачем-то ведь они ему исповедуются – вот и не отпускал бы им грехи. Или все дело в деньгах, которые они ему на церковь отстегивают? Думает, с водочно-героиновой торговли этих денег больше будет? Да и прихожан заодно. Чем больше у людей проблем и чем они неразрешимей, тем больше молящихся...

– Ну уж, скажете тоже! – возмутилась Марина. – Не может быть, чтобы мой отец... Хотя, по правде говоря, слышала я от него что-то такое, что, мол, очищение души возможно лишь через покаяние, а кто не грешит – тот и не кается... Но нет, я не верю, что он специально! Джабир, например, вообще мусульманин, что ему христианский поп?

– Можете, конечно, не верить, если знаете альтернативное объяснение. Но если бы единственной проблемой был Джабир, с ним, полагаю, вполне можно было бы справиться. Но думаю, что этот ваш Вовка вполне искренне считает себя верующим – и столь же искренне убежден, что с богом, как и с любым начальством, можно разругать вопрос за соответствующую цену. Впрочем, христианская религия такому представлению вполне способствует. Не помню, кто сказал, что трудно придумать систему более аморальную, чем та, которая провозглашает, что можно всю жизнь творить какое угодно зло, а потом покаяться и отправиться в рай...

– Но вы мне поможете? – перебила его Марина.

– Это не так просто, – констатировал Николай. – Речь идет не о совершенном преступлении, а о планах, а это штука труднодоказуемая. Я могу дать этот материал в своей статье со ссылкой на «непроверенный источник». Такое, в принципе, допустимо, если подается не как факт, а как слух – вот, мол, говорят в городе и такое. Что, впрочем, позволит Вовке и компании сделать вид, что речь идет о заказе со стороны местной водочной мафии, пытающейся сорвать их благородный проект. Одновременно и сама эта водочная мафия сделает выводы для себя, и дальнейшая война между ней и «Вервольфом» может развиваться самыми разными способами. Далеко не факт, что безопасными для Михаила. Но я могу, пока я здесь, еще раз поговорить с ним и изложить вашу версию...

– Это не версия!

– ...как исходящую из никак не связанного с вами источника. Вас я вообще не знаю, и мы никогда не встречались... хотя не знаю, заглочит ли это Михаил, которого я сам просил организовать нашу встречу... Во всяком случае, я попробую его убедить. Но гарантировать ничего не могу, сами понимаете.

Марина молчала. Видимо, известный журналист из Москвы и в самом деле поначалу казался ей суперменом, способным в одиночку победить весь местный криминал, крышуемый коррумпированными силовиками, но теперь, по здравом размышлении, она понимала, что для выведения Михаила из-под удара Селиванов и впрямь может сделать не так уж много.

– Так что вы хотели рассказать мне про главную продукцию комбината? – поторопил ее Николай. – Естественно, я гарантирую вам конфиденциальность.

– Напрямую это не в моем ведении. Но я хорошо представляю себе общую логистику комбината. Те же нормы расхода ГСМ, выделяемые под определенный километраж автопарка. Ну и сроки ремонтно-профилактических работ, под которые тоже идут свои артикулы. Раньше нормы были очень щедрыми, шоферы постоянно приторговывали налево государственным бензином. Но в девяностые, когда финансирование срезали почти в ноль, их ужали до физически возможного минимума. И вот исходя из этого минимума на каждую машину получается, что лишних рейсов, не учтенных моей статистикой, они не совершают. От комбината до станции, правда, расстояние короткое, напрямую километра три, но со временем набегает, а я специально

старые записи за много лет поднимала. До совсем старых, доперестроечных, правда, не докопалась, их не то уничтожили, не то списали в какие-то архивы, куда у меня допуска нет. То есть машинами продукцию с комбината не вывозят. А больше, сами понимаете, никак. Отдельной рельсовой ветки к нам нет, вертолеты на комбинат не летают.

– Что же у вас там, – усмехнулся Николай, – черная дыра, что ли, во внутреннем круге? Или портал в параллельный мир?

– А вы бы в такое поверили? – серьезно спросила Марина.

– Я бы скорее поверил в трубопровод. Если продукция жидкая или газообразная.

– Вряд ли, – с сомнением произнесла Марина. – Трубопровод тоже регламентных работ требует. А в моих документах это никак не отражается.

– Ну, вы же сами говорите, конечная продукция – вне вашей компетенции. Возможно, и обслуживание трубопровода тоже. Или тут расходные материалы так хитро размазаны между всем остальным, что и не заметишь...

– Может, и так, – Марина не стала спорить.

– А может, все гораздо проще? Почему вы так уверены, что ящики, которые везут на станцию – это побочный продукт?

– По накладным, они направляются для реализации в торговую сеть. В обычные магазины, торгующие всяким дешевым ширпотребом. Причем реквизиты не менялись с советских времен. Я говорила Лидии Петровне, что они, по всей видимости, уже просто неактуальны, но она ответила, что это не наше дело.

– Что наводит на мысль, что эти накладные – фикция.

– Может быть, – вновь согласилась Марина.

– Я слышал, что и сами ящики на самом деле пустые.

– Я не проверяла, – пожала плечами Марина. – Я их даже никогда не видела. В общем-то, если магазинов таких уже нет, то и товаров для них может не быть – но кому и зачем нужно возить пустые ящики?

– А когда на станцию пойдет ближайшая машина с ящиками?

– Да вот как раз этой ночью ездила. Теперь уже не скоро, при нынешнем уровне работы. Через неделю, видимо.

Николай мысленно чертыхнулся. Если бы он знал заранее, мог бы проследить ночью за этим грузом...

– А почему ночью? – спросил он вслух. – Если это просто дешевый ширпотреб?

– Не знаю. Так положено. Доставка и отгрузка с комбината всегда ночью.

– Доставка – это вы имеете в виду сырье? А про него вы что-нибудь знаете?

– Про него мне ничего знать не положено, – строго сказала Марина. – Государственная тайна.

– Ну хорошо, – Николай вновь подумал о гипотезе, возникшей у него, пока он пытался дремать в машине. – А как по-вашему... комбинат как-то влияет на людей, которые на нем работают? На здоровье, на психику? Есть ли у вас какие-то льготы за вредность?

– Да никаких льгот... работа как работа. Хотя Лидия Петровна говорила, при Сталине допаяк был... и при Брежневле продуктовые заказы там всякие... но это, наверное, много где было. Так что ничего особенного. Но это во внешнем круге. В среднем – там, говорят, действительно работа грязная... но там и публика соответствующая. Уголовников полно и вообще. Пьют многие, у некоторых крыша едет...

– Отчего это, интересно?

– Да от пьянства, наверное, и едет... а сейчас еще и от безделья.

– А может, на них это самое поле влияет?

– Да нет, вряд ли. Тогда бы уж начальство-то туда в скафандрах ходило.

– А оно не ходит?

– Нет. Никогда не видела и не слышала, чтоб у нас тут какие-нибудь защитные костюмы были.

– А во внутреннем круге?

– Я не знаю никого, кто работал бы во внутреннем круге, – покачала головой Марина, как показалось Николаю, как-то слишком поспешно. – И даже никого, кто там хоть когда-то бывал.

– Но вы ведь знаете, какие легенды ходят? Что, мол, тот, кто туда войдет, обратно уже не выйдет. Что вы об этом думаете?

– А что я должна думать о легендах? По крайней мере, – добавила вдруг Марина, – опровержений я не знаю. Хотя... и подтверждений тоже, – она посмотрела на маленькие часики на тонком запястье: – Ой, мне уже пора. Перерыв заканчивается. Так уж вы постарайтесь Мишу убедить, во что он впутался! И... не пишите и не делайте ничего, что может ему повредить. Вы обещаете? – она снова заглянула ему в глаза.

– Да, конечно, – легко согласился Селиванов. – Ну, спасибо вам за все, что рассказали.

Марина коротко кивнула на прощанье и быстро пошла в сторону комбината – на сей раз кратчайшим путем между ларьками. Николай некоторое время провожал ее взглядом, затем тоже поднялся и пошел в перпендикулярном направлении – мимо памятника в сторону идущей прочь от комбината улицы.

– Селиванов! – услышал он вдруг, едва миновав постамент.

Николай вздрогнул от неожиданности, словно его окликнул сам Ленин, но, разумеется, неприятный старческий голос принадлежал другому коммунисту. Обернувшись, Николай увидел стоявшего возле постамента Славеста. На сей раз – без Джульбарса.

На сей раз, увидев его на свету, а не в полумраке беседки, Николай понял, что Славест кого-то ему напоминает. Ах, ну да – Петьку, очевидно. Сходство впрочем, в глаза не бросалось – Петька выглядел откровенным дегенератом, чего о Славесте, при всей неприязни Селиванова, сказать было нельзя: тот скорее производил впечатление фанатика, иссушенного пожирающим его изнутри огнем, но от природы не лишённого некоторого даже благородства черт. Тем не менее, если мысленно закрыть низкий лоб и скошенный подбородок последнего мужчины в роду Безруковых, а заодно представить, что он похудел килограммов на двадцать и длительное время воздерживался от спиртного, то глубоко посаженные серые глаза, верхняя часть носа и скулы совпали бы, пожалуй, довольно точно. Все-таки, видимо, если Маша и шантажировала Славеста отцовством, то при этом не врал...

– Вы следили за мной? – раздраженно спросил Николай. Впрочем, можно было и не спрашивать – вероятность, что Карлов оказался здесь случайно, со всей очевидностью стремилась к нулю. А вот проследить Николая от комбината тому было нетрудно. Хотя – что бы он стал делать, если бы объект наблюдения не пошел пешком в сквер, а уехал на машине? Впрочем, кто сказал, что у Славеста нет своего автомобиля. Наверняка какая-нибудь советская рухлядь, но тем не менее... Слышал ли он что-то из разговора на скамейке? Николаю совсем не хотелось, чтобы у Марины из-за ее откровенности были неприятности – каковые старый совок, пусть и отставной, определенно мог устроить.

– Как ваше интервью? Довольны? – осведомился Карлов, игнорируя вопрос.

– Нормально, – холодно ответил Николай. В очередной раз благодарить Славеста он не стал.

– Узнали все, что хотели? – в голосе старика звучала нескрываемая издевка.

– Узнал то, что можно было узнать от человека-плаката.

– Но хотели бы узнать больше, не так ли? – теперь Карлов говорил почти заговорщицки,

даже понизил голос.

– К чему вы клоните? – нахмурился Николай.

Славест, видимо, надеялся, что журналист подойдет к нему, но тот этого не сделал, так что он шагнул к Селиванову сам. Теперь Николай отчетливо видел, что старик ниже него на полголовы.

– Я могу достать вам пропуск во внутренний круг, – сообщил Славест.

– И за что такая честь либералу-антисоветчику? – усмехнулся Селиванов. Он был уверен, что это какая-то провокация, но пока не мог понять, какая именно.

– Мне нужна от вас кое-какая помощь.

«И вам тоже?» – чуть не вырвалось у Николая.

– Какая? – спросил он вместо этого.

– Вы знаете Васильчикова?

– Аркадия Семеновича? Да.

– Его отец был следователем НКВД в эпоху Больших Чисток. Из тех, о ком Сталин писал в своей статье «Головокружение от успехов». Он поплатился за допущенные перегибы, хотя потом предатель Хрущев его реабилитировал...

– Это мне тоже известно.

– Васильчиков, воспользовавшись служебным положением, выкрал из архивов некоторые документы по старым делам, которые вел его отец. Меня интересует один из этих документов. Это донос, по которому был арестован... некто Владислав Кириллов.

– Друг отца Алевтины Федоровны, впоследствии давший показания на него самого? – припомнил Николай. – То есть фактически автор доноса погубил сразу две семьи... как минимум. И вы хотите знать, кто это был?

– Не обязательно «был». У меня есть основания подозревать, что этот человек все еще жив.

– Спустя 65 лет? Вот уж вряд ли, тем более в России.

– Иначе Васильчиков вряд ли до сих пор хранил бы этот документ, – возразил Славест.

– Может, уже и не хранит... вам, насколько я понимаю, он его не показывал. Но, собственно, вам-то какое дело до этой давней истории? А, понимаю – ваши родители тоже были репрессированы по тому же делу?

– Да, – ответил Славест после паузы.

– Мне казалось, вы оправдываете сталинские репрессии, – не удержался Николай.

– Я оправдываю подлинную борьбу против врагов народа, – строго произнес Карлов, – но не злоупотребления ею в личных корыстных целях. Если злоумышленник столкнул человека на пути перед поездом, вы же будете обвинять столкнувшего, а не машиниста? Мне необходимо знать правду.

– И почему Васильчиков не желает вам ее открыть?

– У нас с ним не слишком хорошие отношения, – криво усмехнулся Карлов. – И потом, наверное, он хочет сохранить рычаг влияния на доносчика.

– На какого-то выжившего из ума старика? Чем он может быть полезен Васильчикову, да и кому он вообще теперь интересен? Вы ведь не собираетесь убить его из мести?

– Я должен знать правду, – холодно повторил Славест. – И свою цену за нее я назвал.

– Но как я вам достану этот документ? Вы, похоже, путаете профессии журналиста и секретного агента. Я же не могу пробраться в квартиру Васильчикова, устроить там обыск и выкрасть нужную вам бумагу. Я, знаете ли, чту Уголовный кодекс.

– Как – это ваше дело, – отрезал Славест. – Вы же раскапываете всякие сенсации для вашей газеты. Заграничные счета там и все такое.

– Хм... это не совсем то же самое. Недвижимость, к примеру, фиксируется во всяких реестрах, кадастровых ведомостях и всем таком, причем на Западе это, как правило, вполне открытая информация. С банковской тайной сложнее, но тоже можно отследить... ключевой фактор – вовлеченность в дело многих людей и организаций. А если Васильчиков просто притырил для себя никому уже полвека не нужную бумажку... Ну ладно, я подумаю. Копия вас устроит?

– Я знаю, что сейчас на компьютере можно нарисовать что угодно. Впрочем... если там будут подробности, по которым я пойму, что документ подлинный... Но лучше оригинал.

– Ладно, – повторил Николай. – Я позвоню вам, если что-то узнаю.

– И желательнее поскорее.

Селиванов вышел из сквера на улицу и зашагал обратно к комбинату, туда, где оставил Сашку. Тот был на месте.

– Куда теперь, командир?

– На станцию, – принял решение Николай.

– Ты чо, уже уезжать собрался? – произнес Сашка с явным разочарованием. Ну еще бы, постоянный источник дохода...

– Пока нет, – успокоил его Селиванов. – Ты в курсе, куда именно ящики с комбината возят?

– Ну я ж говорю, сам я их не возил. Там пакгаузы, не доезжая до пассажирской платформы, туда куда-нибудь... И вообще, хватит уже у меня секреты выпытывать! Упекут меня из-за тебя...

– Ну какие же это секреты, если ты сам толком не знаешь... Предположения делать никому не запрещено. Поехали.

Николай ожидал вновь оказаться на привокзальной площади, но Сашка проехал какими-то улочками и оказался у железной дороги, не доезжая до самой станции. Машина остановилась перед длинным бетонным забором; за которым маячили крыши товарных вагонов; станция, как понял Селиванов, была справа.

– Тут слева дырка в заборе, – напутствовал Сашка. – Через пути перейдешь, там пакгаузы.

– А чего прямо не подъехать? Ты же не через дырку в заборе на погрузку ездил.

– Я там стоять не хочу, – затряс головой водила. – Там погрузка-разгрузка только. Увидят легковушку, начнут говниться, кто, зачем, почему...

– Ну ладно, жди здесь.

Николай быстро обнаружил дырку – продолбана она была на совесть, так, что можно было пройти, почти не пригибаясь, и даже через грязную лужу сразу же за ней кто-то сердобольный перебросил доску – и прошел внутрь (бурая жижа под спружинившей доской, влажно чавкнув, плеснула в обе стороны). Ближайшие к забору рельсы, совсем ржавые, вели исключительно в лопухи – по ним, вероятно, никто не ездил уже не одно десятилетие – зато на следующих, преграждая дорогу и уходя к горизонту в обе стороны, стоял товарный состав. У Николая возникло твердое ощущение, что это – тот же самый, который он видел при въезде в город. Он с неудовольствием посмотрел по сторонам, прикидывая, сколько придется топтать в обход, а потом решительно полез прямо через сцепку между вагонами. Мысль, что поезд, простоявший без движения несколько дней, если не недель, поедет вот именно сейчас, при всей своей маловероятности не доставляла ему удовольствия, однако опасение оказалось напрасным. Выбравшись на оперативный простор, где уже ничто не застило ему дорогу до самого далекого забора по другую сторону путей, Николай оглядел себя, брезгливо отряхнул брюки и куртку и зашагал к длинным приземистым зданиям без окон, которые пути огибали слева и справа.

Местность, несмотря на середину дня, выглядела совершенно безжизненной – ни машин, ни стационарных рабочих, так что, кого именно опасался Сашка, так и осталось загадкой. Николай прошел вдоль закрытых ворот пакгаузов (в одном месте, впрочем, они оказались открыты, но внутри не оказалось ничего, кроме огромного, пахнущего сырым бетоном помещения, неосвещенного и пустого, если не считать кучи каких-то полусгнивших мешков в углу); надежда встретить хоть кого-то, пригодного для разговора, таяла с каждой минутой и уже практически исчезла, когда, огибая торец пакгауза, Николай заметил сизый дымок, тянувшийся из-за груды черных шпал, сваленных между путями. Пойдя туда, Селиванов обнаружил бомжеватого вида мужичка в телогрейке, сидевшего на ящике перед костерком, над которым булькал подвешенный на арматурном пруте закопченный котелок. В ожидании, пока варево будет готово, мужичок смолил мятую папиросу.

– Здоров, – сказал ему Николай, останавливаясь.

Телогрейконосец окинул его презрительным взглядом снизу вверх:

– Те чо надо?

– Узнать кой-чего хочу. Ты здесь работаешь?

– Я здесь живу, – буркнул мужичок, не выпуская папиросу изо рта.

– Ну, тем более. Значит, все тут знаешь, – произнес Николай с интонацией почти угодливой, от которой ему самому стало противно. Говорить стоя с сидевшим тоже было неприятно, но сесть было некуда – не на провонявшие же креозотом шпалы.

– Курить есть? – осведомился бомж, мигом проникаясь сознанием собственной значимости.

– Нету. Но на пузырь дам, если скажешь, что мне надо.

– Сначала пузырь покажи.

– Я сказал – *на* пузырь, – повторил Николай. – Деньгами дам, – он достал бумажник и помахал им в воздухе.

– Чо мне твои деньги, – не вдохновился телогреечный. – Это еще в магазин топать надо...

– Сходишь, не развалишься. Радовался бы, что тебе вместо паленой дряни деньги дают. Сходишь и сам выберешь, что больше по вкусу.

– А чо там выбирать? Как будто все это палево не из одного крана разливают. Этикетки только разные... демократия, бля.

– Ну короче, ты выпить хочешь или нет? – потерял терпение Николай. – Могу ничего не давать, я не настаиваю.

– Ладно, ладно... чо хотел-то?

– Грузовики сюда с комбината ездят – знаешь?

– Ну.

– Сегодня ночью один приезжал.

– Ну.

– Ящики привозил. Знаешь, где они?

– А вот, – бомж кивнул на свой костер. Николай перевел удивленный взгляд на огонь и понял, что топливом действительно служат разломанные листы фанеры.

– Сухая фанера, хорошо горит, – одобрительно продолжал бомж. – Импортная, кажись. Не то что доски местные, сырые все.

Угу, подумал Николай. Финская. Купленная за валюту, полученную от продажи леса, который идет на производство этой фанеры, которая идет в костер бомжа.

– Это чего же их, сразу выкидывают?

– Не, не сразу. Ночью привозят, утром выкидывают, самосвал на свалку забирает. Ну и я себе утаскиваю, какие успею.

– А внутри-то что?

– А ничего, – бомж для убедительности постучал по ящику, на котором сидел. – Пусто.

– Но, может, прежде, чем выкинуть, из них что-то выгружают?

– Не, – бомж убежденно помотал головой. – Так заколоченные и выкидывают.

– Ясно, – побормотал Селиванов, а затем спросил с усмешкой: – А ты сам-то чего на свалку жить не идешь? Ваши вроде все там.

– На свалке, конечно, с хавчиком получше, – мечтательно произнес телогреечный, – но народ больно стремный. Говорят, они там друг друга жрут. Да и не больно-то они пускают чужих. Не, ну его нах. Я лучше тут, в вагончике. Тут хорошо, не стремают никто. Зимой тока, сука, холодно.

«Русский Диоген, блин», – подумал Николай.

– А чего не уедешь в другие края? – осведомился он вслух. – Туда, где теплее. На каком-нибудь товарняке.

– Да я сюда так и приехал, – усмехнулся бомж редкозубым ртом. – Вот на этом поезде, – он кивнул головой на все тот же состав. – Уже лет... а, хер его знает скока назад. Тоже все искал, где она, лучшая жизнь. При Горбаче искал, при Ельцине искал... А поезд приехал и встал тут, с концами. Ну, значит, судьба... – он вытащил из кармана ватника немислимо грязный платок, развернул его на ящике (Николай увидел серый порошок внутри), затем вынул изо рта бычок, мастерски загасил его плевком, потом разломал и хозяйственно вытряс табачные крошки в общую кучку. – Деньги-то давай, – деловито потребовал он, снова пряча платок в карман.

– Держи, – Николай протянул ему сотню и побрел обратно через пути.

– В горадминистрацию, – велел он Сашке, садясь в машину.

– Ну ты сегодня прям разъездился, – осклабился водила.

– Тебе-то что, только лишний заработок.

– Да не, я разе ж против... погнали.

Он и впрямь погнал довольно резво, и спустя всего несколько минут, благополучно не задержавшись ни на одном светофоре, «Волга» остановилась напротив трехэтажного желтого особняка с довольно-таки хлипкими колоннами, который не привлек бы ничьего внимания где-нибудь в Москве или в Питере, но на фоне убожества красноленинской архитектуры казался чуть ли не Парфеноном в его первозданном великолепии. С флагштока над фронтоном мокрой тряпкой свисал трехцветный российских флаг. С постамента напротив на этот флаг указывал каменной рукой очередной Ленин.

Селиванов вновь снял куртку. Серьезный человек, спешащий по важному делу, дубль два. Папку в руку, мобильник к уху, вперед. Жаль, туфли утратили свой утренний блеск, ну ладно, охранники на обувь обычно не смотрят...

Он лихо взлетел по ступенькам крыльца, потянул на себя тяжелую дверь с бронзовым кольцом и решительным шагом двинулся мимо будки с милиционером, раздраженно говоря в выключенную трубку: «Да, разумеется! Значит, звоните прямо в министерство, сколько можно, деньги перечислены два месяца назад...»

– Вы к кому? – не впечатлился всем этим представлением охранник.

– Минуту, – сказал Селиванов в трубку и отнял ее от уха. – К Игнату Игнатовичу, – ответил он тоном милицейского генерала, которого останавливает простой гаишник.

– Вам назначено? – все же уточнил милиционер.

– Разумеется.

Похоже, его напор все же возымел действие, поскольку охранник не стал требовать документы и сверять их с какими-либо списками (чего Николай в глубине души все же опасался), а лишь сказал: – Второй этаж направо до конца.

– Знаю! – начальственно-хамским тоном ответил Николай и, кстати, не соврал, поскольку теперь он уже и впрямь это знал.

Быстро поднявшись по покрытой красной ковровой дорожкой лестнице (на площадке между первым и вторым этажом громоздился тяжеловесный ленинский бюст), Селиванов нырнул в полутемный коридор, в конце которого, рядом с обитой дерматином дверью, блестела табличка

Председатель городской
администрации
ИГНАТОВ
Игнат Игнатович

и ниже еще одна -

ПРИЕМНАЯ

«М-да, с фантазией в роду Игнатовых явные проблемы», – весело подумал Николай, только сейчас узнавший фамилию градоначальника, и, сунув в карман телефон, потянул на себя дверь.

Приемная оказалась такой, какую он и ожидал увидеть: не слишком большая комната, слева у стены – несколько стульев в ряд (пустые), справа у окна – фикус в кадке и стол секретарши, на сей раз не с пишущей машинкой, а с нормальным компьютерным монитором и принтером, прямо по курсу – вожделенная дверь в кабинет мэра. За столом сидела средней симпатичности девица с зачесанными назад темными волосами и тщательно подведенными ресницами. В момент появления нежданного гостя она, похоже, как раз наводила красоту, поскольку торопливо захлопнула зеркальце и опустила державшую его руку. Идиотского вопроса «Вы к кому?» она задавать не стала, спросить «Вы кто?» тоже не отважилась и лишь уставилась на посетителя, недоуменно вскинув брови, от чего на ее молодом лбу залегли некрасивые морщинки.

– Ой, а где Зиночка? – сымпровизировал Николай.

– Так на бюллетене же! Я – Света.

«Надо же, еще одна Света», – подумал Селиванов. «Только эта какая-то неправильная Света. Правильная должна быть блондинкой.» Интересно, он с ней в последний раз говорил по телефону, или это еще одна? Голос всех секретарш Игнатова, во всяком случае, определенно звучал одинаково.

– Да, конечно, – сказал он вслух. – Знаете, Светочка, по-моему, вам стоит носить распущенные волосы. Зачесанные назад делают женщину старше.

– Вы так думаете? – спросила она с озабоченным сомнением в голосе.

– Точно вам говорю. Лет на десять. Так что вам я бы сейчас дал все двадцать шесть.

– Мне двадцать три, – сообщила Света, явно не поняв тонкого комплимента. «Перед кем я мечу бисер?» – подумал Николай.

– Вот о том и речь, – кивнул он и тут же, без перехода, указал движением головы на дверь: – Сам у себя?

– Ой, а вы разве не знаете? – секретарша вновь округлила глаза. – Он же в Москву улетел.

– Улетел? – удивился Николай. – Здесь же нет аэродрома.

– Ну, в область поехал, а оттуда самолетом... В Москве сейчас в Администрации обсуждают программу возрождения комбината и нашего города, – сообщила Света тоном Особо Приближенного Информированного Источника. – Вот он срочно и вылетел.

«Неужели мой grank зашел так далеко?» – поразился Николай. «Нет, не может быть! Не

мог же мэр города, и не какой-нибудь совсем деревенский лапоть, а, между прочим, московский ставленник, вот так сорваться с места по звонку от неизвестно кого, не перезвонив, не перепроверив... Или он позвонил и проверил, и оказалось, что это – ПРАВДА?»

– А, ну да, – сказал он вслух. – Мне, наверное, звонили, но я еще автоответчик не проверял. Дела, дела... А когда Игнат Игнатович вернется?

– Ой, не знаю... на той неделе, наверное...

– Ну ладно... тогда я к его заместителю...

– Так в отпуске же!

– Точно, – Николай мотнул головой. – Совсем я с делами закрутился, ничего не соображаю. Ну ладно, Света. Так вы насчет прически подумайте, я серьезно.

«Штирлиц знал, что лучше всего запоминается последняя фраза...»

– А может, мне и покраситься стоит? – осведомилась секретарша, зачем-то поворачиваясь к нему в профиль. – Как вы думаете?

– Стоит, – убежденно сказал Николай, хотя вообще крашенных не одобрял. – В блондинку.

– Ой, а я темно-рыжие хотела... Знаете, такая медная волна на закате...

– Нет, вам – только в блондинку, – твердо повторил Николай и вышел за дверь.

– Ну что, видел мэра? – приветствовал его Сашка.

– Нет, – буркнул Селиванов, устраиваясь на сиденье.

– Ну чо я говорил! У нас его никто никогда не видит.

– Ну уж секретарши-то видят, – возразил Николай. Надо было спросить у Светы, когда она видела шефа последний раз.

– Почему ты знаешь? – стоял на своем водила. – Вот Папа Римский, по-твоему, часто бога видит? А он тоже типа как его секретарь.

– Наместник.

– Тем более.

Интересно, подумал Николай, а если бы он, игнорируя Свету, подошел и распахнул дверь за ее спиной, что бы он там все-таки увидел? Мерзость запустения? Пожарный выход? Или все же живого и здорового мэра, не желающего никого принимать? Хотя, скорее всего, кабинет просто закрыт на ключ...

– Ладно, теперь куда едем?

– Домой, – решил Николай. – Но вечером можешь еще понадобится.

– Клиент всегда прав... – вздохнул Сашка, заводя мотор.

Оказавшись, наконец, в своей комнате наедине с ноутбуком, Николай принялся записывать и обдумывать все, что он узнал за этот день. Внезапно возникшая гипотеза, что продукция комбината – это сами люди, которые на нем работают, при всей своей фантастичности, казалась все более убедительной. Правда, Марина отрицала какое-то особенное воздействие комбината на психику... но она, в конце концов, судила лишь по внешнему кругу, да и потом, кто знает, насколько объективно она может оценивать это изнутри. Во всяком случае, повышенный уровень алкоголизма и психических аномалий среди работников среднего круга – это факт, хотя что здесь причина, а что следствие, неизвестно. И никакой продукции с комбината, похоже, действительно не вывозят. Хотя раньше, если верить Сашке – а точнее, пьяным откровениям покойных шоферов прошлого – в ящиках все же был некий груз... Но, возможно, это была никакая не продукция, а отходы? А теперь технология усовершенствована до безотходного уровня? В технический прогресс посреди всей этой гниющей помойки верилось с трудом, но почему бы и нет...

Так, ну а какие есть альтернативные версии? Трубопровод – раз. Что еще может производить комбинат, если оно не вывозится обычными способами? Допустим, энергию... но

Николай уже видел комбинат со всех сторон и знал, что туда не идут высоковольтные линии. Электричество туда подведено, но никаких особо мощных кабелей. Похоже, что комбинат потребляет не слишком много энергии – заметно меньше, чем средний завод таких размеров – и уж тем более не поставляет ее во внешний мир. Возможно ли, что энергия транслируется каким-то другим способом, не по проводам? Опять вспоминаются опыты Теслы... Загадочное поле и вечный циклон над комбинатом вполне вписывались в такую мысль. Причем они и впрямь могли быть здесь еще до постройки комбината. Возможно, тут действительно какая-то аномальная зона, позволяющая черпать энергию, скажем, прямиком из мантии или ядра Земли – и не позволяющая понастроить такие же комплексы в произвольных местах. Хотя непонятно, зачем в этом случае было сворачивать работу – ведь энергия была нужна и при Горбачеве, и при Ельцине. Если не для своего сократившегося производства, так хоть для экспорта. Впрочем, мало ли полезных и нужных вещей ликвидировали в этой стране – и отнюдь не только в девяностые...

Еще варианты? Предположим, комбинат действительно ничего не производит, а строго наоборот. Уничтожает. Сюда свозят нечто для утилизации. То самое загадочное сырье, которое, кстати, в предыдущие гипотезы не особо вписывается. Даже если считать, что на комбинате каким-то образом вызывают преднамеренные мутации у его работников – и даже у всех красноленинцев – едва ли мутагены для этого нужно вести эшелонами. Если это только не банальный спирт для спаивания... но нет, это смешно. Чего-чего, а спаивания тут за последние пятнадцать лет точно меньше не стало. И вообще, если речь о каких-то употребляемых в пищу продуктах, их бы развозили с комбината по торговым точкам, а этого нет. И гипотетические «ретрансляторы Теслы» тоже едва ли требуют какого-то сырья, да еще в таких количествах. Какого-нибудь громоздкого оборудования – может быть, но сырья?

Что именно здесь могут утилизировать? Радиоактивные отходы? Какую-то химическую дрянь? Во внутреннем круге – гигантская шахта, куда все это сваливают? Но Марина говорит, что на комбинате нет никаких мер безопасности, связанных с подобными вещами. Она может и не знать... хотя вряд ли, инструктаж на вредных и опасных производствах проходят все сотрудники. Отработка действий на случай утечки и все такое. Опять же, пафос Червяка в эту версию не вписывается. Даже с точки зрения сАмого яркого ура-патриота «сила и слава России» едва ли состоит в закапывании под землю всякой отравы. И что тогда утилизировал комбинат в прошлые столетия?

Теперь еще эта история с клубом «Вервольф» и переделом наркорынка. Кто в ней замешан? Действительно ли милиция и ФСБ готовы разделить барыши, или есть шанс сравить вечных соперников друг с другом – и насколько тотально коррумпированы те и другие? Тот же милейший рыболов-пенсионер Васильчиков – он в курсе всей схемы или лишь выступает в качестве передаточного звена между «Вервольфом» в лице Косоротова и своими бывшими коллегами? Или, скажем, лейтенант Сысоев, оправдывающий коррупцию... но как знать – вдруг он захочет выслужиться на борьбе с ней, если дать ему хорошую зацепку? Вот только рискнет ли... В любом случае, прежде чем пытаться прощупать кого-то из них, надо переговорить с Косоротовым – раз уж Николай пообещал Марине попытаться вытащить его из беды. К тому же это может прояснить некоторые важные аспекты.

А откуда вообще следует, подумал вдруг Николай, что весь этот план «Вервольфа» – правда? Он ведь знает об этом только со слов Марины. Сама она, скорее всего, не врала – если только она не очень хорошая актриса. Но врать мог ее отец. Что, если поп придумал эту «ложь во спасение», дабы отвадить дочь от блудного сожительства? Такая ложь, видимо, считается меньшим грехом, чем раскрытие тайны исповеди...

Николай взял телефон, желая позвонить Михаилу – но мобильный сам зазвонил в его

руке. Это оказалась Светлана.

– Мне звонили из милиции, – сообщила она.

– И что там? – сразу напрягся Николай.

– Хорошие новости... то есть, насколько такие вещи вообще можно называть хорошими, конечно. В общем, хорошо в них то, что нас с вами больше ни в чем не подозревают. Они установили причину смерти, это действительно оказались собаки.

– Вот как? Почему же поначалу говорили, что собаки грызли уже мертвого? («Или все это была разводка с целью меня запугать?») – подумал Николай про себя.)

– И это тоже правильно. Большинство укусов посмертные – но не все. Самый первый, в горло – он и стал причиной смерти. А все остальные нанесены позже, да. Видимо, его загрыз вожак, самый сильный пес, который какое-то время не подпускал к телу других собак.

– И других не подпускал, и сам больше не рвал? Прямо собака на сене, в буквальном смысле, – усмехнулся Николай и запоздало прикусил язык, осознав, что Светлане его ирония может быть неприятной.

– Ну я не знаю, мне, наверное, не все детали рассказали, – спокойно ответила женщина. – И потом, мало ли, может, он не голодный был, просто злой.

– Угу. Пес их ведаёт, псов.

– В общем, сказали, дело закрыто, – сказала Светлана, явно не опознав цитаты. – Завтра похороны. Приходится вот мне теперь этим всем заниматься, – пожаловалась она.

– Вы не обязаны.

– Ну как, единственная близкая родственница, если не считать бабушки...

– Все равно не обязаны. Кстати, – усмехнулся Николай, – у него еще отец есть.

– Официально это нигде не зафиксировано.

– Интересно, он придет на похороны? Да и вообще, его хоть теперь-то известили?

– Ой, я как-то со всем этим и забыла... надо же ему позвонить! Мне почему-то казалось, что он должен знать... но действительно, кто ж ему скажет, если милиция про него не в курсе, а я и бабушка с ним не говорили? В нашей местной газете, правда, уже заметка прошла – мол, очередное нападение бродячих собак окончилось смертью краснolenинца Петра Б., и когда, наконец, городские власти решат проблему брошенной стройки... но если он и читал, едва ли понял. Мало ли в городе Петров Б... Ох, тяжело это, – вновь пожаловалась Светлана. – Сообщать теперь еще такие вещи, пусть он сына и не любил... Вы когда-нибудь хоронили кого-нибудь?

– Пока нет.

– А я вот сначала маму, теперь этого охламона... По нему у меня пусть и особой скорби нет, а все равно, возня вся эта... справки, бумаги, место на кладбище...

– В третий раз повторяю – на вашем месте я бы предоставил всю заботу об... – «утилизации», чуть не вырвалось у Николая, но он все же избрал чуть (лишь чуть) менее жесткую формулировку: – избавлении от его останков государству.

– Нет, ну как, не по-людски это...

«Да уж, – подумал Селиванов, – все, что делает наше государство, не по-людски, это точно.»

– Отпевание вот организовать, – продолжала Светлана. – Он крещеный все-таки... на зоне крестился.

«Не очень-то это ему помогло», – заметил Николай мысленно.

– Ну тут, слава богу, хоть мой бывший помочь взялся, – продолжала женщина. – Сказал, он через своих байкеров договорился, в церкви святого Варвара бесплатно отпоют. Самое место, там у нас всю жизнь уголовников отпевают...

– Вообще говоря, это в любой церкви обязаны бесплатно делать, – заметил Николай. –

Священникам запрещено продавать свои услуги. Они могут только принимать пожертвования. И хотя у них эти пожертвования оформлены как твердый прејскурант, на самом деле это дело добровольное, и тому, кто пожертвование не сделал, или сделал меньше указанной суммы, они все равно не имеют права отказать.

– Ой, вы это им расскажите!

– Рассказал бы при случае, но мне их услуги не требуются. А про этих самых байкеров вы что можете сказать?

– Ой!.. – Николаю явственно представилось, как она в раздражении машет рукой. – Знаете поговорку: «В России две беды – дураки и дороги. А при их соединении получают байкеры!»

– Ясно, – хохотнул Селиванов. – Стало быть, вас Михаил никогда в свой клуб втянуть не пробовал? Ну, когда у вас еще хорошие отношения были?

– Я ему сразу дала понять, что мне вся эта немытая публика с пивными животами и сальными космами неинтересна. Терпела, конечно, как другие жены футбол терпят – смотреть смотри, раз уж так хочется, только не требуй, чтоб я рядом сидела и «болела». Но от телевизора, по крайней мере, никто не умирал...

– Не совсем. Инфаркты и инсульты во время спортивных трансляций – не редкость.

– ... а эти дураки на дорогах бьются только так. Я уж ему сколько раз говорила – сына сиротой оставишь... Когда он свой мотоцикл продал, была просто счастлива. Теперь, правда, опять покупает, денег нет, а туда же... Вовка, это друг его, они вместе этот клуб организовали, ему типа одолжил, чем отдавать только будет... ну да теперь меня это уже, слава богу, не касается!

Угу, подумал Николай. И если Михаил теперь убьется – в результате аварии на дороге или еще как – это разом решит для милой Светочки целую кучу проблем.

– А про Вовку этого что сказать можете? – продолжил расспросы он.

– Неприятный тип. Корчит из себя этакого рубаху-парня, а на самом деле... В тюрьме сидел, между прочим.

– Да, я слышал. А фамилия его как?

– Фамилия у него подходящая – Крутов. Не потому, что крутой – хотя сам-то он себя, конечно, считает! – а потому, что вечно крутит чего-то.

– Кстати, Светлана, а вам когда из милиции звонили – это ведь лейтенант Сысоев был?

– Кажется, так, я не особо обратила внимание на фамилию... а что?

– Он вас ничего не просил передать для меня?

Женщина несколько секунд молчала, затем неохотно произнесла:

– Просил. Что теперь, мол, вы можете возвращаться в Москву со спокойной совестью. Что тут вас уже точно ничто не задерживает.

– Понятно, – усмехнулся Николай. – Не оставляет, выходит, своих попыток меня отсюда спровадить. Вынужден его разочаровать – я уеду не раньше, чем сочту нужным.

– Знаете, – сказала Светлана, – наверное, это не надо говорить по телефону, но я очень на вас надеюсь. Только такой человек, как вы, может вывести их на чистую воду.

– Кого – их?

– Их всех. Все наше расчудесное болото.

– Ну так помогите мне! У меня такое чувство, что вы рассказываете не все, что знаете.

На этот раз Светлана молчала настолько долго, что Николай даже сказал «алло?», думая, что связь оборвалась.

– Я... – откликнулась она наконец, – вы меня извините, Николай, за этот пошлый штамп, но я действительно просто слабая женщина. Не боец и не революционер. И, тем более, у меня

сын. И бабушка старая.

– Ладно, – вздохнул Селиванов. – Тогда у меня только такая невинная просьба: отзвонитесь мне завтра после похорон и скажите, был ли там Славест. И вообще как он отреагирует на известие.

– Хорошо. Это важно для вашего расследования?

– Никогда не знаешь заранее, какой пустяк может оказаться важным...

Николай попрощался и нажал «отбой», а затем некоторое время сидел, размышляя. Стало быть, Петьке перегрызла горло крупная собака, после которой к телу значительное время не притрагивался больше никто из ей подобных...

Кажется, он знал, где видел эту собаку.

Затем он все же позвонил Косоротову.

Телефон долго не отвечал, и Николай уже уверился, что ответа не будет, но в последний момент в трубке все же прозвучало торопливое «Алё?» Слышно было не очень хорошо – мешал какой-то шум, должно быть, уличный.

– Это Николай Селиванов. Мне нужно с вами поговорить. Это очень важно.

– Мм... да, конечно... вы можете перезвонить попозже?

– Могу, но это не телефонный разговор. Нам надо встретиться лично.

– А до... – звук пропал, затем снова появился, как бывает во время езды, – ...тра подождать не может?

– Думаю, Михаил, что в ваших интересах обсудить это как можно скорее.

– Хм... – звук снова пропал, но затем слышимость стала лучше. Возможно, едущий остановился. – ...вайте так. Я сейчас как раз еду Женьку из школы забрать, потом... хотел с ним за город прокатиться, ну ладно, отвезу его в кафе, и пока он там мороженое-пирожные ест, мы с вами спокойно побеседуем. Идет?

– Вполне. Какой адрес кафе?

– Это на углу Мехлиса и Ким Ир Сена. Рядом с кладбищем, не перепутаете, там еще напротив венки продают.

– Господи, у вас тут и улица Ким Ир Сена есть?

– Скажите спасибо, что не Пол Пота. Кстати, тоже была одно время. Но потом, когда уже даже совкам стало за него неудобно, переименовали в Хо Ши Мина. Короче, вам с Ударников минут пятнадцать, наверное, ехать. На Ким Ир Сена, а не на Хо Ши Мина, в смысле.

– Мне еще моего шофера дожидаться надо. Давайте минимум на полчаса закладываться. А для надежности и на сорок пять минут.

– Ладно, покатаю Женьку подольше по улицам...

– Кстати, Михаил... я, конечно, лезу не в свое дело, но мне кажется, он не будет в восторге, что его, такого большого, забирает из школы отец, особенно на глазах одноклассников.

– Так, как сегодня – будет! – довольно хохотнул Косоротов. – Ладно, до встречи.

Сашка не подвел, удивления названным адресом не высказал, и на место Селиванов прибыл с большим запасом.

– Теперь езжай, куда хочешь, – напутствовал водителя Николай, выбираясь из машины. – Здесь меня ждать не нужно.

– Ладно-ладно, не буду мешать твоей свиданке, – осклабился Сашка.

– Да что ты все заладил на одну тему! – рассердился Селиванов, но потом мысленно махнул рукой: пусть думает, что хочет, так даже лучше.

После того, как машина скрылась за углом (это был угол каменной кладбищенской ограды), Селиванов огляделся по сторонам. Кладбище у него за спиной было, очевидно, то самое, что он видел со стороны комбината, но теперь он оказался с противоположной его

стороны; труба комбината маячила вдали за бесконечными рядами могил и не столь многочисленными кладбищенскими деревьями. На углу и в самом деле располагался магазинчик кладбищенских товаров, окруженный множеством выставленных наружу венков. Разноцветные искусственные цветы, все больше ярко-красных, оранжевых и желтых тонов, контрастировали с окружающей сырой серостью настолько резко, что казались не частью реального пейзажа, а изыском дизайнера, поигравшегося с цветностью и насыщенностью в «Фотошопе». Эти кладбищенские венки были, пожалуй, самым ярким и пестрым – и едва ли не самым жизнерадостным – зрелищем, увиденным Селивановым за все время пребывания в Красноленинске.

Кафе находилось наискосок через дорогу. Сквозь его большие, от пола до потолка, окна Николай видел пустые столики внутри; лишь за одним сидела какая-то парочка. Справа от кафе, отгороженная от него стенкой из трех мусорных ящиков, располагалась детская площадка – и вообще, вероятно, зона отдыха соседних домов. Качели в ряд (насколько Николай мог разглядеть со своего места, из четырех лишь у одних сиденье было целым), низенькая карусель, разновысокие турники, песочница, плюс несколько скамеек простейшего типа – одна доска сиденье, другая – спинка – образовывавшие что-то вроде пунктирной дуги. По местным меркам – прямо-таки идиллия благоустройства и наверняка любимое место соседских посиделок (и, вполне возможно, по совместительству и выгула собак). С видом на кладбище, да – все скамейки, так или иначе, были развернуты именно в эту сторону. Сейчас была занята лишь одна из них, та, что ближе к песочнице – на ней сидели и о чем-то беседовали две типичные домохозяйки за сорок (Николай готов был поспорить, что они обсуждают какой-нибудь сериал или, во всяком случае, нечто, связанное с телевизором); в песочнике возился неопределенного пола ребенок лет четырех в вязаной шапочке с помпоном, по всей видимости, принадлежавший одной из них. Кажется, он только что что-то откопал своей пластмассовой лопаткой и теперь внимательно изучал добычу. «Миша, брось бяку!» – вдруг строго крикнула одна из собеседниц и даже приподнялась на лавке в знак серьезности своих намерений.

Угу, подумал Николай. Вот и я сейчас буду заниматься тем же самым – убеждать Мишу бросить бяку. С той разницей, что этого Мишу не получится отшлепать, если слова не дойдут.

Воздух распорол громкий и резкий треск мотора. Николай повернул голову и увидел, как к нему подкатывает ярко-синий, сияющий магазинной чистотой мотоцикл какой-то прихотливо-изогнутой конструкции, с низко навалившимся на переднее колесо рулем, прикрытым изрезанными с боков щитками, вспученным горбом перед сиденьем и торчащей вверх под углом выхлопной трубой, похожей на ствол старинного пулемета. Коротконогий седок был облачен в мешковатую кожаную куртку, делавшую его еще толще, чем в реальности, и синий, с оранжевыми языками пламени у висков, шлем с тонированным забралом («господи, на кой черт тонировка в городе, где почти не бывает солнца?») Позади, цепляясь за его бока и упираясь в его поясицу коленями, сидел худенький ребенок, тоже в шлеме, казавшемся на нем непропорционально большим; на плече у мальчика висела школьная сумка.

– Видали? – Косоротов сперва приподнял забрало, а затем вовсе снял шлем; его лицо сияло, как у мальчишки, наконец-то выпросившего у родителей вожделенную игрушку. – «Кавасаки!» Машина-зверь!

– Все-таки купили? – кивнул Николай.

– Только сегодня!

– На крутовские деньги, как я понимаю?

– Ну, это, в общем... Друг познается в езде! – сдохмил Михаил. – Ладно, я тут сейчас наследнику мороженое организую, и мы с вами побеседуем, окей?

Николай кивнул. Женя тем временем тоже снял шлем, и, глядя на его лицо за спиной

отца, Селиванов понял, что эта поездка вовсе не была для него таким счастьем, как полагал Косоротов-старший. Может быть, изначально он и впрямь хотел прокатиться, может, согласился лишь для того, чтобы заднее сиденье не досталось «этой шлюхе» – но, так или иначе, гонка по красноленинским улицам на столь неустойчивой конструкции, когда от падения, особенно на поворотах, отделяют только дубеющие на холодном ветру руки, вцепившиеся в бока грубой отцовской куртки, похоже, прилично его напугала. В его взгляде Николай прочитал нечто вроде «вот ведь что приходится терпеть из-за этих дураков взрослых!» и сочувственно усмехнулся уголком рта.

Отец и сын перешли дорогу и вошли в кафе; Селиванов видел сквозь стекло, как пару минут спустя Женя сел за столик в углу – возле окна, но подальше от входа, так, что за спиной у него не было ничего, кроме стены – а Михаил поставил перед ним вазочку с мороженым и тарелку еще с какими-то лакомствами. Затем Косоротов-старший вновь вышел на улицу и торопливым деловым шагом пошел обратно. Оба шлема он оставил в кафе на попечение мальчика.

– Как же ваша забота о здоровом питании? – усмехнулся Николай, когда Косоротов приблизился.

– Ну, иногда можно сделать исключение, – повторил Михаил его собственные слова. – Не все же материнскими супами ребенка кормить... Ну, пойдем прогуляемся? – он кивнул в сторону кладбища.

– Туда? – удивился Селиванов.

– А что? – хохотнул Михаил. – Привидений боитесь?

– Нет, конечно. Но как-то, знаете, не самое веселое место.

– Нормальное место. Тихое, спокойное. И не такое загаженное, как, скажем, парк. За могилами все-таки у нас кое-кто еще ухаживает. Не скажу про живых, а покойников мы бережем... И потом, хочу посмотреть, как там могила... моего шурина. Завтра похороны, вы, может быть, знаете, а я обещал Светке позаботиться.

– Он ведь вам больше уже не шурин, – усмехнулся Селиванов.

– Ну, цивилизованные люди могут оказывать друг другу услуги, даже если уже не живут вместе. Хотя мы, в некотором роде, еще живем... ну, вы понимаете, в каком я смысле.

Угу, подумал Николай. И, вероятно, сегодняшняя езда с Женей на мотоцикле – часть этой сделки. А я тут порчу семейную идиллию. Ну, что поделаешь...

– Могильщикам заплачено, но на этих алкашей же никакой надежды, надо проконтролировать... Так что, давайте совместим приятное с полезным, – Михаил снова кивнул в сторону кладбищенских ворот.

Вряд ли наш разговор будет приятным, подумал Николай. Хотя как знать – возможно, под приятным Михаил имел в виду возможность удостовериться, что Петьку наконец-то закопают в землю?

– Хорошо, – согласился Селиванов. – Мотоцикл тут оставлять не боитесь?

– А что с ним будет, ключ же у меня.

– Ну, как сказать... при желании его можно целиком загрузить на машину и увезти. Он же, небось, стоит, как хороший автомобиль.

– Что да, то да. Но никто его не посмеет тронуть. Все же понимают, что это клуб «Вервольф», – теперь, когда на мотоцикле не было седока, на металлическом горбе отчетливо была видна крупная наклейка – окаймленная желтым черная волчья морда с красными глазами. Да, наверное, и без наклейки было ясно, что такой сверкающий заграничный монстр не может принадлежать простому красноленинскому пацану.

– Вот, – подхватил Николай, шагая прогулочным шагом рядом с Косоротовым вдоль

каменной ограды, – вы сами признаете, что клуб «Вервольф» вызывает страх, как некая банда, с которой лучше не связываться.

– У угонщиков и шпаны? Ну так что ж в этом плохого?

– Боюсь, не только у них. Собственно, даже то, что вы мне рассказали о вашем алкогольном... то есть антиалкогольном проекте, рассчитано именно на такое восприятие местным населением.

– Ну... – вынужден был согласиться Михаил, – в определенной мере, конечно, да... С волками жить...

– Вервольфом быть, – кивнул Николай. – Вот, кстати, показательно – на Западе говорят просто «В Риме веди себя, как римлянин», без всяких негативных коннотаций. А в России непременно волки и вой...

Мужчины вошли через открытые ворота на территорию кладбища.

– Но тут не просто волк, а вервольф, то есть оборотень, – продолжал Селиванов, шагая по гниющей листве узкой кладбищенской аллеи, – и это в данном случае весьма точный образ. Я понимаю, что, когда вы все это организовывали, вы не имели в виду никакого криминала, вами двигала романтика дорог и все такое... хотя мне, честно говоря, трудно понять, какая может быть романтика на таких дорогах и в таком климате... но ситуация сильно изменилась за последнее время. Ваш клуб изменился, Михаил. Вы, может быть, не слишком представляете, насколько он изменился за то время, пока вы не были активным байкером. Вас там теперь в открытую называют «зиц-председателем», а реально всем рулит Крутов. Крутов и его тюремный дружок Джабир.

– Я благодарен вам за заботу, – колючим тоном откликнулся Косоротов, – но думаю, что проблему борьбы за лидерство в клубе с моим лучшим другом мы как-нибудь решим самостоятельно. То есть, я хочу сказать, что на самом деле такой проблемы вовсе нет.

– Совершенно верно – такой проблемы давно уже нет, – невозмутимо подтвердил Николай.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Михаил.

– То, что вы уже давно не субъект, а объект политики. Кукла в чужой игре. Вас хотят убить, Михаил.

– Такое желание у местной водочной мафии может возникнуть, – спокойно ответил Косоротов, – но...

– Дело не в местной водочной мафии, – жестко оборвал его Селиванов. – Хотя вас действительно уберут ее руками, чтобы затем убраться ее саму. Двойная подстава, – и он пересказал то, что услышал от Марины.

– Интересная версия, – отреагировал Косоротов. – Ее автору детективы бы писать. Впрочем, я, кажется, догадываюсь, кто вам такое рассказал. Вы говорили с Мариной?

– Нет, – соврал Николай, не моргнув глазом. – Я до сих пор жду, что она со мной свяжется. Вы ей передали мою просьбу?

– Мм... кажется, нет. Простите, запомнил. Я ей позвоню сегодня... Но кто, в таком случае, рассказал вам все это про клуб?

– Я не выдаю свои источники, – улыбнулся Николай и тут же подумал, что улыбка была лишней. – Это всех касается. Могу только сказать, что это также и не Светлана.

– Хорошо, хорошо. Но вы впервые слышали о Крутове на днях, а я Вовку знаю сорок лет.

– Лицом к лицу лица не увидать... Иногда действительно некоторые вещи может заметить только посторонний. Причем чем незаинтересованней, тем лучше.

– Вот-вот – незаинтересованный... а откуда вы знаете, что тот тип, который вам это

рассказал, на Вовку зуб не держит? Или, может, даже и на меня, хотя уж и не знаю, за что...

«Если считать, что рассказал поп, то повод для »зуба« действительно есть», – мысленно признал Николай. Однако он собирался и дальше держаться так, словно располагал стопроцентными доказательствами. Он хорошо знал, какие чудеса может творить уверенный блеф.

– Ну вот, например, этот мотоцикл, – сказал он вслух. – Крутов фактически купил вам его в долг, сказав при этом что-то вроде «отдашь, когда сможешь». Хотя это многие тысячи долларов, которые отдавать вам нечем, и четкого бизнес-плана – четкого, а не надежд на «добровольные пожертвования» виноторговцев – у вас нет. Очевидно, в случае вашей смерти Крутов просто заберет мотоцикл себе. Далее, Крутов просил вас свести его с Васильчиковым, чтобы установить прямой контакт с ФСБ и заручиться их поддержкой...

– Без благословения Конторы в этой стране ничего не делается, – буркнул Косоротов. – Ничего серьезного, по крайней мере. Это просто реальность. Нам налево.

Они свернули с центральной аллеи и двинулись по проходу налево. Могилы здесь были по большей части старые и неухоженные.

– Да, да, – кивнул Селиванов. – И этот ваш «реабилитационный центр» тоже будет удобен всем заинтересованным сторонам. Там будут выбивать показания из наркоманов, что позволит зачистить всех конкурентов, которые не пойдут под Джабира. А также, возможно, не только их. А контора и менты смогут отчитываться о борьбе с распространением наркотиков. Вы же в этой схеме будете только путаться под ногами и мешать правильным пацанам делать бизнес. Впрочем, – добавил он, – я не верю, что менты и ФСБ в этой ситуации мирно договорятся ко взаимному удовольствию. Если сейчас алкогольный бизнес в городе крышует милиция, а в результате затеянной операции он уйдет под ФСБ, вряд ли менты удовлетворятся утешительным призом в виде наград за сдачу собственных подопечных. Стало быть – будет война в той или иной форме. Возможно, упреждающий удар милиции по «Вервольфу». Если вас не успеют грохнуть Вовка с Джабиром, вас посадят менты. Повод, как вы сами говорили, найти будет нетрудно. Так что, если вы срочно не выйдете из игры, все это кончится для вас очень плохо при любом раскладе.

– Еще раз спасибо за участие, но думаю, что ваша публикация может помочь мне гораздо больше, – вернулся к старой теме Косоротов. – Если газета федерального уровня в должном ключе опишет нашу борьбу против местной алкогольной мафии, менты не посмеют меня тронуть. Тем более что рыло по части покрывания этой мафии у них и в самом деле в пуху.

– Такое впечатление, что вы меня не слушаете! Я же говорю, опасность грозит вам с двух сторон, а не с одной.

– А я вам говорю, что ту сторону я знаю лучше, чем какие-то сплетники, наговорившие вам с три короба... Нет, вы только полюбуйтесь на голубчика!

Последняя фраза относилась к небритому мужику в телогрейке и ватных штанах, перепачканному землей так, словно он сам только что вылез из могилы. Он сидел на низкой скамейке, вкопанной на заросшем травой участке возле просевшей насыпи с покосившимся крестом, сваренным из железных труб – некогда окрашенных, но теперь облупившихся и ржавых. Мужик пил водку прямо из горла, закусывая куском черного хлеба, который, судя по его виду, вполне мог быть оставлен на какой-то из окрестных могил в порядке поминального ритуала (типично языческий обычай, машинально отметил про себя Николай). Судя по тому, что этот тип сидел на скамейке спиной к захоронению, едва ли он имел какое-то отношение к погребенному там, а его возлияние вряд ли носило поминальный характер. Лицом он сидел к соседнему участку, находившему уже почти возле стены и также заросшему лопухами, где, однако, не было никаких надгробных памятников, а была вырыта длинная, но совсем не

глубокая яма, а из кучи свежевыкопанной земли торчала лопата.

– Тебе за что деньги платят? – напустился на него Михаил. – Это что – могила? Здесь даже кошку не похоронишь!

– Та сё нормально, командир, – мужик поставил бутылку на скамейку и утер губы рукавом ватника. – Нах щас копать? Ночью дождь пойдет, будет полная яма воды. Те это на? Вы туда гроб – буль, а он плавает. Тут знашь какие почвы глинистые?

– Меня не волнует, какие тут почвы, – холодно произнес Косоротов. – Меня волнует, что завтра в полдень похороны, а ничего не готово.

– Та до полудня скока ж еще времени? Вот с утра и докопаем. Ты не кипишишь, все нормуль будет. Первый раз, што ль? – мужик снова сделал большой глоток из бутылки, так, словно внутри была не водка, а газировка, и, похоже, утратил к недовольному заказчику всякий интерес. Взгляд его гноящихся глаз был устремлен поверх забора куда-то в космос.

– Ну смотри у меня! – воскликнул Михаил и, не зная, что еще сказать, повернулся и пошел прочь. Николай последовал за ним.

– Вот, пожалуйста, публика, – бурчал Косоротов. – Одни алкаши, ответственности никакой, и альтернативы им нет!

– Как я понимаю, это не могила его матери? – уточнил Селиванов.

– Чьей? А, нет. Туда нельзя, там еще двадцать лет не прошло.

– А почему не кремация?

– Светка говорит, он всю жизнь огня боялся, – усмехнулся Косоротов.

– Ну и какое значение это имеет теперь?!

– Ну как – последняя воля, типа...

– Впрочем, – заметил Николай скорее про себя, чем для собеседника, – хорошо, что не кремация. Можно будет эксгумировать.

– Зачем?! – удивился Михаил.

– Ну мало ли... по вновь открывшимся обстоятельствам...

– Так вы статью напишете? – вернулся к более интересной для него теме Косоротов.

– Честно говоря, Михаил, после первой встречи с вами я не хотел писать о вашем клубе.

Мне глубоко несимпатичны алкоголики и наркоманы, но рэкет под видом благотворительности мне симпатичен ничуть не больше. Однако теперь я собираюсь писать об этом деле, и вполне подробно. Криминальная схема по переделу алкогольного рынка и налаживанию наркотрафика, в которой задействованы местные ФСБ и милиция, а инструментом служат «борющиеся за здоровый образ жизни» байкеры – это вполне достойная тема. И незамеченным этот материал не останется. Поэтому еще раз предупреждаю вас – у вас совсем мало времени, чтобы спрыгнуть с этого паровоза.

– Вот, значит, как. Теперь уже и вы мне угрожаете?

– Я не хочу, чтобы вы пострадали, хотя и нахожу ваши методы сомнительными. Но и покрывать ради вас этих бандитов тоже не хочу.

Некоторое время Косоротов шагал молча, глядя под ноги. Затем осведомился:

– Вы записываете наш разговор?

– Нет.

– А если и да, аудиозапись – не доказательство... любую можно смонтировать...

– Вы хотите сообщить мне что-то конфиденциальное? Как я уже говорил, я никогда не выдаю свои источники.

– Я хочу вам объяснить. Допустим... допустим, вы правы. Схема существует. Мы намерены взять под контроль алкогольный рынок. И договоренность с Джабиром тоже существует...

– То есть, – Николай остановился и уставился на Косоротова, – вы во всем этом участвуете?! Вполне сознательно?

– Я не марионетка! – гордо и зло произнес тот, словно бы даже становясь выше ростом. – Я, если угодно, сам разработал этот план. Ну, точнее, мы его вместе с Вовкой разработали. Да! Мы зальем этот город дешевой паленой водкой и наркотой! – теперь Михаил говорил, как человек, который долго сдерживался – и вот наконец его прорвало. Он даже, не отдавая себе в этом отчета, повысил голос; впрочем, едва ли на безлюдном кладбище его мог услышать кто-то посторонний. – А что, по-вашему, с ним еще делать?! Разве он достоин какой-то лучшей участи?

– Падающего толкни? – усмехнулся Николай.

– Если угодно. Я знаю, вы думаете, что это все громкие слова, а на самом деле все дело в деньгах. Нет, не в деньгах! Не только в них, во всяком случае. По крайней мере, для меня. Для Вовки, может, и в них. Он всегда говорил, что я идеалист, а он прагматик, что и делает нас такой удачной комплементарной парой... Но для меня уничтожение этого сброда само по себе – святое дело. А если на этом деле попутно можно и заработать – почему бы и нет. Это такой же честный заработок, как заработок врача, вырезающего опухоль. Или, в более точных аналогиях, уничтожающего ее химиотерапией. Вы смотрели «Догвилль»? «Есть города, которые не должны существовать.»

– Да, да, – подхватил Селиванов. – Мое любимое место. «Перестреляйте всех и сожгите город. Что-нибудь еще, дорогая?» «Там есть одна семья с детьми... Сначала убейте детей, и пусть мать смотрит. Скажите ей, что остановитесь, если она не будет плакать. Думаю, у нее не получится – Вера очень слезлива.» Так вы и собираетесь поступить, учитель литературы? Направить наркоту в школы?

– Думаете, ее там и так нет? Да, вместо анаши пойдет героин, который убивает практически наверняка. Но если бы вы видели этих деток вблизи, вы бы не стали их жалеть. Если они достаточно взрослые, чтобы избивать, грабить, насиловать и убивать – они достаточно взрослые, чтобы нести ответственность за свой выбор и свои поступки.

– Да, кое-кого из них я видел, – припомнил Николай. – Не знаю, правда, точно, учатся они еще в школе или уже нет...

– Обратите внимание – это идеально справедливый способ, – продолжал Косоротов. – Каждый получает ровно то, чего хочет и что заслуживает. Идеальная химиотерапия, губящая только раковые клетки и не вредящая здоровым. Мой Женька, к примеру, никогда не притронется к подобной дряни. А тем, кто притронется, туда и дорога, и чем раньше, тем лучше. Хоть не успеют наплодить таких же ублюдков.

– Как сказать. Некоторых подсаживают принудительно.

– Желаящим избавиться мы даем шанс. Наш реабилитационный центр. Это не что-то там такое для прикрытия, это реально.

– Джабир, конечно, будет в восторге.

– Джабиру я поставил условие. Работе центра он мешать не будет.

– И вы всерьез верите, что они с Вовкой вас не шлепнут, чтобы не заморачиваться с подобными интеллигентскими комплексами?

– У них и так не будет недостатка в клиентах. И я все же не такой уж идеалист, чтобы верить в одни лишь дружеские заверения. Я, как-никак, уже занимался бизнесом в этой стране. Я им нужен уже хотя бы как лицо проекта. Вовка с его сомнительным прошлым не очень годится на роль лидера патриотичных борцов за здоровый образ жизни, про Джабира уж вообще молчу.

– И что дальше? Вы всерьез надеетесь отделить таким образом чистых от нечистых и извести последних под корень?

– Чистых здесь единицы. Несколько процентов в лучшем случае. А нечистые уже благополучно изводят друг друга сами, я хочу лишь этому посодействовать. Нет, я понимаю, что через год Красноленинск не вымрет, и через пять лет тоже. Но, как говорится, если идеал и недостижим, к нему следует стремиться.

– Интересно. И милейший Аркадий Семеныч Васильчиков тоже разделяет эту философию? Или просто рассчитывает на щедрую мзду?

– Аркадий тут практически ни при чем, – отмахнулся Косоротов. – Его, кроме рыбалки и возможности хорошо поесть и выпить, давно уже ничего не интересует. Он просто свел Вовку со своими молодыми коллегами. Чего хотят они... вряд ли очищения. Скорее, конечно, их интересуют просто деньги.

– Если ФСБшников не устраивает ситуация, когда алкогольный бизнес в городе крышует милиция, неужели они не могут изменить ее без вашей помощи?

– Это не так просто в силу специфики ведомств. Криминалом занимается милиция, у нее тут, так сказать, все входы и выходы. Подозреваю, что кое-какой компромат на местных конторских у ментов тоже имеется. Чтобы сломать существующую схему, нужна третья сила. Если она при этом еще и будет опираться на народную поддержку, а тем более – получит одобрение сверху...

– Мне не показалось, что ваши байкеры очень популярны в народе, – желчно заметил Николай, вспомнив реакцию Сашки.

– Ну, смотря у кого... и потом, мы еще не развернули свою кампанию.

– А комбинат как-то связан со всеми этими делами?

– Пфф! – выдохнул Михаил, демонстрируя нелепость этой мысли. – Абсолютно никак.

– Ясно, – только и сказал Николай. Затем повернулся и пошел дальше по дорожке в сторону выхода.

– Так что вы теперь собираетесь делать? – спросил Косоротов, догоняя его и пытаясь сбоку заглянуть в глаза.

– Я вам уже сказал, – сумрачно произнес Селиванов. – У вас еще есть последний шанс выйти из этой игры, и я вам настоятельно советую это сделать. Не ради себя, так хотя бы ради сына. Тогда в моей статье не будет вашего имени.

– Ладно, я понимаю, вы не хотите нас рекламировать. Не хотите ввязываться во все это, не хотите писать неправду, да, я понимаю, у вас тоже свои принципы. Но как насчет того, чтобы просто не вмешиваться? Не трогать вообще эту тему. Пишите о комбинате, ведь это ваше задание.

– Если я сейчас скажу вам «окей», вы мне поверите? – усмехнулся Николай. – А если скажу «нет», пришлете киллеров?

– Да какие там киллеры... Я просто хочу понять, почему нет. Ведь вы же не из этих гуманистических идиотов, которые убеждены, что любой подонок, любой маньяк-убийца имеет точно такие же священные права, что и его жертвы. Вот только он их права нарушает с удовольствием, а его права нарушить не смей...

– Нет, я сам – сторонник смертной казни, – ответил Николай. – И я уже сказал, что очень не люблю алкоголиков и наркоманов. Но есть две причины. Первую я вам уже назвал. И я не хочу, чтобы какой-нибудь тринадцатилетний мальчишка или, тем паче, девчонка, без особой оглядки на сознательность выбора втянутые в это дело ради расширения прибылей Джабира и Вовки – и ваших тоже, между прочим! – потом «получали свой шанс», прикованные наручниками к койке и корчась в луже собственной блевотины в вашем центре. К тому же несовершеннолетние, чтобы пройти курс в реабилитационном центре – даже таком! – должны получить согласие родителей. А здешние дети, вероятно, будут скрывать все от родителей до

последнего из страха, что те их убьют. И кого-то, вполне возможно, и впрямь убьют. А у кого-то родителям, наоборот, все пофиг, и максимум, что они сделают – выгонят сына или дочь на улицу, но уж точно не станут платить за их лечение... Вторая причина – наркоман опасен не только для себя, но и для окружающих. Причем он опасен всегда – и когда у него нет дозы, и когда она у него есть. В первом случае он готов на все, чтобы ее достать, во втором он просто невменяем и способен сотворить, что угодно. Сторонники «легалайза» упирают на первое и напрочь забывают про второе... А умирает наркоман, даже героиновый, не говоря об алкогольном, далеко не сразу, и за несколько лет может столько дров наломать... Неужели вы обо всем этом не думали? Или лес рубят – щепки летят?

– Так ведь летят. Такого чуда, чтобы всем было хорошо, даже сам Саваоф Баалович не знал... Знаете, сколько в войну погибло женщин и детей в Германии? Под бомбами союзников? У них ведь вообще никакого выбора не было! Бомба не спрашивает, поддерживаешь ты Гитлера или нет. Но нацистов надо было уничтожить, в том числе и такой ценой.

– Я, между прочим, считаю эти бомбежки жилых кварталов таким же преступлением, как и те, что совершали нацисты. Нет, я не любитель демагогии про слезинку ребенка. Но просто есть жертвы неизбежные, а есть те, которых можно и нужно избежать.

– Этот город все равно издыхает, и туда ему и дорога. Я просто хочу ускорить его агонию.

– Да, конечно. И заодно заработать на этом. Но как вы отнесетесь к ситуации, если вашего разумного положительного Женю прирежет в подъезде или собьет на пешеходном переходе ваш пьяный или обдолбанный клиент?

– Это и так может случиться в любой момент, пока он живет в этом проклятом месте, – пробурчал Косоротов.

«Помните, что я делаю это ради Женьки!» – вспомнился Николаю конец их предыдущего разговора.

– И таким образом вы рассчитываете заработать, чтобы уехать по бизнес-визе, – сделал он вывод.

– Ну а как еще? Политическое убежище же сейчас не получишь – у нас же, типа, теперь демократия. Хотя какая, к черту...

– И Вовку с собой возьмете? – усмехнулся Николай.

– Нет, Вовка тут останется, – серьезно ответил Михаил. – Он считает, что лучше России места для бизнеса нет. Ну понятно, за те вещи, которые здесь проходят, там просто дают три пожизненных...

– Да уж. Особенно за *такой* бизнес.

– Вот, кстати, еще причина, почему ему нет резона меня убивать, – продолжал Косоротов. – Со временем ему и так тут все достанется...

– Некоторые люди очень не любят ждать. Особенно сидевшие, приобретшие особую идиосинкразию к этому занятию... И, кстати, вам не так просто будет вывезти сына за границу без согласия жены, даже бывшей.

Они вышли к воротам кладбища.

– Впрочем, – добавил Николай, – все это чисто теоретические рассуждения. Ибо практики у вас не будет. Я намерен написать о клубе «Вервольф» правду.

– Вы ничего не сможете доказать, – злобно произнес Косоротов. – Официально заявляю, что все, рассказанное сегодня, было просто розыгрышем.

– Это мы посмотрим. Если я узнаю, что вы отказались от своих планов, вашего имени там не будет. Это все, что я могу вам обещать. Да, и подсылать ко мне киллеров настоятельно не советую. Ибо тогда вы будете первым, к кому наведаются органы. И не здешние коррумпированные, а московский следователь по особо важным делам. И это – не розыгрыш.

Михаил ничего не ответил. В молчании они дошли до мотоцикла, и Николай вновь подумал, что этот «Кавасаки», наверное, единственный на весь Красноленинск. Так что если, к примеру, кому-то захочется долить в бак что-нибудь взрывающееся или проделать еще что-то в том же духе, пока хозяин где-то ходит, это будет несложно, и осечки не случится. Словно почувствовав его мысль, Косоротов не пошел в кафе, а остался возле мотоцикла, явно дожидаясь, пока Селиванов уйдет. Николай посмотрел через дорогу и увидел бледное лицо Жени за стеклом окна. Мальчик, не трогая еду, смотрел в их сторону.

– Подумайте о нем, – еще раз сказал Николай, кивнув в сторону кафе, и пошел прочь.

Зайдя за магазин похоронных принадлежностей, он позвонил Васильчикову.

– А, Николай Анатольевич! – радостно откликнулся бодрый голосок в трубке. – Совсем вы забыли старика, и не звоните, и не заходите...

– Да я, собственно... – несколько оторопел Селиванов.

– Вы, наверное, думали, что я вас просто из вежливости приглашал? А я, между прочим, от чистого сердца. С умным человеком, как писал классик, и побеседовать приятно, тем более – из самой Москвы, из такой популярной газеты... у нас-то тут народ сами видите какой... Впрочем, виноват, вы ведь, конечно, заняты, сроки командировки и все такое...

– Ну вот как раз хотел бы к вам заглянуть. У вас на сегодня какие планы?

– Ну я же говорю, какие у старика по вечерам могут быть планы... Приезжайте, чаю попьем.

– Хорошо. Сейчас своего таксиста вызвоню и, наверное, в течение получаса подъеду.

– Жду вас, Николай Анатольевич!

Сашка, как всегда, вызвонился без проблем («хоть что-то в Красноленинске работает исправно», – подумал Селиванов) и минут через пять подъехал, на ходу жуя пирожок самого канцерогенного вида. Николай, забравшись в машину, аж поморщился от запаха горелого масла.

Четверть часа спустя он уже звонил в дверь квартиры Васильчикова.

– А, проходите, проходите, Николай Анатольевич. Руки помыть направо, ну вы, наверное, помните... Торты сегодня нет, вы уж не обессудьте, но есть кекс с изюмом и замечательные ватрушки.

– Да-да, конечно, спасибо... – бормотал Селиванов, глядя на расторопную суету хозяина. Милейший дедушка, в отсутствии детей и внуков (кстати, действительно ли их у него нет? пожалуй что нет, иначе в комнате хоть где-то была бы фотография) вымещающий избыток гостеприимства на случайных посетителях... Можно ли помыслить, чтобы он был замешан в каких-то криминально-коррупционных схемах? Столь же немисливо, как и представить его под портретом Дзержинского в мундире с погонами.

– Вот, пожалуйста, Николай Анатольевич, ватрушки даже еще теплые... я прямо как предчувствовал, что вы мне позвоните...

– Да. Хорошая ватрушка, – оценил Николай, затем поставил чашку на блюдце, переходя, наконец, к делу. – Вы, Аркадий Семенович, помните, говорили, что помогли Алевтине Федоровне Безруковой с поиском архивных документов, касающихся дела ее отца. У меня к вам, собственно, аналогичная просьба. В своей статье я собираюсь затронуть историю Красноленинска на примере жизни конкретной семьи... тему репрессий в том числе... и мне нужно взглянуть на один документ. Тот самый донос, с которого это дело и началось. Донос на Владислава Кириллова, у которого, в свою очередь, выбили показания на Федора Безрукова и, как я понимаю, не только на него...

– А почему вы так уверены, что этот документ все еще существует? – лукаво усмехнулся Васильчиков, аккуратно отрезая себе кекс.

– Ну как же, – улыбнулся в ответ Николай, – дела политических шли под грифом

«Хранить вечно»... С другой стороны, как я понимаю, никаких особенных тайн в этой истории нет. Случай вполне заурядный, как бы чудовищно это ни звучало.

– Может быть, и так, – не стал спорить старик, – но я, видите ли, давно уже на пенсии и доступа к архивам не имею. А если бы даже имел, то, боюсь... тайны ведь бывают не только государственные, но и личные.

«Уходим в несознанку, стало быть», – подумал про себя Николай. «Но доносчик, похоже, и в самом деле еще жив.»

– Я не собираюсь публиковать никаких имен без разрешения их обладателей, – заверил он вслух. – Это журналистская этика. А что касается вашей пенсии, то, как мне известно, контакты с молодыми коллегами вы сохранили. В прошлый раз вы не сказали, где работали, но теперь-то я это знаю, – Селиванов широко улыбнулся.

– Да я никакого секрета из этого и не делаю, – добродушно откликнулся Васильчиков. – Вы не спрашивали, я и не говорил, только и всего. Понимаю, что у людей ваших взглядов имеются на этот счет, в некотором роде, предубеждения, но ведь государственная безопасность нужна, в конечном счете, любому государству и при любом режиме. В той же Америке спецслужб больше, чем у нас, после Одиннадцатого сентября особенно... Если человек работал в КГБ, это еще не значит, что он, в некотором роде, кровавый пес реакции. Я, вы уж извините старика за пафос, всегда видел свою задачу в том, чтобы служить России, а не той или иной идеологии. Там множество различных служб и задач, действительно необходимых стране...

– Да, я понимаю, – не вытерпел Николай. Где-то он недавно слышал похожую фразу про большое комплексное хозяйство...

– Но теперь я, действительно, простой пенсионер, – закончил Васильчиков. – Так что, хоть я всегда рад вам помочь...

– Тем не менее, – небрежно заметил Селиванов, – вы, по просьбе Михаила Косоротова, свели его друга Владимира Крутова с вашими действующими коллегами.

– Да из вас, как я погляжу, из самого прекрасный разведчик получается! – Васильчиков шутливо погрозил ему пальцем, нимало не показывая смущения. – Жаль, что вы к нам работать не пошли. Такого кадра упустили...

– Меня тут недавно спрашивали, почему я не стал американским шпионом, – усмехнулся Николай. – Так вот я отвечу сейчас то же, что и тогда: я предпочитаю добывать информацию для общества, а не для спецслужб, чьих бы то ни было, – он сделал паузу, давая Васильчикову возможность осознать значение его слов, а затем продолжил: – И та информация, которую я добыл относительно клуба «Вервольф», мне совсем не нравится. То есть нравится как журналисту, но не как гражданину.

– Так, так. И что ж вы такое добыли?

– Вы ведь простой пенсионер, вам это не интересно? – поддел его Селиванов.

– Ну я ведь тоже, как вы изволили выразиться, гражданин. И к тому же друг Михаила Константиновича Косоротова, совсем не желающий, чтобы он попал в неприятности. И, каюсь, я действительно сохранил некоторые связи. В том числе, кстати, и за пределами Красноленинска.

– Это хорошо, что за пределами. Поскольку есть серьезные основания не доверять местным органам. Насколько я понимаю, контакты с ними Крутова служат как раз коррупционным целям.

– Подобные утверждения требуют серьезных доказательств.

– Такие доказательства есть, – сблефовал Николай. – Под видом борьбы с алкоголизмом и наркоманией Крутов и его подельник Джабир затеяли операцию как раз-таки по захвату алкогольного рынка города и направлению сюда героинового трафика. Как я понимаю, раньше для серьезных наркоторговцев Красноленинск не представлял большого интереса ввиду крайне

низкой покупательной способности населения, у которого к тому же те деньги, что есть, целиком уходят на водку – но теперь, как видно, пришла пора подгрести остатки. А может, и надежды на скорое возрождение комбината, о которых тут все говорят, все же сработают. И, разумеется, без покровительства органов – тем более в небольшом городе, где все на виду – такие вещи не делаются.

– Так, так, – повторил Васильчиков. Затем откусил от ватрушки, не торопясь, прожевал, запил чаем, поставил чашку на блюдечко. – И вы собираетесь об этом писать?

– Разумеется. Вероятно, это будет самая интересная часть моей статьи.

– Эх, Николай Анатольевич, все-то у вас «разумеется». Завидую я вам, молодым людям, у которых все просто и однозначно...

– К сожалению, в данной ситуации картина действительно вырисовывается довольно однозначная, – ответил Селиванов, пристально глядя на Васильчикова.

– Ну хорошо, – тот съел еще кусочек ватрушки. – Вы понимаете, что такое спецоперация?

– Спецоперация?

– Конечно, мне не следовало бы вам этого говорить, но раз уж вы все равно влезли в это дело... Вот вы полагаете, что Крутов через меня вышел на действующих сотрудников. А на самом деле все было, в некотором роде, наоборот... За деятельностью этой мотоциклетной шайки пристально наблюдают уже... некоторое время. И, хотя я и в самом деле пенсионер, коллеги неформально попросили меня воспользоваться моим дружеским знакомством для, так сказать, организации западни... Арестовать одного только Крутова или Джабира – это не вопрос. Задача в том, чтобы накрыть всю сеть! И наших местных коррупционеров в милиции, которые крышуют, как это теперь говорится, местный алкогольный бизнес, и поставщиков Джабира на Северном Кавказе, и даже, возможно, их партнеров за границей. Там тоже, между прочим, целая сеть, когда на наркоденьги финансируется исламский терроризм. Безотходная, в некотором роде, технология, с их точки зрения, конечно: мы убиваем вас с помощью наркотиков, и вы же нам за это платите, чтобы мы могли убивать вас и с помощью оружия. И вот появилась возможность по запущенному в Красноленинск коготку ликвидировать, в некотором роде, всю птичку. Большая, сложная операция. Долго и тщательно готовится. Уже выходит на финальную стадию. И тут появляетесь вы со своими простыми и быстрыми решениями и, из лучших побуждений, конечно, собираетесь все это сорвать.

– Хмм... – к такому повороту Николай не был готов. Впрочем, пока все это были просто слова, и кто поручится, что Васильчиков говорит правду? – А какова роль Косоротова во всем этом, вы знаете?

Если старик примется выгораживать Михаила...

– Михаил Константинович влез в очень скверную историю, – скорбно покачал головой Васильчиков. – Вообразил себя, в некотором роде, мессией – очистителем от скверны... как это с русскими интеллигентами периодически случается, особенно когда на это накладываются и обстоятельства личного характера. Я все еще надеюсь помочь ему выпутаться, пока не слишком поздно. Но преждевременные разоблачения и тут не сулят ничего хорошего. Ни для него, ни, соответственно, для его замечательно умного сына. Так что мы с вами решим, Николай Анатольевич?

Селиванов отхлебнул чай, обдумывая.

– Ну, допустим, я не стану сейчас ничего публиковать, – сказал он. – Но вы же понимаете, если потом окажется, что криминальная схема «Вервольфа» воплотилась в жизнь, и никто из ее участников не арестован...

– ...То вы всегда сможете выступить с вашими разоблачениями, – кивнул Васильчиков.

– А также вы понимаете, что любой, скажем, несчастный случай со мной...

– Я последний, кто в таком заинтересован, – Аркадий Семенович комическим жестом приложил руки к груди, в одной из них по-прежнему держа надкусанную ватрушку.

– Именно поэтому вы приставили ко мне топтунов? – усмехнулся Николай.

– Я? Боже упаси, каких еще топтунов?

– Долговязых таких. В кепках.

– Николай Анатольевич, я ж вам сказал – я простой пенсионер. Да, у меня имеются кое-какие знания и опыт, благодаря которым мои младшие товарищи периодически обращаются ко мне за консультацией или иной неформальной услугой... но не более чем. Я уже давно ничем не командую, и уж тем более – оперативной работой или, скажем, наружным наблюдением. Впрочем, совершенно уверен, что и мои молодые коллеги тут ни при чем. Не считите за пренебрежение, но у них хватает более актуальных дел, нежели следить за московскими журналистами. К тому же уже тот факт, что вы заметили слежку, говорит, что она велась, в некотором роде, непрофессионально... Но вы вообще уверены, что за вами следили? Может, вам просто показалось?

– Не уверен, – честно признал Николай. – Теоретически, конечно, могло быть и совпадением.

– К тому же – одинаковые люди в кепках... вы меня извините, но это какой-то детский сад, – дожимал Васильчиков. – Вы бы еще сказали – в плащах и черных очках. Если бы за вами действительно следили, то на одной улице это был бы спортивного вида парень, на следующей – пожилой мужчина, на третьей – дама с собачкой... уж позволю себе поделиться, в некотором роде, маленьким секретом мастерства. Хотя, – поспешно добавил он, – сам я к наружке вообще никогда прямого касательства не имел.

– Хм... в принципе, логично.

– Но если вы считаете, что за вами и в самом деле кто-то ходит, то будьте осмотрительны, – озабоченно продолжал Васильчиков. – Город у нас хоть и небольшой, а небезопасный. Тот же самый «Вервольф»... хотя не думаю, что слежка – это их стиль. Но уличной преступности тут, к сожалению, очень много. Может, какие-то бандиты хотят вас ограбить. Или даже, фильмов насмотревшись, похитить с целью выкупа. По вам ведь сразу видно, что вы человек небедный... по местным меркам тем более... а если знают, что вы из популярной московской газеты, то и подавно.

– Кое-какая шпана уже пыталась меня ограбить, – усмехнулся Николай, – но вынуждена была ретироваться. Я способен за себя постоять.

– Это хорошо. В смысле, что способны. Но, все-таки, берегите себя. Так мы с вами все прояснили?

– Я не буду ничего публиковать о «Вервольфе»... пока не буду. Но, все-таки, мне хотелось бы от вас ответную любезность. Ну, насчет того доноса. Раз уж мне надо чем-то заполнить полосу, – улыбнулся Селиванов.

– Баш на баш, значит? – улыбнулся в ответ Аркадий Семенович. – Вот он, наш меркантильный век... Не обижайтесь, я понимаю, что вам и в самом деле нужен материал для статьи – притом, что город у нас, в некотором роде, скучноватый, и писать особо не о чем... Причем, конечно, донос тридцатых годов – куда менее интересная тема, чем сегодняшняя наркомафия. Собственно, в данный момент я знаю лишь двух человек, кому он может быть интересен – хотя не сомневаюсь, что такой профессионал, как вы, сможет развернуть эту историю и для широкого читателя... тем более что в ней есть, в некотором роде, пикантность, популярная в газетах вроде вашей... Вы действуете по заказу одного из этих двоих, не так ли?

– Я не выдаю свои источники, – в который раз улыбнулся Николай.

– А хотите, чтобы я выдавал свои, ай, Николай Анатольевич... Ну можете не говорить, я и

так знаю, что это Славест Владиславович... то есть, простите, Владимирович, – произнес Васильчиков с явным оттенком сарказма.

– Если я что-то понимаю, то это не случайная оговорка.

– Ну разумеется. Вы разве не знали? Как по-вашему, могут быть у нормального человека такие имя, отчество и фамилия – Славест Владимирович Карлов? «Слава великому Сталину, Ленину и Карлу Марксу». Человек-плакат.

Николай мысленно вздрогнул, вспомнив, как сам употребил такое выражение в отношении Червяка.

– Значит, на самом деле он – сын Владислава Кириллова? – понял Николай. – Отрекшийся от отца?

– Именно так, Николай Анатольевич. Ну, если быть точным, отчество и фамилию ему сменили в детдоме. Но он не стал восстанавливать их потом. Хотя и наводил справки о своих родителях. Но этак, знаете ли, по принципу «я не я, и лошадь не моя». И до сих пор это делает, не так ли? Открыто признавать отца не хочет, но хочет знать, кто на него донес. Признаюсь, я вообще человек не злой, как вы, наверное, могли заметить, но вот такие люди вызывают у меня, в некотором роде, раздражение. Вот эта вот внутренняя фальшь. Попытка казаться святее Папы Римского или там Краткого курса истории ВКП(б), в то время как на самом деле...

– Вполне разделяю ваше раздражение, – не покривил душой Николай. – Ладно при Сталине, но до сих пор... через столько лет после падения советской власти... Впрочем, он, кажется, верит, что советская власть вернется. Но тем не менее, Аркадий Семенович, вы обещали мне любезность за любезность. Этот материал нужен не Славесту, а мне.

– Ну, если обещал... – Васильчиков поднялся. – В свое время я снимал копии с материалов этого дела и, возможно, они еще сохранились. Пойду поищу, а вы пока кекс попробуйте, он тоже хорош. Но, заметьте, есть еще второй человек... и стоит ли публиковать обличающий его материал, который, как я уже сказал, никого уже в мире, и даже товарища Карлова, не спасет и не осчастливит – это уж как вам ваша журналистская этика подскажет.

Николай остался в одиночестве. Он и в самом деле отрезал себе кекс и налил новую чашку. При взгляде на еду мелькнула мысль: а что, если его попытаются отравить? Да нет, это паранойя... Васильчиков ел тот же кекс и те же ватрушки... хотя, конечно, яд мог быть на стенках чашки или ложки... Нет, это все чушь из плохих шпионских романов. Николай по-прежнему не был уверен, верит ли он рассказу Васильчикова про спецоперацию. Но даже если предположить, что старик действительно замешан в криминальной схеме, привлечь на свою голову громкое расследование дела об убийстве знаменитого журналиста – да еще и не зная, какие из уже добытых им материалов при этом всплывут – и в самом деле было бы для Васильчикова самым глупым. К тому же быстродействующий яд уже бы его убил, а действующий медленно оставляет жертве время разоблачить своего убийцу при первых признаках недомогания...

Аркадий Семенович вернулся, торжественно неся листок бумаги. Очевидно, он решил не разыгрывать комедию, изображая долгие поиски.

– Вот, Николай Анатольевич, вам повезло – нашлось почти сразу.

Селиванов взял бумагу. Это действительно была ксерокопия. То ли Васильчиков предпочел прибереечь оригинал, то ли, вопреки утверждению Славеста, и оригинал по-прежнему покоился где-то в архивах ФСБ.

Донос был написан на одной стороне листа в клетку, очевидно, вырванного из школьной тетради, а позже проштемпелеванного и пронумерованного для подшивания к делу. Взгляд Николая сперва скользнул вниз – подписи ожидаемо не было – зачем побежал по строчкам, выведенным каллиграфическим почерком отличницы.

«Считаю своим долгом... Кириллов Владислав Алексеевич... действуя по заданию врагов

Советской власти в интересах иностранных разведок... подорвать Красную Армию изнутри путем злонамеренной клеветы на ее самых верных командиров... распространяет заведомо ложные... также означенный... полностью морально разложился... в состоянии алкогольного опьянения похвалялся... имея жену и сына, предается крайним формам половой распущенности... сурово покарать изменника и врага народа.»

Николаю не требовалась подпись, чтобы определить авторство текста. Расписка, написанная этой же рукой, до сих пор лежала в его внутреннем кармане. С годами, конечно, почерк стал хуже – а может, писавшая донос наивно пыталась его изменить – но характерные хвостики *в* и *у* были вполне узнаваемы.

– Зачем она это сделала? – потрясенно произнес Николай. – Ведь это же были друзья ее семьи. «Дядя Влад и тетя Люда.» И в итоге из-за этого доноса погибли и ее собственные родители...

– Это уж, Николай Анатольевич, вы сами выясняйте, – развел руками Васильчиков. – Я, извините, не сплетник.

– Значит, из-за этого она вас недолюбливает? Из-за того, что у вас есть этот документ?

– Ну, видимо, в том числе из-за этого.

– Это ваша единственная копия?

– Можете оставить это себе, – разрешил Васильчиков. – У меня есть еще.

«Вероятно, оригинал все же у него», – подумал Селиванов.

– И что будет, если я покажу это Славесту?

– Боюсь, Николай Анатольевич, это вопрос не по адресу. Так или иначе, вы получили бумажку, которую хотели, и теперь вам решать, что с ней делать. Вы чай пейте, видите, сколько у нас еще всего осталось. Я один все равно все это не съем.

– Н-нет, мне, пожалуй, хватит. Спасибо... за угощение. Я, пожалуй, поеду.

– Ну, как желаете. Жаль, что наша беседа сегодня вышла несколько скомканной, но не смею задерживать. Может, хоть с собой пару ватрушек возьмете? А то зачерствеют.

– Ну ладно, давайте, – буркнул Николай. В конце концов, это и впрямь была конструктивная альтернатива старухиному печеню.

Пять минут спустя, чувствуя себя несколько по-дурацки с полиэтиленовым пакетом с ватрушками в руке, он стоял на темнеющей улице Бермана в ожидании Сашки. Стоит ли говорить со старухой, или действительно оставить забытое уже почти всеми прошлое покоиться с миром? Впрочем, если бы не неумная жажда, несмотря ни на что, докапываться до истины, Николай вряд ли стал бы тем, кем он стал. Так или иначе, прежде чем задавать какие-либо вопросы Алевтине, надо бы постараться выяснить все, что можно выяснить из других источников. Хотя, конечно, какие тут источники... кроме разве что самого доноса... Николай вновь достал из кармана сложенный листок; света было пока еще достаточно, чтобы разобрать буквы. На сей раз он обратил внимание на то, что пропустил при первом просмотре. Не сам текст. Дата. 14 декабря 1937.

Даже если Кириллова арестовали в тот же день, а на следующий день он дал показания на своего друга Безрукова, Маша Безрукова родилась не позже мая 1938. Она никак не могла быть дочерью следователя, который вел дело ее деда – что бы там ни делал Семен Васильчиков с Алевтиной.

Стало быть, никаких родственных связей у Васильчикова с Безруковыми нет, и он это знает.

На листок упала капля. Чернила не расплылись – ведь это был всего лишь ксерокс. Но за первой каплей последовала вторая, за ней сразу третья, и Николай поспешно спрятал листок. Опять этот чертов дождь... прав был могильщик.

Подъехала серая «Волга», и у Николая мелькнула, возможно, не столь уж и безумная мысль, что сейчас вместо Сашки из нее выскочат какие-нибудь громилы или вообще ударит автоматная очередь. Все же сегодня он узнал немало того, что ему знать не полагалось – и, главное, дал знать другим, что он это знает. Да, устранять его опасно, но достаточно ли разумны все заинтересованные стороны, чтобы это осознать?

Но нет, в машине сидел лишь его знакомый щербатый водила.

– Ну чо, командир, на сегодня накатались? Прямо загонял ты меня.

– Ладно, давай домой... загнанный.

Алевтина Федоровна встретила постояльца традиционным вопросом об ужине, и Николай хотел было отказаться, но потом подумал, что даже после кекса и вагрушек еще найдет место для очередной картошки с курицей. Старухе, похоже, нравилось, когда он составлял ей компанию за столом, а сегодня это давало повод для разговора. Который, конечно, старухе понравится едва ли, но что поделаешь...

– Завтра вот похороны Пети, – сообщила Алевтина Федоровна через несколько минут после того, как они уселись за стол.

– Знаю, – кивнул Николай, без особого аппетита ковыряясь вилкой в тарелке.

– Светочка с ног сбилась, все это организуя. Он с какой-то пьяной девкой жил, но ей-то на все наплевать... И родился грешно, и жил срамно, и умер не по-людски, да и после смерти вот добрым людям одни от него хлопоты.

– А вы на похороны пойдете? – осведомился Николай.

– Ну как же... все-таки внук...

У Селиванова вертелся на языке едкий комментарий, но он, разумеется, воздержался.

Ему подумалось, что внук даже внешне не был похож на бабуку, а вот Светлана в старости будет, видимо, похожа. Если тоже не умрет молодой, внезапно мелькнуло в его сознании – хотя, конечно, ей-то с какой стати? Ее мать, правда, прожила всего пятьдесят четыре года, но Светлана пошла в бабушку, в среднем круге комбината не работает и алкоголем не злоупотребляет...

Некая ассоциация кольнула сознание Николая. Мария Безрукова. Ее последние фотографии. Она выглядела на них старше своих лет – женщина с изможденным лицом, растерявшая всякие остатки былой привлекательности; даже и на женщину-то уже не очень похожая. Тогда, просматривая фотоальбом, он не особо уделил внимание этим карточкам, отметив лишь, что она, скорее всего, сильно пила. Но теперь, вновь вспомнив ее облик...

Славест напомнил ему вовсе не Петьку.

Хозяйка тем временем закончила свою скромную трапезу – она вообще ела мало – и теперь смотрела на гостя, похоже, обдумывая, что бы такое еще сказать.

– Алевтина Федоровна, – сказал Селиванов, решив больше не откладывать, – мне в руки попал один документ, связанный с делом вашего отца.

– Ох, – вздохнула старуха, – стоит ли ворошить прошлое? Реабилитировали, и ладно. Что уж теперь снова все это вспоминать, кому от этого лучше будет...

– Тем не менее, – он достал сложенный листок, развернул его и положил на стол, – я думаю, вам стоит на него взглянуть.

– Ох, – засуетилась старуха, – это мне другие очки надеть надо...

– Мне кажется, вы и без очков знаете, что там написано, – возразил Селиванов, внимательно наблюдая за ней. – Это донос, по которому был арестован Владислав Кириллов.

Алевтина дернулась, как от удара током. Ее сухонькая рука машинально рванулась к бумаге – схватить, скомкать, разорвать – но тут же замерла.

– Это ксерокопия, – любезно сообщил Селиванов. – Оригинал, очевидно, все там же, где он был все это время. И... я думаю, что понимаю, почему вы сделали то, что сделали. Он

наобещал с три короба, что бросит жену и все такое, а сам...

– Ничего вы не понимаете! – злобно ответила старуха, но затем продолжила более спокойным тоном: – Он... заставил меня. Это началось, когда мне едва исполнилось четырнадцать. Он говорил, что, если я не буду делать все, что он хочет, или если попробую кому-нибудь рассказать, то он донесет на моего отца. Что мой отец был белым офицером, и его за это расстреляют. А это же было какое время... мы все жили, как под артобстрелом, когда никто не знает, кого накроет следующий снаряд. Хотя от снарядов можно хотя бы спрятаться в окопе, а тут прятаться было негде... только обреченно ждать, когда придет твоя очередь. Я, хоть и девчонка совсем, тоже это понимала... у нас в школе на пионерских и комсомольских собраниях постоянно выступали все новые... в том числе мои же одноклассники... говорили, что отрекаются от родителей – врагов и предателей... но это их все равно не спасало, конечно, все от них шарахались, как от зачумленных... а я же и их, и их родителей хорошо знала, в гостях бывала много раз... А в газетах и по радио – уж каких больших людей звали собаками, которым собачья смерть! Верных партийцев со стажем больше, чем у Ленина, героев, орденосцев... что уж тут о каком-то бывшем белогвардейце говорить. Так что никаких иллюзий насчет «невиновных не сажают, разберутся – выпустят» у меня не было. Но когда я поняла, что беременна, а он мне, что, мол, я сама виновата и сама должна выпутываться, а если я кому-нибудь скажу... Ну и я подумала, что если я первая про него напишу, что он, мол, по заданию вражеских разведок клеветает, тогда, что бы он ни сказал про отца, ему не поверят, а наоборот... ну, глупая была, хоть и считала себя сильно умной! Шестнадцати еще не было...

Вот, стало быть, в каком грехе рожден был Петька – и вот что терзало Славеста с тех пор, как он узнал правду. Маша была его единокровной сестрой. Кажется, инцест он считал делом более страшным, нежели убийство миллионов во имя коммунистической идеологии. Впрочем, результат этого инцеста действительно оправдывал древнее табу.

– А Васильчиков? – мягко спросил Николай. – Я имею в виду старшего. Следователя. Ему было нужно... то же самое?

– Вы же понимаете, я уже не была невинной девушкой, когда шла к нему. Я знала, что ему может понадобиться. Но я не подозревала, что это будет так... грязно. Он и его дружки... из того же ведомства... И все тот же разговор – только попробуй жаловаться. Только теперь все было гораздо хуже. Я не могла даже сбежать, хотя меня не арестовывали. Потому что от них зависела жизнь отца. Они оставили меня в покое сами, когда уже слишком заметно вырос живот. Им стало противно. Переключились на кого-то еще... А отца, как вы знаете, все равно убили, – помолчав, Алевтина Федоровна добавила: – Честно говоря, я надеялась, что после всего, что они со мной делали, будет выкидыш. Но, как говорится, все к лучшему. Не родилась бы Маша, не было бы и Светочки... Вы только ей про это все не рассказывайте, – спохватилась старуха. – Незачем ей это знать.

– Не буду, – автоматически пообещал Николай и тут же вспомнил, что собирался вставить эту историю в свою статью. Конечно, не называя имен, но причастные лица все равно все поймут... Впрочем, если он разгадает тайну комбината – и если его предположения, на первый взгляд фантастические, подтвердятся – то это будет сенсация, далеко затмевающая не только этот сюжет (отдающий, по правде говоря, индийской мелодрамой), но и клуб «Вервольф» с его покровителями в органах.

– Школу я в результате так и не закончила, – продолжала старуха. – Про вуз уж и не говорю... Работала билетершей в кинотеатре «Родина», потом в краеведческом музее...

– Это там, где диорама, изображающая, как ваш отец командует расстрелом? – произнес Николай более жестким тоном, чем хотел.

– Ну, да... хоть так могла на него посмотреть.

– И рассказывали экскурсантам официальную версию? Что это он расстреливал?

– Рассказывала, что делать... но фамилию я не называла! – поспешно заявила Алевтина Федоровна. – Ее там и на табличке тоже нет.

«А если бы была?» – подмывало спросить Николая. «Если бы велели называть?» Но он пожалел старуху.

– А Васильчиков... в смысле младший... вас шантажирует этой бумагой? – спросил он вместо этого.

Старуха некоторое время молчала.

– С Аркадием Семеновичем у нас свои отношения, – сказала она наконец. – Вам это ни к чему.

Vrdl, вспомнил Николай. Действительно «вурдалак»? А может, даже «выродок», введенное с ошибкой – лишнее нажатие на кнопку старческим пальцем? Но спросить об этом – значит признаться, что он лазил в ее телефон. Расшифровка может быть и вполне безобидной. Что вообще может понадобиться отставному КГБшнику от 80-летней пенсионерки? Уж точно не интимные услуги. А также не деньги и не политическое влияние – Алевтина Федоровна, очевидно, не располагала ни тем, ни другим. Пусть, действительно, сами разбираются в своих отношениях... в этом вечном российском переплетении жертв и палачей, где одно переходит в другое, как лента Мёбиуса...

– Смотрите, Алевтина Федоровна, – сказал, тем не менее, Николай. – Если на вас кто-то давит... к чему-то принуждает, особенно незаконно... я мог бы помочь. Я ведь из Москвы, мне ваши местные власти не указ. Могу устроить такое, что им не поздоровится.

– Не надо ничего устраивать! – поспешно сказала старуха. – Все нормально. И Светочке ничего не говорите, вы обещали.

– Хорошо, как скажете, – он поднялся из-за стола и забрал бумагу. Алевтина проводила ее взглядом. – Спасибо вам за откровенность. Я понимаю, вам было тяжело об этом говорить. Но, говорят, когда с кем-то поделишься, становится легче.

– Да... наверное.

Вернувшись к своему ноутбуку, Николай быстро добавил в файл combinat.doc еще несколько абзацев, затем задумался. Если Славест не соврал насчет пропуска, возможно, он узнает, что производит комбинат, уже завтра. Или послезавтра, если пропуск заказывается за день. Неужели так просто? Ради какого-то доноса шестидесятилетней давности твердолобый коммунист раскроет либеральному журналисту тайну государственного значения? Попадая при этом, весьма возможно, под серьезную статью и подставляя под статью также и его... особенно если он действительно решится это опубликовать. Но если речь действительно идет о каких-то противозаконных экспериментах над людьми – психотронных, генетических, каких угодно – тогда к черту все тайны этого ублюдочного государства. Если главред наделает в штаны – а, скорее всего, так и будет – он, Селиванов, найдет, куда отправить свои материалы. Он оповестит об этом мир, и сделает это достаточно быстро, чтобы ему не успели заткнуть рот.

Потом его, конечно, попытаются посадить, как Вила Мирзаянова... и, вполне возможно, посадят, несмотря на международный скандал. Разумнее все же сначала выехать за границу, прежде чем выступать с разоблачениями. Если ему дадут выехать, конечно. Если о его визите во внутренний круг не станет известно раньше времени. И, кроме того, для разоблачений нужны доказательства. Что бы он ни увидел своими глазами, если он не сможет это заснять, а лучше прихватить какие-нибудь образцы...

Впрочем, все это пока что дележка шкуры неубитого комбината. Да уж, воистину, неубитого. Горбач бил-бил – не добил, Ельцин бил-бил – не добил, журналист бежал, бумажкой махнул...

Но можно ли отдавать эту бумажку Славесту? Еще недавно Николай иронизировал, спрашивая у него, не собирается ли он убить доносчика, но теперь склонен был отнестись к такой угрозе серьезно. Ибо, похоже, одного человека Славест уже убил. Того, кого считал своим позором. Вполне возможно, может убить и второго, кого считает виновником детдома, отречения от родителей и всей своей правоверно-коммунистической жизни.

И Николай не мог сказать, что не понимает его. Если бы его собственные родители погибли из-за чьего-то доноса, он бы и сам желал смерти доносчику и не простил бы его, сколько бы лет ни прошло. Другое дело, что он бы, в отличие от Славеста, не пошел служить их убийцам... И мог бы изменить свое мнение, узнав о причине доноса. А Славест, очевидно, уже давно знает о связи его отца и Алевтины. Но не о самом доносе, очевидно – хотя и может о нем догадываться...

Однако действительно ли Славест может заплатить обещанную цену? Вот будь на его месте, скажем, Червяк... а Славест теперь уже просто пенсионер. Под силу ли ему раздобыть пропуск в особо секретную зону для первого встречного? Не исключено, конечно, что у него тоже сохранились некие «рычаги». Скажем, компромат на того же Червяка. Но даже если так – захочет ли он играть честно? Он ведь может дать ложное обещание или ничего не значащую бумажку, над которой на проходной просто посмеются... в лучшем случае. И как от этого защититься? Тащить его с собой?

Впрочем, позвонить лейтенанту Сысоеву и сдать ему Славеста никогда не поздно. Поднимать с ментами тему «Вервольфа» пожалуй что не стоит. В том, что они крышуют местный алкогольный бизнес, сходятся, кажется, все, но это еще не значит, что они заинтересованы в сохранении status quo. Вполне возможно, что Вовка и Джабир сумели с ними договориться на новых условиях. И спецоперация, о которой говорил Васильчиков, конечно, может оказаться лишь прикрытием для зачистки поляны под ФСБ – но может быть, чем черт не шутит, и правдой. Реальной борьбой с наркоторговцами и коррумпированными ментами. И мешать ей, не получив твердых доказательств, что это не так, было бы безответственно. Кроме того, милиция – это не единый монолит. Круговая порука для нее, конечно, характерна, но личная жадность может быть сильнее. Если в какой-то схеме участвует начальник или коллега Сысоева, это еще не значит, что что-то с этого перепадает и самому Сысоеву. И если будет дана команда на очищение рядов... Так что тут – неопределенность. Но это что касается «Вервольфа». А вот сугубо частное убийство без ведущих «куда не надо» нитей ни Сысоев, ни его товарищи, вероятно, на халяву раскрыть не откажутся.

Записав файл, Николай решил позвонить своему главреду. Теперь у него уже были промежуточные результаты, которыми не стыдно поделиться... и к тому же не помешает подстраховаться на случай, если кто-то не поймет, как невыгодно трогать известного журналиста. Время было еще совсем не позднее, однако после пяти гудков в трубке откликнулся автоответчик. Что ж, возможно, главный отправился куда-нибудь в театр или еще на какое-нибудь светское мероприятие. Ничего странного в этом не было, но Николай испытал укол досады. Что ж, придется диктовать на автоответчик, в самой, конечно, лаконичной форме. Он рассказал про «Вервольф», не называя, однако, имени Косоротова, а про комбинат сказал лишь, что наклеивается, весьма возможно, сенсация первой величины, но пока об этом говорить рано – ситуация должна проясниться, если он получит пропуск во внутреннюю зону комбината, который ему обещал бывший высокопоставленный сотрудник комбината Славест Карлов. Делиться с шефом неподкрепленными гипотезами, тем более подходящими под ярлык «параноидальная конспирология», смысла не имело; инструкции насчет «не разыгрывать из себя Штирлица» Николай тоже помнил хорошо и потому постарался сформулировать все так, чтобы у главреда не возникло никаких сомнений насчет законности и безопасности чаемого визита.

Иначе, чего доброго, главный позвонит ему и прямо запретит лезть на комбинат...

Ночью Селиванову снились похороны.

Похоронная процессия двигалась по какой-то длинной сырой серой улице, тянувшейся от церкви к кладбищу. Больше на улице не было ничего, кроме высоких бетонных заборов по бокам. Четыре долговязых типа в кепках – их лиц не было видно – несли гроб. Сразу же за гробом шел Николай. Это были его похороны.

Вокруг шагали разнообразные люди; в большинстве своем это были краснolenицы – Светлана, Михаил, Алевтина Федоровна, Васильчиков, Славест и другие (во сне их было больше, чем тех, с кем Селиванов успел познакомиться наяву) – но были и иные: парочка московских приятелей, несколько коллег из газеты, включая главреда, еще какие-то смутно знакомые персонажи и вовсе случайные зеваки. Большинство знакомых выглядели не так, как в жизни, но во сне Николай не сомневался, что это именно они, и не удивлялся их обличию. Главред, к примеру, оказался совсем крошечного роста, практически карликом, с ленинской бороденкой, которую никогда в жизни не носил. У Славеста не было глаз, только пустые провалы, и его вел на поводке Джульбарс, который теперь был не овчаркой, а бультерьером. Где-то совсем на периферии шествия маячили бомжи со свалки.

С неба светило солнце, и хотя оно не освещало ничего, кроме грязи и бетона, настроение у всех было скорее приподнятое, чем траурное. С Николаем перешучивались, говорили ему что-то ободряющее, какой-то коротышка в кургузом пиджаке, с венчиком взъерошенных волос вокруг плоской лысины, подскочил к нему, воровато оглядываясь, шепнул на ухо «я ваш давний поклонник!», молниеносным жестом стиснул ему руку потной ладошкой и тут же шмыгнул прочь. Какая-то нескладная накрашенная девица сунула Николаю номер газеты с его статьей и попросила расписаться. Селиванов исполнил просимое и при этом заметил, что и его колонка, и соседние материалы на странице представляют собой некую бессвязную абракадабру.

Хотя он полностью отдавал себе отчет, куда и зачем идет, приподнятое настроение окружающих передавалось и ему. Он отвечал на шутки и улыбался в ответ на подбадривающие реплики; в какой-то мере ему было даже приятно, что все эти люди собрались здесь ради него. К тому же он думал о том, что надо успеть порадоваться солнцу, пока еще можно. В то же время на периферии сознания крутилась мысль, как бы избежать того, что ему предстоит, но он отвечал себе, что бежать все равно некуда, через эти заборы по бокам ему не перебраться, да и потом, ну, нельзя же подводить всех этих людей. Увидев, как вся одетая в черное – в какой-то старомодный дамский наряд XIX века – Алевтина Федоровна подносит к глазам кружевной платок, он даже растрогался. Нет, никак нельзя их подводить.

«А статью вы мне все-таки не сдали, – произнес оказавшийся рядом главред. »Ну, это ладно. Я все понимаю, похороны – уважительная причина, так что я на вас не в обиде", – хотя по его тону можно было понять, что это не вполне так.

«Кавасаки! Машина-зверь!» – доносилось с другого боку. Николай посмотрел и увидел, что Косоротов идет под руку со Светланой, оживленно обсуждая с ней мотоциклы. Между супругами царил полное взаимопонимание; о Селиванове они, похоже, вообще забыли.

Наконец процессия вошла в ворота кладбища. Повсюду торчали кресты с распятыми на них кошками. Гроб опустили на землю возле разрытой могилы, и один из носильщиков сделал приглашающий жест. Николай покорно лег внутрь. Теперь ему было страшно, но он не видел никакой возможности сопротивляться – ведь «так положено». Кто он такой, чтобы нарушать заведенный порядок? За это же наверняка накажут. Не могут не наказать.

Лежа в гробу, он, однако, по-прежнему ясно видел все вокруг. Главред зачем-то принес табуретку и поставил ее перед могилкой, словно тумбу для прыжков на краю бассейна.

Васильчиков заглянул в какую-то бумажку и объявил: «Слово для прощальной оды предоставляется Павлику! Где Павлик?»

Публика начала озираться; затем в толпе обозначилось движение: люди поспешно – пожалуй, даже слишком поспешно – расступались от чего-то, что двигалось извне. Когда раздвинулись ближайшие, Николай увидел мальчика в шортах, белой рубашке и кроваво-красном пионерском галстуке. Это был мальчик с вершины колонны в парке; теперь с его головой и конечностями все было в порядке, хотя лицо было почти таким же белым, как его рубашка. Прежде, чем он поднялся на табуретку, Николай понял, что это лицо Жени.

Мальчик начал читать звонким голосом какую-то невероятно длинную поэму, а Николай лежал в гробу и скучал. Он понимал, что когда ода закончится, его закопают, и в то же время хотел, чтобы все кончилось поскорее. У него мелькала мысль, нельзя ли как-нибудь понезаметнее вылезти из гроба и сбежать, пока все слушают чтеца, но он понял, что это невозможно. К тому же у него ведь нет документов. Свидетельство о смерти уже выписано, значит, назад пути нет.

Внезапно ему пришла в голову мысль, каким образом можно все это остановить. Он подозревал Васильчикова, который, похоже, так заслушался, что не хотел отвлекаться – но в конце концов все же подошел, с укором глядя на нарушителя плавного течения церемонии.

«Аркадий Семенович, это ошибка! – сказал Николай. – Меня нельзя хоронить, я же живой!»

«Николай Анатольевич, – укоризненно покачал головой Васильчиков, – ну вы же разумный человек. Как же вы можете быть живым, если вы, в некотором роде, здесь? У нас живых не хоронят.»

Сраженный этим аргументом, Николай замолчал. Мальчик кончил читать. Четверо в кепках подняли крышку и накрыли ею гроб. Николай услышал, как они заколачивают гвозди, и вот только тут его накрыл настоящий ужас.

«Эй! – закричал он. – Стойте! Прекратите! Выпустите меня! Я живой!»

Он пытался колотить изнутри по крышке, но руки, как это часто бывает во сне, не слушались, и его сознание пронзила новая мысль – а может быть, они правы? Может, ему только кажется, что он жив? Ну не могут же все, кроме него, ошибаться!

Но тут по крышке гроба застучали комья земли, и Николай снова заорал в ужасе: «Нет! Нет! Выпустите меня! Только не так!!!»

Невероятным усилием он все же сумел вскинуть руки – и они ушли в темноту, не встретив препятствия. Неужели гроб – это иллюзия? Или он уже бесплотен?

Лишь несколько секунд спустя он понял, что лежит на спине не в гробу, а на кровати, и тьма в комнате – не могильная, а обычная ночная. Стук сверху, однако, продолжался, и Николаю потребовалась еще пара секунд, чтобы сообразить – это барабанит по крыше дождь. Не обычная краснolenинская тягумуть, а, похоже, довольно-таки сильный ливень. Может, даже с градом, хотя град, вроде как, для осени не характерен. Впрочем, от местной аномалии можно ожидать чего угодно...

Николай встал, не зажигая света, подошел к окну, выглянул в щель между занавесками, почти уверенный, что увидит там длинную фигуру в кепке – или, может, в дождевике, по случаю такой погоды. Но там никого не было.

Он вернулся в постель, с запоздалым смущением понадеявшись, что кричал только во сне и не разбудил хозяйку. Некоторое время лежал с открытыми глазами, чтобы уж точно избавиться от остатков кошмара. Из длинной поэмы, прочитанной над его гробом, в памяти, однако, засела одна строфа:

И вряд ли ты их проворонишь,

И вряд ли искупишь борьбой,
Когда коллективный Воронеж
Из мрака придет за тобой.

По сравнению с обычным бредом, который приходит в голову под видом стихов во сне – и из которого, скорее всего, состояла остальная «поэма» – это четверостишие выглядело достаточно складно, хотя, конечно, все равно оставалось бредом. Кого «их», при чем тут Воронеж? Кстати, рифма «проворонишь – Воронеж» только на первый взгляд кажется хорошей, а на самом деле это «ботинки-полуботинки». Лучше уж тогда «похоронишь»... м-да, в тему.

Спать не хотелось, но вставать в такую рань не было никакого смысла, тем более что Николай понимал – организм, не получивший положенного минимума, все равно потом потребует свое. Так что некоторое время он ворочался, пытаясь настроиться на расслабленно-элегический лад, вспоминая канарские пляжи и разноцветные осенние леса штата Нью-Йорк. В конце концов он все же заснул.

Когда он проснулся, было светло – как обычно бывает светло в середине пасмурного дня. Селиванов еще некоторое время лениво лежал в постели, думая, что раз старуха его не будит, то он имеет законное право поспать еще. Затем его мозг все же окончательно вышел из спящего режима, заставив Николая посмотреть на часы. Ё-мое, почти полдень! Похоже, он так старался уснуть ночью, что результат превзошел ожидания. Ничего смертельного, впрочем, нет, на это утро он ничего не планировал – но почему же Алевтина Федоровна не позвала его завтракать? Не из-за обиды же на раскрытую вчера тайну, в самом деле...

Ответ пришел практически сразу. Потому что старуха мертва. Она умерла этой ночью, не пережив вчерашний разговор. Инфаркт или инсульт. А может, даже и самоубийство.

Только этого мне не хватало, с тоской подумал Николай. Значит, придется сейчас звонить... кому? ну, очевидно, Светлане, а там уж пусть она со всем разбирается... Ей, конечно, не позавидуешь – во время одних похорон узнать о необходимости других... притом, что Петьку она хоронит исключительно по обязанности, а вот бабушку, похоже, в самом деле любила... И можно ли будет после этого остаться на квартире? Скорее всего, жилье в Красноленинске ему нужно лишь на ближайшие день-два, но не хотелось бы ради этой пары дней куда-то перебираться... И не начнет ли какой-нибудь Сысоев досаждать очередным расследованием, особенно если окажется, что смерть не вполне естественная? Не лучшая перспектива, учитывая, что кроме Николая и старухи в доме никого не было...

У Селиванова даже мелькнула малодушная мысль сделать вид, что он ничего не заметил – по крайней мере, до вечера – но он тут же отогнал ее как и недостойную, и неконструктивную. К тому же – что, если у старухи был, как говорили в старину, удар, но она еще жива? Тогда надо не лежать и размышлять, а скорей звонить в «скорую»! Которая здесь не выезжает к людям старше семидесяти... ну, пусть только попробует не выехать!

Николай вскочил с постели, торопливо натянул штаны и рубашку и, не обуваясь, с мобильником в руке выскочил в коридор. Повернул и дернул ручку комнаты хозяйки – и, подтвердив его худшие опасения, дверь открылась.

Ее кровать, однако, была заправлена и пуста. Это, впрочем, еще ничего не значило. Раз дверь не заперта, значит, старуха где-то здесь. Несчастье могло случиться с ней на кухне или в туалете...

Туалет и ванная были ближе, и Николай сперва проверил там – но вновь не обнаружил тела. Тогда он поспешил на кухню – и, уже сворачивая туда, наконец обратил внимание на вешалку в прихожей. Пальто и демисезонные боты Алевтины Федоровны отсутствовали. Выходит, она все-таки ушла.

Уже спокойно он вошел на кухню и обнаружил на столе записку: «Николай, я стучала, но вы не ответили. В духовке сырники, можете разогреть. Не забудьте, пожалуйста, потом перекрыть газ.»

– Тьфу ты! – воскликнул он в сердцах. Эти напоминания насчет газа успели его изрядно достать – тем более в сочетании с неприятными минутами, которые он только что пережил. Хотя, рассуждая рационально, старуха, конечно, не виновата. С ним действительно такое бывало – если он знал, что к такому-то часу непременно надо встать, то нередко просыпался даже и без будильника, но вот если позволял себе расслабиться, то мог продряхнуть лишнюю пару часов, игнорируя любые внешние раздражители.

Стало быть, Алевтина оказалась крепче, чем он о ней подумал. Но почему она не заперла дверь своей комнаты? Торопилась на похороны? Все же терзалась переживаниями из-за вчерашнего? Или... может быть, она специально *хотела*, чтобы он что-то нашел?

Николай вспомнил, как она пыталась привлечь его внимание шумом под дверь во время визита Петьки, но при этом не решалась прямо звать на помощь. Да, пожалуй, с нее станется...

И, во всяком случае, он может взглянуть на фотоальбом.

Он снова вошел в комнату старухи, почти уверенный, что она вернется домой прямо сейчас, но из прихожей по-прежнему не доносилось никаких звуков. Николай сразу же свернул к шкафу и взял с полки альбом, стоявший на прежнем месте.

Он быстро пролистнул страницы, которые уже видел, и добрался до того места, где хозяйка вдруг прекратила показ. Чувствуя, как пульс отдается в кончиках пальцев от предвкушения, Селиванов перевернул страницу – и не увидел ничего неожиданного. Как он и предполагал, там были цветные свадебные фото Светланы (Михаил в черном смокинге с бабочкой отрезан не был; на тот момент он выглядел заметно стройнее и волосатее, чем теперь, хотя залысины уже ясно обозначились); на правом развороте она уже держала на руках младенца – очевидно, Женю. Дальше последовали другие фото семьи Косоротовых-Безруковых с постепенно подрастающим мальчиком – все трое смотрят в объектив (родители – широко, даже слишком широко улыбаясь, двухлетний Женя по центру – насупившись), Женя на коленях у прабабушки, Женя на плечах у отца, Женя на трехколесном велосипеде, Женя с матерью, Светлана одна в летнем платье кокетливо крутит на палец распущенные волосы, вся семья отдыхает где-то у воды, Светлана с бабушкой, Женя за столом, на столе румяный пирог, на заднем фоне – разноцветные воздушные шары (не иначе, день рождения, но других детей в кадре нет; в глазах мальчика ясно читается «ну когда вы уже кончите возиться с вашим дурацким аппаратом и дадите мне поесть?!»), Светлана в пальто с меховым воротником на снегу, Женя с ранцем и тощим букетом, держа маму за руку, шагает в первый раз в первый класс (в глазах – бесконечная тоска узника, которого судья только что приговорил к лишению свободы на 11 лет), Светлана, держащая в руках, словно два веера, рыжие и желтые осенние листья (довольно-таки блеклые, по правде говоря), Женя с отцом над шахматной доской и... дальше уже только несколько фото одинокой Светланы и все. Отсутствие новых фото Михаила понятно, но почему ни одной фотографии мальчика за последние четыре-пять лет? Неужели у Алевтины Федоровны возникла некая хроническая антипатия к правнуку? Из-за чего? А может, все гораздо проще – его родители обзавелись цифровым аппаратом и перестали делать бумажные фото? Но ведь новые карточки Светланы есть... Селиванову вспомнилось, как Женя без особого энтузиазма воспринял идею поехать к прабабушке, а она сама, поохав для порядка, слишком быстро вернулась к телевизору. Впрочем, его номер все же есть в ее мобильнике... другое дело, часто ли она им пользуется?

Впрочем, вот это уж точно не относится ни к комбинату, ни к «Вервольфу», ни к чему-либо еще интересному. По всей видимости, причина, по которой старуха не показала ему альбом

до конца, была именно той, о которой и подумал изначально – надежда на мужской интерес гостя к внучке, коему сведения о детях определенно не способствуют...

«Иногда я его боюсь», – вспомнились Селиванову слова Михаила.

Он снова всмотрелся в лицо над доской на последней фотографии. Нет, конечно, ребенок как ребенок (и совсем даже не похожий на статую в парке... вот же дурацкий сон, до сих пор в башке сидит). Менее улыбчивый, чем обычные дети его возраста... ну так во многом знании многие печали. Это Николай знал и по собственному детству.

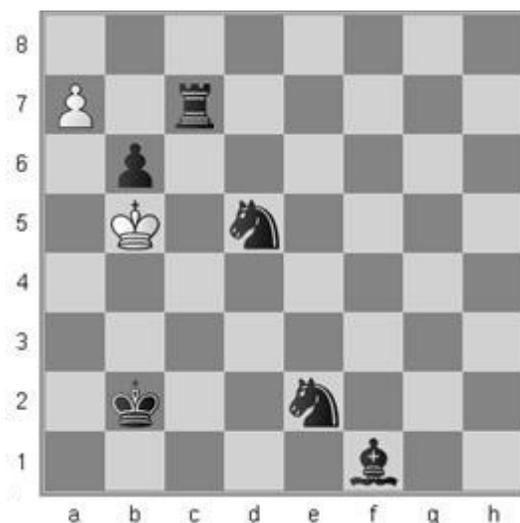
На всякий случай он долистал альбом до самого конца, но там были только пустые страницы. Николай с сожалением закрыл и поставил альбом на место. Никаких сенсаций, никаких тайных посланий. Это только в чеховских пьесах все ружья стреляют, а жизнь не обязана следовать законам драматургии.

Он повернулся, чтобы уйти, и только тут заметил кое-что необычное.

На столе стояла шахматная доска с расставленными фигурами. Удивительно, как он умудрился не заметить ее сразу – ну да, сначала ведь он высматривал бездыханное тело на полу, потом – устремился напрямик к фотоальбому... поразительна все же избирательность человеческого восприятия... Он помнил слова Жени, что когда-то давно старуха играла в шахматы, но теперь уже все позабыла. Или все-таки не все? Но прошлым вечером и нынешним утром играть ей было явно не с кем... если, конечно, никто не приходил, пока он так крепко спал...

Заинтригованный, Николай подошел к столу и сразу же понял, что это не недоигранная партия. Скорее, задача. Становилось все интереснее. Пусть он уже знал, что Алевтина Федоровна – не полуграмотная крестьянка, представить ее смотрящей телевизор или перечитывающей Евангелие (особенно после пробужденных вчера воспоминаний) было куда проще, чем решающей шахматные задачи из какой-нибудь газеты.

Судя по обилию черных фигур, белые едва ли могли рассчитывать на победу. Скорее их задача состояла в том, чтобы избежать поражения.

Однако, взглянув на доску, Николай сразу понял, что, несмотря на возможность провести ферзя (или любую другую фигуру), задача не имеет решения. На любой ход белых следует Ke2-c3, и белые, в зависимости от предыдущего хода, получают мат либо на b5, либо на a4, либо на a6.

Ну и? Какой тогда в этом смысл?

Ке2... «Конь едва...» Может, это и есть послание, которого он ожидал? То, что бабка не отважилась ни сказать, ни тем более написать... «Конь едва цэтри мат.» Нет, не вытанцовывается. Бессмыслица. Может, анаграмма? Неужто старуха настолько хитроумна? Он попробовал попереставлять буквы и понял, что это тупик.

А если краткая нотация? Кес3... конь е ц 3... «Конец». Тройка, скорее всего, ни при чем – старуха действительно не гроссмейстер, чтобы составлять слишком сложные ребусы, да и к тому же ей нужно было сделать задачу достаточно простой, чтобы он не поленился разбираться. «Ты думаешь, что ты в одном шаге от того, чтобы пройти в ферзи, а на самом деле, что бы ты ни делал, тебе конец.» Вот что означает это послание.

Ай да Алевтина Федоровна... Или это все-таки лишь игра его собственного воображения? Он знал по опыту, как опасно бывает увлечься красивой версией. Красота еще не означает верности, ни в каком из смыслов... Одно ясно – спрашивать старуху он не может, ибо это означает признание, что он без спроса заходил в ее комнату. Конечно, это не такой смертельный грех, он всегда может сказать, что испугался, не случился ли у нее приступ (как оно изначально и было), а потом заметил доску и заинтересовался... но тот факт, что она оставила доску здесь, а не на кухне (одновременно оставив дверь незапертой и, может быть, на самом деле даже и не попытавшись его разбудить) – ясный знак, что она не желает от него никаких вопросов. И, если он таковые и задаст, осмысленных ответов не будет.

Николай еще раз взглянул на фигуры. У белого короля существовал лишь один способ спастись, но этот способ не предусмотрен шахматными правилами. Покинуть доску. Вернуться в свою Москву и написать проходную статью о погибающем моногороде. Не самую плохую, кстати, статью – сочной фактуры у него уже достаточно – но и без каких-либо сенсационных откровений. На которые он, впрочем, и не рассчитывал, когда ехал сюда...

Нет уж, дудки. Еще не хватало ему руководствоваться страхами восьмидесятилетней старухи, никогда не работавшей никем серьезнее смотрительницы провинциального музея с парой посетителей в день. Если она додумалась зашифровать свою мысль в виде шахматной задачи, это еще не значит...

А может, и не сама додумалась. Может, ей подсказали. Ну тем более. Он не даст себя запугать и не отступит.

А сейчас надо, наконец, позавтракать.

Возиться с духовкой он не стал и съел сырники холодными, хотя давно остывавший чайник пришлось, конечно, греть заново. Он уже заканчивал трапезу, когда его мобильник зазвонил. Это была Светлана.

– Вы просили позвонить после похорон...

Николай торопливо дожевал и сглотнул:

– Да, спасибо. Все уже кончилось?

– А что там тянуть. Привезли, закопали. Речей не было, – произнесла она с издевкой. –

Перед этим только в церкви отпевание было...

– Славеста, разумеется, не было.

– Нет.

– Но вы ему сказали?

– Да, вчера, по телефону.

– И что он?

– Буркнул что-то в духе «вот злонравия достойные плоды». На прямой вопрос, придет ли он, изобразил удивление – мол, а он-то тут при чем.

– Он разве не знает, что вы знаете?

– Думаю, знает, но предпочитает делать вид, что нет.

– Ясно. А кто вообще был на похоронах?

– Никого, кроме меня и бабушки.

– Косоротов, значит, не участвовал.

– А ему-то с какой стати.

– Ну, в общем, конечно, да...

– Он вообще сегодня празднует, – неприязненно продолжала Светлана. – У шалавы его день рожденья.

– В будний день? Она же, как я понимаю, работает.

– Ну да, для всех она типа как в воскресенье отмечать будет, а он сегодня к ней вечером поедет. Точнее, не к ней, ему кто-то из «вервольфов» ключ от квартиры оставил... как мальчишке-студенту, блин...

– Он с вами делится такими подробностями? – усмехнулся Николай.

– Слышала, как он по телефону говорил, – призналась Светлана не без смущения. – Точнее, не я... Женя слышал. Вот ведь, еще ребенок во всю эту грязь втягивается...

– Значит, это *он* с вами делится такими подробностями, – констатировал Николай.

– Ну... он же переживает... сами понимаете, распад семьи больше всего бьет по детям...

Интересно, откуда у Жени такой тонкий слух, подумал вдруг Селиванов. Сам он, например, ничего не слышал, когда Михаил ушел говорить по телефону в другую комнату. И уж тем более не смог бы, даже, скажем, подкравшись под дверь, расслышать не только косоротовские реплики, но и ответы абонента – а Женя, похоже, слышал разговор целиком... Вероятно, Михаил говорил не по мобильному, а по стационарному, а мальчик снял параллельную трубку – хотя в этом случае подслушивающий выдает себя щелчком... Впрочем, это все неважно.

– Ой, я так устала от всего этого, – продолжала Светлана. – Похороны эти еще... хорошо хоть это уже позади. Так хочется уже наконец отдохнуть, расслабиться... хоть на какое-то время...

Так, подумал Николай, не иначе, еще одно приглашение. И на сей раз с намеком, что «без обязательств». Но чужую грязь мы при этом осуждаем, да.

– Сочувствую, – сказал он вслух. – Если бы я жил в вашем городе, я бы, наверно, вообще повесился. Но ведь вас никто здесь силой не держит.

– Ой, да куда я денусь... да еще с ребенком...

– Ну, дело ваше, – сухо ответил Селиванов, не желая в очередной раз затевать бесполезный спор. – Тогда приберитесь в квартире, смените прическу или купите новую сумочку. По крайней мере, такие советы дает ведущая женской рубрики в нашей газете.

Ответа не последовало, но на том конце линии чувствовалась невысказанная обида.

– Ну ладно, спасибо, что позвонили, – прервал паузу Николай. – Если захотите рассказать еще что-нибудь интересное...

– Интересное для вас? Где уж нам, в нашей дыре... Я вас, небось, от дел отвлекаю?

– Ну, в принципе, я действительно собираюсь совершить один деловой звонок.

– Тогда до свиданья.

Николай выбрал из меню номер Славеста.

– Нам нужно встретиться, – сказал он. – У меня есть для вас кое-что весьма важное.

– Вы достали то, что я просил? – холодно осведомился голос в трубке.

– Я все объясню вам при встрече.

– Хорошо, – ответил Славест, помедлив. – Через час в парке в беседке.

– Нет, – отрезал Селиванов, на сей раз совершенно не намеренный встретиться в глухом уединенном месте, – в сквере, где мы виделись в прошлый раз.

– Мне не так удобно туда добираться, – возразил Славест.

– Ничего, – осклабился Николай, – в прошлый раз ведь добрались. Да и вообще, это рядом с вашим бывшим местом работы.

– Молодой человек, если вы хотите, чтобы я оказал вам услугу... – голос старика возмущенно задрезжал.

– Эта встреча куда более в ваших интересах, чем в моих, – оборвал его Селиванов. – Я могу предложить свою информацию и кое-кому другому.

– Вряд ли она заинтересует кого-то еще.

– Заинтересует, уж будьте уверены, – зловеще посулил Николай.

– Ну хорошо, – произнес Славест после паузы. – Через час в сквере у памятника Ленину. Но сейчас идет дождь, а там даже негде укрыться.

– Вот-вот, – не удержался Николай, – памятников-то вы понастроили, а самых элементарных бытовых удобств... Ну ничего, возьмете зонтик. Не вы ли мне недавно хвастались, что совершаете свой моцион в любую погоду?

– Если вы намерены говорить со мной в таком тоне...

– Хорошо, хорошо, – сдал назад Селиванов. – Не будем препираться, от этого никто из нас не выиграет. До встречи через час.

Выходя на крыльцо, Николай столкнулся с возвращавшейся Алевтиной Федоровной. Она степенно поприветствовала его и спросила, вернется ли он к ужину. Селиванов заверил, что вернется гораздо раньше; при этом он пристально всматривался в ее глаза, надеясь уловить какой-нибудь намек, но перед ним было все то же лицо обыкновенной старушки, озабоченной исключительно мелкими бытовыми хлопотами. Вернувшейся откуда-нибудь из булочной, а не с похорон – и уж точно не раскрывавшей накануне никаких темных тайн личного прошлого и тем более не придумывавшей никаких шахматных ребусов.

Хотя Сашка в очередной раз не подвел – да и времени в запасе было более чем достаточно – Николай специально подъехал к скверу с опозданием почти на десять минут. Ему хотелось заставить Славеста понервничать. На сей раз он прошел к памятнику не со стороны комбината, а тем же путем, каким в прошлый раз пришла Марина – сзади, по тропинке через кусты – но старика под Лениным не обнаружил. Неужели тот опоздал еще больше? Или, напротив, не стал ждать и в раздражении ушел, не попытавшись даже перезвонить? Нет, вряд ли... Николай засунув руки в карманы, обошел вокруг памятника. Скверик был абсолютно пуст, что в такую погоду выглядело совершенно закономерным; лишь блестели мокрые скамейки и пузырились под морозящим дождем лужи. Считается, что дождь с пузырями – это надолго; Николай никогда не знал, суеверие это или научный факт и если последнее, то каково его физическое обоснование. Впрочем, для того, чтобы предсказать затяжную непогоду в Красноленинске, не требовалось быть ни физиком, ни гадалкой...

Когда он уже почти завершил круг вокруг памятника, в кармане у Николая ожил мобильник.

– Селиванов, – это был Славест, – я вас вижу. Знаете ларек с тремя красными зонтами? Я жду вас там.

– Где шаурма? – не вдохновился Николай. Теперь, поглядев не в сторону памятника, а в противоположном направлении, он и впрямь различил за окружающим площадью нестриженным кустарником упомянутые зонты и тощую фигуру под самым дальним из них. – Нам там не помешают поговорить без помех?

– Некому тут мешать, – брюзгливо ответил Славест.

– Ладно, иду.

Подойдя к ларьку, еще накануне торговавшему шаурмой, Селиванов и впрямь обнаружил,

что железные ставни закрыты, и на них висит замок. Теперь этот киоск ничем не отличался от остальных – разве что замок еще не успел заржаветь.

– Что это они – закрылись? – Николай кивнул на киоск.

– Да, видать, прикрыли паразитов, – ответил старик тоном одновременно неприязненным и удовлетворенным.

– Кто?

– Я почему знаю? Санэпидстанция, наверное. А может, миграционная служба. Давно пора было прихлопнуть этот рассадник отравы и антисанитарии.

Угу, подумал Николай. Видать, деньги на взятки инспекторам кончились. Или конкуренты больше сунули. Хотя какие тут конкуренты... не с кем тут конкурировать...

– Но вы ведь меня сюда не шаурму есть позвали, – колючим тоном напомнил Славест.

– Разумеется, – Николай повернулся и шагнул к нему. Старик стоял, нахохлившись, натянув старомодную шляпу почти до бровей и упиравшись локтями в мокрый круглый столик. Сквозь худую материю красного зонта у него над головой время от времени падали крупные капли, разбиваясь на столике на множество мелких брызг. Селиванов пристроился с противоположной стороны столика.

– Вы принесли бумагу, о которой я говорил? – требовательно произнес Славест.

– Нет.

– В таком случае, чего ради вы отнимаете мое время?! – возмутился старик, делая демонстративное движение уйти. Слишком демонстративное, пожалуй.

– Вы не были на похоронах вашего сына, Славест Владиславович, – спокойно произнес Николай, умышленно употребляя подлинное отчество.

– Я говорил с Валерием по телефону только сегодня утром, – холодно ответил Славест.

Стало быть, у него есть и законный сын, понял Николай. И – сюрприз, сюрприз – даже с нормальным именем. Хотя, возможно, тот назван в честь какого-нибудь Чкалова...

– Переигрываете, Славест Владиславович, – ласково улыбнулся Селиванов. – Вы прекрасно знаете, о ком я говорю. О Петьке Шибздики, вашем сыне от вашей сестры Марии Безруковой. О человеке, которого вы убили.

– Что вы себе...

– Вот не надо этого фальшивого возмущения! – резко перебил Николай. – Как не надо было фальшивого спокойствия. Пожалейте свое и мое время. Впрочем, если вы настаиваете, я готов рассказать вам то, что вы и сами прекрасно знаете...

– Я не намерен выслушивать этот бред!

– Хорошо, – пожал плечами Селиванов, – тогда его выслушают в милиции. Какими бы продажными они у вас тут ни были, записать в отчетность раскрытое убийство не откажутся. Тем более, я хорошо знаком с лейтенантом Сысоевым... Санкция на эксгумацию будет получена быстро, хотя, скорее всего, даже и это не понадобится – хватит тех данных судмедэкспертизы, что уже есть в деле. Челюсть вашего Джульбарса подойдет к горлу жертвы, как ключ к замку. Следы крови в вашем доме и вашей машине, как бы тщательно вы от них ни избавлялись, с помощью современного криминалистического арсенала также не слишком сложно будет отыскать... Так что, мне звонить Сысоеву? Я могу сделать это прямо сейчас, чтобы он направил наряд к вам домой и не позволил вам избавиться от собаки. Что, впрочем, тоже служило бы косвенным признанием вины...

Худая щека Славеста дернулась, но он ничего не сказал.

– Я даже могу рассказать вам кое-что, чего вы не знаете, – удовлетворенно добавил Николай. – Начало этой истории. В понедельник вечером ваш сын заявился к своей бабушке, чтобы поживиться ее пенсией, как делал уже не в первый раз. Но на этот раз он нарвался на

меня и был вышвырнут несолоно хлебавши. После этого он решил добыть недостающие деньги у своего отца. Полагаю, ранее вы уже предупреждали его в доступной для него форме, чтобы он даже не думал об этом. Но он был пьян, зол и глуп, и решил, что справится со стариком. Когда он заявился к вам, вы натравили на него собаку.

Старик продолжал молчать, и Селиванов демонстративно достал мобильник.

– Сысоев... – пробормотал Николай, скроллируя список на экране. – Вы, может быть, думаете, что я ничего не выиграю, если позвоню? – вновь соизволил он заметить Славеста. – Ну, кроме морального удовлетворения, какое испытывает каждый законопослушный гражданин, помогающий разоблачить преступника, конечно. Ошибаетесь. Я получу превосходный сюжет. Отец затравил собакой сына, рожденного от инцеста, и скормил его другим псам – вы же сами понимаете, бульварная газета, каковой вы считаете мою, мимо такого пройти не может! Итак... – палец Николая лег на кнопку вызова.

– Это была самооборона, – глухо произнес, наконец, Славест. – И вообще, Джульбарс сам на него бросился. Я тут не виноват.

– Вы виноваты, как минимум, в сокрытии улики, – жестко возразил Николай. – Вы обязаны были вызвать «скорую» и милицию, а не везти тело – или в первый момент он был еще жив? – на заброшенную стройку и не выбрасывать его собакам. И в свете подобного поведения вам будет весьма трудно отбиться от обвинения в умышленном убийстве. На презумпцию невиновности я бы на вашем месте не рассчитывал. Только не в российских судах – и уж вы это знаете получше моего. Не могу сказать, что смерть Петьки наполняет меня скорбью, но...

– Чего вы хотите? – перебил Славест.

– Вы знаете, чего я хочу. Пропуск во внутренний круг.

– Я назначал за него другую цену.

– Боюсь, с нашего прошлого разговора условия поменялись. Впрочем, я вам еще тогда сказал, что не могу выкрасть этот ваш донос у Васильчикова, и предложить ему взамен мне тоже нечего. А вот вам я могу предложить спокойную старость вместо тюрьмы.

– Не можете, – отрезал Славест. – И запугать меня тоже не можете. Я уже больше ничего не боюсь.

– В самом деле? – иронично приподнял бровь Николай.

– У меня рак, – произнес старик. – Врачи дают мне четыре месяца.

– Вот как, – вырвалось у Селиванова. К такому повороту он не был готов. Лишь теперь он понял, почему у Славеста такой изможденный вид. – Тем не менее, – не растерялся он, – даже и в этом случае вам будет не слишком приятно окончить жизнь в тюремной больнице.

– Я должен узнать, кто донес на... моего отца, – упрямо произнес Славест.

– В этом я ничем не могу вам помочь, – твердо ответил Николай. Если прежде он еще сомневался, то теперь окончательно уверился – этот старик, которому уже нечего терять, способен на что угодно. Включая убийство, и может быть даже не самой старухи, а – если следовать принципу «око за око» буквально – кого-то из ее родни. К Светлане он относился явно лучше, чем к Петьке, но кто знает, что там переклинит в его мозгу, когда он узнает правду. Особенно если этот мозг уже поражен метастазами...

– Я и сам могу засадить вас за шантаж, – сказал вдруг Славест.

– Помилуйте, какой шантаж? Я, в отличие от вас, не прячу и не уничтожаю никаких вещдоков. И свидетельских показаний не утаиваю. У меня всего лишь имеется гипотеза, которой я вправе распоряжаться по своему усмотрению. Поделиться ей с моим приятелем лейтенантом или нет. Мне ведь надо о чем-то писать. И лично я бы предпочел написать о комбинате, а не о вас. Но если вы настаиваете на обратном...

Славест, не говоря ни слова, вдруг полез во внутренний карман плаща, и Николая ужалил

мгновенный испуг: что, если он достанет пистолет? Какой-нибудь наградной «маузер»... хотя Славест не настолько стар, но все равно... Этот скверик в двух шагах от комбината и улиц, по которым, пусть и не сплошным потоком, ехали машины, внезапно показался Селиванову вовсе не таким безопасным местом, как он думал, когда назначал встречу здесь. Машины где-то там, за сплошной стеной заброшенных ларьков, а здесь вокруг – ни души.. тем более если Славест и в самом деле возомнил, что теперь ему можно все...

Но прежде, чем эти мысли Николая успели оформиться в какое-либо действие, рука старика вынырнула из-под плаща. Никакого оружия в ней не было. Только небольшой прямоугольник бумаги скверного качества.

– Вот, – сказал Славест.

Николай взял тонкий листок. Это был такой же временный пропуск, как и тот, по которому он уже проходил на комбинат, только полоска поверху была не синей, а черной. Его имя было вписано синей ручкой аккуратными печатными буквами.

– И это все? – недоверчиво спросил Селиванов. – Я думал, пропуска во внутренний круг... ну, более солидные, что ли. Может, даже с фотографией и отпечатком пальца.

– Нет. Все разовые пропуска однотипные. Синяя полоска – внешний круг. Красная – средний. Черная – внутренний.

– Выглядит так, словно вы просто отксерили стандартный бланк для внешнего круга, – продолжал сомневаться Николай, вертя бумажку в руках.

– Там печать.

– Ну, допустим, не ксерокс, а цветной принтер – хотя и изготовить такую печать не особо сложно... И почему я получаю это из ваших рук, а не в бюро пропусков, как в прошлый раз?

– Не нравится, можете не брать, – огрызнулся Славест. – Это то, что вы просили. Других разовых пропусков на комбинате нет, уж извините.

– Хорошо, хорошо. Но вы ведь понимаете, что если меня с этой бумажкой завернут на проходной, я всегда могу таки позвонить Сысоеву?

– Не завернут. Будьте на проходной сегодня в 11:30. Не опаздывайте.

– Но ведь сейчас уже... вы что, имеете в виду 23:30?

– Именно.

– Комбинат работает по ночам?

– Он работает круглосуточно.

– Да? Сейчас он, кажется, скорее простаивает круглосуточно... Ну ладно, а дальше куда?

– Вам покажут.

– Вы ведь не надеетесь, – криво усмехнулся Николай, – что охранник расстреляет меня прямо на входе? (На миг эта картина – выстрелы в совершенно пустом по ночному времени помещении проходной, или в коридоре в спину – живо представилась воображению Селиванова, но он ее отмел. Все-таки государственное предприятие, а не бандитский притон...) На всякий случай хочу предупредить, что мой главный редактор знает, куда я иду.

– Не расстреляет, – серьезно ответил Славест. – Вам, либералам, всюду расстрелы мерещатся.

– Вы, коммунисты, дали нам для этого достаточно оснований, – не удержался Николай и снова приблизил бумажку к глазам, пытаясь высмотреть какой-нибудь подвох. – Вот интересно мне, кто из действующих сотрудников комбината столь охотно выполняет просьбы пенсионера? Тем более *такие* просьбы – пустить постороннего в святая святых... Уж точно не Червяк, я полагаю.

– Вы получили то, что хотели, – повторил Славест. – Теперь прощайте. Разговор с вами мне... обременителен.

Николаю впервые пришло в голову, что натянутое выражение на лице Славеста может объясняться не только личной и идеологической неприязнью, но и физической болью. Впрочем, никакой жалости и сочувствия к этому типу он все равно не испытывал.

– Прощайте, – кивнул Селиванов, оставаясь на месте. Первым поворачиваться к Славесту спиной ему все же не хотелось.

Старик побрел прочь под дождем по проходу между закрытыми киосками. Николай провожал его взглядом, пока он не скрылся за углом последнего из ларьков. Можно было, в принципе, проследить, на какой машине он уедет, но зачем? Если и впрямь придется обращаться в милицию, то той хорошо известно, какой автомобиль зарегистрирован на гражданина Карлова. И отпечатки протекторов снимут, если что, и сличат с теми, что должны были обнаружить недалеко от тела...

Интересно, прикончит ли теперь Славест Джульбарса, чтобы избавиться от главной улики? По-хорошему, это следовало сделать сразу – подозрительность подозрительностью, но без прямых доказательств... хотя о его родстве с Петькой мало кто знал... Надо полагать, старик все же привязан к псу. Вопрос лишь, насколько. У совка была собака, он ее любил, она съела кусок сына, он ее убил... Впрочем, скорее всего, разоблачать его все же не понадобится. Чем больше Николай об этом думал, тем более приходил к выводу, что пропуск действующий. Славест подготовил его заранее, еще не зная, что его ждет обвинение в убийстве; конечно, если бы речь шла лишь об обмене доноса на пропуск, Карлов мог бы смошенничать – ведь покарать его потом было бы проблематично. Но он не отказался от своего плана, узнав, что обстоятельства поменялись... И то, что он сообщил о своей болезни, пожалуй, объясняло ту легкость, с какой он согласился пожертвовать государственным секретом ради частного. На пороге смерти – отнюдь не плакатной и не героической – для него, наверное, личное действительно стало важнее идеологической шелухи. И вполне возможно, что пса на Петьку он все же спустил не только и не столько в порядке самозащиты, сколько желая под конец исправить зло, принесенное им в мир. Возможно – и даже вероятно – что он сознательно пустил его в квартиру с этой целью...

Николай тщательно спрятал пропуск в глубине внутреннего кармана, а затем пошел обратно – туда, где скучал у бровки в своей колыхаге Сашка.

– Домой, – барским тоном бросил Селиванов.

– В Москву, что ли? – ослабился водила.

– Пока что на Ударников, – ответил Николай не расположенным к шуткам голосом. – И ты понадобишься мне сегодня ночью.

– Да я ж не баба, – Сашка, наоборот, явно пребывал в хохмаческом настроении.

– Я тебе плачу не за плоские шутки, – произнес Селиванов уже с явным раздражением. – В 23:00 будь у моего дома.

– Куда поедем? – осведомился Сашка.

Николай хотел честно ответить, но интуиция в последний миг заставила его удержаться.

– Там узнаешь, – только и сказал он.

– Ну хоть не загород? Бензина-то хватит? А то тут ночью х... где заправишься...

– Нет, все в пределах города.

– А обратно когда?

– Там видно будет.

– Поди туда, не знаю куда... – проворчал Сашка. – Ладно, хозяин – барин. Только за ночные сверхурочные добавить бы надо.

– Получишь двойную плату, успокойся.

Сашка удовлетворенно замолк.

По дороге Николай думал, чем заняться до вечера. Вполне возможно, что это его последний день в Красноленинске. Последний шанс осмотреть то, что он еще не видел... Но что здесь еще смотреть? Пресловутую тюрьму? Стадион «Трудовые резервы»? Краеведческий музей с виселицей и диорамой – который, кстати, по будням все равно закрыт? Местные питейные заведения? Нет уж, пожалуй, он сыт здешними достопримечательностями по горло... Имело бы смысл лично пообщаться с «вервольфами», но тут он допустил ошибку, предупредив Косоротова, который оказался вовсе не невинной жертвой чужой интриги. Что именно тот рассказал своим, неизвестно, но теперь к «вервольфам» лучше не соваться... Так что, пожалуй, он останется дома в компании ноутбука. Чертовски хотелось выйти в интернет и проверить почту и новости, он ведь уже почти неделю не был в интернете... Напроситься, что ли, к Светлане, чтобы пустила его попользоваться гостиничным? Хотя она ведь сейчас не на работе, у нее отгул из-за похорон... Да ладно, еще денек можно и потерпеть.

Хотя, с другой стороны, еще не факт, что он уедет отсюда завтра. Вполне возможно, что то, что он увидит во внутреннем круге, станет не завершением, а лишь началом большого расследования... Главред ему, кстати, так и не перезвонил. Хотя – чего перезванивать, пока нет конкретного результата. Ну и хорошо, что не звонит. Николай, как всякий идейный одиночка, не любил, когда ему лезут под руку с руководящими указаниями, особенно – на решающем этапе.

Сашка остановил машину возле безруковской избы.

– До вечера точно не понадобится? – уточнил он. – А то, если у нас сегодня ночная смена, мне хоть выспаться надо.

– Высыпайся, – милостиво разрешил Селиванов и выбрался под дождь. Как этот город еще не смыло к черту при такой погоде...

Самому ему отсыпаться впрок не требовалось, так как он вообще редко ложился спать раньше двух-трех часов ночи и не думал, что его экскурсия затянется дольше. Он в очередной раз пополнил и отредактировал свои записи, затем посмотрел последний оставшийся на ноутбуке фильм (ничего особенного, но спецэффекты неплохие), затем не спеша съел очередную курицу с картошкой. Бабка во время ужина хранила молчание, и Николай решил дать ей знать, что все же получил ее предупреждение.

– Алевтина Федоровна, мне Женя говорил, что вы в шахматы играете – это правда?

– Играла когда-то в молодости...

– Так, может, вспомним молодость? А то мне тут, сами понимаете, не с кем...

Старуха сперва отнекивалась, но дала себя уговорить. Поначалу она бодро разыграла классическую испанскую партию, затем на ровном месте зевнула ладью и сдалась. Николай благородно предложил ей переходить, но старуха отмахнулась: «Да ладно, баловство это все. У меня все равно сериал скоро.» Никаких новых намеков с ее стороны так и не последовало.

Когда Селиванов вставал из-за стола, зазвонил его мобильник. Николай поспешно вытащил телефон, шагая в свою комнату, но это был не кто-то из красноленинцев и не главред. Это был звонок, которого он ожидал меньше всего – от его собственной матери.

– Да, мам. У тебя что-то случилось?

– Нет, Коленка, ничего не случилось. Просто не звонишь давно, вот, решила проведать...

– Ну ты ж понимаешь, я работаю, – ответил Николай, чувствуя все же укол совести – во время этой командировки по вечерам у него свободного времени хватало. Уж вместо очередной партии в Minesweeper определенно можно было позвонить родителям. Правда, это обычно приводило к разговорам, затягивавшимся куда дольше, чем партия в Minesweeper, во время которых Николай начинал скучать.

– Занят сейчас?

– Вот как раз сейчас – нет. Думаю, к понедельнику уже вернусь в Москву. А у вас там

точно все в порядке? Что-то у тебя голос какой-то...

– Да нет, с нами-то что случится. Живем тут, как два старых крота... За тебя вот, Коленька, сердце беспокойно. Все-таки работа у тебя опасная, а ты еще и не звонишь.

– Да чего там опасного, – усмехнулся Николай, – чай, не спецназовец.

– Ну все-таки, каким большим людям дорогу переходишь. В нашей ведь стране, сам знаешь... Вот и по последней твоей статье опровержение вышло. В суд-то не подадут теперь на тебя?

– Пусть попробуют, – осклабился Николай. – Им же дороже выйдет. В их интересах сейчас замять эту историю как можно скорее... – и, наверное, отсутствие иска к газете было частью соглашения с главредом, подумал он.

– Хотя суд – это еще не самое страшное, что у нас может случиться, – продолжала мать. – Ты бы поаккуратнее все-таки писал. Холодова вон убили, и Листьева тоже... типун мне на язык, конечно...

– Мама, я все знаю про Холодова и Листьева, – раздраженно откликнулся Селиванов. «И про других убитых журналистов, дела которых получили меньший резонанс в СМИ», – добавил он про себя. – А в ДТП у нас каждый год погибает 35 тысяч человек, больше, чем за всю афганскую войну – так что теперь, на улицу не выходить? А сейчас я вообще сижу в жуткой провинциальной дыре, где уж точно никакие краденые миллиарды не крутятся – ты бы видела эту нищету и убожество... Это будет, наверное, самая скучная из моих статей, – уверенно врал он, – так что не волнуйся.

Мать, конечно, ответила, что постарается, но материнское сердце не волноваться не может (заставив его в очередной раз поморщиться от этого пафосного выражения), после чего общение сползло в неизменный разговор о пустяках, который всегда вызывал у Николая скуку и который он не знал, как прервать, чтобы не обидеть. Все-таки звонил он действительно редко, а навещал родителей еще реже.

Наконец ему удалось завершить беседу. Он посмотрел на индикатор и поставил мобильник на подзарядку. И в тот же миг в его окно постучали.

Удивленный Николай подошел к окну, запоздало подумав, что его силуэт в освещенном проеме является прекрасной мишенью, и раздернул занавески. На него, озаренное светом из комнаты, смотрело бледное лицо, в котором он даже не сразу узнал Светлану. Он попытался открыть окно, но рама, не открывавшаяся, похоже, годами, захрясла намертво. Женщина делала ему какие-то округлые знаки рукой, потом приложила палец к губам, и Селиванов понял, что она просит его выйти на улицу, но ничего не говорить старухе.

Все более недоумевая, он повиновался. Свет на кухне был уже погашен, и из-за двери спальни хозяйки доносились приглушенные телевизионные голоса. Николай набросил куртку и вышел на крыльцо. Холодный ветер тут же швырнул в лицо мелкую морось.

– Слава богу, вы дома! – Светлана кинулась к нему и буквально вцепилась в его запястья, но в следующий миг испуганно разжала пальцы. – Я звонила, но не могла дозвониться...

– Что случилось? – спросил Николай, чувствуя, что на сей раз ситуация гораздо хуже, чем когда ее вызвали для опознания трупа Петьки.

– Идемте в мою машину... – она потащила его к припаркованному «жигуленку». Что ж, разговаривать там было, бесспорно, удобнее, чем на ветру под дождем. Николай забрался на переднее пассажирское сиденье и по привычке со всей силы хлопнул дверцей, лишь в следующий миг со смущением вспомнив, что это не сашкина «Волга». Но Светлана, кажется, даже не заметила столь неделикатного обращения со своей машиной

– Они похитили Женю, – сообщила она, глядя на него полубезумным взглядом, в котором сочетались страх и мольба.

Так, подумал Николай. Вот только этого именно сейчас мне и не хватало. Хотя напрямую, вроде как, это происшествие его не касается...

– Кто – они? – спросил он вслух.

– Откуда мне знать? Они не представились!

– Тихо, тихо. Я понимаю, что призывы успокоиться вы сейчас не воспринимаете, но давайте все-таки рассуждать разумно. Вы уверены, что это не блеф и не чья-то, скажем, шутка? Знаете, бывают такие пранкстеры, которые звонят по телефону и...

– Они дали мне поговорить с ним. Это точно был его голос.

– Знаете, Светлана, иногда подростки способны на очень злые шутки. Или даже не совсем шутки. Особенно в неблагополучных семьях. Это может быть такой способ привлечь к себе внимание. Может, даже надежда, что общая беда вновь соединит вас с Михаилом. Кажется, я даже рассказ такой читал...

– Да вы дослушайте! Вы хотите сказать, что это он сам все разыграл? Вы бы слышали его голос, вы бы так не говорили! Мальчик реально перепуган до ужаса!

– Я думаю, что в первую очередь до ужаса перепугались вы, а потому ваша способность адекватно оценивать услышанное... Есть ведь и еще вариант – вы знаете, что в большинстве случаев похищения детей виновником оказывается разведенный супруг? Где, кстати, Михаил? Вы ему звонили?

– Да дослушайте, говорю же вам! Он не берет трубку... но он всегда отключает телефон, когда уединяется со своей шалавой... но это не он, он тут ни при чем! Он бы не стал разыгрывать такой спектакль, все-таки не настолько он негодяй... и главное, не стал бы выдвигать такое требование!

– И что же он, то есть они, потребовали? Как я понимаю, это не деньги?

– Чтобы вы уехали из города. Сегодня же. Иначе они убьют Женю, – она снова посмотрела на него глазами, полными мольбы.

– Так, – произнес Николай на сей раз вслух. – И почему, в таком случае, они не связались непосредственно со мной?

– Откуда мне знать?! Может, думают, что вы бы их послали. Или что стали бы звонить в милицию.

– А вы, конечно, не стали.

– Они убьют Женю, если я... или вы... или кто угодно заявит в милицию!

– Это то, что первым делом говорят все похитители. В большинстве случаев это блеф.

– Знаете, мне нет дела до большинства, мне конкретно мой сын живым нужен! Это, может, в Америке вашей блеф. А с нашей милицией... да они через пять минут уже все знают будут!

С резонностью последнего аргумента Николай вынужден был согласиться.

– Ну допустим. А с чего они возомнили, что я действительно их не пошлю, как, между прочим, всегда делаю и с теми, кто пытается меня купить, и с теми, кто запугать? Женя мне все-таки совершенно чужой ребенок. Равно как и с вами меня, строго говоря, ничто не связывает. Если они возомнили обратное...

– Пусть чужой! Пусть не связывает! И что – его жизнь не стоит какой-то статьи? Вы будете спокойно жить, зная, что ради очередной колонки в газете, о которой все забудут уже через несколько дней, обрекли на мучительную смерть двенадцатилетнего мальчика?

– На мучительную, значит.

– Они сказали, что... – голос Светланы задрожал, слезы побежали по щекам, и она не закончила фразу, вытирая их пальцами. Некоторое время она сидела, закрыв лицо руками, затем достала платок. – Извините, – сказала она, немного совладав с собой.

– Так что – они требуют, чтобы я вообще ничего не писал? Но это же абсурд. У меня командировка, у меня задание, я не могу просто так...

– Нет. Пишите. Уезжайте прямо сейчас и пишите обычную статью, что вот, есть такой город, там упадок и разруха из-за того, что не работает комбинат, и все жители надеются, что скоро он заработает в полную силу. Это ведь правда, в общем-то... Ну, и все. Ничего, кроме этого. Когда они прочитают эту статью, то отпустят Женю.

– Светлана, не хочу вас огорчать... в смысле, еще больше, но похитители крайне редко отпускают таких больших детей. Тем более, таких сообразительных, как Женя. Ведь он может их описать. Даже если они были в масках – голос, рост, походка, мало ли какие еще особые приметы... Именно поэтому всегда рекомендуется обращаться в полицию. Договориться с вымогателями полюбовно не получится. Жертва нужна им живой лишь до тех пор, пока они не получат выкуп.

– Что же по-вашему, – агрессивно спросила Светлана, – его в любом случае убьют?

– Увы, это весьма вероятно, если не освободить его силой. Но я, сами понимаете, сделать это не могу, а милиции вы не доверяете... Хотя...

– Что «хотя»?!

– Я подозреваю, что за этим похищением стоит «Вервольф». Я кое-что о них узнал, что они категорически не хотели бы видеть опубликованным. И вашего... бывшего мужа я бы все же не сбрасывал со счетов, ибо он тоже в этом замешан.

– Он никогда не причинит вреда Жене! Что угодно, но не это!

– Да – если именно он контролирует ситуацию, а в этом я не уверен. Его могли использовать, чтобы забрать мальчика после школы, а потом... Он думает, что способен управлять Вовкой, но Вовка, как я понимаю, сожрет любого старого друга, не поморщившись. Кстати, вы зафиксировали номер, с которого звонили похитители?

– Да. С мобильного Жени.

– Хм, логично. Но тут плюс в том, что, в отличие от денежного выкупа, в случае достижения договоренности остается возможность наказать их за нечестную игру. Если статья выйдет, а мальчика не отпустят, я всегда могу опубликовать другой вариант. Правда, я не понимаю, что помешает мне сделать это, даже если Женю отпустят...

– Наверное, за это время они сделают что-то, после чего ваши разоблачения не будут им страшны.

– Или главного я все же еще не узнал, и поэтому им важнее всего удалить меня из города. В сущности, пока что у меня действительно имеются только слова и гипотезы, но никаких доказательств. И вполне возможно, что это все же не «Вервольф» – уж больно подозрительно совпадает это требование немедленно уехать с... той информацией, которую я должен получить сегодня ночью. К байкерам она отношения не имеет. К тому же ваш мент Сысоев делал мне недвусмысленные намеки на сей счет еще до того, как я что-то узнал о клубе...

– Слушайте, нет времени сидеть и рассуждать! Они убьют Женю, вы понимаете? Поезд на Москву отходит в 21:15, стоянка, между прочим, две минуты! Если мы опоздаем... Надо ехать сейчас!

– Светлана, мне очень жаль, что так случилось с вашим сыном, но они ошиблись в своих расчетах. Я не собираюсь никуда...

– Я уже купила вам билет до Москвы! – горячо перебила женщина, словно это все меняло. Словно бумажка с пропечатанным в ней именем и номером рейса, которую она протягивала сейчас Николаю, была объективной данностью, с которой не может спорить субъективная воля.

– Билет? – насторожился Селиванов. – Вы же не знаете мои паспортные данные.

– Знаю.
– Откуда? Ах, ну да, конечно, – сообразил он. – Гостиница.
– Возьмите, – она настойчиво совала ему узкий и длинный бумажный прямоугольник. – Денег не надо.

– Светлана, я уже сказал – я никогда не уступаю вымогателям.
– А ваша последняя статья? – агрессивно напомнила она. – Ваша газета напечатала опровержение и извинения!

«Все-то уже знают об этом опровержении», – неприязненно подумал Николай. Хотя, конечно, неудивительно... после такой громкой публикации и обещания еще более громкого продолжения...

– Это было не мое решение. Главного редактора, – сказал он вслух. – Я бы боролся до конца.

– Дайте мне телефон вашего главного! – потребовала Светлана. – Я позвоню ему и убежу, чтоб он дал вам команду уехать! Нет, – тут же осеклась она прежде, чем он успел возразить. – Они сказали – я никому не должна говорить. Кроме вас.

Он по-прежнему не проявлял желания взять билет, и она сунула бумажку в карман его куртки.

– Слушайте, – воскликнула она, вновь хватая его за руки, – я сделаю все, что вы скажете. То есть абсолютно все. Приеду потом к вам, куда прикажете... Только сейчас уезжайте!

– На что это такое вы намекаете? – нахмурился Николай, брезгливо высвобождая руки.

– Я... простите, я, должно быть, сама не понимаю, что несу... но ради спасения сына я действительно готова на что угодно. Только от меня сейчас мало что зависит. А зависит от вас, жить ему или умереть. Вы понимаете?

– Удивительно, что они не велели вам просто зарезать меня, – усмехнулся Николай. – Вы бы и это исполнили? А может, они так и велели, если не удастся уговорить меня миром, а?

– Нет, – ответила она, опустив голову. – Я не знаю, что у них еще в запасе. Но Женю они наверняка убьют. И... я тоже этого не переживу. Я знаю, вы не такой бесчувственный, как пытаетесь казаться. Подумайте, как вы будете жить, когда на вашей совести будет сразу две смерти!

– Не на моей, – жестко возразил Николай. – На совести похитителей и убийц.

– Но и на вашей тоже! Сами же говорите – у вас только гипотезы! А если они не подтвердятся? И уже ничего нельзя будет вернуть, как бы вам ни хотелось!

– Если бы мои гипотезы были чепухой, меня бы не пытались остановить такими средствами.

– Все равно. Может быть, все не так, как вы думаете... или как они думают... Вы ничего не можете знать наверняка – кроме того, что Женя погибнет! Слушайте, мы тут сидим и спорим, а времени уже совсем нет! Если вы не успеете на этот поезд... В конце концов, вы можете снова приехать сюда когда-нибудь потом, но сейчас – уезжайте! Ради всего святого... ради вашей собственной матери... я умоляю вас, едьте на вокзал!

Да, подумал Николай, они все просчитали. Им не нужно громкое дело с гибелью или исчезновением известного на всю страну журналиста в Красноленинске, поэтому они действуют через никому не известного мальчишку. И они совершенно не оставили мне времени на спокойный анализ ситуации...

– А вы-то о чем думали? – накинулся он на Светлану. – Ваш сын не пришел из школы днем, похитители позвонили только вечером, и вас ничего не волновало?

– Он прислал SMS, чтоб я не волновалась... то есть, видимо, не он, как я теперь понимаю...

– Могли бы перезвонить ему!

– Ой, дети в этом возрасте так не любят опеки родителей... особенно если им звонят, когда они с друзьями... мол, мама звонит, как маленькому... Я еще радовалась, дура, что он наконец завел друзей – у него ведь никогда не было друзей...

Да, подумал Николай, проклятие умного мальчика. Особенно в таком месте, как это.

– Но поехали же, поехали! – крикнула Светлана. – Задавайте свои вопросы по дороге!

– Ладно, – решил Селиванов. Когда не знаешь, что предпринять, следует, если возможно, избегать необратимых последствий. В конце концов, в принципе сюда еще и впрямь можно вернуться... они, конечно, лучше подготовятся, спрячут нужные концы в воду, но и он уже будет знать, насколько все серьезно... – Я только заберу вещи.

– Только не говорите бабушке! – запоздало крикнула Светлана, когда он уже выбирался из машины.

– Разумеется.

На то, чтобы свернуть ноутбук и покинуть в сумку другие вещи, у него ушло не больше двух минут (лишь в последний миг он вспомнил про мобильник, заряжавшийся на подоконнике). Старуха по-прежнему смотрела телевизор, хотя не могла не слышать его топот в коридоре. Все же следовало сообщить ей, что постоялец съезжает. Николай коротко стукнул в дверь, затем просунул в комнату голову:

– Алевтина Федоровна, меня срочно вызвали в Москву. Так что уезжаю прямо сейчас, спешу на поезд. Вот ваш ключ.

– Ну, хорошо, – ответила старуха, на минуту отворачиваясь от экрана, но не пытаясь подняться, – у нас тут город скучный, тем более для такого блестящего молодого человека. Уж я удивлялась, что вы тут так долго выдержали... Доброго пути. Ключ на комод положите, пожалуйста. Да, вон туда.

Еще минуту спустя он запрыгнул в машину (двигатель уже работал), и «жигуленок» сорвался с места, взвизгнув шинами по мокрому асфальту, словно за рулем сидела не скромная женщина за тридцать, а безбашенный стритрейсер.

– Не гоните так, – сказал Николай, посмотрев на часы. – Успеем.

– Да у нас расписание – плюс-минус километр... Поезда когда опаздывают, а когда и раньше приходят. И уходят тоже.

– Если мы на такой скорости влетим колесом в какую-нибудь яму...

– Не влетим. Я тут все ямы знаю.

– Да у вас тут в любой момент новые могут образоваться...

– Вот еще что, – сказала Светлана, игнорируя последнюю реплику. – Когда отъедете от Красноленинска, позвоните своему главному редактору. Скажите, что возвращаетесь, и что, мол, тут ничего интересного.

– Значит, они прослушивают мой телефон, – констатировал Николай. В принципе, перехват мобильной связи действительно технически не столь уж сложен... или ему все-таки умудрились встроить жучок в сам аппарат? Он все больше сомневался, что за всем этим стоит «Вервольф». – Я его зарядить не успел, – сказал он вслух, – но на короткий разговор хватит. Но вы тоже должны мне кое-что обещать.

– Все, что угодно! – повторила Светлана.

– Если Женю отпустят, увезите его отсюда. Немедленно и навсегда.

– Да, разумеется. Я уже сама это решила. Только бы отпустили...

Они не влетели в яму. Вместо этого в зеркале заднего вида заметались мигалки милицейской машины.

– Черт, – пробормотал Николай, – говорил же, не надо гнать!

– Может, это не за нами, – ответила сквозь зубы Светлана, лихо сворачивая с улицы Ударников. Снова завизжали шины, машину вынесло левыми колесами на встречу, но, к счастью, в лоб им никто не ехал.

Но этот маневр не помог. Спустя несколько секунд огни милицейского автомобиля вновь появились сзади и, исключая уже всякие сомнения, глухой мегафонный голос рявкнул: «Жигули 3-12, остановитесь!»

Светлана включила аварийку и еще сильнее вдавила педаль акселератора. Милиция в ответ врубила сирену.

– Что вы делаете?! – воскликнул Николай. – Нас же за неподчинение обоих положат мордой в асфальт, тогда я точно никуда не уеду!

– Пусть догонят сначала... у них такой же «жигуль»...

– Уж на вокзале в любом случае догонят! Я не собираюсь бегать от милиции! Остановитесь и заплатите им... сколько там у вас положено, чтобы не терять время на протоколы...

– Поздно! Теперь уже взяткой за превышение не отделаешься... будут разводить насчет лишения прав и машину досматривать... а у меня столько денег нет! Прорвемся! Я вас прямо у входа высажу, а там сразу на поезд!

Непрерывно библикая, она обогнала по встречной одну за другой три машины, еле разминувшись с ползшим навстречу автобусом. Но, едва Николай перевел дух, впереди показался светофор. Желтый свет сменился красным, но Светлана, не прекращая сигналить, явно не собиралась тормозить.

– Стойте! – закричал Николай, хватая ее за руку. – Вы нас убьете!

Из-за угла на перекресток выкатился грузовик с длинным прицепом. Светлана, наконец, поняла, что не проскочит, и отчаянно вдавила тормоз. С визгом и вонью горелой резины «жигуль» заскользил навстречу катастрофе. Шансов остановиться до пересекающей улицы уже не было.

К счастью, сирена и мигалки преследователей привлекли внимание водителя грузовика, и он тоже стал тормозить, а затем – отворачивать влево. Грязный раздолбанный «москвич», ехавший ему навстречу, успел остановиться в метре до столкновения. «Жигуль» Светланы пересек стоп-линию, вылетел на полосу, откуда только что свернул грузовик (его прицеп все еще пересекал ее наискосок, но кабина, отвернувшая на встречную полосу, успела освободить место) – и, наконец, встал в самом центре перекрестка, левым углом бампера чуть-чуть не достав кабину грузовика, а правым – «москвич».

-F-fuck! – выдохнул Селиванов. Водители двух других автомобилей, очевидно, выражали свое мнение более популярными в России словами, хотя сквозь стекла и вой сирены их не было слышно. Светлана обреченно сдала с перекрестка назад. Милицейская машина остановилась слева; сирена смолкла со стонущим звуком.

– Сейчас начнется, – вздохнул Николай, заранее доставая журналистское удостоверение. – Руки на капот и так далее...

«А может, оно и к лучшему», – подумал он про себя. «Я сделал, что мог, и не моя вина, что я не успею на поезд. С ментами разберусь быстро и еще успею на комбинат!»

– Только не говорите им про Женю, – быстро произнесла Светлана, крутя ручку, опускающую стекло. – Я заплачу, сколько надо! – крикнула она. – Но человеку очень нужно успеть на поезд, это буквально вопрос жизни и смерти!

– Не сомневаюсь, – послышался в ответ голос лейтенанта Сысоева. – Выходите из машины, гражданин Безрукова. И вы, Николай Анатольевич, тоже.

«Оп-па, – подумал Николай, поняв, что уверенность по поводу быстрого решения

проблем с ментами была преждевременной. – Так за нами вовсе не из-за превышения скорости гонятся...»

Он выбрался наружу, держа руки на виду (в правой – раскрытое удостоверение, хотя, очевидно, смысла в нем уже не было). Светлана, в свою очередь, вылезла через левую дверь. Заламывать ей руки и бросать лицом на капот или на асфальт никто не стал; Сысоев просто стоял и смотрел на нее с усмешкой Глеба Жеглова, наконец отловившего Кольку Сапрыкина. Сзади, перекрывая теоретический путь для бегства, подошел и встал сержант Пучков – а может, Дубинин. Николая пока что никто не блокировал – третий милиционер остался за рулем машины.

– Уехать, значит, из города торопитесь, – с издевательским сочувствием произнес Сысоев, глядя на женщину. – Так торопитесь, что прямо голливудскую погоню устраивать приходится.

– Не я, – проникновенно сказала Светлана. – Это Николаю... господину Селиванову очень нужно. У него... в Москве близкий родственник при смерти. Если он опоздает на поезд, то не успеет проститься!

– Это, конечно, печально, – покивал Сысоев. – И с кем же случилось несчастье, Николай Анатольевич?

Николаю отчаянно не хотелось врать, и уж тем более не хотелось говорить, что умирает его мать или отец. Он не был суеверен, но все равно как-то это... тем более, не так уж трудно проверить... Он промычал что-то неопределенное и добавил: «Вообще, это мое личное дело.»

– Личное, значит. Настолько личное, что посторонняя – или не совсем? – женщина готова ради него разбиться в лепешку в самом буквальном смысле, не говоря уже про лишение водительского удостоверения... А скажите, когда вы в последний раз видели Косоротова Михаила Константиновича? Это уже не личное дело?

– Вчера ближе к вечеру, – честно ответил Николай, начиная понимать.

– А вы, Светлана Алексеевна?

– Сегодня утром. Что случилось?

– Случилось то, что ваш супруг, с которым вы, как нам известно, в последнее время не ладили, и его любовница гражданка Ермолаева сегодня вечером обнаружены мертвыми на частной квартире одного из знакомых Косоротова. Владелец квартиры уже дал показания, что уезжал за город и оставил Косоротову ключ для интимного свидания. У него железное алиби.

– Господи... – выдохнула Светлана, прижимая пальцы ко рту.

– Что-то в последнее время вокруг вас образуется многовато покойников, – продолжал Сысоев, даже не пытаясь изобразить соболезнование. – И вокруг вас, Николай Анатольевич, вообще-то, тоже.

– Ну уж мне-то нет никакого резона его убивать! – возмутился Селиванов. – И Светлане тоже. Вы бы лучше занялись клубом «Вервольф»...

– Ну как это, – перебил лейтенант, – разом избавиться и от неверного мужа, и от его любовницы, и от всех проблем, связанных с разделом имущества и ребенка... самый прямой резон. Хотя я по-прежнему не думаю, что она просила о помощи вас... но знакомых вы заводите неосторожно.

– Какая причина смерти? – требовательно спросил Николай.

– Экспертиза покажет... предварительно – отравление некачественным алкоголем.

– Вот! – воскликнул Селиванов. – Я же говорю вам, это «Вервольф»! Конкретно – Владимир Крутов и некто Джабир, оба ранее судимые. У них разработана целая операция по захвату алкогольного и наркотического рынка, а Косоротов им был нужен в качестве сакральной жертвы – якобы его убили те, кто контролирует торговлю спиртным в городе сейчас, вот и способ самый подходящий... А Марина Ермолаева знала об этом – собственно от нее узнал и я –

поэтому они убрали сразу обоих. Вчера я предупреждал Косоротова, но он мне не поверил...

Светлана лишь переводила оторопелый взгляд с милиционера на журналиста.

– Это, конечно, любопытная гипотеза – особенно если у вас есть доказательства... – Сысоев выжидательно замолк, и Николай вынужден был признать:

– Прямых нет.

– ...но дело в том, что на бутылке, в которой содержалась отрава, обнаружены отпечатки пальцев гражданки Безруковой.

– Если эта бутылка стояла у нас в баре, я вполне могла ее касаться, – возразила Светлана, сумевшая, наконец, собраться с мыслями. – И вообще, что я, по-вашему, совсем дура? Если бы я хотела кого-то отравить, я бы не догадалась стереть отпечатки?

– Вы удивитесь, о каких элементарных вещах забывают люди в состоянии стресса. А преступление – это всегда стресс, особенно для, так сказать, непрофессионала... К тому же я сомневаюсь, что бутылку дорогого вина, предназначенного в подарок любовнице, ваш покойный супруг хранил в общем семейном баре. Так что, Светлана Алексевна, вам придется поехать с нами.

– А Николай? – воскликнула она, не пытаясь протестовать. – Он ведь точно ни в чем не виноват! Позвольте ему уехать! Вы же сами этого хотели!

– Ничего я такого не хотел, – буркнул Сысоев, явно не желая обсуждать эту тему при сержантах. – Просто говорил, что не имею оснований его задерживать... собственно, и сейчас не имею. Вы свободны, – повернулся он к Селиванову.

– Поезжайте! – Светлана тоже повернулась к Николаю. – Ключ в зажигании! У вас еще есть шанс успеть!

– Не уверен, что найду дорогу до вокзала.

– Тут уже рядом! За этим перекрестком второй поворот налево, и там упретесь в забор, который вдоль путей идет, вдоль него направо! Машину там оставьте, а ключ можете почтой... или хоть выкинуть, у меня дубликат есть!

– Вы уверены, что мне следует уехать? – Николай пристально посмотрел ей в глаза. – Ситуация поменялась, и, возможно, я...

– Нет! Не говорите ничего! Уезжайте! И не пишите об этом! Забудьте про нас!

– Н-ну хорошо, – согласился Селиванов, торопливо обходя машину спереди.

– Э, вы не можете управлять чужим автомобилем без доверенности, – подал вдруг голос Пучков-Дубинин, видя, что Николай садится за руль.

– Какая доверенность? – возмутилась Светлана. – Я – владелица машины! И я официально доверяю ему! При вас!

– Нужен письменный документ... – заупрямился сержант, но Сысоев благодушно перебил его:

– Ладно, не будем формалистами. Езжайте, Николай Анатольевич, только, пожалуйста, без этих гонок «Формула-1». Водительское удостоверение у вас, надеюсь, при себе?

– Да, конечно... – Николай стал шарить во внутреннем кармане.

– Верю. Езжайте.

Как раз зажегся зеленый (грузовик и «москвич», конечно, уже давно разъехались и освободили дорогу), и Николай торопливо газанул с места. Он еще успел увидеть в зеркало, как милиционеры сажают Светлану на заднее сиденье. Надели ли они ей наручники, он в темноте уже не разобрал. На часах было 21:13.

Управлять старым «жигулем» после привычных Николаю иномарок было все равно что бежать в деревянных башмаках вместо удобных кроссовок (особенно раздражала ручная коробка передач), но все же он вспомнил старые навыки – когда-то именно на такой «классике»

он учился водить. Однако чересчур разгоняться не стал – если поезд опоздает, значит, опоздает, если нет – значит нет; он не будет специально медлить, чтобы уж точно не успеть, но и рисковать попасть в аварию не собирается. В немногочисленных поворотах он действительно не запутался и выскочил к зданию вокзала в 21:18. Бросив автомобиль перед входом прямо под знаком «Стоянка запрещена», он пробежал насквозь станционное здание, потратил еще 30 секунд, чтобы выяснить, с какого пути поезд на Москву, выскочил на перрон – поездов не просматривалось, ну да, скорее всего, уже ушел – тем не менее, он взбежал по железным ступенькам на мост, пробежал по верху через два пути и, перескакивая через ступени, чуть ли не ссыпался вниз на третий. Оказавшись у края пустой платформы, посмотрел в сторону столь далекой Москвы, ожидая увидеть сквозь морось дождя красные огоньки удаляющегося поезда. Однако не увидел ничего, кроме синих светофоров. Наверное, уже даже для этого слишком поздно – 21:21, недаром и пассажиров нет ни одного... но, повернув голову в другую сторону, он увидел огни неспешно подползавшего тепловоза, тащившего за собой состав. «Слава стране, где ничто никогда не происходит вовремя», – с усмешкой подумал Николай.

Спустя еще десять минут он сидел один в пустом полутемном купе последнего вагона, с каждым стуком колес удаляясь от Красноленинска.

Вот же блин, думал Николай, все же чертова достоевщина. Все же слезинка ребенка... Хотя не стоит возводить напраслину на Достоевского – того, что приписывают ему ушибленные гуманизмом недоумки, он не писал. В оригинале – не просто «слезинка замученного ребенка», а *неискупленная*. И мнение это не автора – о чем вечно забывают, и не только применительно к Достоевскому – а одного из героев, сошедшего в итоге с ума... Иван Карамазов, правда, полагал, что искупить эту слезинку не может ничто, но на самом деле те самые счастье, гармония и истина, от которых он патетически отказывался, ее-то как раз и искупают. Ибо за все приходится платить, и выбор, на самом деле, не между одним замученным ребенком и всеобщим благоденствием, а между одним замученным ребенком и многими... между замученными впустую и замученными все же для достижения лучшей жизни... Мирозданию плевать на наши представления о добре и справедливости. К примеру, рабство отвратительно, но без него не было бы никакой культуры и цивилизации – ни эллинской, ни романской, ни, соответственно, нашей, происходящей от них. Чтобы Аристотель мог заниматься наукой, Перикл – законотворчеством, а Софокл – писать трагедии, кто-то должен был проводить всю жизнь – жуткую и короткую – в каменоломнях и на плантациях. И нельзя было сказать всем этим мыслителям: нет, вы полдня таскайте камни, а вторые полдня, так и быть, двигайте вперед цивилизацию. Потому что тогда бы они создали не то что вдвое меньше, а и вообще практически ничего – да и каменотесы из них тоже вышли бы хреновые. Цивилизация – это специализация. Сейчас нам не нужны рабы – но достичь того уровня науки и технологий, который это обеспечил, без рабства на определенном этапе было бы невозможно. И так во всем. Каждый шаг вперед, каждое достижение так или иначе оплачены страданиями невинных. Начиная с самых элементарных знаний о том, какие грибы и ягоды можно есть. И, какой бы высокой ни была цена прогресса, цена отказа от него еще выше. Любителям «естественной природной гармонии» следует почаще вспоминать, что самый распространенный итог жизни в природе – быть съеденным живо. Так что жертвы будут в любом случае, и отказываться от них – значит лишь умножать их число...

В дверь коротко постучали и сразу же, не дожидаясь ответа, открыли ее. Вошла проводница. Николай, едва взглянув на нее, молча протянул ей билет.

– Белье будете брать? – спросила она.

Николай мысленно вздрогнул: голос чертовски походил на секретарш Игнатова. Теперь он посмотрел на девушку внимательно. Нет, совсем не похожа... по крайней мере, на ту

последнюю, которую он видел. Круглое лицо, нос пуговкой, немного веснушек... типичная такая деревенская внешность, полная противоположность всякому гламуру. Белобрысые волосы аккуратно убраны под форменную пилотку с крылатым колесом.

– Да, конечно, – ответил он на вопрос и, не удержавшись, добавил: – А вас случайно не Света зовут?

– Нет, – ответила девушка без улыбки, хотя и без той подчеркнутой интонации, которой отшивают пристава. Но свое имя так и не назвала.

– Не подумайте чего, – зачем-то стал оправдываться Николай, – просто вы мне напомнили... одну знакомую.

– Бывает, – сказала девушка все так же серьезно. – Вам чаю принести?

– Да, пожалуйста.

Но все же здесь другая ситуация, вернулся к своим мыслям Николай, когда проводница вышла. Речь не шла ни о счастье человечества, ни даже о пресловутом спасении России (вот же ведь страна, которая вечно дудит о собственном величии и которую, тем не менее, постоянно нужно спасать, словно беспомощного инвалида... причем оба тезиса озвучивают одни и те же люди). Если бы вопрос действительно стоял так – жизнь одного, пусть даже умного и талантливого, ребенка или интересы цивилизации – он не стал бы разводить гуманистические нюни. Но в том-то и дело, что его гипотезы о том, что на комбинате что-то делают с людьми – возможно, лишь с теми, кто там работает, возможно, и не только – пока что не более чем конспирология, звучащая столь же занимательно, сколь и фантастично. А проверить он мог их лишь тогда, когда для Жени будет уже слишком поздно. Будь он уверен, что они верны с вероятностью 99%... ну, пусть даже 90... но он даже вероятность эту оценить не в состоянии. Вообще, мировые сенсации все же – исключительная редкость... типа выигрыша миллиона долларов в лотерею. Кто-то выигрывает, да. Но скорее всего, деятельность комбината носит все же более прозаический характер.

Вернулась не-Света с комплектом постельного белья, пообещала, что чай сейчас будет. Николай расплатился сразу за то и другое и стал заправлять постель. Белье было, разумеется, сырое. Вот интересно, почему в российских поездах всегда сырое белье? Такое впечатление, что его не досушивают до конца по каким-то религиозным соображениям...

Едва он уселся обратно, снова появилась не-Света, на сей раз неся классический железнодорожный стакан в подстаканнике и пакетик, где лежали маленькая дорожная упаковка сахара и почему-то пластмассовая самолетная ложечка. Николай поблагодарил. Правда, времени купить какой-нибудь еды в дорогу у него не было, а вагон-ресторан так поздно, наверное, уже не работает – да и не хотелось ему уже никуда идти... ну ладно, можно и просто попить сладкого чая «без ничего».

Довольствуясь малым, с усмешкой подумал Николай, вновь оставшись в одиночестве. Или оправдываюсь по принципу «зелен виноград»? Никакого, мол, сенсационного расследования все равно бы не получилось... Но ведь он с самого начала не ждал, что получится. Он и оказался-то в этом Красноленинске чисто случайно, потому, что главред решил отправить его во временную ссылку подальше от Москвы... Да, надо же ему позвонить!

Селиванов вытащил мобильник. Уровень сигнала показал последнюю палочку, которая пропала раньше, чем он успел выбрать номер. Ну ладно, в дороге всегда так... Он высыпал сахар в чай, размешал, отпил несколько маленьких глотков (чай был горячий). Снова посмотрел на телефон, на цифры времени. Без четверти десять, поздновато уже, конечно – хотя своим лучшим авторам главред не раз повторял «звоните в любое время». Но подразумевалось – для того, чтобы сообщить о какой-то важной находке, а не об отсутствии таковых... Тем не менее, он должен это сделать. Интересно все же, как они слушают его телефон – извне или через

встроенный жучок, который, конечно, надо потом поискать? Хотя, если он имеет дело с профессионалами, то не факт, что найдет... А может быть – эта мысль понравилась ему еще меньше – слушают его главреда в Москве?

Сигнал, наконец, появился – одна полоска и сразу же за ней вторая – и Николай поспешно нажал кнопку. На сей раз ему ответил не автоответчик.

– Да, Николай.

– Я возвращаюсь в Москву, – сообщил он. – Уже еду в поезде.

– Так скоро?

– Ну, неделя практически... И даже это много. Тут, в общем, особо не о чем писать, как мы с самого начала и думали. Обычная провинциальная дыра, тоска и беспросветность. Статья, конечно, будет – собственно, она уже практически готова – но, как вы и говорили, не для первой полосы. Но, если вы настаиваете, – усмехнулся он, – могу еще несколько дней где-нибудь погулять, не показываясь в редакции.

– Нет, нет, возвращайтесь, раз уж возвращаетесь. Но вы ведь вчера оставляли мне сообщение, что что-то нашли?

– Увы. Не подтвердилось. Слухи, сплетни, городские легенды, но ничего реального.

– Ну ладно... – в голосе главного явственно слышалось неудовольствие, но, в конце концов, что он мог возразить? – В таком случае, жду от вас статью в понедельник. Успеете?

– Да.

– Хорошо. Доброй ночи, Николай.

– Доброй ночи.

Кажется, последнюю фразу он сказал уже в пустоту, ибо связь опять прервалась. Селиванов вытащил из мобильного аккумулятора, затем SIM-карту, тщательно осмотрел аппаратик, но никаких следов чужеродной электроники не обнаружил. Собирая все обратно, задумался – может, не стоит ставить аккумулятор? Впрочем, привычка всегда быть на связи победила. Если они следят за ним через его мобильный, то и так знают, что он в поезде, и деваться ему отсюда, собственно, некуда...

Впрочем, так ли уж некуда? Николай быстро допил уже подостывший чай, затем достал из кармана неиспользованный пропуск. Через полтора часа он мог бы своими глазами увидеть внутренний круг... Собственно, и сейчас еще не поздно. За окнами как раз проплывали огни какого-то полустанка, и Николай подумал, что если прямо сейчас сорвать стоп-кран, выскочить из поезда, найти машину, то он успеет вернуться в Красноленинск к указанному сроку. Собственно, требования похитителей он исполнил – сел в поезд, отзвонился главреду... а аккумулятор можно так вытащить, и о его возвращении в город они не узнают...

Но, пока он это обдумывал, полустанок уже остался позади. Да и, опять-таки, дергать стоп-краны или, тем паче, выпрыгивать на ходу... хватит с него уже на сегодня этой, как выразился Сысоев, голливудщины. Которая на самом деле, конечно, голливудщина – вот ведь тоже совершенно непостижимая русская манера произносить иностранное «х» как «г»... Через некоторое время должна быть станция, где можно вполне цивилизованно сойти. Во всяком случае, по пути сюда за час с чем-то до прибытия в Красноленинск некая остановка была. Учитывая, как неспешно подбирался тогда поезд к самому Красноленинску, на машине, наверное, можно доехать быстрее. Если только в некоем глухом поселке – а ничем иным эта станция быть не могла – удастся найти машину в двенадцатом часу ночи...

Мысль о Сысоеве заставила Николая вновь мысленно вернуться к последней встрече с лейтенантом. Тогда у него опять-таки не было времени все обдумать, а сейчас он замечал в сысоевском рассказе некие странности. Во-первых, милиция сработала на удивление быстро. Вечером нашли трупы – кто и как их, кстати, нашел, если погибшие были в квартире одни, а

хозяин должен был вернуться не раньше следующего дня? – тут же нашли и допросили хозяина и установили его алиби... Впрочем, если за двойным убийством стоит «Вервольф» и хозяин квартиры – один из байкеров, то он мог вернуться пораньше специально. Хотя зачем? Для его алиби было бы надежней приехать только завтра, как он и обещал... Ну это ладно. Заключение об отравлении некачественным алкоголем, пусть и предварительное, тоже дано как-то слишком быстро. Даже если налицо явные признаки отравления – скажем, все заблевано – до вскрытия нельзя сказать, что именно послужило причиной и где содержалась отравка. Едва ли в квартире, где любовники отмечали день рождения, не было никакой еды и питья, кроме этой единственной бутылки. Впрочем, возможен и такой вариант, что кто-то из отравленных успел позвонить в «скорую». Тогда все хорошо объясняется – и скорость, с какой нашли тела, и причина, названная самой жертвой. Правда, Сысоев не сказал про «поступил звонок... прибывшая бригада обнаружила...» – но, с другой стороны, он и не обязан был входить в подробности.

Да, это логично. А вот насчет отпечатков Светланы на бутылке... Прежде всего, откуда в милиции знают, что это ее отпечатки? Она ведь не была ранее под следствием. А больше в России, вроде как, никого не дактилоскопируют. Может быть, каких-нибудь спецназовцев, чтобы в случае чего их можно было опознать, но уж точно не скромных гостиничных работников. Конечно, можно было снять отпечатки с каких-то ее личных вещей, но для этого сначала надо было получить ордер и провести обыск. Опять же – когда успели?

Иное дело – если речь о провокации, подготовленной заранее. И кстати – не мог ли в ней участвовать сам Косоротов? Кому, как ни ему, было проще всего подsunуть жене злосчастную бутылку, а потом передать ее, кому надо... не имея, разумеется, понятия, для чего она будет использована. Ему просто сказали, что так он сможет ее подставить. Ведь мотив, озвученный Сысоевым применительно к Светлане, был и у Михаила. Избавиться от супруги так, чтобы, вопреки практике российских (и не только) судов, ребенка отдали ему, а не матери... Вот только зачем «Вервольфу» подставлять Светлану? Уж она-то им не мешала. Не из-за одной же личной антипатии с Вовкой, хотя, конечно, и такой мотив нельзя исключать... А если не «Вервольфу», то кому?

Вот ведь, подумал Николай, как прыгают мои мысли – от некоего комбината, занимающегося чем-то зловещим уже четыреста лет «в масштабах страны», до банального чисто уголовного убийства в захолустном городишке, последствия которого ощутят на себе разве что местные алкаши и торчки – которым в общем-то все равно, кто именно поможет им быстрее дойти до могилы... Или эти вещи все же как-то связаны? Разве что общей российской безнадегой... И главное – ни о том, ни об этом я все равно не буду писать.

Или все-таки выйти на следующей остановке?

В этом случае, правда, он будет действовать уже без всякого прикрытия. Для всех, включая собственного главреда, столичный журналист Селиванов благополучно уехал из Красноленинска, закончив свою работу там и не найдя никаких сенсаций. И если он теперь пропадет без вести, искать его будут где угодно, только не там...

Обычно угрозы только стимулировали его, но сейчас ему было как-то не по себе. Словно зрителю ужасика, который с удовольствием щекотал себе нервы происходящим, пока ему не предложили шагнуть из зрительного зала на экран. Да и вообще, выходить из поезда, при всей относительности его уюта, в холодную ненастную ночь отчаянно не хотелось. Это мой профессиональный долг, сказал себе Николай. Черт с ним, с «Вервольфом», но в этой истории с комбинатом я должен разобраться до конца... хотя бы для себя лично, даже если не смогу это опубликовать... Но в то же время другой голос, которого он никогда не слышал в своем сознании прежде, твердил: нет, не надо ни в чем разбираться, радуйся, что выбрался из Красноленинска целый и в здравом рассудке, уноси ноги и забудь про это место... забудь, как сказала Светлана...

Что это со мной, сам удивился себе Николай и понял, что к психическому дискомфорту добавляется физический. Кажется, он отсидел себе ногу. Селиванов попытался сменить позу на более удобную и понял, что не чувствует обеих ног. Да что еще за черт?!

Но прежде, чем он попытался массировать бедра, за дверью послышались шаги. В первый миг он подумал, что это проводница пришла забрать стаканы, но тут же понял, что походка совсем не похожа на женскую. Видимо, другой пассажир... но, поскольку никаких остановок от самого Красноленинска не было, это не мог быть кто-то только что севший. Вероятно, кто-то из соседей по вагону направляется в туалет, только и всего... Но дверь открылась без стука, и в купе вошел невысокий пожилой мужчина в расстегнутом пальто и старомодной шляпе; на остреньком носу блеснули очки в массивной оправе.

– Вы? – ошарашенно произнес Николай. – Что все это значит?

– Добрый вечер, Николай Анатольевич, – сказал Аркадий Семенович, усаживаясь напротив него и обстоятельно устраиваясь; шляпу он положил на столик.

– Только не говорите, что оказались в этом поезде случайно, – огрызнулся Селиванов.

– Не собираюсь, – благодушно улыбнулся Васильчиков.

– Так за всем этим стоите вы?

– Ну что значит за всем... я – всего лишь скромный служитель. Хотя и, в некотором роде, не самого низшего уровня.

– А говорили, что простой пенсионер, – криво усмехнулся Николай.

– Ну, Николай Анатольевич, разве вы не знаете, что бывших чекистов не бывает? – ласково попенял ему Васильчиков. – Я, признаться, даже удивлен был вашей доверчивостью. Такой, в некотором роде, искушенный газетный волк...

– Что вы от меня хотите? Я уехал из города и отказался от своего расследования. Что вам еще надо?

– Исполнить вашу мечту, Николай Анатольевич.

– Мечту?

– Ну вы ведь хотели попасть во внутренний круг комбината. При помощи этой бумажки, я полагаю? – Васильчиков поднял со столика все еще лежавший там пропуск. – На самом деле никаких пропусков во внутренний круг не существует... я имею в виду, настоящих пропусков. Но попасть туда, в общем-то, несложно, и эта бумажка годится для этого не хуже, чем любая другая...

– А выйти оттуда... – произнес Николай, начиная понимать.

– А вот это, в некотором роде, проблематично.

– Я, конечно, понимаю, – сказал Селиванов, стараясь говорить спокойно, – что где-то здесь за стенкой ваши люди, помоложе и поздоровее вас. Но им потребуется время, чтобы попасть сюда. Что помешает мне прямо сейчас схватить вас за горло и...

– Попробуйте, – пожал плечами старик, даже не пытаясь тянуться за оружием или подавать какие-то знаки.

Николай напрягся – и понял, что руки не слушаются его точно так же, как и ноги.

– Чай, – догадался он. – Что вы подмешали в чай?!

– О, это очень древний эликсир, – серьезно произнес Васильчиков. – Его использовали еще древнегреческие жрецы во время элевсинских мистерий. Христиане пытками вырвали у них эту тайну, и долгие века она сберегалась при дворе византийских императоров. С Софьей Палеолог рецепт попал на Русь, где был утрачен в период Смутного времени, но вновь обретен при Петре стараниями чернокнижника Якова Брюса... да шучу я, шучу, – широко улыбнулся Аркадий Семенович, – уж простите старика. На самом деле это разработка одного из ведомственных институтов семидесятых годов. Мы, в некотором роде, идем в ногу со временем,

хотя и верны традициям... Хотя там действительно присутствуют эрготоксины, которые, по одной из версий, применялись элевсинскими жрецами... Не вдаваясь в подробности – я сам, признаться, не химик – сейчас кровоснабжение ваших конечностей нарушено, и вы не можете ими пользоваться, и общий тонус также понижен, хотя сознание сохраняет ясность. Эффект этот временный и обратимый, что отвечает нашим обоюдным интересам. Так что, побеседуем мирно, как интеллигентные люди?

– Зачем вам это?

– Да в общем почти что незачем, – развел в стороны пальцы Васильчиков. – В былые времена, когда сырье на комбинат поступало эшелонами, никаких бесед, конечно, не было. Но, во-первых, с умным человеком и поговорить приятно, тем более что это, в некотором роде, последняя возможность, а во-вторых, мне бы все же хотелось добиться от вас добровольного сотрудничества. Это еще более повысит вашу ценность, и без того, по нынешним временам, существенную.

– Сотрудничества? Хотите меня завербовать? – Николай нашел в себе силы презрительно усмехнуться, в то же время думая про себя: сейчас можно соглашаться на что угодно, подписывать любые бумаги, лишь бы вырваться – а уж потом...

– Не в том смысле, о каком вы подумали, – ответил Васильчиков все так же благодушно. – Вам, так или иначе, предстоит послужить России, но будет лучше, если вы сами осознаете необходимость этого.

– России? Это так теперь называется ваше совместное предприятие с «Вервольфом»?

– Вы напрасно иронизируете, Николай Анатольевич. Все, что я... что все мы делаем, делается не ради, в некотором роде, бенефиций, обещанных господином Крутовым, и даже не ради власти конкретных людей, партий или идеологий. Это все, в общем-то, инструменты... Комбинат – то, что сейчас называется комбинатом – существовал, как вы знаете, при всех режимах. Существовал ради России как таковой. И без него ее бы просто не было. Во всяком случае, в ее нынешнем виде.

– А может, лучше бы и не было, а? Вы в таком восторге от нынешнего вида?

– Так ведь нынешний-то упадок порожден как раз тем, что с конца восьмидесятых свернули работу комбината. Не города упадок, Николай Анатольевич. России в целом. Да, я помню вашу позицию... не только лично вашу, а вообще людей ваших взглядов: России, мол, нечем гордиться из-за такого огромного количества жертв в ее истории. А вам никогда не приходило в голову, что все эти жертвы – и на полях войны, и в мирное время – это вовсе не следствие бездарности русских полководцев и какой-то особенной садистской жестокости российских правителей? Что они приносились совершенно сознательно и целенаправленно? Не приходило в голову задуматься над самим значением слова «жертва»?

– Целенаправленное уничтожение лучшей части генофонда с тем, чтобы осталось покорное быдло, которым легко манипулировать? Да, приходило.

– Ох, Николай Анатольевич, все-то вы мыслите современными либеральными стереотипами... хотя, замечу, себя-то вы быдлом не считаете, несмотря на то, что вы тоже, в некотором роде, оставшийся...

– Недоработка, которую вы теперь хотите исправить, не так ли? – ощерился Николай.

– Принесение в жертву лучших – хотя, понятно, не всех и не только их – имеет вполне простой и, если угодно, практический смысл, – продолжал Васильчиков, словно не заметив его реплики. – Видите ли, есть два подхода к достижению любой цели. Один – делать все самостоятельно, полагаясь исключительно на собственные силы. Этим путем идет современная западная цивилизация, и он по-своему достоин уважения, хотя и сопряжен со значительными трудностями – тем более серьезными, чем грандиознее цель. А второй путь – обратиться, в

некотором роде, к специалистам... к тем, чьи силы, способности и возможности значительно превосходят наши. Да, им придется заплатить за услугу, и заплатить дорого... но зато и результат будет таким, который нашими скромными усилиями просто недостижим.

– Только не говорите мне про жидомасонов и мировое правительство, – скривился Селиванов.

– Ну разумеется, Николай Анатольевич, никакого мирового правительства не существует... тут подымай выше. Благодаря чему, по-вашему, ацтеки создали свою великую империю? Сильной армии? Совершенной системе управления? На самом деле то и другое у них было, в общем-то, средненьким. Нет. Ключ к их успеху был иным. Жертвоприношения.

– Господи, – потрясенно выдохнул Николай, – не хотите же вы сказать, что...

– Разумеется, – возвысил голос Васильчиков, не давая себя перебить, – жертвоприношения практиковались и другими народами. Но, как правило, в жертву приносили либо пленных и рабов, захваченных в ходе, в некотором роде, утилитарных конфликтов – по принципу «на тебе, боже, что нам негоже» – либо уж если своих, то в минимальных количествах. А то и вовсе старались отделаться животными и прочими дарами природы... Понятно дело, что подобная скупость не приносила особых плодов. Ацтеки одними из первых поняли, что приносить в жертву нужно своих, причем – массово и регулярно. И придумали шочийаойотль – «цветочные войны», отличавшиеся от всех других войн тем, что принципиально не преследовали никаких утилитарных целей. Ацтеки воевали с ацтеками, следуя определенным церемониальным правилам, с единственной целью – отбора тех, кто будет принесен в жертву...

– Вы... вы сумасшедший! Не можете же вы всерьез верить в ацтекских богов!

– Они не более ацтекские, Николай Анатольевич, чем, скажем, солнце и луна. Разные народы называют их по-разному и связывают с ними разные ритуалы, но на самом деле они общие для всего мира...

– И почему, в таком случае, империю ваших ацтеков, несмотря на все их массовые жертвоприношения, с такой легкостью разбил Кортес, имея всего несколько сотен солдат?

– Тому было несколько причин, – нимало не смутился Васильчиков. – Во-первых, ацтекская система вырождалась. Если первыми жертвами становились герои-добровольцы, то впоследствии в жертву приносили уже не лучших, а худших – именно они попадали в плен в ходе ритуальных войн, а то и вовсе заменяли коренных ацтеков представителями покоренных народов. Во-вторых, ацтекские жрецы поверили ложному пророчеству – откуда оно взялось, судить не берусь, это не моя область – и приняли Кортеса за бога. В-третьих и в-главных – Кортес был испанцем.

– Ну и что?

– Инквизиция, Николай Анатольевич. Современный Запад в гордыне своей пошел по безбожному пути, но так было не всегда. Именно расцвет инквизиции позволил Испании, еще незадолго до этого представлявшей собой жалкие ошметки оккупированных маврами земель, стать ведущей европейской и мировой державой.

– Хотите сказать, что инквизиция тоже...

– Да, была закамуфлированной под «борьбу с еретиками» системой массовых человеческих жертвоприношений. Причем еще более эффективной, чем у ацтеков. Среди ее жертв, конечно, были и просто сумасшедшие, которым мерещились демоны, и жертвы соседских оговоров – хотя, между прочим, обвиняемый мог назвать, кто, по его мнению, мог оговорить его, и если это совпадало с именем доносчика, обвинение снималось – однако значительную часть казненных составляли все же люди, в некотором роде, высшего сорта. Самые умные, смелые, принципиальные и так далее. Правда, всесожжение оказалось в итоге все-таки не самым оптимальным ритуалом. Древнее пролитие крови работает лучше. Иван Грозный

экспериментировал с обеими методиками и установил это еще в XVI веке – но, понятное дело, с западными конкурентами этим открытием не делился. Поэтому на Руси практически не было сожжений...

– Какое отношение Иван Грозный имеет к ацтекам?

– Никакого, разумеется. Мезоамериканская и русская традиция жертвоприношений развивались независимо. И именно благодаря этой традиции – и этой практике – мы стали самой большой страной в мире и победили всех врагов, которых не мог победить ни один другой народ. Кстати говоря, взлету своего могущества при Наполеоне Франция обязана массовым жертвоприношениям во время Великой французской революции. Нет, я не умаляю личных талантов Бонапарта, но, не будь всей этой крови, пролитой на гильотинах, его, вполне возможно, подстрелили бы еще где-нибудь под Тулоном... Но, поскольку сам он массовые казни прекратил, запала хватило ненадолго.

– В России в XIX веке, вообще-то, тоже казнили мало. Даже если считать неоправданно высокие потери в 1812 году жертвоприношением, то потом...

– Это официально, Николай Анатольевич. Вы вот, когда читаете, что сейчас в России каждый год пропадает без вести 70 тысяч человек, думаете об уголовщине, в крайнем случае – о людях, скрывающихся от алиментов и прочих долгов, но вряд ли о жертвоприношении, не так ли?

– Вы хотите сказать, что на самом деле все эти люди...

– Не все, к сожалению, далеко не все. Но довольно многие. В чем вы, однако, правы, так это что во второй половине XIX века количество жертв действительно опасно снизилось. Россия фатально отставала в развитии от Европы и рисковала проиграть мировую гонку, а царский режим сделался слишком мягким, чтобы платить надлежащую цену за наше доминирование. Поэтому потребовалась революция с ее террором, жертвами которого становились опять-таки лучшие, самые ценные... Так называемые репрессии были не побочным эффектом, а целью – но, разумеется, служившей, в свою очередь, более высокой цели. То, что с точки зрения светской, в некотором роде, логики казалось чистым безумием – уничтожить интеллигентов, в преддверии мировой войны уничтожить чуть ли не весь высший комсостав, во время войны миллионными губить собственных солдат, посылая их на минные поля и в лоб на неприступные укрепления – в полной мере себя оправдало. Наша страна не только победила, но и получила контроль над половиной Европы, а затем практически и половиной мира... Да, изначально планы были еще более грандиозными, но надо учесть, что у нас все-таки был очень сильный противник. Нацисты были последней силой на Западе, пытавшейся использовать ту же тактику. Их лагеря смерти с рациональной точки зрения тоже ведь казались полной бессмыслицей... Фактически, это был, в некотором роде, аукцион, какая из сторон предложит большую жертву. Мы выиграли. Нацистов подвел гуманизм.

– Гуманизм?

– Во-первых, они мало того что использовали преимущественно всеожжение, но, главное, они не жгли свои жертвы живыми. Сначала травили газом, а это значительно снижает ценность жертвы. Ну сами посудите, это как сравнивать парное мясо с размороженным... А самое главное – они пожалели своих. Решили откупиться преимущественно евреями. Вот это была их роковая ошибка. В результате, как можно было бы догадаться с самого начала, главный выигрыш от этих жертв получили евреи, а не немцы. Евреи вообще очень хитрый народ... обратите внимание – еще со времен Торы нет более непримиримых борцов с человеческими жертвоприношениями, чем они. Почему? Потому что им не нужны конкуренты. Они даже навязали почти всему миру монотеизм – ведь это чисто семитское изобретение, ни один другой народ, если не брать в расчет безумного фараона Эхнатона, не пришел к такой идее

самостоятельно. Хотя тема жертвоприношения сохранилась и в авраамических религиях, пусть и слегка завуалировано... Да, я понимаю, что вы хотите возразить – сами евреи тоже это исповедуют. Правильно – им не нужно вызывать подозрения у других. Сами они никого в жертву не приносят – ни христианских младенцев, ни своих собственных. Они добиваются того, что за них это делают другие. Обратите внимание – евреев веками преследуют и убивают, а они в результате становятся все сильнее! Немцев они, в некотором роде, развели просто образцово-показательно. Поэтому Израиль нерушимо стоит до сих пор, и двести миллионов арабов ничего не могут с ним поделать, несмотря на всех своих шахидов. Шахиды – это, конечно, хорошо, но их лишь тысячи. Где им перекрыть еврейскую жертву в шесть миллионов...

– Не думаю, что родные погибших в Холокосте с вами бы согласились.

– Ну разумеется, Николай Анатольевич! Понятное дело, что простые люди не имеют об этих тонких материях никакого понятия – ни в Израиле, ни в Германии, ни в России. И понятно, что необходимость массовых жертв выглядит, в некотором роде, жестоко, поэтому посвященным приходится всячески маскировать это от широкой общественности. Но что делать – не мы создали этот мир.

– А кто? Древние боги, которым поклоняется ваша сумасшедшая секта со времен Ивана Грозного?

– Ну помилуйте, Николай Анатольевич, какая же секта, если на этом веками строится вся политика государства Российского? И, между прочим, еще и до Ивана Грозного, он лишь организовал процесс на должном уровне. И обратите внимание – это работает. Практика – лучшая проверка теории, не так ли?

– Угу. Работает. Как у тех же ацтеков. Они верили, что, если не приносить жертвы, перестанет всходить солнце. Они приносили жертвы, солнце всходило. Значит – работает. Проверить, что будет с солнцем, если перестать убивать людей, они не рисковали.

– Но у нас-то как раз есть такие проверки. Вот вы изволите называть меня сумасшедшим, но сами-то постарайтесь судить здраво и непредвзято. Всякий раз в истории России, когда уровень жертв был велик, государство росло и укреплялось. Всякий раз, когда он падал, упадок переживало и государство. В последние пятнадцать лет это особенно наглядно.

– И кому же вы приносите эти жертвы? Кетцалькоатлю? Рюрикову Одину? Перуну и Велесу?

– Вот напрасно вы иронизируете. Я ведь вам уже сказал – не имеет значения, как их называть. Даже разница между политеизмом и монотеизмом, на самом деле, не имеет значения. Я, если угодно, знаю об их природе не больше вашего. И никто не знает. Может быть, это даже не боги... или не бог... в обычном смысле слова. Есть, например, такая радикальная теория, что это, в некотором роде, эгрегор, порожденный коллективным сознанием... или бессознательным... впрочем, я не силен в таких материях. Я всегда занимался более, в некотором роде, практическими задачами.

– Практическими задачами по принесению людей в жертву неизвестно кому или чему?

– Известно чему, Николай Анатольевич. Величию и славе России. Лично мне, как и поколениям моих предков, этого достаточно.

«А мне нет!» – хотел ответить Николай, но понял, что это бесполезно.

– Зачем нужен комбинат? – спросил он. – Ведь жертвы, как я понимаю, можно приносить, где угодно?

– Не совсем так, Николай Анатольевич. Есть места, которые подходят для этого лучше и хуже. Вот Пол Пот, например, вырезал половину населения своей страны – и все впустую: место не то. Правильное соблюдение ритуала, впрочем, тоже значение имеет – вы ведь тоже предпочтете, чтобы вам мясо в ресторане на красивой тарелочке подали, аппетитно

приготовленное, да еще под хорошую музыку, а не просто шматком на пол швырнули... но в плохом месте даже ритуал не поможет. Хотя в полевых условиях, конечно, часто не до церемоний, тут уж только количеством брать... А есть, наоборот, такие места, где связь с... Высшими особенно хорошая. Надо полагать, это и есть их, в некотором роде, рестораны. Вероятно, древнейшее такое место – Стоунхендж, хотя там так давно не проводились жертвоприношения, что сейчас уже всякая Сила иссякла. В Центральной и Южной Америке есть точки... в Африке две, но одна теперь скрыта под песками Сахары, а другая – в центральноафриканских джунглях; местные шаманы ее, конечно, используют, но у них под рукой слишком мало сырья, чтобы добиться сколь-нибудь значимых результатов. Одна из сильнейших точек – в Иерусалиме, именно там стоял в древности еврейский Храм, и именно поэтому этот город всегда был так критически важен. Но, как я уже сказал, позиция евреев в этом вопросе – «сам не ам и другому не дам». Однако самая сильная точка на планете – здесь, в Старороссийске, – Васильчиков назвал город его истинным именем. – Собственно, заслуга Ивана Грозного в том, что он нашел это место... или ему помогли найти. Жертвы-то приносились и до этого, но, в некотором роде, бессистемно... Здесь связь настолько сильна, что проявляется даже на уровне физических феноменов.

– Вечный циклон?

– Да. И неработоспособность техники вблизи самой точки. На периферии – сложной электроники, а в центре, говорят, даже и самый простой мотор работать не будет. Умники наши, из тех, что про эгрегоры рассуждать горазды, называют это электромагнитной аномалией, вызванной проколом между измерениями, а мне кажется, что просто не любят Высшие все эти штуки. Я их, признаться, по-стариковски могу понять – сам грешным делом все эти новомодные машинки недолюбливаю... вроде как и удобнее с ними, а не понимаю я их, и никогда не знаешь, чего от них ждать и что потом с этим делать. А они, Высшие в смысле, уж куда старше меня, для них не то что компьютер – и паровая машина что-то немислимое...

– И во внутреннем круге у вас, стало быть, бойня?

– Вообще-то мы предпочитаем термин «алтарь». Который, собственно, не только благозвучнее, но и точнее. Ведь тут не просто, некоторым образом, тюк и все – тут ритуал соблюсти надо...

– Тяжело вам, наверное, убивать столько людей без всякой механизации, да еще и с соблюдением ритуала, – издевательски посочувствовал Николай.

– Ну, при нынешних объемах-то нет, а вот в прежние времена, когда сырье ежедневно поступало со всей страны вагонами...

– Сырье. Люди, которых вы убиваете, для вас сырье.

– Ну, – смутился Васильчиков, – я понимаю, что вам такие слова слышать неприятно, но это, в некотором роде, профессиональный жаргон... Раз уж комбинат включен в систему народного хозяйства, то и терминология выработалась соответствующая...

– Но всех же не могли везти сюда? Как же погибшие в лагерях, расстрелянные на полигонах, те же солдаты, брошенные на минные поля?

– Ну, разумеется, не всех, Николай Анатольевич, это было, к сожалению, технически невозможно... Потому и возник этот разнобой, когда по косвенным демографическим оценкам времен перестройки получалось, что при советской власти были уничтожены десятки миллионов человек, а когда открыли архивы КГБ – ну, не все, разумеется, архивы – там выходило, что общее число расстрелянных и погибших в лагерях на порядок меньше... Где остальные? А вот где. Понятно, что до эпохи железных дорог и... некоторых конвейерных усовершенствований такие объемы были невозможны... Зато и, в некотором роде, результат...

Николай попытался представить себе этот конвейер смерти – и не смог. Как обычно,

психика воспринимала подобные цифры как что-то абстрактное. «Убийство одного – трагедия, убийство миллионов – статистика...»

– Значит, все это... кровопролитие происходит во внутреннем круге? – сказал он. – А чем тогда занимаются в среднем?

– Средний круг – это разделочные цеха... ох, простите, Николай Анатольевич, опять из меня профессиональный жаргон лезет. На самом деле там никого не разделяют. Просто... изымают, сортируют и приводят в товарный вид личные вещи... поступающих. Точнее, раньше приводили. В те годы сплошного дефицита одежда, обувь и все прочее, не достигшее высокой степени изношенности, снова направлялись в торговую сеть, что было, в общем, неплохим подспорьем для слабой легкой промышленности...

– Так вот что везли на станцию в фанерных ящиках.

– Да, побочная продукция комбината... Но в наше время это признано, в некотором роде, нецелесообразным. Спрос на ношенные вещи слишком упал.

– Но пустые ящики на станцию по-прежнему возят. Чтобы тут же отправить их на свалку.

– В самом деле? Не знал, Николай Анатольевич, честно признаюсь, не знал. Хотя это, в некотором роде, не моя компетенция...

– И все работники среднего круга, конечно, знали, чем они занимаются.

– Ну, как уж тут не знать.

– И весь город... весь город, выстроенный исключительно для обеспечения предприятия по массовому убийству людей... сколько из них в курсе?

– Да почитай что все, Николай Анатольевич. Тут вы верно заметили, что при столь массовом производстве сохранить все в тайне невозможно... тем более за четыре-то с лишним века... Не все, конечно, прямо уж во всех подробностях знают, но кто не видел – тот слышал, кто не слышал – тот догадывается, а кто уж совсем ничего не знает – тот, значит, и не желает знать. Живет, закрыв глаза и заткнув уши и думать себе запрещаю, лишь бы только случайно правду не открыть. Все эти отговорки, мол, нас обманывали, от нас скрывали – они всегда, в некотором роде, в пользу бедных.

В этой констатации Николай увидел шанс для себя.

– Хорошо, – сказал он. – В таком случае, почему бы нам не разойтись с миром? Я не буду ничего писать. Все равно это никто не опубликует. Даже в таблоидах такое сочтут бредом сумасшедшего. А то, что лично я буду знать тайну, которую и так знает целый город, вряд ли что-то изменит.

– Боюсь, Николай Анатольевич, дело здесь не только в сохранении тайны. Вы нужны нам... лично вы. Ситуация с... новыми поступлениями, как вы знаете, сейчас крайне тяжелая. Конечно, всегда можно нахватать, в некотором роде, материал прямо на улицах Красноленинска, но вы же понимаете, что это за публика. Это даже не осетрина второй свежести, и кормить Высших такой, откровенно говоря, тухлятиной не просто малополезно, а как бы даже и не принесло обратный эффект... Иное дело – человек умный, талантливый, принципиальный, смелый и вообще наделенный всякими достоинствами...

– И к тому же пишущий неудобные для власти вещи, – мрачно закончил Николай. – Так это все была ловушка? Меня сюда заманили? Отсутствие номеров в гостинице... Светлана тоже участвовала в вашей спецоперации? И... мой главред тоже?

– Без комментариев, – улыбнулся Васильчиков.

– Чего уж теперь-то скромничать? – огрызнулся Селиванов. – Вы же все равно собираетесь меня убить?

– А вы хотите, чтобы все было, как в пошлых американских боевиках? Прежде, чем убить героя, злодей должен рассказать ему все свои тайны? Хотя я, разумеется, злодеем себя не считаю

и уже объяснил вам, ради чего делаю то, что делаю... Впрочем, хорошо, но я ведь, по правде говоря, и в самом деле занимаю не самую высокую позицию. Что там в Москве решают и кто там на кого работает – это не моего ума дело. Я, в некотором роде, командовал парадом только здесь, в Красноленинске, во исполнение полученной мною сверху директивы... И, если вас это утешит, Светлана Алексеевна получала некоторые указания, но общего плана и конечной цели не знала. Догадываться, конечно, могла, но за это я уже не ответственный... С ней у нас, кстати, небольшой прокол вышел. Я, грешным делом, надеялся, что вы ей ребенка сделаете... хотелось все-таки сохранить ваши гены в русском генофонде...

– В качестве элитной породы мясного скота, да?

– Меня не поставили вовремя в известность о ваших, в некотором роде, асексуальных взглядах, – продолжал Васильчиков, игнорируя реплику Николая. – Не доглядели московские...

– Не в некотором, а в самом буквальном роде! – вновь огрызнулся Селиванов. – Хотя бы этого вы не получите. Мои несуществующие дети вам не достанутся.

Упоминание о детях, однако, навело его на новую мысль, и он спросил:

– А Женя? Его действительно похитили? Или эта... несостоявшаяся артистка просто разыграла спектакль, чтобы имитировать мой отъезд из города?

– Женя, – произнес Васильчиков с видимым удовольствием, – очень способный мальчик. Подменить бутылку – это была, между прочим, его идея... правда, тут он несколько просчитался. Убивать отца он не хотел и полагал, что жертвой станет только любовница одного. Но тут уж покойный Михаил Константинович сам виноват: не нужно было столь упорно создавать у сына впечатление, что он сам не пьет ничего крепче пива. Лицемерие, оно до добра не доводит... Ну а что касается исчезновения Жени, то в некотором роде это, конечно, был спектакль, но главную роль в нем сыграл опять же он сам. Мы не могли полагаться на актерские таланты Светланы Алексеевны, тем более что возникли, признаюсь, некоторые сомнения в ее лояльности... поэтому в то, что он ей рассказал по телефону, она сама свято верила. И, собственно, до сих пор верит.

– И что вы сделаете с ним теперь? – мрачно спросил Николай. – Убьете? Тоже скормите вашим потусторонним монстрам?

– Нет, зачем же? Вы уж какими-то совсем чудовищами нас считаете... Мальчик оказал нам услугу, и даже не одну, и заслужил обещанную ему награду. Он мечтает уехать в Америку, вы ведь знаете? А тут в ближайшем детском доме как раз случилось пренеприятное происшествие. Там был один двенадцатилетний мальчик, Игорек, которого хотели усыновить супруги из Алабамы. Лично они с ним еще не встречались, только обменивались письмами, но процесс развивался, в общем, успешно, и скоро они должны уже приехать, чтобы сперва провести с ним несколько дней здесь, а потом, если все будет в порядке, увезти к себе. Но, к сожалению, сегодня утром Игорька убили прямо в детдоме... забили до смерти. Вероятно, другие завистливые сироты, которым он рассказывал, что скоро уедет в Америку. Сами понимаете, такой скандал никому не нужен, тем более что он приобрел бы уже и международный оттенок... Поэтому Игорька похоронят, точнее, кремируют под видом Жени Косоротова, убитого неизвестными похитителями... скорее всего, связанными с алкогольной торговлей, которой мешал его отец... ну а Женя под видом Игорька уедет в страну своей мечты. Не сомневаюсь, что у него получится сыграть еще одну роль... легендой его уже снабдили, и даже внешнее сходство есть...

– И все это – от вашей большой доброты? – усмехнулся Николай.

– Ну а почему бы не дать ребенку воплотить свою мечту? Тем более, такому талантливому ребенку. Он вырастет, окончит какой-нибудь престижный университет Лиги Плюща, займет видное положение в американском обществе, в политике или бизнесе. При его способностях я в этом не сомневаюсь. Вот тут-то и настанет время напомнить ему, что у

человека, въехавшего в США по подложным документам, могут возникнуть, в некотором роде, проблемы... да плюс еще двойное убийство, пусть и совершенное в несовершеннолетнем возрасте...

– Какие же вы сволочи! – с чувством сказал Селиванов.

– Понимаю ваши чувства, – не обиделся Васильчиков, – но это, в некотором роде, политика. Она всегда делается такими методами, таков уж наш мир.

С этим Николай мог бы поспорить, но понимал, что это бесполезно.

– А Светлана? – спросил он. – Что вы с ней сделаете? Насколько я понимаю, на самом деле никаких ее отпечатков на бутылке нет?

– Ну, есть или нет – это, в общем, будет зависеть от ее поведения... Если она усвоила урок насчет лояльности, то и к ней, в общем, претензий не будет. Подержат в СИЗО, пока Женя не уедет за границу, чтобы уж наверняка никаких помех, и выпустят.

– И она никогда не узнает, что на самом деле он жив.

– Разумеется. Но ведь оно и к лучшему, вам не кажется? Пусть лучше она будет считать своего сына невинной жертвой, чем убийцей.

– Она сказала, что не переживет его смерти.

– Ну... – Васильчиков развел руками с видом «я сделал все, что мог».

– Неужели вы надеялись, что весь этот рассказ заставит меня пойти на заклятие добровольно? – воскликнул Николай, глядя на него, как на какое-то уродливое насекомое-мутанта. – Я обещаю вам всю ненависть и презрение, на какие только способен. Ваши монстры мною подавятся.

– Распоряжаться вашими чувствами я, конечно, не могу, – сокрушенно покачал головой старик, – но напрасно вы так, Николай Анатольевич, право слово, напрасно. Жертва, так или иначе, будет принесена, но добровольная жертва ценнее. Если вы внесете больший вклад, то меньший потребуется от других. То есть тем самым вы спасете чью-то жизнь, возможно, даже не одну...

– Этой демагогией вы меня больше не разведете. Одну жизнь сегодня я уже пожалел... Тем более, вам в свое время и миллионов было мало, не будете никого вы щадить из-за одного человека.

– Ну, в некотором роде... – смущенно пробормотал Васильчиков, – хотя, конечно, на безрыбье... Но, с другой стороны, сейчас и задачи стоят менее грандиозные, чем тогда. О мировой войне речь не идет, по крайней мере – пока.

– Неужели вы не понимаете, как это все бессмысленно?! – воскликнул Николай, вновь глядя на Васильчикова, как на мыслящее существо. – Даже если предположить, что это не природная аномалия, что эти ваши потусторонние кровопийцы действительно существуют и вознаграждают за жертвы... зачем? Что такое эти ваши величие и слава? Вы убиваете людей, чтобы заполучить еще больше территорий, хотя и с имеющимися-то справиться не в состоянии – чтобы вместе с этими территориями получить больше подданных – чтобы было кого приносить в жертву – чтобы получить еще больше территорий? Кому и на кой черт это надо?! Монстрам – понятно, но вам... нам... России, о которой вы якобы печетесь... народу русскому это на кой?!

– Это вам, Николай Анатольевич, у народа спросить бы следовало, – серьезно ответил Васильчиков, – прежде чем за него решать. Народ-то, в отличие от вас, на эти жертвы готов, и все эти столетия на них идет. Пусть не зная конкретного механизма, но идет ведь. И в массе своей чтит тех, кого люди ваших взглядов, не уставая, проклинаят, и наоборот. Значит – нужно это ему. Значит – таков его выбор. А мы – лишь проводники его воли.

– Знаете, я вообще не поклонник Фрейда, – сказал Селиванов, – но он считал, что склонность к гигантизму имеют те, кто комплексует из-за собственных проблем в половой

сфере. Так вот впечатление, что Россия – это страна импотентов. Не только в медицинском смысле.

– Узнаю хлесткий стиль журналиста Селиванова, – улыбнулся Васильчиков, – но, к сожалению, нам придется прервать дискуссию. Сейчас будет станция.

Поезд замедлял ход. Вновь без стука открылась дверь, и в купе вошли двое долговязых типов в одинаковых кепках. Они определенно не были братьями, и все же чрезвычайно походили друг на друга.

– На всякий случай хочу предупредить, что кричать смысла нет, – сказал Васильчиков. – Во-первых, в вагоне нет никого, кроме нас. А во-вторых, даже если бы вас кто-то и услышал, вы ведь не думаете, что он вам поможет?

– Да уж, – скривился Николай, – реакция на крик «Помогите!» в России – это запереться на все замки, забиться в угол и молиться, чтобы пронесло.

– Что, в общем, не лишено оснований, – заметил Васильчиков не столь благодушным тоном, – ибо может и не пронести. Не думаю, что нам кто-то попытается мешать, но если вы вдруг привлечете чье-то внимание, нам придется взять с собой и его... вы ведь этого не хотите?

Кепчатые подхватили Николая под мышки и подняли, затем забросили его руки себе на плечи. Стоять он по-прежнему не мог и бессильно повис между ними. Для тех, кто увидит это издали, если таковые найдутся, картинка будет до тошноты знакомой и обыденной – друзья транспортируют упившегося в стельку товарища...

Взгляд Селиванова упал на оставшийся на столике мобильник. Васильчиков заметил это.

– Это поедет дальше, – любезно пояснил он. – С него даже сделают пару звонков голосом, похожим на ваш. В конце концов его найдут в совершенно другом городе в сотнях километров отсюда. Искать вас в Красноленинске не будет никто.

Николай подумал про разряженный аккумулятор – но, впрочем, едва ли это помешает их планам. Зарядят, как только понадобится. Васильчиков поднял его сумку и повесил себе на плечо – на старике она смотрелась немного комично – затем нахлобучил шляпу и первым вышел из купе. Не получив никакого предостерегающего знака, кепчатые потащили Николая следом.

Коридор был, разумеется, пуст, и Селиванов не сомневался, что насчет пустого вагона ему сказали правду. За окнами медленно проплыл одинокий фонарь. Они оказались в тамбуре как раз в тот момент, когда поезд остановился. Проводницы нигде не было. Васильчиков открыл дверь сам. Снаружи была холодная ночь, пустая и бескрайняя, как Россия.

Николая выволокли на безлюдный перрон, погруженный во мрак практически по всей длине, и потащили к лесенке, спускавшейся с конца платформы. Поскольку вагон был последним – теперь Николай понимал, что это не случайно – это не заняло много времени. Дожда не было, но в воздухе все равно чувствовалась какая-то вечная, не просыхающая сырость. За исключением пары фонарей у обоих концов платформы, нигде не было видно ни единого огня. Это был, очевидно, не город, а какой-то совсем мелкий полустанок; по другую сторону того, что в более солидном месте назвали бы привокзальной площадью, во мраке угадывались беленое здание типа сельмага (а может, и почты), под двускатной крышей и с единственным, ныне закрытым ставнями, окном на фасаде, слева от него – высокий дощатый забор, справа – больше похожий на пустырь двор, где среди куч земли и мусора стоял старый грузовик, еще правее, через улицу – типично деревенские домики, также погруженные во тьму.

Николая поволокли налево, к ожидавшейся на краю «площади» машине. Это была светлая (насколько можно было понять в темноте) «Волга» с забрызганным грязью номером. Прежде, чем впихнуть его на заднее сиденье, кепчатые завели его по-прежнему бессильные руки за спину и защелкнули наручники. Один из них – Николай так и не понял, кто именно – не погнушался при этом снять с него часы.

– Здоров, командир, – весело обернулся к пленнику водитель. – Что ж ты на ночную работу меня вызвал, а сам уехал, не попрощавшись?

– И ты тоже... – устало произнес Николай, с отвращением глядя на довольно лыбящегося Сашку.

– Говорил ведь я тебе – не лезь в это дело, – ответил тот. – Говорил или нет? Ну а теперь уж извиняй. Хотел на комбинат – будет тебе комбинат. Мне что, работа привычная...

– Хреново тебе, видать, хозяева платят, – мстительно заметил Селиванов. – Все мне на жизнь плакался, сотенные выклянчивал.

– Ну а что ж? – не смутился Сашка. – Копеечка к копейке, лишней никогда не бывает... а тебе по-любому уже не понадобится.

– Ладно, поехали, – распорядился Васильчиков, устроившись на правом переднем сиденье.

Машина проехала мимо покосившегося забора, миновала какое-то полуразрушенное двухэтажное здание и выскочила на пустынное ночное шоссе.

– До полуночи успеем? – спросил Васильчиков.

– Чо уж там не успеть, – ответил Сашка, выжимая газ. – Дорога свободная.

– Что, это обязательно делать в полночь? – подал голос Николай.

– Не обязательно, – ответил Васильчиков, – комбинат вообще-то круглосуточно работает, а иначе в лучшие годы у нас бы никакой пропускной способности не хватило... Но в полночь, в некотором роде, эффективнее всего.

– Так она же не сейчас, – усмехнулся Селиванов. – Два часа разницы с астрономическим временем, да еще поправка на точное значение долготы.

– А это не важно, – не смутился Васильчиков. – Важно, во что люди верят, а не что там на самом деле.

– Люди или ваши монстры?

– Я вам уже сказал, – ответил старик с неудовольствием, – я практик. Вопросы сакрального знания не в моей компетенции. Я действую согласно инструкциям.

Значит, не удастся выторговать даже лишние два часа жизни, понял Николай. Конечно, перед смертью не надышишься... но мало ли что может случиться за два часа? На самом деле он все еще не верил, что умрет этой ночью. Если бы его запихали в багажник обычные бандиты, те же байкеры из «Вервольфа», он бы, вероятно, был испуган сильнее. Но вся эта бредятина про столетия человеческих жертвоприношений как основу российской политики... в глубине души ему все еще казалось, что это не может быть всерьез. Что в конце вместо удара ритуальным ножом ему скажут «улыбнитесь – вас снимала скрытая камера» или что-то вроде этого. Он понимал, что это не так, но не мог поверить – и потому его не охватывала паника, лишаящая способности мыслить рационально. Он чувствовал себя скорее как студент, столкнувшийся со сложной задачей на экзамене, чем как приговоренный к смерти. Надо найти способ вырваться. Обязан быть способ.

В его конечностях появилось покалывание, и это был хороший признак. Значит, действие отравы проходит. Успеет ли оно пройти полностью до приезда на комбинат? Хоть бы что-нибудь случилось с машиной, которая так несется в темноте по отвратной, между прочим, российской дороге! Какая-нибудь доска с гвоздями была бы сейчас очень кстати. Или проблема вроде той, что случилась у Сашки в прошлый раз, когда он гнался за байкерами... или это тоже был спектакль? Вообще, та ли эта машина? Мало ли бывает светлых «Волг»... Хлопал ли Васильчиков дверью, когда садился? Николай не мог вспомнить. Сомнительно, конечно, чтобы у гэбни не было денег на приличный автопарк. У ментов – запросто, но не у «эсэсовцев». Почему они не используют нормальную иномарку, понятно – в такой дыре она привлекала бы внимание.

Но вот внутренняя начинка даже у внешне раздолбанного советского драндулета, используемого их агентом, должна быть на высоте. Или все настолько разворачивается, что...?

Хорошо бы, конечно. С ворами всегда можно договориться. Они, само собой, постараются обмануть, но тут уже появляется поле для маневра. Однако Васильчиков даже не намекнул на такую возможность. Он, похоже, и в самом деле идейный, и это хуже всего... Впрочем, если судьбу Селиванова решили в Москве, то тут и коррупция не поможет. Побоятся.

Впрочем, если так, то что и кто в этой стране вообще сможет ему помочь? Даже если сейчас ему удастся сбежать – те, кто не в курсе, сочтут его рассказ бредом, а те, кто в курсе... Ладно. Проблемы надо решать по мере поступления. Каким образом он может вырваться? Он помнил крепкую хватку тех типов, что сидели сейчас слева и справа от него. Даже если он каким-то образом освободится от наручников...

А может, зайти с другой стороны – каким-то образом сделать себя непригодным в качестве жертвы? Обещанные им ненависть и презрение Васильчикова, однако, не особо смутили. Готовность добровольно пойти на заклятие, очевидно, хотя и желательна, но не критична. А превратиться в типичное красноленинское быдло, которое Васильчиков назвал тухлятиной, он не сможет даже при желании. Хотя и желания спасти свою жизнь такой ценой он не испытывал. Да, собственно, это и не было бы спасением – ведь это был бы уже не он. Конечно, если бы можно было потом обратно... но это все пустые мечты. Что еще? Как-то повредить себе физически? В худших традициях низкопробной фэнтези, ага – где девственницу, предназначенную в жертву, спасают, лишая девственности. Героиням подобного убожества почему-то никогда не приходит в голову, что для спасения в этом случае совсем не обязательно ждать Прекрасного Рыцаря – лишиться себя девственности можно и пальцем... Но, понятно, к мужчинам это неприменимо, да и вообще в том ритуале, что поставлен на поток на комбинате, девственность никакой роли не играет... как, вероятно, и любые ушибы-переломы – уж такого у людей, прошедших через российско-советские застенки, хватало... Удариться головой? Нужно ли, чтобы жертва была в сознании? Если нужно, его просто приведут в чувство...

Николай осторожно, чтобы не привлечь внимание охранников, пытался напрягать мышцы то рук, то ног. Его сердце билось, наверное, под сто ударов в минуту, разгоняя по телу насыщенную адреналином кровь, и это было хорошо. Собственно, для таких случаев все эти физиологические механизмы реакции на опасность и существуют... Интересно, а как монстрам этот адреналиновый привкус, не портит аппетит? Когда-то Селиванов читал статью, где утверждалось, что есть мясо скота, испытывавшего стресс перед убоем, вредно как раз по этой причине... Но эти твари – если только они и впрямь существуют – не люди, им, возможно, в этом-то и самый вкус, иначе жертв убивали бы в бессознательном состоянии...

Наконец он понял, что конечности вновь ему повинуются. За окнами была сплошная тьма без каких-либо признаков жилья; и слева, и справа тянулся лес. Или, может быть, только узкая лесополоса, но все равно...

– Мне надо в туалет, – громко заявил Николай.

– Потерпишь, – буркнул тот конвоир, что справа.

– И не подумаю, – огрызнулся Селиванов. – Чего это ради мне терпеть? Если не остановите, обоссую вам тут все сиденье. И вам тоже придется в этом сидеть.

Конечно, его хитрость шита даже не белыми, а фосфоресцирующими нитками, и если они его выведут, то будут готовы, плюс он никогда не занимался единоборствами, а эти типы наверняка тренированные, но все же – один шанс из тысячи лучше, чем ни одного. На его стороне то, что они не хотят убивать его здесь и сейчас, а хотят сделать это «по правилам». Если ему освободят руки, хотя бы одну руку... одного – головой в нос со всей силы, это больно, он на несколько секунд будет выведен из строя, тут же падать на землю, перекатываться на спину и

двумя ногами второму по голеним, там, где кость не прикрыта мышцами... а если его будут держать сзади, то опять же резко ударить головой назад, если хватка не ослабнет – повисая на нем, двумя ногами в грудь или в живот второго, потом бросить первого через себя... а если они не побрезгуют сами расстегивать ему штаны и все такое, тогда – коленом в морду...

– Николай Анатольевич, ну вы же интеллигентный человек, – с укором произнес Васильчиков. – Ведите себя с достоинством. Знаете, по-моему, академик Лихачев говорил, что нельзя притвориться интеллигентом... так вот вообще он был неправ, в обычных условиях – очень даже можно. Но вот достойное поведение перед лицом смерти – это действительно не подделаешь...

Угу, подумал Николай, на это вы нас вечно и ловите. Вы же интеллигент, вы же патриот, вы же здравомыслящий человек, вы же не хотите, чтобы пострадали другие... А вот хер вам, суки! Я не буду играть по вашим правилам, если эти правила нужны для того, чтобы отправить меня на смерть. Именно потому, что я здравомыслящий человек, я буду сражаться за свою единственную неповторимую жизнь зубами и когтями!

– Угу, Лихачев, – осклабился он. – Как это вы его на комбинат не отправили, а? Он ведь уже был в ваших руках.

– Ну, как говорится, нельзя все ломать, надо же на чем-то, в некотором роде, и сидеть... Но неужели вы всерьез верите, что вам удастся вырваться и сбежать? К чему эти лишние хлопоты и... болезненные ощущения?

– Но мне действительно надо в туалет, – буркнул Николай и понял, что это не такая уж неправда.

– Потерпите, осталось всего ничего. Вы сможете сделать это в разделочном цеху.

– Что, прямо в цеху? – криво усмехнулся Селиванов. – На глазах у этих ваших... рабочих?

– А им к такому не привыкать, – спокойно ответил Васильчиков. – Из тех, кого туда доставляют, многие... в некотором роде...

В свете фар появился знак – длинный белый прямоугольник с черными буквами КРАСНОЛЕНИНСК. Проклятье, неужели уже...

Городские улицы в этот поздний час тоже были пусты, и Сашка гнал, почти не снижая скорости, но все же остановился на красный. Николай различил слева длинный бетонный забор вдоль путей и проезд в нем, а справа – улицу, на которую машина свернула полминуты спустя. Тусклая лампочка освещала табличку на углу: «Ул. Мучеников».

– Так вот почему эта улица так называется, – пробормотал Николай.

– Да, именно по ней всегда доставляли... прибывших на комбинат, – подтвердил Васильчиков. – По крайней мере, с тех пор, как построили железную дорогу. Хотя, кажется, и до этого тоже.

Снова начал накрапывать дождь. Сашка включил «дворники». Нассать тебе и впрямь на сиденье, с ненавистью подумал Николай, и нюхай потом, тварь. Но... он и впрямь был для этого слишком хорошо воспитан. Даже такая месть не была ему доступна.

Машина остановилась перед глухими стальными воротами, которые почти сразу же открылись. Видеокамера, да. Хотя – много ли она видит в темноте? Лишь силуэт машины.. А впрочем – если бы вместо ожидаемой «Волги» внутрь попыталась въехать какая-то другая, ее пассажиров, наверное, тоже бы охотно приняли. «Попасть во внутренний круг несложно...»

Машина въехала внутрь и остановилась в каком-то ангаре, тускло освещенном люминесцентными трубками под потолком. Здесь же, очевидно, разгружались грузовики, но сейчас здесь было пусто.

– Пойду накладную отмечу, – сказал Сашка, выбираясь наружу.

Васильчиков обернулся назад:

– Собственно, здесь мы с вами простимся, Николай Анатольевич. Сопровождать вас в средний круг у меня нет необходимости. Вообще-то я и досюда никого раньше не провожал, это разве что в нынешние времена могу себе позволить... Мне искренне жаль, что мы расстаемся при таких обстоятельствах, но это было, в некотором роде, неизбежно...

– Что там? – не выдержал Николай. – Как это будет?

– Ну... не думаю, что вам нужно знать подробности...

– Как будто я их скоро не узнаю!

– Просто к чему раньше времени... Ну хорошо, если вы настаиваете: насколько мне известно, там в центре пятиугольный алтарь из черного мрамора, отделанный золотом. Жертву распинают на золотой пентаграмме, отсекают конечности, а затем голову. И лишь потом – а не сразу, как делали ацтеки – вскрывают грудную клетку и вырывают сердце. Это обеспечивает максимальную отдачу крови.

– А останки потом идут в столовую комбината? – нашел в себе силы усмехнуться Николай. – Или сразу в ларьки с шаурмой?

– Нет, что вы, Николай Анатольевич, – обиделся Васильчиков, – мы же не людоеды! Это вы уж совсем напраслину возводите. По правде говоря, я не знаю, как жрецы утилизируют останки. Я уже говорил, это, в некотором роде, не моя компетенция...

– Вы что, действительно сами никогда не были во внутреннем круге?

– Ни я и никто, кого вы встречали, – строго ответил старик. – Никто, попавший во внутренний круг, уже не может выйти оттуда – вне зависимости от того, в каком качестве он вошел. Он считается посвященным Высшим и остается там навсегда – или как жрец, или как жертва.

На мгновение у Селиванова мелькнула безумная мысль – попросить, чтобы его оставили в качестве жреца. Но он тут же сам ужаснулся этой идее: провести всю оставшуюся жизнь в каком-то жутком подземелье, только и делая, что убивая и расчленяя поступающих по конвейеру людей?! Нет уж, пусть лучше все кончится прямо сейчас!

Хотя, пока человек жив, сохраняется надежда на побег... но сколько уже было тех, кто тщетно на это надеялся? Комбинат стоит уже более четырехсот лет... К тому же жрецов наверняка готовят по специальной программе. А может, удастся подбить их на бунт? Ведь не могут же они не понимать, как ужасна их жизнь! А там, внутри, над ними нет никакого контроля! Если некоторое время создавать армию из приговоренных, а потом пойти на прорыв...

Но ведь и эта идея наверняка приходила в голову множеству неглупых людей, привезенных сюда – и все тоже оказалось тщетно. Вообще, разве могут эти жрецы сохранять здравый рассудок при таком образе жизни? Скорее, это просто безумцы, кровожадные дегенераты, взывать к которым совершенно бессмысленно...

Васильчиков, как видно, устал сидеть вполоборота и заключил:

– Прощайте, Николай Анатольевич. И помните – вы делаете это ради России. Пусть даже мы с вами понимаем ее интересы по-разному.

Конвоиры вытащили Николая из машины. Он попытался изобразить, что ноги его по-прежнему не держат, но ему тут же заломили скованные за спиной руки вверх и ласково поинтересовались: «Сам пойдешь или так тащить?»

– Сам пойду! – вынужден был согласиться Селиванов, кривясь от боли в плечах. Ему тут же позволили принять нормальное вертикальное положение.

В ангаре было холодно, почти как на улице. Откуда-то сверху капала вода. Сашка стоял, согнувшись, возле окошка в левой стене, но Николая повели не туда, а к невысокой двери без опознавательных знаков прямо по курсу. За ней оказался прямой коридор с глухими стенами, уходящий вглубь комбината. Света здесь было еще меньше, чем в ангаре. Под потолком

коридора проходило что-то вроде миниатюрной канатной дороги, только вместо сидений оттуда попарно свешивались на цепях кольца кандалов (каждое – на своей цепи, а не соединенные друг с другом). На мгновение Селиванова освободили от наручников – очевидно, принадлежавших ФСБ, а не комбинату – но воспользоваться этим он не смог, ибо одновременно его шею зажали в удушающий захват. А когда его отпустили, он уже стоял с руками, задранными вверх и пристегнутыми к «канатной дороге». Загудел мотор, и цепь потащила его вперед.

Позади хлопнула дверь – очевидно, кепчатые ушли, не дожидаясь конца транспортировки. Николай был один в этом коридоре без единой двери и окна, но сделать не мог ничего – только идти туда, куда его волокла равнодушная машина. Он понял, что над ним сейчас – кабинеты внешнего круга, где в дневное время самые обыкновенные служащие, преимущественно женщины, стучат на машинках, заполняют ведомости, подшивают к делу те же накладные на доставленное «сырье»... демонстрируют подругам платья и прически, пьют чай с тортом, отмечая разводы и дни рожденья... Слышны ли там крики отсюда? Вряд ли. Скорее всего, здесь хорошая звукоизоляция. А если даже и слышны – это ничего не меняет.

Цепь дотащила его до двустворчатых дверей со щелью посередине; другие – пустые – кандалы бились об эту щель и протискивались внутрь. Николаю ничего не осталось, как продолжать идти вперед и открыть двери собственным телом. Едва он вошел внутрь, механизм остановился.

На сей раз он оказался в коротком и более широком коридорчике, игравшем, вероятно, роль тамбура перед средним кругом. Света здесь было больше. У стены справа стоял человек, и это не был ни охранник, ни узник.

– И вы тоже? – поразился Николай, хотя ему казалось, что он уже исчерпал возможность удивляться.

– Я ведь говорил, что охотно побеседую с вами снова, – ответил отец Никодим. Он был в своем полном облачении, с наперсным крестом, а справа от него на квадратном столике стояла чаша с водой, из которой торчала рукоять кисти.

– Вы, православный священник, участвуете в... языческом ритуале? Для вас же это смертный грех!

– Наши земные перегородки не доходят до бога, – ответил поп. – Не важно, под каким именем – или именами – мы его чтим. Важно лишь хранить веру и верность, ибо верные будут вознаграждены. Христианство ведь, на самом деле, не отменило жертвоприношение – напротив, оно все строится вокруг идеи жертвы, закланной жертвы... И я говорю не только о жертве Христа и таинстве евхаристии. Вспомните – бескровная жертва Каина была отвергнута, когда же он принес жертву кровавую, было сказано – всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. Этот момент обычно неверно интерпретируют...

– Они убили вашу дочь. Вы знаете об этом? Сегодня. Те, кому вы служите, убили Марину, чтобы она не лезла в их делишки!

– Моя дочь согрешила и понесла наказание, – ответил Никодим печально, но спокойно. – Как и я сам. Стремясь отвратить ее от греха, я сам преступил обет, и принимаю свою кару со смирением. Да и кто я такой, чтобы отказываться от жертвоприношения Авраама?

– Вы говорите так, потому что убедили себя в бесполезности сопротивления, – быстро и горячо произнес Николай. – Но это не так! Помогите мне выбраться отсюда, и я вытащу и вас тоже. Я знаю разных больших людей, у меня есть контакты за границей...

– Я не мог бы освободить вас, даже если б хотел, – покачал головой поп. – Чем я, по-вашему, открыл бы эти замки? И как бы отреагировали те, кто уже ждет вас там? – он указал в сторону следующей двери.

Николай не понял, имеет ли он в виду работников комбината или Высших, но ухватился

за первый вопрос, ответ на который внезапно пришел ему в голову:

– Ваш крест – это довольно-таки длинный рычаг. Если перекручивать цепь с его помощью, возможно, хватит сил ее сломать...

– Не кощунствуйте, – строго сказал Никодим. – Повторяю, я здесь не для того, чтобы помочь вам бежать, а для того, чтобы дать вам последнее утешение и шанс примириться с Господом...

– Я утешусь, если меня спасут, и примирюсь с тем, кто это сделает, – желчно ответил Николай.

– Но вас и ожидает спасение, если вы откроете сердце Господу.

Селиванов и раньше слышал такую фразу, но впервые понял, что ее вторая часть может иметь и самый буквальный смысл.

– Нет уж, – ответил он, – я имею в виду спасение, при котором мое сердце останется на месте, и голова тоже. А вы, если вы такой смиренный, что простили им и жену, и дочь – почему бы вам не занять мое место, а? Им же покорные жертвы нравятся больше сопротивляющихся?

– Это было бы грехом самоубийства, – спокойно возразил поп. – Каждый должен служить на том месте, на которое он призван. Признаюсь, в какой-то мере я вам даже завидую. Вам предстоит сослужить великую службу – тем более великую, что сейчас церемоний совершается так мало... вы увидите самый величественный алтарь на свете, заповеданный для простых смертных...

– Алтарь находится в этом вашем храме Жертвоприношения Авраама? – быстро спросил Николай. Он все еще надеялся, что эти сведения как-то ему помогут.

– Да. Храм находится в центре внутреннего круга. Весь комбинат, да и весь город выстроены вокруг него. Это великолепное сооружение... говорят, подобной внутренней отделки нет ни в храме Христа Спасителя, ни даже в римском соборе Святого Петра... Вы отойдете в лучший мир, созерцая божественную красоту...

– Но вы сами там никогда не были.

– Увы мне.

– Просто стоите и тут и благословляете людей на заклание, так? Здесь такое всегда было?

– При советской власти не было. А до революции, конечно, было.

– И держу пари – ни один поп за все время не отправился в итоге туда. Только вздыхал, как он завидует тем, кого тащили мимо него на смерть. А потом шел домой, сытно кушал и трахал попадью.

– Николай, – вздохнул Никодим, – вы поймите, эта ваша желчность и грубость вам уже никак не помогут, скорее наоборот. Ваша участь предрешена, и лучшее, что вы можете сделать – это принять ее с радостью. Для вас лучшее, понимаете? Самое время для вас раскаяться в вашей богоборческой гордыне. Времени, по правде говоря, совсем немного осталось, мы и так столько беседуем лишь потому, что вы здесь сейчас один... а при настоящей загрузке комбината и на одно слово-то каждому времени не находилось, сразу целыми партиями благословляли...

Словно подтверждая его слова, вновь где-то загудел мотор, и цепь под потолком дернулась.

– Идите к дьяволу, святой отец! – сказал Николай с удовольствием. Возможно, это было последнее удовольствие в его жизни.

– Прости ему, ибо не ведает, что творит, – сокрушенно пробормотал поп и потянулся за кистью в чаше.

– И только попробуй брызгать на меня своей минералкой! – рявкнул Николай, которого цепь уже тянула вперед. – Ноги у меня еще свободны, врежу так, что мало не покажется!

На самом деле он едва ли смог бы дотянуться до Никодима – проектировщики этих

туннелей, очевидно, учли такую возможность – но руку от чаши поп все же убрал. Николай смотрел на него, пока мог выворачивать назад голову, уверенный, что под его взглядом Никодим не осмелится кропить или крестить его. А затем цепь втащила его в следующие двери.

Под ногами у него оказалась лента конвейера, пересекающего обширный зал. Слева и справа от конвейера в шахматном порядке стояли рабочие ночной смены – крепкие мужики с тупыми небритыми мордами. В своих условно-белых несвежих халатах и кожаных фартуках поверх они походили на мясников. Разделочный цех, понял Николай. Впрочем, пятен крови нигде видно не было – в этом Васильчиков, очевидно, не соврал. Рабочих было немного, десятка полтора. Ну понятно, при нынешних-то объемах... Если бы не я, им бы, может, вообще всю ночь делать было бы нечего, подумал Селиванов.

– Эй! – крикнул он, цепляясь за последнюю соломинку. – Я знаю, что у вас за жизнь и как мало вам платят! У меня есть деньги! Много денег! Валюта! Если вы дадите мне сбежать, я заплачу вам столько, сколько вам здесь в жизни не заработать!

На самом деле он был не столь уж и богат – на них всех его сбережений определенно бы не хватило – но сейчас годились любые обещания. Однако его призывы пропали впустую. Они вообще никак не показали, что слышат его. Впрочем, когда конвейер, двигавшийся синхронно с цепью над головой, дотащил его до первого из рабочих, тот равнодушным отработанным движением залепил ему рот скотчем. Следующий почти сразу же замкнул кольца кандалов на его лодыжках; по конструкции они были копией ручных, только крепились к ленте конвейера. Затем лента пошла вниз, в то время как верхняя цепь тянулась на прежнем уровне, и Николай беспомощно повис в воздухе, растянутый на четырех цепях за руки и за ноги.

Очередной рабочий снял с него туфли, следующий носки, следующий – брюки (они скользнули по цепям, прошедшим сквозь штанины, и упали на ленту), следующий – трусы. Затем наступил черед верхней половины тела (здесь работники стояли на помосте, чтобы оказаться, в буквальном смысле, на должной высоте). С Николая сняли куртку, подняв ее по цепям вверх и зафиксировав пропущенным через звенья стержнем, дабы не дать ей упасть обратно, затем рубашку (второй стержень, ниже первого), затем футболку. Потом лента вновь стала подниматься, ослабляя натяг, но вовсе не для того, чтобы облегчить положение жертвы. Николай так и не успел коснуться ленты ступнями, ибо его конечности наехали на холодные металлические направляющие в форме расходящегося клина, которые развели его руки и ноги в стороны. Очередные рабочие вставили между его руками и ногами прочные металлические штанги-распорки и привязали к их концам его запястья и лодыжки. В центре верхней из распорок имелось отверстие, сквозь которое пропустили железный крюк – точнее, даже не крюк, а что-то вроде карабина с рычагом сверху – который, в свою очередь, присоединили к верхней цепи. Лишь после этого разомкнули кандалы, и Николай повис на крюке, привязанный за разведенные в стороны руки и с такой же тяжелой штангой между ногами. Веревки вонзились в запястья еще сильнее, чем стальные кольца до этого. Он застонал сквозь скотч и задергался, но это было, разумеется, абсолютно бесполезно и лишь усиливало боль. Конвейер нес его дальше.

Перед новой и, видимо, уже последней дверью в стене – дверью во внутренний круг, которую никто и никогда не проходил в обратном направлении – его ждал последний рабочий, стоявший на помосте. Он прицепил длинный тонкий трос к рычагу карабина. Другой конец троса был намотан на катушку, насаженную на кольцо с каким-то пружинным механизмом, вмурованное в стену; всего таких катушек было около двух дюжин. Очевидно, когда жертва окажется над алтарем, натянувшийся трос должен открыть карабин – после чего катушка смотается, вытягивая трос обратно. Николай мычал и дергался, пытаясь помешать рабочему, но тот спокойно придержал рукой верхнюю штангу и сделал свое дело, как делал его, очевидно, уже множество раз. Интересы и эмоций по поводу этой рутинной операции он проявлял не

больше, чем любой рабочий на любом конвейере.

А затем Николая протащило сквозь дверцы, вновь захлопнувшиеся за его спиной, и он оказался в полной тьме. Здесь снова было холодно и сыро – теперь, лишившись одежды, он чувствовал это особенно отчетливо – но, очевидно, это была не улица, а какой-то туннель. Во мраке слышалось, как поскрипывает цепь, продолжающая нести его вперед. Николай попытался раскачиваться, понимая, сколь несостоятельна надежда сорваться таким образом или хотя бы достать до стены – но должен же он был делать хоть что-то вместо того, чтобы тупо ждать, пока его порежут на куски! Однако прежде, чем он успел набрать сколь-нибудь заметную амплитуду, его снова ударило голым телом о невидимую в темноте холодную дверь, а затем он увидел свет.

Свет, тусклый и неровный, исходил от примерно дюжины факелов, укрепленных по периметру обширного куполообразного помещения без окон. Собственно, это были не столько факелы, сколько этикие вечные огни – по всей видимости, их питал газ, поступающий извне по проложенным сквозь стены трубкам. Цепь, слабо поблескивающая в их свете, тянулась через центр помещения и исчезала в стене на противоположной стороне – но с той стороны не было никакой двери или туннеля, лишь небольшое отверстие для самой цепи. Ни у кого из тех, кого цепь приносила сюда, не было шансов добраться до противоположной стены.

Но не это шокировало Николая больше всего. К этому он уже был готов, как и к виду черного алтаря с желобами для стока крови и каких-нибудь типов в балахонах и клобуках с огромными кривыми ножами. Но никакого алтаря не было. Как и жрецов. Как и фресок, затмевающих своим величием базилику Святого Петра.

Ничего – только голые стены из старого, во многих местах раскрошившегося кирпича, покрытые слизистой плесенью, влажно блестящей в свете газовых горелок. Несколько крупных трещин бороздили свод причудливыми зигзагами. У основания стены обросли чем-то вроде бледно-зеленых соплей. А ниже... ниже не было ничего, кроме бурой зловонной жижи. Храм стоял прямо на болоте.

Николай не мог понять, почему он до сих пор не обрушился – впрочем, трещины, возможно, предвещали, что это еще впереди. И для храма, и для комбината, и для всего города, сердцем и смыслом которого он служил... Были ли здесь когда-то алтарь и жрецы, были ли величественные росписи, осыпавшиеся вместе со штукатуркой, поглотило ли болото все это постепенно? Или же с самого начала здесь не было ничего, кроме бездонной смрадной трясины?

«Эй! – попытался кричать Николай. – Выпустите меня! Здесь ничего нет! Никакого алтаря! Никакого ритуала! Все это впустую! Все, кого вы убиваете – все эти миллионы! – все это напрасно! Посмотрите! Посмотрите и убедитесь сами!»

Но заклеенный рот, конечно, не позволил ему кричать, а если бы он даже и ухитрился как-то отодрать скотч, его бы все равно никто не услышал.

Цепь тащила его к центру помещения, и, задрав голову, он увидел, как натягивается трос. «Нет! – отчаянно подумал Николай. – Нет, только не так! Пусть отрежут голову, пусть вырвут сердце, но я не хочу просто захлебнуться в этой тухлой луже! Ладно бы еще в чистой воде, но только не здесь! Пожалуйста! Не в этом болоте! Бог, дьявол, Высшие, кто угодно! НЕТ!!!»

Карабин щелкнул, раскрываясь, и он полетел вниз.

декабрь 2013 – май 2014